

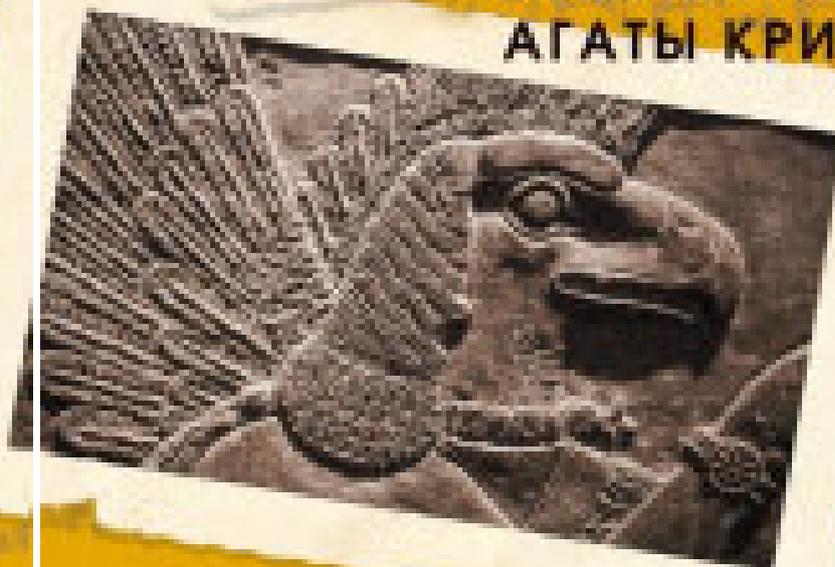
АГАТА
И АРХЕОЛОГ

М А К С М А Л Л О В А Н

МЕМУАРЫ МУЖА
АГАТЫ КРИСТИ

М А К С М А Л Л О В А Н

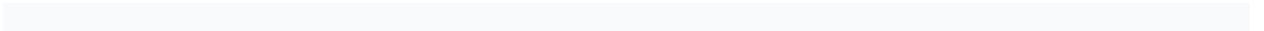

М А К С М А Л Л О В А Н

АГАТА
И АРХЕОЛОГ

Макс Маллован
Агата и археолог
Мемуары мужа Агаты Кристи
М.: Эксмо, 2019

Перевод М. Цюрупы

МАКС МАЛЛОВАН

АГАТА

И АРХЕОЛОГ

МЕМУАРЫ МУЖА
АГАТЫ КРИСТИ

Москва
2019

УДК 821.111.09
ББК 83.3(4Вел)-8
М19

Max Mallowan
MALLOWAN'S MEMOIRS:
AGATHA AND THE ARCHAEOLOGIST

Mallowan's Memoirs © 1977 John Mallowan and Peter Mallowan.
All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE is a registered trademark
of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere.
All rights reserved.

<http://www.agathachristie.com>

В оформлении обложки использованы фотографии: Time Life
Pictures / Pix Inc. / The LIFE Picture Collection / Gettyimages.ru ;
Bettman / Gettyimages.ru

Маллован, Макс.

М19 Агата и археолог : мемуары мужа Агаты Кристи / Макс Маллован ; [пер. с англ. М. Цюрупы]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-100204-6

Брак между Агатой Кристи и Максом Маллованом очень необычен — это союз между самым знаменитым мастером детективного романа и археологом с мировой известностью, чьи находки в Месопотамии стоят в одном ряду с важнейшими открытиями нашего времени.

В довоенные годы Агата Кристи сопровождала Маллована во все экспедиции в Египет и на Ближний Восток. Там она исполняла роль фотографа, документировала и обрабатывала находки. Биография Маллована позволяет увидеть неизвестную сторону жизни всемирно известной писательницы, а также прикоснуться к таинственному миру древних цивилизаций, вдохновивших Агату Кристи на написание романов «Убийство в Месопотамии», «Смерть на Ниле» и многих других.

УДК 821.111.09
ББК 83.3(4Вел)-8

ISBN 978-5-04-100204-6

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Глава 1

В самом начале

Я родился 6 мая 1904 года в Лондоне, в местечке Альберт-мэншнс¹[1], в квартире, выходящей окнами на Бэттерси-парк. Самое раннее, что я помню, — как наша приходящая прислуга взяла меня с собой куда-то в трущобы и там усадила на кухне, возле камина, рядом с ревущим огнём. Компания собралась самая простая, и мужчины были без пиджаков. Добрая и милая женщина, взявшая меня на эту прогулку, носила диккенсовское имя «мисс Петтигрю». Она велела мне ни за что не проговориться матери, где я побывал. Увы, судя по всему, я не мог хранить молчание, и какие-то детали моего восхитительного приключения в конце концов выплыли наружу. К моему огромному огорчению, миссис Петтигрю немедленно уволили за безответственное поведение — такие строгие тогда были нравы. Мой отец Фредерик родился в 1874 году и умер в Лондоне в возрасте восьмидесяти пяти лет. Родом он был из Австрии, а конкретно — из Штирии. У моего деда, имевшего славянское происхождение, которого, как и меня, звали Макс Маллован, была паровая мельница, удостоенная многих наград, в том числе золотой медали императора Франца Иосифа. После Первой мировой войны мельница сгорела дотла, а так как она не была застрахована, семья оказалась в отчаянном положении. Мой отец, в то время офицер Конной артиллерии, оставил службу в армии и отправился за границу попытать счастья.

Фредерик Маллован был прирождённым солдатом, артиллеристом. Он прекрасно умел обращаться как с людьми, так и с лошадьми, за которыми он ухаживал со вниманием и любовью. Он был несдержан на язык и, вполне в духе того времени, устроил как-то раз дуэль с товарищем-офицером. Когда я был маленьким, он с гордостью показывал мне шрам от удара саблей по голове и не мог объяснить, как ему удалось остаться в живых. Из всей отцовской службы в армии, кроме упомянутого эпизода, мне довелось узнать ещё один, и эпизод этот отражал характер отца, его склонность игнорировать приказы, казавшиеся ему неразумными. Во время манёвров на земле, известной тогда как Босния и Герцеговина, в середине лета он получил приказ вести свой эскадрон по дневной жаре в течение двенадцати часов обратно на базу. Отец стал единственным офицером, кто ослушался приказа и провёл свой отряд ночью, по сравнительной прохладе. Он всегда придавал большое значение внешнему виду. Его отряд прибыл домой в безупречном состоянии и составил поразительный контраст с остальными батальонами: те были в полном изнеможении, причём каждый десятый солдат пострадал от теплового удара. За это успешное неповиновение командованию отца приставили к награде, и ничто не могло бы доставить ему большее удовольствие.

Отец без сожаления оставил армию, так как не видел в ней будущего. У него были неплохие перспективы: пройдя через когти континентальной образовательной системы, отец получил пусть и не блестящее, но весьма приличное всестороннее образование. Тяготы австрийских школ показались бы современному молодому поколению невыносимыми. От дома до школы — час пути, и отец выходил из дома в шесть утра, чтобы сквозь снег и лёд добраться к семи на занятия. Вечерами приходилось выполнять горы домашних заданий, и никто даже не пытался от них уклониться, боясь провалиться на выпускном экзамене. Завалить экзамен значило отправиться в армию рядовым на пятилетний срок и навсегда лишиться возможности поступить в университет или в офицерский корпус. Фредерик успешно сдал экзамен. Как и многие другие члены нашей семьи, он развился поздно, но был умён, обладал выносливостью и твёрдым характером. Тем не менее в течение всей жизни ему потом снились кошмары, настолько много пришлось ему перенести в средней школе.

¹ Альберт-мэншнс (англ. Albert Mansions) — район многоквартирных домов в Лондоне

У отца имелись способности к химии, и вскоре он прекрасно устроился в Лондоне, открыв собственное дело и торгуя копррой², жирами и маслами. Позже он стал главным арбитром по вопросам качества в компании «Юнилевер», приобрёл большой авторитет в Сити и открыл международную практику. Однажды, выступая на процессе по делу о возможном пищевом отравлении, отец предложил съесть кусок подозрительного маргарина прямо в зале суда. Он любил подобные театральные жесты и вообще славился вздорным характером, особенно в молодые годы. Сварливый и неуживчивый нрав его не очень способствовал спокойной семейной жизни. Несмотря на этот недостаток, Фредерик, подобно моему прапрадеду, обладал даром легко улаживать конфликты. Во время Австро-венгерской войны 1866 года тот зарекомендовал себя как прекрасный военный врач, и император поручил ему оказывать помощь обеим сторонам.

Моя мать, в девичестве Дювивье, родилась в 1876 году и умерла в возрасте семидесяти четырёх лет. Больше пятидесяти лет мать прожила в Англии, но до конца своих дней оставалась истинной парижанкой. Отец её был инженером и изобретателем (подозреваю, что не очень успешным), а мать, Марта, — знаменитой оперной певицей, хорошо известной в Брюсселе в восьмидесятых годах XIX века. Под именем Дювивье Марта пела партию Саломеи на премьере «Иродиады» Массне. Опера прошла с ошеломительным успехом. Карьера Марты продолжалась недолго. Методы её требовательного учителя, Реске, часто вели к перенапряжению голосового аппарата. В 1870 году Марта с отличием окончила консерваторию и пела с Шаляпиным, человеком, по её словам, всесторонне одарённым, прекрасным актёром и замечательной личностью. Мне довелось слышать Шаляпина в операх «Князь Игорь» и «Борис Годунов», и это было незабываемо. В прошлом портовый грузчик с Волги, он с непередаваемым вкусом пел «Блоху» и «Дубинушку». Мне запомнилось, как Фёдор Шаляпин сидел в зрительном зале Ковент-Гардена и своими большими руками восторженно аплодировал Томасу Бичему³. Ещё моей бабушке довелось петь в опере Нового Орлеана со знаменитой Патти⁴. Полвека спустя я увидел сцену, где она пела, и остановился в очаровательной гостинице во французском квартале, наверняка известной бабушке.

В ранней молодости Марта Дювивье сбежала с французским аристократом по имени де Вертуа и тайно вышла за него замуж без согласия родителей жениха. Родители возбудили судебное дело и смогли аннулировать брак. По французским законам того времени брак, заключённый при подобных обстоятельствах, могли аннулировать, если жених не достиг ещё двадцати одного года. Бабушка хорошо зарабатывала, устраивала пышные приёмы и с лёгкостью тратила всё, что имела. У неё было доброе сердце и бесшабашно весёлый характер. Именно от неё моя мать унаследовала артистическую натуру и полное отсутствие деловой хватки. Мама, чрезмерно щедрая, открытая, весёлый товарищ и собеседник, любила находиться в обществе и чувствовала себя абсолютно счастливой только в городе. За город она ездила только для занятий живописью. Она была неожиданно талантливым копиистом и трижды скопировала «Моление о чаше» Эль Греко в полный размер.

Мама поглощала художественные романы, прочла всю классику и писала лирические стихотворения, на мой вкус, весьма неплохие. Некоторые из них печатались в серьёзных журналах, например, в «La Revue des Indépendants». Она с живостью и стилем читала лекции об искусстве и любила язык, что естественно для человека с романским темпераментом.

Любящая мать тряслась над детьми и обладала взглядами на воспитание, совершенно противоположными взглядам моего отца. Это не способствовало домашнему миру, потому что отец был по натуре тираном, хоть на деле и добрейшим из людей. Родители оба отличались эгоцентризмом и не умели идти на компромисс, поэтому отец искал покой вне дома, где появлялся редко и нерегулярно.

В общем, наша детская жизнь то и дело оживлялась бурными сценами и яростными ссорами, что порой действовало нам на нервы. Впрочем, вопреки распространённому мнению, постоянные

² Копра — сушёная мякоть кокосовых орехов. Используется для получения кокосового масла.

³ Томас Бичем (1879–1961) — британский дирижёр, оперный и балетный импресарио.

⁴ Вероятно, имеется в виду Аделина Патти (1843–1919), знаменитая итальянская оперная певица.

ссоры родителей могут воспитать в детях стремление устроить свою семейную жизнь как можно лучше, когда придёт время. В этом смысле я должен благодарить отца и мать за то, что они укрепили меня в желании жить в мире с супругой и испытывать подобающее чувство вины после вспышек гнева. Полагаю, тот же эффект родители оказали на моего брата Сесила. Младший брат, Филип, никогда не был женат и отличался миролюбивым характером.

Как непросто беспристрастно рассказывать о собственных родителях и быть объективным в суждениях! Наверное, дело в любви-ненависти, как это сейчас называют. Я вспоминаю мать со смесью любви, радости и раздражения. В юности она отличалась, судя по всему, ослепительной красотой. Изящная средиземноморская брюнетка с карими глазами и безукоризненно чистым цветом лица, она также пользовалась успехом у мужчин благодаря живому нраву и непринуждённым манерам. Она была неугомонной и непосредственной. «Эх, мальчики, — говорила она, — нужно быть бодрее», — а мы всего лишь хотели, чтобы нас не беспокоили. Покойся с миром...

В мои четыре года, то есть примерно в 1908 году, мы переехали в Кенсингтон, в дом номер пятьдесят два по Бедфорд-гарденс, выходящей на Чёрч-стрит. Там был небольшой садик с кирпичной стеной, где я проводил свои первые раскопки. У меня сохранилась фотография осколков викторианского фарфора, извлечённых из глубин агатово-чёрной земли. В саду росло большое грушевое дерево, и мы обедались жёсткими и сладкими грушами Вильямс, иногда не без последствий. Ещё я помню, как по просьбе отца высовывался из окна и с помощью полицейского свистка подзывал двухколёсные экипажи, вместе с креслами-каталками стоявшие рядом в конце улицы. Пятничными вечерами мы с нетерпением ждали, когда из открытого окна донесутся звуки немецкого духового оркестра и восхитительно глубокий голос тромбона. В связи с этим мне вспоминается история великого пианиста Падеревского. Когда он был маленьким мальчиком, преподаватель музыки сказал ему: «Мой мальчик, ты прирождённый тромбонист, ты никогда не сможешь хорошо играть на фортепиано». Если бы Падеревский послушался, он тоже мог оказаться в немецком оркестре.

По утрам мы с няней отправлялись на прогулку в Кенсингтонские сады. Однажды мне крепко влетело за то, что я укусил аппетитную ручку своего брата Сесила, свисавшую из коляски. В садах мы гуляли по живописной оранжерее, огибая дворец, где когда-то среди ночи разбудили Викторию — сообщить, что она стала королевой. Мы останавливались возле маленького киоска, чтобы выпить по бутылочке вкуснейшего имбирного пива от Бейти. С волнением и ужасом наблюдали мы за собачьими боями с участием нашего чау-чау Чоуми. У чау-чау есть огромное преимущество: густые гривы мешают противникам ухватить их за шею.

Позже, в 1912 году, мы переехали в Уимблдон, на Мостин-роуд, и поселились в псевдотюдоровском бревенчатом доме под названием Болингброк. Здесь с лёгкостью могла разместиться семья из шестерых человек, а в саду хватило места для травяного теннисного корта. Мы снимали этот дом за пятьдесят два фунта в год. Отец любил большой теннис и научил нас в него играть, а главное, часто брал меня с собой в старый Уимблдон, в то время крошечный теннисный клуб, где мы могли наблюдать известных игроков тех времён в непосредственной близости: Нормана Брукса, Энтони Уилдинга, миссис Ламберт Чамберс, а также Макса Декюжи, часто срывававшегося на крик, если что-то шло не так.

В Уимблдоне я пошёл в Рокби, начальную школу, расположенную на улице под названием Даунс. Основателем школы был некто мистер Олив, неплохой латинист, но, судя по всему, человек, начисто лишённый чувства юмора. Школу он изначально назвал «Сент-Оливс» и взял в качестве девиза фразу «*Oliva semper virescit*», в переводе звучащую как «Олива вечно зелена». Мистера Олива сменил его сын с партнёром по имени Дж. Р. Баттербери. Баттербери как-то сказал мне, что видел такое имя всего раз, в фантастическом романе Уилки Коллинза — там его носил обычный вор. В возрасте восьми лет меня отдали в младший класс, где я тут же познакомился с основами древнегреческого языка. Учительницу звали мисс Вайнс, и она носила широкую соломенную шляпу, украшенную гроздьями винограда⁵. Мисс Вайнс привила мне раннюю любовь к древнегреческому языку, который всегда приносил мне радость — в отличие от латыни,

⁵ *Фамилия Вайнс (Vines)* дословно переводится с английского как «виноградные лозы».

казавшейся по сравнению с ним скучнейшим предметом. Теперь я, конечно, рад, что справился и с латынью. В Рокби я провёл три или четыре года и прошёл все классы, от младшего до самого старшего. Вряд ли я где-то получил лучшее образование, чем там. После я года два бездельничал в средней школе. Самым запоминающимся персонажем в Рокби был учитель математики, прекрасный преподаватель по имени Дж. П. Ферье, уроженец острова Мэн. Мы с замиранием сердца слушали рассказ, как банк острова Мэн обанкротился, семья Ферье осталась без средств к существованию и Ферье пришлось заняться преподаванием. Ферье отличался вспыльчивостью, и ему запретили пользоваться палкой — обычным в те времена инструментом воспитания, — потому что считал, что для достижения результата наказывать так, чтобы ученик громко стонал, обычные вскрики не считались. Впрочем, учителем он был неплохим и явно преувеличивал собственную жестокость. Мне с трудом давалась алгебра, и я оставался среди последних учеников, пока однажды со мной не позанимался кузен, Джон Дювивье. Под руководством Джона я быстро разобрался, что к чему, и стал одним из лучших в классе. С тех пор я не забывал этот урок, и когда сам стал преподавать, держал в уме: если мои ученики чего-то не понимают, то виноват в этом я сам.

В Рокби я полюбил крикет, и до сих пор, с удовольствием наблюдая за этой чисто английской игрой прекрасным летним вечером, я вспоминаю школу. Крикет — это целая философия, и счастлив тот, кто может предаться этой игре, где период тихой и задумчивой сосредоточенности внезапно и совершенно неожиданно сменяется взрывом восторга. Подобные переживания делают жизнь насыщеннее. Только одного товарища по Рокби мне довелось встречать в дальнейшей жизни. Я говорю о Роберте Грейвзе⁶, также получившем сильнейшее впечатление от нашего Дж. П. Ферье. Грейвз, один из самых выдающихся людей, вышедших из стен Рокби, стал известным писателем и превосходным поэтом.

Моё следующее учебное заведение, средняя школа Лансинг, стало после начальной школы грубым пробуждением. Я никогда не забуду мрачного впечатления, которое произвёл на меня Лансинг при моём первом визите туда холодным зимним вечером в январе 1917 года. Тогда я впервые увидел эти тюремные стены из серого гранита, обрамлённые тёмными галереями, одинокий силуэт высокой викторианской часовни, вытянувшийся длинным копьём на фоне безлесых сассекских холмов, и бурлящие воды реки Адур.

Эта безрадостная картина оставалась в моей памяти больше пятидесяти лет, пока я не вернулся в эти места летом, чтобы вновь увидеть прекрасно сохранившийся пейзаж. Он развернулся передо мной, ограниченный морем, в своей ни с чем не сравнимой прелести, не испорченный современными постройками, прекрасный первозданной красотой. Река Адур теперь плавно струилась серебряной лентой. И. Б. Гордон, наш пронзительный воспитатель, предсказал когда-то, что рано или поздно я проникнусь красотой Лансинга, и не ошибся: когда я в конце концов вернулся туда, я ощутил себя, как, должно быть, чувствовали солдаты из наёмной армии Ксенофонта, когда после долгого пути из Месопотамии увидели Чёрное море и закричали: «Таласса! Таласса!»⁷

Когда я покидал школу, Гордон, или Гордо, как мы его называли, написал моим родителям: «Думаю, он станет выдающимся человеком». Что ж, как минимум мой добрый учитель считал, что я стану выдающимся. Предоставляю потомкам судить, заслужил ли я право на это звание, что бы оно ни значило.

В Лансинге я был зачислен на факультет директора, преподобного Х. Т. Баулби, человека строгих викторианских взглядов. Я восхищался твёрдостью его убеждений. Лансинг был одной из вудардских школ⁸, предназначенных для детей духовенства, и образование там не блистало качеством. Как следствие, мне ничего не стоило год за годом быть среди первых учеников — за исключением шестого класса, где я проучился всего год и откуда отчислился раньше времени, как только мне исполнилось семнадцать. За посещением церкви в Лансинге следили фанатично. Нам

⁶ Роберт Грейвз (1895–1985) — британский поэт, романист и критик.

⁷ Море (греч.).

⁸ Вудардские школы — объединение из 19 наибольших независимых англиканских школ Великобритании. История ассоциации началась в 1847 году, когда священник англиканской церкви Натаниель Вудард (Nathaniel Woodard) основал школу для мальчиков из бедных семей.

полагалось ходить на службу дважды в день по будням, а в воскресенье иногда до пяти раз. Большинству учеников этих посещений хватило до конца жизни, и они навсегда теряли интерес к внешней стороне религии. Когда пришло время, я отказался от конфирмации, причём это отклонение от нормы было необъяснимо для нашего ограниченного директора. Он предупредил меня, что с таким отношением мне не добиться в школе успеха и не заслужить авторитета. Тогда я стал убеждать отца, который сам был агностиком, что с точки зрения образования я зря трачу время и лучше бы мне сразу поступить в университет. Настоящую причину такого решения я не раскрыл. Уговорить отца было несложно: после жёсткого всестороннего образования, полученного на континенте, он не особенно верил в достоинства английских частных школ, и я ушёл из Лансинга в 1921 году, после четырёх лет учёбы.

Для Лансинга эти годы, с 1917-го по 1921-й, были особенными: два из них совпали с Первой мировой войной, и только к концу этого срока молодые и годные к военной службе мужчины вернулись со службы и снова заняли свои учительские посты. Тем не менее, даже в начале учёбы у нас были неплохие наставники — правда, не так много. Например, среди них выделялся некий мистер Томлинсон, человек выдающегося ума и член Королевского общества, которого насильно заставили учить нас математике. Мистер Томлинсон был очень стар и очень высок ростом. С нами он справиться не мог, и мы порядком испортили ему жизнь. Нашему же воспитателю И. Б. Гордону, упомянутому выше, я всегда буду благодарен: он заметил, что мне одиноко и сложно освоиться на новом месте. Подобная доброта всегда производит на людей глубокое впечатление и часто бывает вознаграждена. Гордон был ярким поклонником Фомы Аквинского и владел собственным ручным печатным станком.

Война имела для нас одно вполне ожидаемое последствие: нам приходилось посвящать многие часы занятиям в Офицерском корпусе. После того как в 1918 году объявили мир, у всех, кроме убеждённых милитаристов, эта обязанность вызывала резкое недовольство. В наших рядах начались мятежные настроения. Мальчик-ирландец по имени Флинн, наблюдая как-то раз за парадом из окна верхнего этажа, швырнул вниз кусок мыла, и тот с фантастической точностью приземлился прямо на ботинок командующего. Присутствующие, за исключением, конечно, ответственных лиц, были в полном восторге. За это и ряд других, менее значительных, нарушений в характеристике Флинна, написанной директором, появился комментарий «к счастью, молодые люди такого типа встречаются редко». Всё же, насколько мне известно, Флинн добился успеха в жизни и вырос законопослушным гражданином. Его отец, священник, торжественно сжёг характеристику сына. Я помню, отцовская фотография стояла возле кровати Флинна. Изображённую на ней лысую голову товарищи Флинна регулярно натирали пчелиным воском. Подобные шутки, часто жестокие, были тогда у школьников в ходу, и тем, кто по каким-то причинам недотягивал до товарищей, приходилось несладко. Мне особенно жаль мальчика по фамилии Брэдшоу, известного также как Биви или «недостающее звено». Его изводили безжалостно. Один или два ученика не выдержали издевательств и вынужденно отчислились. Конечно, в этом можно обвинить и недостаточно бдительное руководство. Когда живёшь в постоянном страхе стать предметом насмешек, это неминуемо сказывается на психике. Страх вынуждает нас скрывать мысли и чувства и наносит глубокую травму — травму, от которой я так и не смог окончательно излечиться вплоть до солидного возраста. Я приобрёл стойкий внутренний страх перед обществом, проявлявшийся в виде некоторой враждебности. Наше поколение вообще, как мне представляется, выросло грубым и жестоким, и мы многие годы потом пытались искоренить в себе эти качества. В самом впечатлительном возрасте столкнулись мы с войной и слышали рассказы о ней от старших. Мой дядя воевал на передовой во Франции. Приезжая на побывку, он изображал свист снарядов и ждал ужасного взрыва — бабах! Мне тогда было одиннадцать, и я не мог дождаться, когда же я смогу наконец стать участником этих захватывающих событий, сражаться за короля и за родину. Атмосфера, в которой мы росли, воспитывала в нас чёрствость и жестокость. Мысли о пацифизме и моральном аспекте войны просто не приходили нам в голову.

В Лансинге всё изменилось. Хоть нас и не смущала жестокость войны, но когда она закончилась, военная подготовка и парады породили антимилитаристские настроения, и ответственным лицам Офицерского корпуса пришлось непросто. Мой факультет, Хэдс, отличался своим неряшливым видом во время парадов. Иногда мы намеренно являлись на подобные

мероприятия, не начистив один ботинок и не отполировав до блеска половину пуговиц. В Офицерском корпусе мы постоянно были последними среди факультетов.

Вдохновителем мятежных настроений был один из студентов моего факультета — не кто иной, как Ивлин Во⁹. Как-то раз мы замыслили удивить командование и выиграть кубок Офицерского корпуса. Весь семестр напролёт мы отчаянно тренировались на всех учениях. Нельзя сказать, чтобы усилия совсем пропали даром: мы заняли третье место среди шести факультетов, от победы нас отделяли всего несколько очков. В случае победы мы собирались вместо обычного триумфального забега по галереям с призом в руках устроить похоронное шествие, выстукивая аккомпанемент на крышке бутафорского гроба. Если бы нам удалось осуществить затею, Ивлины Во и ещё одного или двух учеников непременно бы исключили.

Товарищи любили Ивлины. С ним было весело, и он всегда имел наготове очередную шалость. Правда, Во обладал талантом навлекать на других неприятности, а самому неизменно выходить сухим из воды. Ивлин в молодости отличался смелостью, остроумием и умом, но любил находиться в центре внимания и был способен на жестокие поступки. Он не останавливался перед тем, чтобы унижить товарищей, если предоставлялась удачная возможность поднять их на смех. Ивлин был глубоко религиозным, и мне кажется, будь он скромнее, то избрал бы монашескую жизнь и посвятил бы её изучению манускриптов. Во обладал необходимыми способностями и обучался палеографии у пастора-рenegата¹⁰ из Каули, выдающегося ботаника по имени Франсис Криз, который жил в полном одиночестве в коттедже на Южной гряде.

Я не хочу сказать, что Лансинг был в те времена плохой школой. Вовсе нет. Уровень обучения в начале войны был невысок, но рано зародившийся в нас революционный дух, о котором я рассказывал чуть ранее, необычайно способствовал нашему развитию и творческой мысли. Одновременно со мной в относительно небольшой, на триста учеников, школе учились, помимо Ивлины Во, также Роджер Фулфорд, получивший известность как автор работы о пяти Георгах, Хью Молсон, впоследствии лорд Молсон, один из столпов общественной жизни, Хамфри Тревелиян, впоследствии лорд Тревелиян, дипломат, сделавший выдающуюся карьеру и во многих других областях, и, наконец, нужно упомянуть К. Т. П. М. Райли, незаурядного человека, погибшего молодым во время полярной экспедиции. Вряд ли можно считать совпадением, что четверо из пяти учеников Лансинга, добившихся впоследствии известности, учились на одном и том же факультете — Хэдс.

Другим неоспоримым достоинством Лансинга была наша часовня — пожалуй, самый красивый образец неоготики во всей Англии, воплощение строгого религиозного духа. В детские годы она пугала меня, но внушала благоговение, и звучащая там музыка производила неизгладимое впечатление. Нам достался первоклассный органист по имени Brent Смит. Он так сыграл на клавишах большого органа «Новый Иерусалим» Блейка, что рухнула огромная секция широкого окна часовни и толстые стёкла цвета морской волны, падая, чуть не убили нашего преподавателя французского.

Славный гимн Блейка звучал под аккомпанемент охотничьего рожка и достигал крещендо, когда триста учеников пели о Новом Иерусалиме и падении английских «фабрик сатаны». В память об этом впечатлении я до сих пор испытываю необъяснимый глубокий трепет перед воображаемой Англией, живущей в моих утопических мечтах.

Один из преподавателей, покойный Дж. Ф. Роксбург, присоединившийся к нам после войны и отвечавший за шестой класс, очень мне запомнился. Он был воистину королём среди преподавателей, любил привлекать внимание и осознавал, какой фантастический эффект производит на подрастающих учеников театральный талант. Казалось, на каждый день в году у него был отдельный костюм. Величественно шагая вдоль нефа часовни, он демонстрировал впечатляющий ассортимент профессорских мантий. Частично получив образование во Франции, Роксбург в совершенстве говорил и писал на этом языке и еженедельно проводил три четверти часа, объясняя красоты французской лирики. От нескольких учеников я слышал, что эти уроки запомнились им на всю жизнь. Я убеждён, что подобные занятия сверх учебной программы

⁹ *Ивлин Во* (1903–1966) — знаменитый английский писатель-сатирик.

¹⁰ Поскольку Во был ревностным католиком, англиканский священник назван здесь «рenegатом».

являются самой ценной частью образования, а жёсткая необходимость зубрить перед экзаменами губительна, так как мешает начинаниям такого рода.

Роксбург также любил английскую литературу и хороший слог, учил размышлять о языке, и его комментарии на полях наших сочинений всегда заставляли задуматься. Часто на полях появлялись аббревиатуры, например ССС, что значило «клише, расхожая фраза или банальность»¹¹, или ОО — «отвратительный оксюморон»¹². Роксбург постоянно добивался, чтобы в наших рассуждениях были хотя бы проблески самостоятельной мысли. Он глубоко чувствовал античную литературу и красоту метафоры Эхила. На его уроках никогда не скучали. Он любил поэзию и постоянно читал нам стихи. Чёткие, ясные интонации голоса Роксбурга и сейчас, шестьдесят лет спустя, звучат у меня в ушах музыкой, сравниться с которой может разве что уникальный сладкозвучный голос Гилберта Мюррея¹³.

В общем, я вспоминаю о Лансинге со смешанными чувствами — с долей грусти, порою даже душевной боли, в чём частично виновата тоска по дому. С благодарностью за радостные минуты и за то, что школа воспитала во мне силу духа и способность выносить жизненные испытания с минимальной суетой. Из этого периода жизни я вынес для себя очень ценный урок: каждому из нас следует понять, что небольшая доля несправедливости неизбежно встречается нам в жизни, и порой бывает лучше вынести её безропотно, чем жаловаться и добиваться труднодостижимой или вовсе невозможной правды. Я полагаю, что сегодня многие из наших соотечественников страдают от этой болезни, и она вредит нам самим и приносит ущерб и без того недисциплинированному обществу. Мир стал бы лучше, если бы мы все были готовы время от времени поступиться своими личными правами ради общей гармонии. Такая форма жертвоприношения, неправильно понятая, являлась очень важным ритуалом в жизни примитивного общества, где козёл отпущения служил для искупления грехов. Мы же пренебрегаем ею на свой страх и риск.

Самым счастливым моим временем в школе был последний год, когда я заслужил право пользоваться «ямой» — так у нас называлась персональная комната для занятий, где можно было спокойно читать, а по воскресеньям есть горячие пышки и пончики. Блаженное одиночество в крошечной комнатке служило наградой за годы страданий в аду общефакультетской комнаты отдыха.

Моя учёба в начальной и средней школе перемежалась на каникулах счастливыми посещениями маминых близких друзей в Боссингтон-хаусе, располагавшем одним из лучших мест для ловли форели на реке Тест. Сквозь французские окна столовой мы могли видеть луга, усыпанные люпинами, белый мост с единственным поручнем над рекой, а за ним — хорсбриджскую дорогу. Поднимаясь бесконечными горбами, она пересекала узкие притоки реки по пути от небольшой железнодорожной станции до мельницы, где начинался Боссингтон. В детстве мы часто наслаждались чудесными завтраками, глядя на этот великолепный деревенский пейзаж: свежими домашними лепёшками, маслом джерсийских коров. Стол ломился под тяжестью роскошного угощения: яичницы, холодных куропаток, кеджери¹⁴ и других лакомств, которые встречали нас по утрам, когда часы в доме практически в унисон били девять. За круглым столом распоряжался судья Деверелл, строгий, но доброжелательный человек викторианского склада. Когда наступала пора уезжать из гостей, он неизменно дарил мне золотую гинею, а моему младшему брату Сесилу — золотую же монету в десять шиллингов. Его дочь, Молли Мэнзел-Джонс, хозяйка Боссингтона, тоже была человеком викторианских нравов, безупречной честности и нравственности. Она пользовалась всеобщей любовью — в деревне, дома, среди друзей. Любили её и мы с братом. Молли олицетворяла всё лучшее, что только существовало в Викторианской эпохе, служила воплощением веры, надежды и милосердия. Её принципы были незыблемы, и всё в мире делилось для неё на чёрное и белое. Правила поведения строго определялись традиционными нормами. Молли владела английским, французским и немецким языками. Трагедия её жизни заключалась в том, что она вышла замуж за алкоголика, хотя и

¹¹ В оригинале: cliché, cant or commonplace.

¹² В оригинале: 'orrible oxymoron.

¹³ *Гилберт Мюррей* (1866–1957) — выдающийся британский антиковед.

¹⁴ *Кеджери* — жаркое из риса, рыбы и яиц.

добрейшего человека. Он спился и умер, оставив жену в долгах. Самые страшные запои мужа Молли приходились как раз на то время, когда он должен был посещать своего врача в Лондоне и проходить курс лечения Турви¹⁵. Именно он отговорил меня поступить в Китайское гражданское таможенное управление, сказав, что разлука причинит боль одинокой и крайне зависевшей от меня матери. Это был очень способный человек, но семья презирала его и считала никчёмным. Только Молли верила в мужа до конца. Я никогда не забуду живописные луга и болота Боссингтона, одно из которых прозвано «камыши», омуты, кишащие хариусом, и вашего покорного слугу, оболтуса пятнадцати лет, прохлаждающегося в тени под мостом. Аромат лугов Хэмпшира останется со мной до конца моих дней.

Переход из Лансинга в Оксфордский университет, где я провёл четыре года, с 1921-го по 1925-й, был будто шагом из чистилища в рай. В Оксфорде я не очень преуспел: мне не хватило подготовки. Как и другие члены семьи, я отличался запоздалым развитием и в учёбе никогда не блистал, но эти годы созревания были мне необходимы, и, не попади я в Оксфорд так рано, мне могла не представиться возможность заняться археологией. Поступи я в университет двумя годами позже, я мог бы получить более серьёзное образование, но упустил бы своё истинное призвание. Судьба знала, что делает.

Помню, какое удовольствие мне доставила моя первая трапеза в павильоне Нового колледжа. Незнакомый сосед по столу передал мне еду. В школе мы обычно вели себя грубовато, и к такому обращению я не привык. Наконец-то, сказал я себе, со мной обращаются как с джентльменом. Жизнь показалась мне восхитительной.

В первый год обучения мои комнаты — в те времена студентам полагались гостиная и спальня — находились на вершине башни Робинсон, откуда открывался великолепный вид на Оксфорд. Меня нисколько не смущала необходимость подниматься и спускаться на триста ступенек по три-четыре раза в день или идти за двести ярдов в другую часть колледжа, чтобы помыться. Более того, даже мой «скаут», то есть колледжский служащий, не жаловался, что ему приходится дважды в день преодолевать этот путь с ведёрком угля, чтобы поддерживать огонь в моей комнате. Служителя звали Сакстон. Это был прекрасный человек, относившийся к нам так же хорошо, как и мы к нему. Незадолго до моей учёбы в Оксфорде один студент держал в комнате медведя, и я с удовольствием вспомнил этот эпизод много лет спустя, когда разгорелся скандал вокруг Кэтлин Кеньон, содержавшей собак в Лондонском университете. Я тогда также добавил, что лучше жить в обществе животных, чем в обществе людей.

Эстетическое удовольствие от пребывания в Оксфорде, его здания, его история, общество близких по духу друзей и хороших книг значили для меня больше, чем любая учебная программа, которую мог предложить университет. Я принял близко к сердцу слова нашего декана, Перси Мэтисона, с которыми он обратился к нам, первокурсникам, в древнем и прекрасном холле нашего колледжа. «Познакомьтесь с этими камнями», — сказал он. Я последовал его совету и был вознаграждён. Декан преподавал у меня древнюю историю. В его присутствии я чувствовал, будто вхожу в золотой рудник, но у меня нет инструментов, чтобы добыть самородок: для этого мне недоставало способностей. За свою любовь к Новому колледжу Перси Мэтисон заслуживал директорский пост, но начальство отдало предпочтение известному и важному человеку — Г. А. Л. Фишеру.

Наибольшую пользу мне принесли уроки Х. В. Б. Джозефа, который был настоящим испытанием для Мориса Боуры¹⁶. Он учил меня думать и мог заставить стыдиться тех, кто выполнял работу необдуманно или небрежно. Сколько раз я выходил из его кабинета с поджатым хвостом после часа неприятного разговора! Однако побитая собака была предана хозяину — и он, я думаю, в конце концов оставался доволен результатом работы. Мне вспоминается замечание, сделанное Россом, великим последователем Аристотеля, когда он прощался со своим учеником, Кеннетом Уиром, обучавшимся метафизике. «Скоро, — сказал он, — ты забудешь всю философию, изученную во время наших занятий, но отныне ты хотя бы сможешь распознать чушь, когда она тебе попадётся». Именно таким стал итог нашего изучения античных классиков. Читая работы

¹⁵ Курс Турви (англ. Turvey treatment) — курс лечения от алкогольной зависимости.

¹⁶ Сесил Морис Боура (1898–1971) — английский литературовед, выпускник Нового колледжа.

некоторых известных социологов нашего времени, Маркузе и ему подобных, я не могу не пожелать, чтобы эти авторы прочли свои сочинения моим преподавателям философии и получили заслуженный нагоняй. Сейчас не принято считать, что философские работы Джозефа оставили серьёзный след в науке, но он, бесспорно, был человеком выдающегося ума и обладал талантом, на мой взгляд, необходимым хорошему педагогу, — даром заставлять человека думать.

Самым молодым и забавным из моих преподавателей был Стэнли Кассон, специалист по греческой истории и археологии. Он обладал живым умом, но не был серьёзным учёным — лучший педагог для студента, мечтающего посвятить себя археологии. Прекрасно разбирался в своём предмете. Кассон погиб при крушении самолёта во время Второй мировой войны. Это был человек, всегда готовый попробовать себя в новом деле — например, написать детектив. Именно ему я обязан рекомендацией к Леонарду Вулли. «Я написал вам рекомендательное письмо, — сказал он, — и не поспешил на похвалы». Про Кассона рассказывают, как знаменитый директор Спунер однажды утром повстречал его во дворе и сказал: «Приходите сегодня ко мне на чай, я хочу вас познакомить с нашим новым преподавателем, мистером Кассоном». — «Но, господин директор, я и есть Кассон». — «Ничего, всё равно приходите».

Из лекций, которые я посещал, больше всего мне запомнились лекции о греческих трагедиях. Их читал великий Гилберт Мюррей. Сам поэт, он насквозь пропитался духом и лирики, и эпоса. Мюррей обладал превосходной памятью и то и дело зачитывал наизусть произвольные длинные отрывки из классиков — он вещал совершенно неповторимым голосом, в котором слышались еле сдерживаемые чувства; он общался с миром, который и для него, и для нас был живым и реальным. Существовала одна проблема: Мюррей использовал подобные театральные интонации и для того, чтобы пересказать драматичный поворот сюжета в трагедии, и в повседневной жизни, для того чтобы поприветствовать приятеля или пожелать вам доброго утра. Впрочем, и сами греческие трагики страдали подобным недостатком. Этот великий человек даже к самым неприметным из нас обращался с таким уважением, словно всерьёз спрашивал нашего мнения о предмете, в котором сам превосходно разбирался. Плоды кристально ясной, порой еретической мысли Мюррея можно найти в его книгах. Французы из Лиги Наций называли его «се doux rêveur»¹⁷.

Менее значительной, но столь же незабвенной фигурой из моего времени в Оксфорде был пожилой, невысокого роста, седовласый преподаватель по имени С. Дж. Оуэн. Он выглядел как шаловливый фавн, вышедший из лесной чащи. Он, казалось, был до отказа набит текстами латинского поэта-циника Ювенала, которые с удовольствием нам излагал. Каждая сатира представлялась преподавателю спелым плодом, и его следовало выжать до последней капли. Хоть он и восхищался Ювеналом по неправильным причинам и даже посвятил ему льстивый сонет, он всё же вдохновлял нас своим энтузиазмом. Мне нравились забавные эпиграммы Ювенала, например «*nemo repente fuit turpissimus*», что можно перевести как «никто не становится мерзавцем вдруг», и другие не менее глубокие афоризмы. Чего мы ждали неделя за неделей с восхитительным предвкушением, так это ядовитых обличительных речей Оуэна в адрес А. Э. Хаусмана, поэта-латиниста, чьи взгляды на Ювенала он регулярно разносил в пух и прах. Уже много позже мы обнаружили, что таким образом наш преподаватель мстил Хаусману за разгромную критику своих ошибочных взглядов. Их Оуэн регулярно получал от последнего в журнале «*Classical Quarterly*»¹⁸. Подозреваю, что прав был обычно Хаусман.

Я должен упомянуть ещё одну достойную внимания фигуру — Перси Гарднера, профессора греческого искусства и археологии, читавшего нам лекции о греческой скульптуре. Я более или менее разбирался в предмете, и для меня речь шла о прелюдии к археологии. Перси Гарднер возвышался перед нами в сюртуке и воротничке, какие, должно быть, носили в шестидесятых годах девятнадцатого века. Он выделял нам знания из собственных невиданных запасов с неизменным выражением скуки на лице, монотонным голосом, но, как ни странно, ему удавалось удерживать наше внимание. Помню, как он хорошо отозвался о познаниях двух гидов Британского музея, звали их Скит и Халлет. Скучающим видом и монотонной речью Халлет

¹⁷ Этот милый мечтатель (*фр.*).

¹⁸ Один из главных англоязычных журналов, посвященных греко-римской античности. Выпускается с 1906 года.

повторял своего учителя. Когда в конце экскурсии наступало время вопросов, он часто отвечал так: «Если бы я знал ответ на этот вопрос, я бы работал не здесь, а в Британской энциклопедии». Всё же эти экскурсии по Британскому музею пробудили во мне интерес к карьере археолога. Слушая рассказ Перси Гарднера о Гермесе Олимпийском¹⁹, я подумал, как чудесно было бы присутствовать в олимпийском храме в тот момент, когда совершили эту находку. С тех пор я всегда представлял себе скульптуры в их первоначальном окружении. Единственным моим более или менее существенным достижением за время учёбы в Оксфорде было изучение греческой скульптуры. Иногда мне даже удавалось получить высшую оценку за сочинение по этому предмету.

В первую очередь я благодарен Оксфорду не за какие-то академические достижения, а за то, что там я понял, как учиться по-настоящему, научился находить удовольствие в обществе книг и зданий. Самым замечательным приобретением была компания родственников по духу товарищей моего возраста. Где ещё можно заводить дружеские отношения с такой лёгкостью и где ещё можно найти столько доступных развлечений? Мы посещали театр как минимум раз в неделю. Нам ужасно нравился наш репертуарный театр, где декорации то и дело падали актёрам на головы. Помню, как Гилберт Мюррей разразился продолжительным смехом во время представления «Дома, где разбиваются сердца»²⁰ и Бернард Шоу произнёс речь, из которой следовало, что только в таком провинциальном городке, как Оксфорд, его пьесу могут встречать смехом вместо глубокомысленной тишины.

Трое из моих друзей умерли рано, не дожив и до тридцати лет. Теперь, когда я достиг уже семидесяти, я часто, вспоминая о них, размышляю о несправедливости жизни и о точности греческой пословицы, утверждающей, что те, кого любит Бог, умирают молодыми. Самым одарённым из всех был Эсме Ховард, старший сын лорда Ховарда Пенритского, впоследствии посла Великобритании в Мадриде и в Вашингтоне, где я имел честь гостить у его семьи. Эсме унаследовал блестящие способности своего отца, был добрым и щедрым любителем искусства, блистал весельем и остроумием. Мне до сих пор тепло вспоминать о нашей дружбе. Эсме, несомненно, оставил бы заметный след в истории. Он обладал таким даром убеждения, что даже заставил меня на время обратиться к католической вере. Умер Эсме в возрасте около двадцати пяти лет от болезни Ходжкина. Когда мы в последний раз с ним виделись в Берне и в Портофино, на вилле *Alta Chiara*, принадлежавшей вдовствующей леди Карнарвон, он выглядел совсем неважно. Он терпел страдания безропотно, с тихой верой в Бога, достойной истинного святого. Я часто вспоминаю его в молитвах.

Руперт Фремлин, мой друг со времён Лансинга, весёлый товарищ, добряк и шутник, скончался от осложнений малярии в Нигерии, так же как и Ричард Уорнер, живший со мной в башне Робинсон. Тогда в Африке эта болезнь уносила множество жизней. О Руперте у меня осталось воспоминание, как мы сидим тёплым летним вечером после партии в теннис и попиваем глинтвейн, закусывая его клубникой со сливками. Странное и неподходящее сочетание, но на наш неискущённый вкус оно было восхитительным. Несколько дольше прожил другой мой товарищ из Нового колледжа, Рональд Боаз, наделённый истинно шотландской язвительностью. Услышав слова друга о том, что единственное усвоенное им в Итоне, это фраза «честность — всегда плохая политика», Рональд ответил, что честность — это вообще не политика.

К счастью, один друг и товарищ до сих пор со мной. Это Родни Каннройтер. Сколько раз он составлял мне компанию на верхушке башни Робинсон, в моих прекрасных комнатах в Пэнди и в доме номер шесть по Шип-стрит. В подвале у нашей тамошней хозяйки был неистощимый запас фарфоровых ваз. За дополнительную плату она давала их нам взамен тех, что мы колотили в гостиную. Во время учёбы в Оксфорде мне невероятно повезло: три года подряд я ставил на победителя скачек в Дерби, и каждый выигрыш приносил мне по десять фунтов. Этих денег хватало, чтобы закатить грандиозную вечеринку человек на двенадцать. Боюсь, к концу застолья большинство из нас безобразно напивалось, но зато такие вечеринки помогали нам понять,

¹⁹ *Гермес Олимпийский* — эллинистическая статуя, обнаруженная в 1877 году при раскопках храма Геры в Олимпии.

²⁰ «Дом, где разбиваются сердца» — пьеса ирландского драматурга Бернарда Шоу (1856–1950).

сколько мы способны выпить без последствий, и были необходимым этапом на пути к воздержанности. Я до сих пор помню чувство отвращения, когда мой слуга, папаша Хьюс, разбудил меня утром после ночного празднования и спросил, не желаю ли я подкрепить силы стаканом бренди. Как-то раз папаше Хьюсу довелось сопровождать некоего доктора Майо на Фиджи, и там он выучил язык. Когда в результате этой поездки фиджийский принц приехал с визитом в Бейлиол²¹, папаша Хьюс оказался единственным человеком, говорящим по-фиджийски, на весь Оксфорд, и его регулярно приглашали к принцу на чай.

Наши обычные оксфордские развлечения отличались скромностью, в отличие от моих вечеринок победителя Дерби. По воскресеньям мы с Родни часто обедали в гриль-баре «Джордж Грилл». Ели мы обычно суп, ромштекс, десерт и сыр, запивали обед кружкой пива — всё вместе обходилось нам по пять шиллингов на брата — и завершали трапезу шестипенсовыми «ароматными» сигарами. Это был настоящий лукуллов пир. Так я готовился к следующему этапу своей жизни, которому суждено было развернуться в Уре Халдейском²².

Как это часто происходит с человеком в поворотной точке его карьеры, я непосредственно начал заниматься археологией в результате счастливой случайности. Все свои экзамены, или «schools», как их называют в Оксфорде, я уже сдал. Было прекрасное летнее утро. Я поднялся поздно и в приятном и расслабленном расположении духа брёл по двору, намереваясь позавтракать. По пути мне случайно встретился декан, дружелюбный капеллан нашего колледжа, известный как Его Святейшество Лёгкая Поступь, выдающийся теолог.

— Маллован! — сказал он. — Каковы ваши планы на будущее?

— Боюсь, — ответил я, — что мне придётся или поступить на государственную службу в Индии, или заняться юриспруденцией, потому что у отца нет для меня места в Сити — дорога в бизнес для меня закрыта.

— А чем вы на самом деле хотели бы заниматься?

— Только одним, — сказал я. — Археологией. Я ею заинтересовался, слушая рассказы Перси Гарднера о находках в Олимпии. Я хотел бы поехать на Восток и заняться раскопками.

— Идите поговорите с директором, — посоветовал декан. — Возможно, он сможет вам посодействовать.

Я немедленно последовал этому совету и был обходительно принят известным общественным деятелем и приветливым человеком Г. А. Л. Фишером, сменившим на директорском посту Спунера, когда-то рекомендовавшего Вулли²³ заняться археологией. Директор Фишер любезно согласился дать мне рекомендательное письмо к известному востоковеду Д. Дж. Хогарту, смотрителю Эшмолловского музея, который как раз этим самым утром получил от Вулли письмо с просьбой подыскать ему помощника для работы в Уре Халдейском. Было это в 1925 году. Вечно спешащий Вулли нанял меня практически сразу, несмотря на полное отсутствие опыта. Частично этому способствовала моя самоуверенность, частично — любезное письмо от моего преподавателя, Стенли Кассона. Как бы то ни было, мне предстояло ещё выдержать решающее испытание — встречу с Кэтрин Килинг, будущей леди Вулли. Вулли очень удивился, узнав, что однажды в Британском музее я купил и прочёл его первый отчёт о работе в Уре, посвящённый обнаружению храма бога Луны. Я не признался, что одной из причин, по которым отчёт привлёк моё внимание, была фамилия автора — Вулли. Точно так же звали моего тогдашнего кумира, знаменитого игрока в крикет из Кента.

Такая череда счастливых случайностей привела меня в Ур. Я давно пришёл к выводу, что если человек рождён под благоприятной звездой, то шанс непременно предоставится ему, как только он будет готов. Нужно быть начеку и хватать удачу обеими руками. Подобными обходными путями попал я в Вавилонию, в южный конец долины Евфрата. С таким же успехом я мог отправиться в Египет или Китай и сделал бы это с готовностью, но туда меня не позвали.

²¹ *Бейлиол-колледж* — один из колледжей Оксфордского университета.

²² *Ур Халдейский* — столица Месопотамии, государства халдеев, в котором правил вавилонский царь Хаммурапи. По преданию, там родился пророк Авраам.

²³ *Сэр Чарльз Леонард Вулли* (1880–1960) — ведущий английский археолог первой половины XX века. Вёл раскопки памятников материальной культуры Шумера, Древнего Египта, Сирии, Нубии, древней Анатолии.

Часть 1

До войны (1926–1938)

Глава 2

Ур: знакомство с археологией

Я прибыл в Ур тёмной октябрьской ночью 1925 года, полный великих надежд. Моими спутниками были Леонард Вулли и А.С.Уитбёрн, архитектор, для которого, как и для меня, эта экспедиция была первой. Путь из Багдада занял двенадцать часов. Мы ехали сквозь степь и пустыню по ширококолейной железной дороге индийского типа в комфортабельном вагоне-пульмане. Эти вагоны созданы для приятных и неспешных путешествий — некоторые купе, правда, кишели шершнями. На станции Ур, в двух милях к западу от руин, нас подобрал автомобиль, старый «Форд-Ти», найденный где-то в канаве вскоре после Первой мировой и вновь приведённый в чувство за символическую сумму в десять фунтов.

Прошло много лет, но я до сих пор прекрасно помню, как впервые вошёл в дом, где мне предстояло провести ближайшие пять месяцев. Постройка была обнесена забором из колючей проволоки для защиты от грабителей. Путь наш лежал через открытый внутренний двор, обрамлённый хранилищем и кабинетом архитектора, и далее — сквозь веранду перед входом. В ярком свете шипящих керосиновых ламп, что держали двое худых слуг-арабов, мы увидели гостеприимный дом, сложенный из древних кирпичей из обожжённой глины, собранных на поверхности холма. Самому новому из этих кирпичей было по меньшей мере двадцать пять столетий, но они отличались такой прочностью, что позже, когда мы завершили раскопки в Уре, здание разобрали на части и полностью перевезли в Эриду, за двенадцать миль.

В то время дом нашей экспедиции состоял из гостиной, где мы ели и проводили часы досуга, семи спален и ванной комнаты. Позже его немного расширили, чтобы разместить Кэтрин Вулли. Приятный, аскетичный интерьер: небольшие спальни, глиняный потолок, той же глиной обмазаны стены. Гостиная выкрашена в абрикосовый цвет, единственный доступный в этих местах. Пол сложен из кирпичей, местами сохранивших следы древних надписей, и частично покрыт тростниковыми циновками. Двери и оконные рамы сколочены из простых досок. Насколько я помню, до появления Кэтрин в доме не было ни одного кресла. На полках в гостиной разместились небольшая рабочая библиотека, но так как в то время мы творили историю сами, нам почти не нужны были справочные материалы. Всё это мы увидели мельком в свете поднятых ламп, а также заметили нашего прекрасного во всех отношениях, но пьяного индийского повара, вышедшего из кухни нас поприветствовать. Во двор вошли два охранника, вооружённые винтовками и снабжённые запасом патронов. Скоро нам предстояло узнать, что глиняная крыша над головой была плохой защитой от дождя.

Следующим утром, вскоре после восхода солнца, мы впервые увидели большой холм Ура. Телль, как называют его арабы, поднимался над равниной на высоту более шестидесяти футов. Он состоял из смеси песка, глины и гравия. С первого взгляда было понятно, что эта громадина так и ломится от древних артефактов и аж вздулась от подземных построек. Часть из них раскопали за три сезона, предшествовавших моему приезду.

Вулли мечтал продолжить работу в Уре, так как этот древний город был тесно связан с Ветхим Заветом. В то время Библия для многих ещё служила настольной книгой. Вулли и сам учился на теолога и одно время планировал присоединиться к Церкви. Он считал, что, отправившись в Ур, сможет оживить Ветхий Завет, и действительно блестяще справился с этой задачей. Вулли опирался на 27-й стих 11-й главы Книги Бытия, гласивший, что дед Авраама²⁴ умер в земле

²⁴ В действительности, в этом месте Книги Бытия речь идет не о деде, а о дяде Авраама.

рождения своего, в Уре Халдейском. В стихе 31-м говорится, что отец Авраама Фарра покинул Ур со своей семьёй и отправился в землю Ханаанскую, а по пути остановился в Харране (на юго-востоке Малой Азии). Раскопки помогли объяснить, почему он выбрал именно такой путь: выяснилось, что Харран, как и Ур, являлся центром почитания Луны. Вулли не терял надежды найти упоминание об Аврааме, и хотя само это имя так и не обнаружили в клинописных источниках, ему удалось заглянуть в историю родного города ветхозаветного пророка — города, где тот жил перед тем, как перебраться из Шумера (позже названного Вавилонией) в Палестину.

В центре внимания Вулли, когда он начал работы в Уре, находился и другой отрывок из Книги Бытия. Это был 10-й стих 10-й главы, повествующий о том, что Хуш стал отцом Нимрода, сильного зверолова пред Господом. В нем упоминалась былая мощь Ассирии. Десятая строка гласит: «Царство его вначале составляли: Вавилон, Эрех и Аккад в земле Сеннаар», то есть в Шумере. Вулли пришёл к мысли, что его истинное призвание — реконструировать картину исчезнувшей Шумерской цивилизации. Эта работа стала главным достижением в карьере Вулли и увековечила его имя на страницах истории. Его открытия показали, что шумерский Ур действительно был одной из колыбелей цивилизации, и не менее важной, чем Египет. Здесь, в южной долине Евфрата, древние писцы между 3500 и 3200 годами до н. э. разработали систему письменности, «клинопись», ставшую одним из важнейших изобретений человечества. Позже шумерская клинопись легла в основу первого алфавита, придуманного финикийцами для удобства торговли после 1400 года до н. э.

Ур, расположенный примерно на полпути между Багдадом и верховьем Персидского залива, был, очевидно, одним из важнейших городов урбанистической цивилизации, искусно построенной шумерами. Соединив городские поселения вблизи Евфрата сложной системой каналов и водных дорог, они установили свои торговые пути и оставили отпечаток собственной культуры на всём пространстве от земли, позже названной Вавилонией, и до самого Персидского залива.

Работа Вулли в Уре показала, что история этих мест в южной части долины Евфрата решительным образом отличалась от того, что происходило у северных пределов доисторической Ассирии. Именно там, над узким бутылочным горлышком, где реки Тигр и Евфрат сближаются и текут на расстоянии не более тридцати миль друг от друга, в местах, получивших известность благодаря Багдаду.

Вулли, обычно приятный в обращении, всегда безукоризненно и в большинстве случаев непритворно вежливый, во время раскопок становился тираном, как и положено всем, кто хочет успешно руководить экспедицией. Однако он всегда был справедлив и не требовал от подчинённых больше того, что делал сам. Иногда, если кто-нибудь обращался к Вулли с просьбой, которую он не хотел выполнять, он говорил: «Попечители ни за что бы этого не позволили» или «Даже не знаю, что попечители ответили бы на вашу просьбу». Даже в юном возрасте мне хватало ума не отвечать, что попечителям было бы абсолютно наплевать. Теперь, когда я постарел и, к своему удивлению, сам служу попечителем Британского музея, я знаю: ответ мой попал бы в точку. И всё же хорошо, что я не высказывался тогда в таком духе.

Вулли никогда не брал с собой более двух или трёх ассистентов, но он так заряжал своей энергией, что вряд ли кто-нибудь мог выжать из нас больше. Мы редко ложились раньше полуночи. Сам Вулли сидел в своём маленьком офисе до двух или трёх часов ночи, а на раскопки требовалось явиться не позже, чем через полчаса после восхода солнца. Однажды я рискнул сыграть в карты с эпиграфистом, и мне сказали, что, раз я слишком устал для работы, лучше бы мне отправиться в постель.

Жена учёного, Кэтрин Вулли, всегда сопровождавшая его в экспедиции, была человеком властным и сильным. Даже теперь мне сложно говорить о ней непредвзято. Первый брак Кэтрин закончился трагедией: вскоре после медового месяца её муж застрелился у подножия пирамиды Хеопса. Замуж за Вулли Кэтрин вышла неохотно. Она нуждалась в мужской опеке, но физический аспект супружества её не привлекал. Кэтрин отличали одарённость, высшая степень обаяния,

когда она сама того желала, а также коварство. Гертруда Белл²⁵ назвала Кэтрин опасной, и не без основания. Она могла очаровать всех вокруг, когда была в настроении, или же, наоборот, создать напряжённую ядовитую атмосферу. Жизнь с ней напоминала прогулку по канату. Многих и многих людей она околдовывала, а затем отбрасывала в сторону с пренебрежением, и всё же Кэтрин умела к себе расположить и была прекрасным собеседником, начитанным и нескучным. Самоуверенная, бескомпромиссная в споре, ранимая и обидчивая, она не могла бы ужиться с другой женщиной в экспедиции. Супруги Вулли предусмотрительно заботились о том, чтобы других женщин в экспедиции не было. Даже рабочие на раскопках боялись Кэтрин, и я помню случай, когда мы, мужчины, тщетно пытались остановить драку, развязавшуюся между двумя кланами рабочих. Разгорячённые противники уже разбивали друг другу головы палками, но внезапного появления Кэтрин на сцене хватило, чтобы битва прекратилась в ту же секунду.

После подобных случаев приходилось бинтовать головы и перевязывать раны. Как младший член экспедиции, я выполнял обязанности медика. Случалось мне прибегать и к силе внушения. Самый удивительный случай в моей практике произошёл с женщиной, который упал с телеги с мусором и потянул руку. Рука распухла до размеров футбольного мяча. Я наложил на руку мазь и сказал, пожалуй, несколько богохульственно: «Вера твоя спасёт тебя. Приходи завтра». Пациент действительно пришёл на следующий день и продемонстрировал мне абсолютно нормальную руку. Также мне досталась роль главного массажиста Кэтрин Вулли, страдавшей от частых головных болей, и я стал настоящим мастером массажа, потому что у меня оказались чувствительные руки. Порой мне выпадало ставить Кэтрин пиявок на лоб, так как приходящий врач решил, что небольшое кровопускание пойдёт ей на пользу. Это мудрёное задание я выполнял в целом без удовольствия. Кэтрин страдала бессонницей, и иногда ей требовалось позвать Леонарда среди ночи. Он спал в соседней комнате, но крайне выматывался за день, и его невозможно было дозваться. Чтобы справиться с этой трудностью, Леонард привязывал себе нитку к пальцу ноги, и Кэтрин, когда он ей был нужен, дергала за эту нитку что было сил. К счастью, этот метод использовался только в случае крайней необходимости. Ближайший доктор находился в Насирии, на расстоянии многих миль, телефона не было, и мы выкручивались, как могли.

Кэтрин обладала немалым художественным талантом. Однажды она сделала бронзовую голову нашего старшего рабочего, Хамуди ибн Шейх Ибрагима. Вышел эффектный и точный портрет. Также Кэтрин выполнила серию зарисовок металлических инструментов и оружия из Ура, но, несмотря на её властную манеру, ей не хватало уверенности в собственных способностях, и она должна была поминутно спрашивать совета. Несмотря на то, что здоровье Кэтрин беспокоило Вулли, и она постоянно претендовала на его время, брак сделал его более человечным и заставлял хотя бы иногда отвлекаться от работы. Оба Вулли отличались снобизмом и без стеснения как призывали людей себе на помощь, так и отсылали их прочь, когда необходимость в них отпадала. Подобные привычки — не очень мудрая линия поведения и лёгкий способ нажить себе врагов. И Вулли, и Ур были обязаны Кэтрин тем, что она пробудила частный и общественный интерес к раскопкам. Её личное обаяние сподвигло не одного мецената оказать щедрую финансовую поддержку экспедиции.

Кэтрин всегда отличалась слабым здоровьем. Умерла она в возрасте около пятидесяти лет. Как-то вечером перед сном она сказала Леонарду: «Лен, сегодня ночью я умру. Утром ты найдёшь меня мёртвой. Продолжай жить так же, как если бы я была жива». Он не поверил ей, ведь это была не первая тревога такого рода, но на следующее утро её действительно нашли мертвой. Так закончилась жизнь замечательной женщины, которая довела до бешенства многих людей, но обворожила гораздо больше.

Эпиграфиста отца Легрена, работавшего у Вулли во время моей первой экспедиции, направил к нам музей Университета Пенсильвании, спонсировавший раскопки совместно с Британским музеем. Легрен, седовласый, высокий и статный, был очень интересным человеком с циничным взглядом на вещи. Несмотря на духовный сан, его часто принимали за агностика. Легрен принял

²⁵ *Гертруда Белл* (1868–1926) — британская путешественница, шпион, археолог. Совершила многочисленные путешествия по Великой Сирии, Месопотамии, Малой Азии и Аравии. Помогала в определении границ, а также в управлении

сан, поддавшись на уговоры матери, но гораздо лучше ему подошла бы роль отца семейства. После многообещающего начала эпитафист не смог найти общий язык с четой Вулли и, отработав два сезона, покинул нас. Уход Легрена опечалил нас, кроме всего прочего, потому, что он умел блестяще копировать надписи. Некоторым из нас он служил неиссякающим источником веселья, когда по воскресеньям по пути в Насирию — а ехать надо было десять миль по ухабистой дороге — пел без устали, отпускал шутки и рискованно заигрывал с облачёнными в капюшоны бедуинками. Иногда он получал смущённый ответ на свои безобидные комментарии. Всем нам Легрен нравился, но ужасно разозлил щепетильного Вулли, когда не без основания назвал одного из наших слуг старым пердуном.

Легрен нашёл хорошего товарища в А.С.Уитбёрне, молодом ветеране Первой мировой. Уитбёрн передвигался среди развалин на протезе и обращался к рабочему, сопровождавшему его с рулеткой, на неслыханной разновидности арабского языка. По завершении одного из сезонов экспедиционные средства истощились, денег на обратную дорогу почти не оставалось, и нам с Уитбёрном пришлось вместе проделать нелёгкое путешествие от Александрии до Афин третьим классом по цене в один фунт за человека. С сожалением должен признаться, что мы поддерживали силы, воруя лук и помидоры из открытых ящиков на палубе. Должно быть, речь шла о серьёзном преступлении. Мы ели их, чередуя, сперва чтобы согреться, потом чтобы освежиться. Наши попутчики испытывали к нам самые тёплые чувства. Мне пришлось спать рядом с бедствующим торговцем с острова Тенос, то и дело настойчиво предлагавшим мне сделать глоток из своей бутылки. По прибытии в Афины мы съели огромный завтрак, а когда он закончился, заказали ещё один. В Уре Уитбёрн развлекал нас анекдотами про кокни²⁶[26], коих знал множество.

Двое моих коллег по раскопкам заслуживают отдельного рассказа. Один из них — Джон Роуз, тихий и веселый шотландец, ставший моим другом на долгие годы. Роуз был прекрасным чертёжником и внёс неоценимый вклад в общую работу, разобравшись в запутанных рядах кирпичной кладки на месте древнего зиккурата — здания, за долгое время своего существования выдержавшего ряд замысловатых перепланировок. Джон Роуз был человек исключительной скромности. Закончив работу на раскопках, он отправился в Вест-Индию и разработал новый план для города Кастри. Роуз теоретически мог оставить заметный след в истории как архитектор, но был начисто лишён честолюбия.

Работая вместе, мы с Роузом старались поддерживать гармонию в коллективе и были осторожны в высказываниях, но, когда я покинул экспедицию, к ней присоединилась группа менее сдержанных сотрудников. Роуз рассказал мне, как однажды ночью четверо из них собрались после полуночи, изложили все свои претензии на листах бумаги, а через два часа бумагу торжественно сожгли. Неплохой вариант психологической разрядки.

Другой мой замечательный коллега того времени — отец С. Дж. Барроус, священник-иезуит из Кэмптон-холл²⁷, сменивший отца Легрена на должности эпитафиста. Этот возвышенный человек, внушающий расположение, немного, наверное, склонный к мистицизму, был слишком далек от всего мирского, чтобы стать подходящей компанией для молодого человека вроде меня, иногда нуждавшегося в поддержке. Барроус прекрасно разбирался в древних восточных языках: шумерском, аккадском, финикийском, арамейском и иврите, но при всех своих способностях не мог освоить разговорный арабский, для него составляло проблему даже попросить кувшин горячей воды. Когда ему приходилось проводить для наших гостей экскурсию по раскопу, его манера резко отличалась от манеры Вулли. Вулли обо всём рассказывал с уверенностью. Барроус же так нерешительно переводил даже самые простые надписи на кирпичах, говорил с таким сомнением, что только специалист мог заподозрить в нём серьёзного учёного. Каждый раз, когда я показывал Ур посетителям, мы неизменно видели, как Барроус в своей чёрной шапочке сидит на корточках в нашем туалете под открытым небом. Это отхожее место прекрасно просматривалось с

²⁶ Один из самых известных типов лондонского просторечия, назван по пренебрежительно-насмешливому прозвищу уроженцев Лондона из средних и низших слоёв населения.

²⁷ Иезуитский колледж в Оксфорде. Назван по имени мученика-иезуита елизаветинских времен Эдмунда Кэмптона.

вершины зиккурата. Было неловко объяснять любопытным, что перед ними наш эпитафист, выполняющий свой утренний ритуал.

В те годы я практиковал католицизм, и когда Барроус, добросовестный священник, согласился отслужить воскресным утром мессу для небольшой индийской христианской общины на станции Ур, я вызвался ему прислуживать. Это была настоящая жертва, потому что воскресенье обещало нам редкий отдых, а нам предстояло встать в половине седьмого и, к всеобщему неодобрению, завести старый шумный «Форд-Ти», чтобы преодолеть на нём две мили до станции, как раз когда наши товарищи наслаждались заслуженным сном. Когда мы добрались до гостиницы, где предполагалось служить мессу, единственным нашим слушателем оказался сторож-магометанин, безупречно приготовивший для нас всё необходимое. Индийские христиане кутили весь предыдущий вечер, все до одного напились в хлам и на службу не явились. Мы отслужили три мессы подряд, а когда закончили, внезапно появились полдюжины человек, грустные и порядком изношенные, и попросили нас начать заново. Барроус, как и следовало ожидать, отказался исполнить их просьбу. Вместо этого он обратился к прибывшим с небольшой речью о том, что Церковь не зря предписывает сначала поститься, а потом уже праздновать. По совпадению, точно такой же принцип проповедовали вавилонские жрецы. Я со своей стороны не смог удержаться и напомнил Барроусу о мусульманине — единственном, кто явился на назначенную нами встречу. Барроус в ответ попросил меня никому не рассказывать о случившемся, и я исполнил его просьбу. Надеюсь, его дух простит меня за то, что я выдал его тайну пятьдесят лет спустя.

Когда я уезжал из Лондона присоединиться к экспедиции в качестве младшего её участника, предполагалось, что я буду работать в качестве помощника широкого профиля, а Вулли займётся моим обучением: у меня не было никакого опыта. Вдобавок подразумевалось, что я стану учить арабский и доведу разговорный язык до приличного уровня. У меня никогда не было особых способностей к языкам, но я запасся грамматикой Ван Эсса и постоянно носил её в кармане в течение нескольких лет. В итоге я научился сносно говорить и понимать по-арабски, а также устанавливать смысл сказанного с помощью вопросов и ответов. Этот диалектический метод сослужил мне хорошую службу во время войны, когда лучшие знатоки арабского, чем я, терпели неудачу. Кроме этого, в мои обязанности входило ведение платёжной ведомости. Это непростая задача, если учесть количество работавших на нас людей и тот факт, что мы платили им в рупиях и аннах, а складывать их было невероятно сложно. В конце рабочего дня я выполнял функции медика и оказывал помощь рабочим.

Как младшему участнику экспедиции, мне часто поручали показывать нашим гостям раскоп, если в этом возникала необходимость, особенно тем, кто направлялся в Индию. Нам было особенно приятно принимать прославленного миссионера Ван Эсса, автора моего бесценного словаря. Ван Эсс более сорока лет руководил голландской миссией в Басре и многое мог рассказать об этих местах. Он впервые посетил Ур ещё в 1904 году и рассказывал, как турок-комендант сидел в своей палатке, а его подданные после заката упражнялись в стрельбе, используя его как мишень.

Другим известным посетителем, о котором я должен рассказать, была Гертруда Белл, чьё имя столь же часто звучало и почиталось в своё время в арабском мире, как и имя Т.Э.Лоуренса²⁸. Мы как раз находились в Уре, когда Гертруда сильно подорвала свой политический авторитет. Она проигнорировала слова сэра Арнольда Уилсона, высокого комиссара, предупреждавшего, что в Ираке будут беспорядки. Беспорядки действительно случились, и серьёзные: погибло множество людей, особенно в районе Дивании, где разгромили санитарный поезд. Мы подозревали, что кое-кто из наших рабочих принял активное участие в резне. После этих событий Гертруда направила свои силы на основание музея и на создание в Ираке Службы древностей на постоянной основе. За это Ирак в неоплатном долгу перед Гертрудой Белл, и нужно надеяться, что рано или поздно жители Ирака долг признают. В течение моих двух первых сезонов в Уре Гертруда лично исполняла обязанности директора по древностям и могла по нескольку дней сражаться с Вулли за долю находок. По правилам, находки должны были делиться ровно пополам, но она защищала права Ирака с яростью тигрицы. Гертруда в свои пятьдесят семь оставалась женщиной

²⁸ *Томас Эдвард Лоуренс*, более известный как Лоуренс Аравийский (1888–1935), — британский офицер и путешественник, сыгравший большую роль в Великом арабском восстании 1916–1918 годов.

исключительной энергии. Однажды я сопровождал её в путешествии по Эриду. День был очень жаркий, но ни один из мужчин не решился первым предложить Гертруде перестать ненадолго бродить по пыльному городу и прерваться на ланч.

Возвращаясь из экспедиции в 1926 году, мы с Уитбёрном навестили Гертруду Белл в её небольшом доме в Багдаде, чтобы засвидетельствовать ей своё уважение. Гертруда была рада нас видеть. Она чувствовала себя одиноко и тяжело переносила утрату общественного и политического влияния. Три месяца спустя Гертруда умерла от передозировки снотворного, принятого, как предполагалось, специально. Нам действительно повезло, что мы были знакомы с этой замечательной женщиной, прекрасным знатоком арабского, профессиональным историком и отважной путешественницей, чьи две основные книги, «The Desert and the Sown» («Пустыня и посевные») и «Amurath to Amurath» («От Амурата до Амурата»), до сих пор считаются классикой. Столь же замечательны письма Гертруды Белл, написанные лёгким и приятным слогом, словно они давались ей без труда после долгого дня в дороге. Память об этой великой женщине будет жить вечно как в этой стране, так и во всём мире. Я до сих пор помню время, когда музей в Ираке состоял из одной полки, наполовину уставленной артефактами. Потом Гертруда Белл приобрела кирпичное здание на берегу Тигра, и оно более двадцати лет служило первым археологическим музеем Ирака. Теперь его сменило огромное здание, оснащённое по последней моде, где собрана одна из величайших в истории коллекций древностей Шумера и Месопотамии²⁹, и всё это исключительно благодаря Гертруде Белл, к тому же завещавшей деньги на открытие Британской школы археологии Ирака.

Наверное, самая тяжкая экспедиционная обязанность выпадала мне в начале сезона. Я вместе с нашими бригадами отправлялся на место раскопок заранее. В Уре случаются такие сильные песчаные бури, что одно крыло экспедиционного дома после нашего летнего отсутствия бывало замечено песком по самую крышу, и мы дня по три раскапывали его обратно. Привести дом в порядок было трудоёмкой задачей. Увы, несмотря на суровое и исключительно засушливое лето, поздней осенью нас ожидали ужасные ливни: нас задевал хвост индийского муссона.

На раскопках мы задействовали около двухсот — двухсот пятидесяти человек, иногда больше, иногда меньше. Рабочие трудились от рассвета до заката с получасовым перерывом на завтрак и часовым — на обед и получали за полный день энергичной работы по рупии, что примерно равнялось восемнадцати пенсам. Кроме того, они получали «бакшиш», то есть вознаграждение, за каждую, даже самую незначительную находку в качестве поощрения за внимательность. Каждая бригада состояла из кайловщика, землекопа и четырёх, пяти или даже шести корзинщиков, в зависимости от того, насколько далеко нужно было нести землю. Ещё существовала небольшая бригада человек из восьми, управлявших двумя вагонами на нашей узкоколейке.

Арабские племена были крайне бедны, существовали на грани голодной смерти. От них не приходилось ожидать избыточной энергии, их заставляли работать увещаниями, похвалой, а порой и страхом увольнения. И всё же работа на раскопках считалась большим благом, все стремились её получить.

Работу требовалось выполнять медленно, но за двенадцать лет наши рабочие переместили сотни тысяч тонн почвы. Они были костяком нашей незаменимой команды, извлекающей историю из-под земли. Рабочими командовал бригадир, пожилой отец семейства Хамуди ибн Шейх Ибрагим из Джераблуса, что на севере Сирии. Перед тем как приехать в Ур, Хамуди много лет работал у Вулли на раскопках Каркемиша. С ним приехали трое сыновей. Я вижу будто сейчас, как наш старый добрый Хамуди, возвышаясь над обрывом, словно гигантский орёл, наставляет и подбадривает рабочих, добываясь послушания с помощью угроз, ругани и сарказма попеременно.

²⁹ Новое здание Национальный музей Ирака получил в 1966 году. Во время военных действий в Ираке в 2003 году музей был разграблен мародёрами. Из хранилищ исчезло около 15 000 исторических и археологических реликвий, относящихся к цивилизации шумеров и другим периодам истории Месопотамии.

За четыре или пять лет работы в команде выработался некоторый *esprit de corps*³⁰, всегда возникающий, когда люди действуют под грамотным руководством, преследуют общую цель и чувствуют гордость за свою работу. Тем не менее, однажды сознательность рабочих дала сбой. Мы обнаружили захоронение и, опираясь на опыт предыдущих находок, сделали вывод, что найдём на лбу усопшего золотой амулет. Когда землю расчистили, амулета в могиле не оказалось: один из рабочих вытащил его, воспользовавшись моментом. Прикинув в уме, кто из ста семидесяти рабочих мог оказаться вором, мы сошлись во мнении, что любой из ста шестидесяти девяти, но только не рабочий, которого мы прозвали «честный Джон Томас». Тот был точно вне подозрений. Итак, когда наступил очередной день зарплаты, Вулли спросил собравшихся, готовы ли они, когда будут подходить к столу за деньгами, клясться по очереди на Коране, что невиновны. Рабочие в один голос согласились. При процедуре присутствовал начальник полиции из Насирии. Около ста пятидесяти человек друг за другом поклялись в своей невиновности, а когда виновный собирался прикоснуться к книге, все они поднялись, как один, в возмущении, не желая присутствовать при этом страшном клятвопреступлении. Вором оказался «честный Джон Томас». Подобно Яго³¹, он годами намеренно создавал себе репутацию честного человека. Будь мы умнее, мы бы вовремя вспомнили Шекспира.

Получив начальные знания, я стал в конце каждого сезона отвечать за упаковку археологических находок. Как правило, получалось не меньше сорока или даже пятидесяти ящиков, причём речь шла об очень больших ящиках, предоставленных нам Королевскими военно-воздушными силами. Упаковка — ответственное и сложное дело, и к тому же очень пыльное. Я должен был сопровождать ящики в их путешествии по железной дороге до самой Басры. Обычно мне нравилось садиться в последний открытый вагон, в самый конец поезда. В Басре я сопровождал драгоценный груз в порт и следил, чтобы он благополучно попал на пароход и отправился в дальний путь в сторону дома.

1930 год, мой пятый и предпоследний сезон в Уре, стал для меня одним из важнейших лет в жизни: именно в этом году я женился.

Агата — тогда её звали Агата Кристи — посетила Багдад весной. Так случилось, что у меня в это время был аппендицит и я не присутствовал на раскопках. Супруги Вулли подружились с Агатой и пригласили её погостить у них осенью, а затем, после сезона, проехать с ними хотя бы часть пути до дома. Они знали её романы и относились к числу её больших почитателей. Когда Агата приехала в гости на раскопки в марте 1930 года, Кэтрин Вулли в своей обычной приказной манере велела мне свозить гостью в Багдад, а заодно показать ей пустыню и некоторые достопримечательности по маршруту. Агата очень беспокоилась из-за этой поездки. Она боялась, что я с большим удовольствием поехал бы домой один и сопровождаю её против своего желания. На самом же деле она с самого начала показалась мне очень приятным человеком, и перспектива совместной поездки меня, наоборот, обрадовала.

Вместе мы отправились в путь и осмотрели руины Ниппура. На нас произвели большое впечатление заброшенность руин, мрачный зиккурат и общая призрачность этого места, одного из самых древних городов Шумера. Мы провели довольно странную ночь в Дивании у офицера полиции Дитчбёрна, который очень грубо высказывался об археологах и явно был недоволен нашим визитом. Затем мы съездили в Наджаф, прекрасный старый город, обнесённый стеной, один из священных городов шиитов. Там нас не пустили в мечеть, но нам удалось увидеть один из последних трамваев, запряжённых лошадьми. Кроме этого случая, я видел такие трамваи всего дважды: один раз в Кью, ещё в детстве, а второй — в Сан-Франциско. Из Наджафа мы на машине поехали в Кербелу, где нам предстояло переночевать, а по пути посетили Ухайдир, прекрасный дворец эпохи Омейядов, так хорошо описанный Гертрудой Белл в книге «Amurath to Amurath». Людям, не привычным к высоте, очень страшно ходить по парапетам этих высоких зубчатых стен, но я провёл Агату за руку по ним по всем, и она доверилась мне без страха.

После осмотра дворца, учитывая дикую дневную жару, мы решили искупаться в солёном озере неподалёку. Там наша машина прочно увязла в песке. Казалось, её не достать никогда. К счастью,

³⁰ Командный дух (*фр.*).

³¹ Яго — персонаж пьесы Уильяма Шекспира «Отелло».

нас сопровождал охранник-бедуин, предоставленный нам полицией в Наджафе. Бедуину полагалось помочь нам добраться до Кербелы. Помолившись Аллаху, он отправился в путь за помощью. Ему предстояло пройти сорок миль пешком. Мы приготовились к долгому ожиданию. Помню, меня поразило отсутствие упрёков со стороны Агаты, ведь я недосмотрел за водителем и позволил ему завязнуть в песке. Будь моей спутницей Кэтрин Вулли, так обязательно и случилось бы. Я решил, что она замечательная женщина.

Не прошло и пяти минут после ухода нашего сопровождающего, очень красивого бедуина, облачённого в форму полиции пустыни с длинной развевающейся куфией, как на нашем одиноком пути появился старомодный «Форд-Ти», до отказа набитый пассажирами. «Форд» остановился, все четырнадцать пассажиров вышли оттуда и буквально подняли нашу машину из песка. Можно сказать, с нами случилось небольшое чудо. Благодаря Богу, мы поехали в Кербелу, где переночевали в полицейском участке. Нам выделили две комнатки: одну мне, другую — Агате. Последней моей задачей в этот вечер было сопроводить её в туалет, освещая путь полицейским фонарём. Позавтракали мы в тюрьме, и я помню, как один из полицейских читал нам «Мерцай, мерцай, маленькая звёздочка» по-арабски. Мечеть в Кербеле отличалась особой красотой, с удивительными изразцами незабываемо небесно-голубого цвета. В прекрасном настроении добрались мы до Багдада и остановились в отеле Мод, простенькой, но приятной гостинице.

Мы больше не упоминали о нашей остановке в пустыне на пути в Кербелу, и я, скорее всего, даже не догадывался, что короткая поездка в Багдад приведёт к более долгому союзу длиной без малого пятьдесят лет. По дороге домой мы проделали часть пути вместе на Симплтонском Восточном экспрессе, сначала проводив супругов Вулли до Алеппо и попрощавшись с ними там. Наша поездка на экспрессе «Таурус» в конце марта прошла очень приятно, и во мне укрепилось намерение просить руки Агаты, когда мы доберёмся до дома.

Мы поженились 11 сентября 1930 года.

Глава 3

Ур: раскопки

Самые древние следы жизнедеятельности человека, обнаруженные Вулли в Уре, были найдены на дне огромной вырытой шахты, на глубине пятидесяти футов.

Погружаясь глубже и глубже в недра земли, Вулли миновал один за другим множество культурных слоёв, принадлежащих к разным эпохам, от конца Раннединастического периода, датируемого серединой третьего тысячелетия до н. э., до более ранних периодов, включающих Урук и Джемдет-Наср — времени, когда возникла и развивалась письменность. Ещё глубже он обнаружил слой наносной песчаной глины со вполне ожидаемыми вкраплениями золотого песка, то есть песка, принесённого ветром. Вулли уже случалось находить похожие, но менее глубокие отложения неподалёку, а также приходилось слышать от Уотлина³² об уровнях паводка, найденных в Кише. Вулли скоро пришёл к выводу, что нашёл нечто значительное.

Он рассказал о своих наблюдениях жене, Кэтрин Вулли, дал ей почитать полевые заметки и спросил ее мнение о находке. Живой ум Кэтрин немедленно подсказал ей желанный ответ: «Это Потоп».

Согласно тексту на одиннадцатой табличке «Эпоса о Гильгамеше», Всемирный потоп затопил и уничтожил человечество. Только одной семье, семье Ут-напиштира, шумерского Ноя, удалось спастись: милосердный Бог помог им избежать гибели и велел захватить с собой по одной мужской и женской особи подходящих видов домашней живности. Так потоп описан в истории Ноя в Книге Бытия. Многие детали, в частности, рассказ о том, как выпускали птиц из Ковчега, достаточно точно повторяли содержание раннего клинописного источника. Напрашивался вывод:

³² Луи Шарль Уотлин (1874–1934) — французский археолог, специалист по Месопотамии.

древнее предание, происходившее из Месопотамии, сохранилось и через ханаанские памятники попало в древнееврейские тексты Ветхого Завета. находка пришла в Вулли по душе. Обнаружение правдоподобных следов ветхозаветных событий неминуемо должно было произвести фурор среди читающей Библию общественности, и Вулли, блестящий журналист, преподнёс новости наилучшим образом.

Когда мы спускались на дно глубокого раскопа и оказывались перед стеной Навуходоносора, Вулли говорил нам: «Здесь мы оставляем историю позади. Отдаёте ли вы себе отчёт, что Навуходоносора от потопа отделяет гораздо больший период времени, чем нас — от Навуходоносора?» В пласте наносной породы Вулли обнаружил доисторические захоронения позднего убейдского периода³³ и предположил, что здесь покоятся останки людей, погибших при потопа. Несколькими футами глубже мы наткнулись на нетронутый грунт, и на нём Вулли заметил первые следы человеческого присутствия в Уре и тростниковые хижины, построенные его первыми обитателями в те времена, когда поселение было ещё не более чем островком среди болот.

Следы потопа, обнаруженные Вулли, оказались отложениями, образовавшимися в конце доисторического периода, называемого убейдским, примерно за 4 тысячи лет до н. э., то есть, слишком рано, чтобы соотнести их с описанным в источниках потоком в Месопотамии. Последний однозначно связывается со временем правителя Шуруппака (Утнапшима), процветавшего в начале Раннединастического периода, около 2990-х годов до н. э. Следы же того самого потопа были обнаружены на месте самого Шуруппака (Фары) и идентифицированы не только в урском раскопе, на гораздо меньшей глубине, по постройкам из плоско-выпуклого кирпича, но также и в Кише, где этих следов было существенно меньше.

Таким образом, Вулли не в первый раз пришёл к блестящему умозаключению, но немного промахнулся. Вне всякого сомнения, он действительно обнаружил великий потоп — один из многих великих потоков, с незапамятных времён опустошавших Вавилонию. Было бы крайне интересно вернуться к этим слоям и систематически их изучить. Вот задача для будущих исследователей.

Самой значительной находкой Вулли в Уре и второй по древности стало царское кладбище, давшее нам представление о масштабах шумерского богатства. Ничего подобного мы раньше не видели и вряд ли увидим когда-нибудь. Вулли раскопал и описал более двух тысяч захоронений, по большей части относившихся к Раннединастическому периоду, примерно к 2750–2450 годам до н. э. В других захоронениях обнаружили прекрасные образцы искусства эпохи саргонидов, примерно XXIV века до н. э., а кроме того, раскопали серию кирпичных гробниц с ложными сводами времён Третьей династии Ура.

Эти чудесные раскопки самым поразительным образом продемонстрировали сильные и слабые стороны Вулли. Ни тогда, ни сегодня не нашёлся бы другой человек, способный справиться с обработкой такого гигантского потока находок. Хранилище забили под завязку, под нашими кроватями лежали груды золота. Нужно отдать должное уровню безопасности в Ираке в период британского мандата и бдительности нашего славного шейха Муншида из Гази: не произошло ни одного налёта на экспедицию, ни одной попытки ограбления, несмотря на быстро распространившиеся сплетни, что, кроме всего прочего, мы нашли сфинкса из цельного куска золота.

То, как эффективно Вулли руководил этим сложным рабочим процессом, свидетельствует о его прекрасных организаторских способностях. Из двух тысяч могил каждую без исключения нанесли на карту. Делалось это с помощью рулетки и компаса. Во время сильного ветра или песчаной бури снимать показания прибора было непросто: стрелка колебалась и крутилась туда-сюда, как балерина. Вулли предусмотрительно выбрал для границы раскопа такой участок, где стратификация грунта виднелась лучше всего. Здесь с одного взгляда можно было отследить полную последовательность слоёв, составлявших холм. Этот пустырь служил кладбищем в течение трёхсот пятидесяти лет. Вулли особенно радовал тот факт, что поверх всего участка, где

³³ Доисторический период Месопотамии и смежных стран, датирующийся VI — нач. IV тыс. до н. э.

располагалось кладбище, проходил нетронутый слой, позволяющий определить, когда именно оно перестало использоваться. Другими словами, всё найденное глубже этого слоя не могло относиться к более позднему времени, чем самые поздние из объектов, найденных в самом слое, а среди таких объектов присутствовали оттиски печатей, хорошо знакомые археологам в Месопотамии.

К сожалению, Вулли часто судил предвзято. Он был полон решимости доказать, что наши находки древнее всех найденных ранее. В частности, он был уверен, что цивилизация в Месопотамии зародилась раньше, чем в Египте, и это неверное суждение ввело в заблуждение самого Вулли и некоторых его коллег. Вулли предпочитал действовать в одиночку и не любил просить совета, особенно в ситуации, когда ему уже удалось выстроить удовлетворительную, с его точки зрения, хронологию. Он пришел к выводу, что самыми поздними объектами, найденными в слое, ограничивающем царское кладбище сверху, были оттиски времён Первой династии Ура, приблизительно датированные примерно 3100 годом до н. э. Здесь Вулли ошибался: некоторые из оттисков относились к эпохе саргонидов, то есть были явно не древнее 2400 года до н. э. Слой, расположенный ниже кладбища, он тоже отнёс к более древнему периоду, чем следовало это сделать, исходя из данных. Более того, оттиски, найденные на большей глубине, чем кладбище, и таким образом относящиеся к более раннему периоду, несомненно, не старше, чем период, известный как первый Раннединастический. Царские захоронения можно с уверенностью отнести ко второму и третьему Раннединастическим периодам, а некоторые из них ещё позднее. Сейчас считается, что большая часть царских захоронений относится к периоду между 2750 и 2500 годами до н. э., а многие могилы простолюдинов при этом века на два моложе.

Египет был основной проблемой Вулли, удивившей его от истины. Сейчас мы не можем согласиться с оценкой, приведённой им в «Уре халдеев»: «И когда Египет действительно пробудился, <...> наступление новой эры ознаменовалось для него освоением идей и образцов более древней и высшей цивилизации, достигшей расцвета в низовьях Евфрата. <...> Именно у шумерийцев следует искать истоки искусства и мировоззрения египтян»³⁴.

Для этой довольно существенной ошибки Вулли есть оправдание: в его время датировка древних оттисков только зарождалась. Собственно, именно данные, собранные Вулли, позволили поставить хронологические исследования на научные рельсы. Бессмертной заслугой Вулли остаётся письменная и графическая регистрация находок, позволившая подвести достоверную основу под вавилонскую хронологию третьего тысячелетия до н. э. В действительности обе цивилизации, египетская и шумерская, развивались более или менее *pari passu*³⁵, в ногу, что и показали находки Вулли.

Царское кладбище в разгар раскопок являло собой ошеломляющее зрелище. Когда мы раскопали одну из царских гробниц, содержащую не менее семидесяти четырёх человек, заживо погребённых на дне глубокой царской шахты, нам показалось, что мы видим перед собой золотой ковёр. Этот ковёр украшали головные уборы придворных дам в виде буковых листьев, а засыпан он был серебряными арфами и лирами, до самого последнего момента игравшими погребальную музыку.

Несправедливо выбрать из множества разнообразных находок, сделанных на царском кладбище, самые, на мой взгляд, важные и замечательные, а прочие обойти вниманием. Но всё-таки, мне кажется, следует в особом порядке упомянуть самое первое из найденных в Уре сокровищ — находку 1926 года, знаменитый золотой кинжал, превосходно сохранившийся в своих ножнах с плетёным узором, с изысканной рукоятью из лазурита, украшенной золотыми заклёпками. Никто до нас не находил ничего подобного, и известный археолог де Мекенем³⁶ ошибочно заключил, что кинжал имеет нешумерское происхождение, а сделали его наверняка в эпоху Итальянского Возрождения. В гробницах нашли неожиданно большое количество лазурита, указывавшего на торговые связи с далёкими месторождениями в Бадахшане, на территории

³⁴ Цит. по: Вулли Л. Ур халдеев. Издательство Восточной литературы, 1961.

³⁵ Наравне (лат.).

³⁶ Роланд де Мекенем (1877–1957) — французский археолог, принимавший участие в раскопках Сузы в Иране.

современного Афганистана. Не исключено, что для удовлетворения потребности Шумера в лазурите пришлось истощить лучшие жилы месторождений, ведь нигде больше этот минерал не находили в таких количествах. Многие золотые сосуды, названные критиками примитивными, были на самом деле изысканными произведениями искусства, изящными и прочными, как лучшее серебро времён королевы Анны. Например, прекрасно сохранившаяся маленькая серебряная лампа в форме рифлёной чаши — настоящий шедевр.

Не меньше удивляли музыкальные инструменты с бычьими и оленьими головами. Ящик, покрытый мозаикой из перламутра и лазурита и названный Вулли «королевским штандартом», являлся, как мне кажется, резонатором лиры. Поражал воображение головной убор царицы Шубад (Пу-аби). В гробнице Шубад нашли золотые ленты и сотни великолепных бусин из сердолика и лазурита, украшавшие когда-то её причёску. Почётное место среди находок занимает роскошное изделие из электрума³⁷ — кованный парик с чеканкой, принадлежавший принцу Мескалам-дугу. По краю парика располагался ряд отверстий, предназначенных для крепления кожного подшлемника, а ещё два отверстия были сделаны на месте ушей. Нельзя не упомянуть и прекрасного маленького онагра, то есть дикого осла, выполненного из золота. Он украшал ярёмное дышло, найденное на одной из колесниц в могильной шахте. Этот список можно продолжать бесконечно. Разнообразие и количество найденных предметов свидетельствует об активных торговых связях с Анатолией и Ираном, а в особенности — с Сузианой и Эламом. Недавно стало очевидным, что некоторые из каменных сосудов с высокой вероятностью доставили аж из Кермана — региона на юге центральной части Ирана. Удивительная свобода перемещений и широта торговых сетей, характеризующие третий Раннединастический период, продолжали постепенно развиваться из века в век.

Царское кладбище также стало свидетелем значительного развития архитектуры: об этом свидетельствует каменная кладка с использованием ложных сводов и увенчанная куполом гробница принцессы. Для поддержки купола использовался, возможно, впервые в истории, рудиментарный парус³⁸. Из всех исследователей именно Вулли внёс наибольший вклад в историю и археологию Раннединастического периода.

С открытием царского кладбища мир впервые узнал о впечатляющих масштабах человеческих жертвоприношений в Шумере. Чтобы сопроводить правителя на тот свет, массово умерщвлялись придворные. Больше всего эта традиция напоминает индийский обряд сати. Столь дорогостоящий и расточительный ритуал, требующий навеки закапывать в землю массу драгоценностей, просуществовал недолго: слишком уж много человеческих жизней — особенно женских, так как большую часть жертв составляли именно женщины, — и слишком много сокровищ тратилось зря. Эта древняя традиция упоминалась в вавилонских письменных источниках, когда подобный вид погребения давно уже вышел из практики. До нас дошёл отрывок песни на смерть легендарного царя Гильгамеша. Он, согласно клинописному тексту, отправился на тот свет в окружении слуг, дословно — «всех тех, кто лежит вместе с ним».

Над окружающей Ур равниной возвышается ступенчатая храмовая башня, зиккурат, как возвышался он здесь с момента своей постройки в 2100 году до н. э. С этим зданием, имевшим изначально более семидесяти футов в высоту, не сравнится ни один зиккурат Месопотамии. Зиккурат Ура отличаются насыщенный красный цвет, не имеющая аналогов композиция кирпичной кладки и великолепно продуманная архитектура всего комплекса с его тремя лестницами по сто ступеней каждая. Когда здание только появилось из-под земли, оно поражало красотой, величественным силуэтом, лёгкими изгибами фасадов, не имеющих ни одной прямой линии. Увы, с тех пор оно начало разрушаться, а реконструкцию выполнили неудачно. На каждом из обожжённых кирпичей, составлявших это огромное здание, отпечатали имя Ур-Намму, основателя Третьей династии Ура. Восстановив Ур и сделав его столицей Шумера, Ур-Намму превратил древний город из сырцового кирпича в город из кирпича обожжённого, подобно Августу, переодевшему Рим из кирпича в мрамор.

³⁷ *Электрум* — сплав золота и серебра.

³⁸ *Парус* — архитектурный элемент, часть купольной конструкции.

Башню, поднимавшуюся тремя ярусами, когда-то увенчивало небольшое святилище, где разворачивались таинственные церемонии. Из источников следует, что даже в более поздние времена, при Геродоте, в V веке до н. э., на вершине вавилонского зиккурата находилось святилище и ложе. На ложе царь, олицетворяющий бога, вступал в связь с богиней. Этот обряд, как мы можем предположить, способствовал плодородности земли. Такой же обряд существовал и во времена Третьей династии Ура. До нас дошли данные о священной брачной церемонии того периода. После торжественного церемониала и следующего за ним банкета царь предавался любви с женщиной — жрицей, олицетворявшей богиню. Иногда это могла быть дочь царя, иногда сестра. Церемония сопровождалась гимнами откровеннейшего содержания, восхвалявшими женские половые органы.

Ур-Намму правил в течение восемнадцати лет. Взойдя на трон в 2150 году до н. э., он объединил земли, ограниченные низовьями Тигра и Евфрата, в Шумерскую империю. Чтобы защитить город, Ур-Намму построил огромный вал толщиной в семьдесят футов, огораживающий пространство в три четверти мили длиной и в полмили шириной.

Самыми значимыми достижениями Ур-Намму стали учреждение постоянного правительства и, главное, постройка сети каналов для обеспечения водой Ура и других городов, оказавшихся под его управлением. Орошение, несомненно, требовалось для лучшего урожая зерновых, в том числе льна, необходимого и царской семье, и подданным.

Раскопки в Уре продолжительностью в двенадцать сезонов внесли непревзойдённый вклад в копилку знаний об археологии и архитектуре одного из великих городов Шумера и Вавилонии. Дополнительную ценность раскопкам придаёт количество найденных исторических документов. Благодаря им древние памятники говорят громким и ясным голосом, и прозаичные археологические находки превращаются в поэму.

Например, мы узнали, что сын основателя зиккурата, Шульги, царствовавший сорок восемь лет и украсивший творение своего отца, был музыкантом и играл на восьми инструментах, в том числе на тридцатиструнной лире со звукоподражательным именем Ур-Забаба. Судя по найденным источникам, первые двадцать восемь лет царствования этого царя-музыканта не ознаменовались никакими свершениями. Впрочем, в его распоряжении имелось весьма толковое правительство. Затем Шульги, очевидно, начал посвящать музыкальным занятиям меньше времени и стал в высшей степени успешным правителем, чья власть простиралась далеко за пределы Ура, до самого Ирана. Шульги можно, наверное, сравнить с музыкантом Падеревским, начавшим с карьеры известного пианиста, а в итоге ставшим премьер-министром своей страны.

Шульги создал царские эталоны мер и весов, о чём свидетельствует груз из диорита — превосходный надписанный эталон веса утки массой около четырёх фунтов, найденный нами возле стен зиккурата. Также он занимался украшением храмов в Уре и других городах и, как следует из одной надписи, «много сделал для Эриду, стоящего на берегу моря». Так как Эриду находится прямо по соседству с Уром, из этих слов мы можем сделать один вывод, что подтверждается и геофизическими наблюдениями: Ур в те времена стоял не просто на берегу реки, а рядом с серией лагун, соединявших его непосредственно с Персидским заливом, находившимся в ста пятидесяти милях. Благодаря такому расположению, Ур-Намму смог восстановить древнюю морскую торговлю с югом.

Третьим по счёту представителем династии был монарх по имени Бур-Син. За свой короткий — всего девять лет — срок правления он улучшил и украсил город. Бур-Син укрепил свой авторитет, построив храм под названием Абзу по соседству с Уром, в Эриду, и умер «от укуса обуви». Я всегда считал, что Бур-Син заработал гангрену, ступая по дюнному песку, покрывавшему эти места с незапамятных времён. Вне всяких сомнений, он лично руководил постройкой нового храма.

Священный город Эриду, первый город, согласно шумерским источникам, построенный после потопа, отличала неземная красота. Он являл собой впечатляющее зрелище на рассвете или сразу после восхода солнца, мерцающий в утренней дымке на расстоянии двенадцати миль от Ура. Зиккурат Эриду, теперь гора развалин, казалось, снова обретал в такие моменты свою древнюю форму многоярусной башни и возвышался таинственным силуэтом в мягком предутреннем свете. Древние стены, виднеющиеся сквозь тонкую пелену, казалось, оживали и преображались.

После Бур-Сина, восстановившего Эриду, трон последовательно занимали два других монарха, и монархи эти начали осознавать: сохранить достижения предшественников им не под силу. Ни

один из них не смог внести более или менее значительный вклад в архитектуру Ура. Из этого мы можем заключить, что город переживал трудные времена.

История и памятники Ура не знают более яркого и интересного периода за время его долгой жизни, чем период взлёта и падения Третьей династии. Многие выдающиеся памятники и скульптуры этой эпохи посвящены богу Луны Нанне и его супруге Нин-Гал, известной как Великая Госпожа. Нанна и Нин-Гал были главными божествами Ура, и не случайно — Луна в этих местах светит особенно ярко. Здесь мы нашли обширные следы пожара и обнаружили в пепле обгоревшие осколки скульптур, разбитых жестокими эламитами — яркое и наглядное отражение трагического конца династии.

Помню, как мы совершили очень интересную находку. Среди строительных обломков у подножия одной из высоких кирпичных платформ мы обнаружили статую богини Бау, сидящей на троне с гусями по правую и по левую руку. Думаю, Бау считалась покровительницей фермеров. Времена их расцвета давно прошли, и защитница фермеров лежала лицом в землю в приделе храма, все помещения которого — комнаты ткачей, писцов, жрецов, просторные кухни — теперь были пусты и заброшены.

Из всех археологических исследований, произведённых в Уре, наиболее ярко показывают повседневную жизнь обычных горожан раскопки в частных домах, расположенных в специально отведённом квартале города. Лучше всего сохранились дома, построенные в течение нескольких веков, следующих за периодом Третьей династии Ура, то есть, между 2000 и 1400 годами до н. э. или немного позднее. Мы постоянно находили признаки долговечных традиций и невероятного постоянства владельцев земли и недвижимости. Права землевладельцев неукоснительно принимались во внимание вплоть до нововавилонского периода, наступившего после 600 года до н. э., поэтому город практически не подвергался перепланировке. Путь от дома до дома лежал сквозь лабиринты извилистых улиц.

Помню, при раскопках одного из частных владений мы рассмотрели наслоения до глубины в двадцать футов и обнаружили в углу дома небольшой алтарь, притулившийся на кучке земли. Алтарь, кирпичный столик для подношений, сохранял своё расположение как минимум в течение шести столетий. Никто не осмелился сдвинуть его с места. Там же, на перекрёстке дорог, стояла общественная молельня, посвящённая странникам. Внутри мы нашли грубовато сделанную каменную статую богини на кирпичном пьедестале и небольшой ящик с медными статуэтками. Плетёные ворота на входе так и остались открытыми, и их отпечаток на грунте сохранил для нас все детали конструкции.

Вулли с удовольствием подчёркивал, что именно в этом квартале частных домов, должно быть, жил пророк Авраам до того, как перебраться из города Луны Ура в город Луны Харран, расположенный далеко на севере, вблизи Сирии и Малой Азии. О самом Аврааме, состоятельном главе рода, довольно зажиточном человеке, но не очень важной фигуре в Уре, мы не нашли ни одного упоминания. В наши дни, когда Библия перешла в разряд малопопулярной беллетристики, сложно представить себе, как заинтересована была общественность в находках, связанных со Священным Писанием. В какой-то степени решение начать раскопки в Уре было продиктовано именно этим соображением. Вулли как сын священника сам воспитывался на Священном Писании. Он превосходно помнил Старый и Новый Завет. Однажды нашему эпископу ошибочно показалось, что он прочёл имя Авраама на глиняной табличке. Я необдуманно упомянул об этом открытии в письме старому другу. Узнав о моём поступке, Вулли устроил мне серьёзный выговор и заставил меня отправить другу телеграмму с настоятельной просьбой хранить наше открытие в тайне, пока не придёт время рассказать о нём общественности. Время так и не пришло.

Типичные дома в Уре постройки 2000–1400 годов до н. э. отличались прочностью. Каждый балкон подкрепляли колонны, и в каждом внутреннем дворе стояло по четыре колонны, первоначально, несомненно, из дерева, иногда установленные на низкую кирпичную ступеньку или пьедестал. По соседству с входной дверью, ведущей непосредственно на улицу, располагалась комнатка привратника, рядом с ней — лестница из кирпича и дерева. Планировка, при которой входящий в дом сразу попадал в открытый квадратный внутренний двор, была продиктована особенностями организации хозяйства в древних шумерских городах и их вавилонских потомках. Для перевозки товаров использовались тягловые животные: ослы, онагры,

мулы и даже быки. Затем привезённые тюки складывались во внутреннем дворе, чтобы потом отправиться дальше или распределиться в пределах дома. Пока Авраам жил в городе, так было организовано и его хозяйство. Пятьдесят лет назад, когда я работал в Уре, большинство домов в Багдаде строили похожим образом. Получается, их планировка зародилась более чем за четыре тысячи лет до этого момента и вышла из употребления только с появлением автомобиля, когда вьючные животные практически перестали использоваться.

Вулли был непревзойдённым актёром, учёным с живым воображением. Оно иногда заводило его далеко, но, как правило, не покидало пределов возможного. Особенно интересно он проводил для посетителей Ура экскурсии по раскопанным жилищам. Вы проходили по узким улочкам, стучались во входную дверь и часто благодаря табличкам могли узнать имя хозяина — купца, торговца тканями, ювелира или школьного учителя. Вы узнавали, преуспел ли он в бизнесе или потерпел неудачу: некоторым домовладельцам удавалось завладеть прилегающим участком, некоторые сами лишались своей собственности в пользу соседей.

Ничто не ускользало от глаз Вулли, всё служило пищей для его воображения: «Это дом директора школы. Осторожно, нижняя ступенька слишком высокая. Раньше перед ней была ещё одна ступенька, деревянная, но она давно рассыпалась. Понимаете, хозяину дома пришлось сделать этот участок лестницы как можно более крутым, ведь дальше лестница поворачивает и проходит над туалетом. Так он мог не биться головой». «Теперь взгляните на крышу, — говорил он, и мы смотрели в пустое небо. — Я знаю, крыши вы не видите, но мы знаем о ней всё, что нужно. Основные данные перед вами на полу», — и он указывал на кирпичное основание одной из четырёх давно исчезнувших деревянных колонн, которая, вне всякого сомнения, когда-то поддерживала балкон шириной в три фута, откуда вода во время дождя стекала в имплювий³⁹ посреди двора. Затем он показывал на единственное место, где могли проходить водосточные желоба, и объяснял, как именно между ними под лёгким наклоном располагался лепной карниз. Экскурсия продолжалась в том же духе, по мере того как мы проходили сквозь базарную площадь, мимо больших хлебных печей на «Площади пекарей», мимо дома торговца тканями, молельни на перекрёстке и трёхэтажного постоянного двора.

Экскурсия получалась весёлая, и если нас иногда и водили за нос, то, по крайней мере, по прекраснейшим местам. Пусть не все заключения Вулли соответствовали истине, он оказывал науке неоценимую услугу, заставляя нас перепроверять гипотезы. Многим лишённым воображения археологам это бы не помешало.

Во время раскопок, правда, Вулли не осознавал, какую массу исторических и хозяйственных свидетельств он нашёл в жилых домах. На расшифровку и объяснение содержания собранных там глиняных табличек ушли годы. Многие данные впервые опубликовал А. Л. Оппенгейм⁴⁰ в захватывающей статье «Торговцы-мореплаватели Ура». В частности, в статье рассказывалось об одном торговце по имени Эа-Насир. На рубеже XX и XIX веков до н. э. он занимался торговлей и обменивал одежду, серебро, шерсть, ароматические масла и кожу на медь, слоновую кость, бусины, полудрагоценные камни и лук в больших количествах. Травлёные бусины из сердолика, возможно, индийского происхождения, часто находили при раскопках в Уре и других городах Вавилонии. Также в источниках упоминается очень ценное украшение в виде птицы, известное как «птица из Мелуххи». Вероятно, речь шла о статуэтке, изображающей петуха. Производились такие птицы предположительно на востоке современного Белуджистана. Сейчас мы уже много знаем о торговле в Уре как в более ранние, так и в более поздние периоды, и важнейшей частью сведений мы обязаны открытиям Вулли. Начиная с XXVI века до н. э. и в течение шести столетий или около того Шумер вёл торговлю со странами, известными как Маган и Мелухха. Вместе эти две страны покрывали существенную часть Южного Ирана. Позже торговля с Мелуххой распространилась до самых границ Индии, о чём свидетельствуют печати, выполненные в той же манере, что и индийские, найденные в Уре и в Персидском заливе.

³⁹ *Имплювий* — бассейн для стока дождевой воды.

⁴⁰ *Адольф Лео Оппенгейм* (1904–1974) — один из наиболее известных ассириологов своего поколения, ответственный редактор многотомного Чикагского ассирийского словаря, издававшегося под эгидой Института востоковедения Чикагского университета в 1955–1974 годах.

Вдохновлённая открытиями Вулли, в соседнем городе, Ларсе, сейчас работает французская экспедиция, ожидая найти целый архив данных, подобный тому, что был найден в Уре. Напомню, что в дополнение к литературным, эпическим, религиозным, историческим документам Вулли обнаружил в Уре тысячи деловых текстов. Многие из них, найденные в нескольких зданиях, включая храм богини Луны Нин-Гал, посвящены событиям, происходившим гораздо ранее, чем описанная нами торговля.

Череда находок, сделанных в жилых домах, показывает нам, через какие перипетии проходил Ур на протяжении тысячи лет, начиная с 2150-х годов до н. э. Мы становимся свидетелями конца шумерских династий, видим, как их сменяет семитский политический режим, а на первый план выходят города Исин и Ларса. Затем Уру приходится признать власть царя Хаммурапи из Вавилонской династии. Южане, потомки шумеров, враждовали с вавилонянами, и вскоре после установления очередного господства северян одному из последователей Хаммурапи, Самсуилуне, пришлось разрушить стены города, возведённые при Ур-Намму, около 2110 года до н. э. Некогда славная крепость, Ур на несколько веков потерял влияние и попал под власть касситов, династии иранского происхождения.

Ур возродил монарх по имени Куригальзу, царствовавший с 1407 по 1389 год до н. э. Следы активного строительства во времена Куригальзу встречаются по всему городу, и самый известный из них — это здание, названное «высокой платформой», украшенное арками и, по всей вероятности, когда-то увенчанное куполом. Одно время его отдельно стоящая арка — впечатляющее зрелище — считалась самой старой на свете, но сейчас этот рекорд давно побит. Куригальзу, чья крепость в Аккар-Куфе, неподалёку от Багдада, в наши дни привлекает туристов своим зиккуратом, вне всяких сомнений, занялся восстановлением Ура из политических и религиозных соображений, не думая об экономической выгоде. Пусть Ур был практически разрушен, но он представлял собой руины когда-то великого религиозного центра Шумера. Возродив город, царь касситов гарантированно зарабатывал авторитет, потому что умиротворял его старых богов и жрецов. Куригальзу не приписал себе постройку ни одного здания. Везде использовалась формула: «то, что с давних пор было разрушенным, он обновил, его основы он восстановил». Такова тактическая вежливость Куригальзу.

Что бы ни строил монарх, его труды сразу бросались в глаза. Кирпичи зачастую использовались плохие, с примесью песка. Плохо обожжённые, они отличались зеленоватым оттенком. Однако мы не должны пренебрежительно относиться к заслугам монарха: ему удалось снова сплотить отжившее свой век общество. Малое количество деловых текстов выдаёт период застоя.

Эти грубые касситы, утвердившиеся в Вавилонии, — действительно интересный народ. Они устанавливали огромные межевые камни и вырезали на них новые символы богов, чтобы заявить права на занятые территории, а здания украшали рельефной кирпичной кладкой — простым геометрическим рисунком или, как в соседнем городе Варке, уникальным карнизом, иллюстрирующим их зависимость от богов, снабжавших город водой.

Касситы ввели в употребление новую форму скульптуры — каменные и фаянсовые маски с очень яркими чертами, чья реалистичность явно не была основной задачей скульптора, и цилиндрические печати нового типа, полностью покрытые надписями и украшенные прекрасной гравировкой. Касситы были умелыми кузнецами, в особенности золотых дел мастерами и ювелирами, и неплохо обращались со стеклом. Их наследию в Уре Вулли посвятил целый том.

После падения власти касситов в Вавилонии наступили тёмные времена. Более четырёх столетий поддерживали они здесь пусть и еле тлеющие, но всё же огоньки цивилизации. Три сравнительно малоизвестных вавилонских монарха оставили следы строительной деятельности в Уре в период упадка, в XII и XI веках до н. э. Затем наступил новый период расцвета, совпавший со временем правления двух замечательных царей Вавилона, который, несмотря на бедственное экономическое положение, никогда не терял религиозного значения.

Первый великий исторический персонаж, Навуходоносор II, правивший в 605–561 годах до н. э. и изменивший курс истории Вавилона, оставил в Уре заметный след. По всей Вавилонии при нём изготавливались тысячи обожжённых кирпичей и скрупулёзно проштамповывались его именем и титулами. Он, со своей страстью к пропаганде, был Бивербруком своего времени и превосходно владел искусством рекламы. Главным достижением Навуходоносора II стало то, что он пожинал плоды огромной победы, одержанной его отцом Набопаласаром, в 612 году до н. э.

объединившимся с мидийцами из Ирана, уничтожившим Ниневию и все важнейшие крепости Ассирии, включая Нимруд-Калах. Навуходоносор в свою очередь обратил внимание на египтян — другую иностранную державу, всех представителей которой за пределами их собственного государства следовало уничтожить, что он и сделал с успехом в битве при Каркемише в верховьях Евфрата в 605 году. Ещё одна заслуга Вулли — он проводил раскопки в самом Каркемише и в месте расположения жилых домов нашёл убедительные свидетельства этой великой вавилонской победы. Затем Навуходоносор приступил к покорению Финикии и Сирии, и власть Вавилона распространилась на Запад. По мере возможности правитель позаботился, чтобы об этих завоеваниях узнали по всей Вавилонии, и Вулли обнаружил в Уре значительные следы деятельности Навуходоносора.

Помимо реконструкции зиккурата, в центре города Навуходоносор заново отстроил священную стену, или теменос, — массивную конструкцию из сырцового кирпича с межстенными помещениями, ограничивающую пространство четыреста на двести ярдов и прерывающуюся мощными воротами. Этот человек знал, как произвести впечатление.

Одним из изменений, произведённых Навуходоносором в Уре, была перестройка древнего храма под названием Э-нун-мах. Изначально высокий алтарь был спрятан от людских глаз и стоял в самом укромном святилище. Теперь же алтарь или пьедестал установили на виду у посетителей, и таким образом обряды, ранее проходившие втайне, видоизменились. Разбравшегося в Ветхом Завете Вулли сразу же озарила догадка, и он соотнёс эту новую форму поклонения с местом в Книге пророка Даниила, где рассказывается, что иудеев, как и прочих жителей Вавилона, заставили пасть и поклониться «золотому истукану». Им пришлось выбирать между идолопоклонством и смертью. Таким образом, данное открытие в Уре подтвердило, что соответствующая запись в Библии свидетельствует о смене религиозных обрядов в Вавилоне.

После смерти Навуходоносора сменили друг друга ещё три сравнительно неважных нововавилонских монарха. В сумме они правили всего шесть лет.

Затем, с 555 по 538 год до н. э., царствовал Набонид, один из самых выдающихся царей и последний правитель Вавилона. Именно он, а вовсе не его предшественник, был, как следует из Ветхого Завета, психически неуравновешен и в итоге отправлен на покой. Раскопки ясно показали, сколь глубокое участие принимал Набонид в судьбе Ура и как заботился о городе. Неудивительно, ведь мать Набонида была верховной жрицей в северном городе Луны Харране. Эту почтенную пожилую женщину похоронили с любовью и пышными подношениями в возрасте ста четырёх лет. Также, если принять во внимание родословную Набонида, неудивительно, что он назначил свою дочь верховной жрицей Ура и поселил в обитель Э-гиг-пар по соседству с зиккуратом. Шкатулка из слоновой кости в финикийском стиле с изображением ряда девушек, держащихся за руки, принадлежала, вероятно, именно ей и, скорее всего, происходила из Тира или из Сидона.

Самой замечательной находкой в резиденции этой дамы стала комната, где хранились плоские глиняные диски, представлявшие собой упражнения учеников и содержащие пометку, что они принадлежат классу для мальчиков. В другой комнате, смежной с первой, обнаружилась коллекция артефактов, относившихся к эпохе столетий на четырнадцать древнее, чем время, когда жила дочь Набонида. Речь шла о древних текстах и диоритовой статуе Шульги, второго царя Третьей династии Ура. Более того, на глиняном предмете, формой напоминавшем барабан и содержавшем надписи частично на давно исчезнувшем шумерском языке, частично на живом в то время аккадском, оказался музейный ярлык. Он сообщал, что кирпичи другого царя, Бур-Сина, скопировали с тех, что были найдены среди руин Ура. Это произошло при попытке правителя восстановить план храма, «который он увидел и записал на удивление очевидцам».

Копии пестрели ошибками, но свидетельствовали о сознательном изучении древностей и об археологических раскопках, имевших место в Уре за две с половиной тысячи лет до раскопок Вулли. Такое почтительное отношение к древностям во времена последнего вавилонского царя, как подчёркивал Вулли, косвенно говорило об очень древнем происхождении археологии. Я же думаю, оно уходило корнями ещё и в мистическую картину мира, учившую уважать прошлое и бояться его. Тревожить древние памятники считалось опасным, а ещё опаснее было уничтожать их, и действия Набонида и его дочери, совершенно не уникальные в своём роде, показывали, насколько мудрым и важным с точки зрения истории они считали уважительное отношение к наследию древних времён. Ур кишел призраками прошлого, и благоразумнее было их ублажать.

И всё же основные следы деятельности Набонида сохранил зиккурат. Судя по всему, в то время, когда Набонид получил власть над Уром, здание отчаянно нуждалось в ремонте. Три его основных яруса были покрашены в чёрный, красный и голубой, потому что в нововавилонскую эпоху над его верхним ярусом возвышалось небесно-голубое святилище из глазурованного кирпича, возможно, увенчанное куполом. Вулли нравилось думать, что купол был золотым, как на мечети в Кербеле. Несомненно, эти цвета несли магический смысл. Возможно, они символизировали подземный мир, землю и небо или небесный свод в соответствии с традиционными шумерскими представлениями. Также Вулли нравилось ассоциировать комплекс из трёх лестниц по сто ступеней каждая со сном Иакова, описанным в Книге Бытия: Иаков увидел во сне лестницу, по ней ангелы восходили на небеса и нисходили с небес. На одном из фасадов зиккурата остался любопытный след поверхностных исследований, проводимых в Уре задолго до того, как здесь появился Вулли. Мы обнаружили там шрамы от огромного туннеля, который в 1854 году проделал в стене Тейлор, британский консул в Басре, ошибочно полагая, что этот величественный памятник, подобно египетским пирамидам, представляет собой царскую гробницу.

Ещё два раскопанных Вулли здания, связанных с именем Набонида, заслуживают упоминания. Одно из них, «Портовый храм», выстроенный, вероятно, на берегу канала, может служить прекрасным примером нововавилонской архитектуры. Храм стоит на глубоком фундаменте, необходимом из-за сырости, и стены его отлично сохранились вплоть до высоты в двенадцать футов. Вулли покрыл храм крышей, и посетители Ура могли побродить по его тёмным, наводящим ужас помещениям и ощутить присутствие бога Луны.

Раскопки огромного дворца по соседству с храмом Вулли поручил мне в мой второй сезон. Я горжусь планом здания, подписанным моим именем, наряду с именем моего старого друга и коллеги архитектора А.С.Уитбёрна, помогавшего мне выполнить это сложное для новичка задание. Тогда я предположил, что это большое здание являлось резиденцией верховной жрицы, царской дочери, и Вулли великодушно не стал мне противоречить. Теперь моё предположение кажется менее правдоподобным, потому что у царской дочери имелась уже упомянутая собственная обитель в Э-гиг-паре неподалёку от зиккурата. Впрочем, вполне возможно, что одно крыло здания принадлежало ей: оно состояло из трёх самостоятельных частей, и одна из них походила на гарем. Архитектура здания имеет черты, характерные для нововавилонского периода. Стены из сырцового кирпича достигают почти ста футов в длину и укреплены не более и не менее чем девяносто восемью небольшими контрфорсами, которые успешно разбивали монотонность фасада и в определённое время суток отбрасывали длинные тени.

Неэкономному использованию площадей способствовал длительный перерыв в истории города, вследствие чего многие здания оказались заброшены. Места для новых построек имелось достаточно, и среди зданий этого периода мы находим частные дома больших размеров, чем во все предыдущие периоды существования города. Судя по всему, эти просторные постройки возводились с большой скоростью, подобно громадным дворцам из искусственного мрамора, выросшим с такой же скоростью в Самарре примерно в тысячном году н. э., когда один из халифов из династии Аббасидов решил перенести столицу из Багдада в более безопасное место.

Таким образом, город Ур несёт на себе отпечаток великих монархов, оставивших после себя персональные монументы, свидетельствующие о новых замечательных этапах в жизни города. Последний из таких монархов — это Кир, но на рассказ о нём нам не хватает места.

Кир Великий, правивший с 558 по 529 год до н. э., захватил Вавилон и положил конец свершениям Набонида, последнего из нововавилонских монархов.

Кир починил священную стену, теменос, восстановил одни из его ворот и начертал своё имя на диоритовом креплении створки. Он починил и восстановил древний храм Э-нун-мах, таким образом показывая, что новая персидская власть с уважением относится к чужой религии. В манифесте, выбитом на найденном в Вавилоне цилиндре, знаменитом «цилиндре Кира», Кир Великий разоблачал ересь своего предшественника, при котором культ Луны пришёл в упадок. Многочисленные данные показывают, что Кир позаботился о восстановлении, насколько это было в его силах, преемственности управления, о безопасности города и его стражи и даже о процветании золотых дел мастеров. Однако правление Кира стало последней из многочисленных

лебединых песен Ура. После этих событий город быстро угас, и найти здесь можно разве только немногочисленные следы эллинистического завоевания. Настоящей причиной полного экономического упадка стало разрушение городской системы водоснабжения и то, что Евфрат выбрал новое русло. Река, когда-то омывавшая стены города, теперь изменила курс.

Сейчас река протекает милях в десяти к востоку от Ура. Как выразился Вулли, «когда-то густонаселённый город стал грудой развалин, само имя его было забыто, а в отверстиях стен зиккурата гнездились совы и находили убежище шакалы».

Конечно, работа, связанная с нашими открытиями в Уре, не ограничивалась раскопом. Каждый год в течение месяцев, проводимых нами в Англии, мы продолжали описывать наши находки и вносить их в каталог. Мне пришлось особенно тяжело работать летом 1930 года, потому что Вулли решил выжать из меня всё возможное, пока я был ещё холост. Помимо работы над привезёнными из Ура сокровищами в научно-исследовательских лабораториях Британского музея, я должен был помогать Вулли с реестром небольших находок, который он готовил для своего объёмного тома, посвящённого царскому кладбищу в Уре.

Закончив порученную мне работу, я собирался отправиться в свадебное путешествие. Однако перед отъездом мне пришлось выслушать наставления Вулли. Он сказал, что я должен приехать в Багдад не позже 15 октября и никакие оправдания не будут приняты, если я опоздаю. Вулли объяснил, что я должен буду пристроить к экспедиционному дому новое крыло — кабинет и ванную для Кэтрин Вулли, и в Багдаде он даст мне точные указания касательно плана пристройки и разъяснит, как следует приступать к этой работе. Я заверил Вулли, что не опоздаю, и мы тепло попрощались.

Мы с Агатой наслаждались медовым месяцем сначала в Венеции, а затем в Афинах, спустившись вдоль побережья Адриатического моря на небольшом пароходике под названием SRBN, целиком принадлежавшем нам. Кормили нас очень вкусно. Капитан уверял нас, что никогда бы не согласился на продвижение по службе, ведь тогда ему пришлось бы расстаться с поваром.

Самой запоминающейся частью нашего путешествия по Греции стоит признать посещение Басс. Мы хотели посетить храм в Фигалии. Нам пришлось десять часов ехать верхом на мулах, причём большая часть маршрута пролегла по краю обрыва. В конце пути Агата не могла стоять без поддержки, к тому же её ноги сильно распухли после укусов клопов, живших под плюшевыми подушками в вагоне поезда, на котором мы ехали в Пиргос. Так Агата получила первое представление об испытаниях, ожидающих жену археолога. Нас приободрил приём, оказанный нам владельцем гостиницы в Бассах, невероятно толстым человеком, носившим имя Омбариотис. Именно там я прочёл в греческой газете об ужасном крушении дирижабля R101.

К сожалению, под конец нашей поездки, во время посещения прекрасного храма на мысе Сунимум, Агата почувствовала себя очень плохо. По прибытии в Афины мне пришлось вызвать греческого врача, который сообщил, что у неё пищевое отравление. Вдобавок он в моё отсутствие рассказал Агате, что его предыдущий пациент с подобным диагнозом скончался после четырёх дней болезни. Агата осмотрительно скрыла от меня эти неуместные откровения, но я всё равно очень волновался, наблюдая за её состоянием.

Через несколько дней Агате стало немного лучше, и когда до моего самолёта в Багдад оставалось всего два дня, пришлось сказать доктору, что мне необходимо знать наверняка, выживет она или умрёт. У меня назначена жизненно важная встреча на 15 октября, и если я на неё не явлюсь, только смерть Агаты может служить достаточным оправданием. Доктор разразился лекцией об отвратительной жестокости, свойственной всем англичанам. Никто, кроме англичанина, сказал он, не мог бы подойти к вопросу с такой бесчеловечностью, и мои слова невозможно воспринимать всерьёз. Я ответил, что мне, тем не менее, необходимо знать, как обстоят дела. К счастью, вечером накануне моего отъезда мы оба, то есть Агата и я, решили, что она чувствует себя лучше, и почувствовали, что можем спокойно разлучиться. В итоге я сел в назначенный день на самолёт, а Агата осталась в Афинах ещё на пару ночей, не больше, чтобы потом самостоятельно добраться до Лондона.

Добравшись до Багдада, я, к своему крайнему возмущению, обнаружил, что Вулли ещё нет. Супруги ожидалась не раньше чем ещё через неделю. Я страшно рассердился и решил немедленно, на следующий же день, отправиться в Ур в сопровождении Хамуди, уже прибывшего

в Багдад со своими сыновьями. Добравшись до Ура, я велел ему нанять сотню рабочих, быстро взяться за дело и с максимально возможной скоростью построить новое крыло по моему собственному плану — просторную гостиную с красивым размашистым камином и дымоходом из клинчатого кирпича и самую убогую и тесную ванную, какую только можно. Работу завершили за пять дней, и я с чувством удовлетворения отправил Вулли телеграмму, сообщая, что прибыл в Багдад точно 15 октября, не нашел его там и поспешил построить новое крыло по собственному разумению. Как я и предвидел, Кэтрин срочно выслала Вулли в Ур. Он прибыл в состоянии, близком к панике, и вынужденно признал, что новая гостиная ему вполне нравится, хотя ванная, по его мнению, маловата и её придётся снести. Через несколько дней приехала сама Кэтрин. Она была столь любезна, что целиком и полностью одобрила гостиную. Ванную же велели снести и расширить. Так закончилась моя выходка.

Я очень скучал по Агате в течение этого сезона, первого после нашей женитьбы, но так как в Уре имелось место только для одной женщины, она поступила мудро, не поехав со мной. Я не стал противиться такому решению, но всё же настроился искать работу в другом месте, на каких-нибудь раскопках, куда я мог бы поехать вместе с женой. Также я считал, что мне настало время приобрести новый опыт, хотя Вулли, разумеется, придерживался другого мнения. В общем, когда доктор Кемпбелл Томпсон⁴¹ пригласил меня поехать в Ниневию в качестве его ассистента для раскопа в большом холме на доисторическую глубину, я с готовностью принял предложение. Так после шести сезонов закончилась моя работа в Уре.

Финальный отчёт о работе в Уре, написанный по большей части самим Вулли, состоит из десяти объёмных томов. На издание этого труда ушло около пятидесяти лет, потому что то и дело приходилось ждать финансирования, необходимого для отправки очередного тома в печать. Кроме этого, были опубликованы восемь томов текстов из Ура, составленные различными эпиграфистами.

Отчёт о пяти сезонах исследования царского кладбища и сопровождающие его иллюстрации были закончены только в 1933 году, через три или четыре года после окончания раскопок. Том с описанием имел более шестисот страниц в длину, а иллюстрации и общий план захоронений расположились на двухстах семидесяти трёх листах. Вулли работал вместе с помощниками и щедро выразил благодарность мне и покойной мисс Джоан Джошуа. Мисс Джошуа была приятной пожилой леди, чей зонтик, увенчанный серебряной утиной головой, мы постоянно украшали бусинами из сердолика, когда его хозяйка приходила навестить нас в научно-исследовательских лабораториях Британского музея. Боюсь, финальный отчёт содержит неизбежные ошибки в некоторых деталях, но если бы мы проверяли и перепроверяли все наши утверждения, касающиеся как непосредственно раскопа, так и множества находок, рассредоточенных по разным музеям, работа могла занять ещё лет десять, а некоторые последующие труды наверняка бы не вышли вовсе.

Вулли привык работать на скорую руку, но он хорошо чувствовал, чем можно пренебречь, а что действительно важно. Хотя взятый темп и не позволял ему обращать внимание на все мельчайшие детали, никто другой не справился бы с полевой работой так блестяще.

Однажды мне довелось наблюдать, как Вулли воскрешал давно исчезнувший музыкальный инструмент. Он залил гипс в маленькие дырочки, в которых опознал отверстия, оставшиеся на месте сгнивших деревянных частей. Вулли описал этот эпизод в «Уре халдеев» следующим образом: «Так и с деревом. Оно исчезает без следа, но оставляет отпечаток на грунте, точный слепок, настолько чёткий и так передающий цвета, что можно по ошибке принять его за реальный предмет. Стоит тронуть такой слепок пальцем — и он разрушится столь же легко, как осыпается пыльца с крыла бабочки»⁴².

⁴¹ *Реджинальд Кемпбелл Томпсон (1876–1941)* — британский археолог, ассириолог и специалист по клинописи. После посещения раскопок Агата Кристи посвятила повесть «Смерть лорда Эджвера» чете Кемпбелл Томпсон.

⁴² Цит. по: Вулли Л. Ур халдеев. С. 54.

Я навещал Вулли в Лондоне, в его доме на Сент-Леонардс Террас. Далеко за полночь он сидел за работой и с невероятной скоростью писал чётким и логичным языком. Вряд ли мир увидит когда-нибудь столь же одарённого человека.

Глава 4

Ниневия

Нельзя представить себе место, более не похожее на Вавилонию, чем Ассирия — земля, расположенная на широте современного Багдада, в ста милях к северу от бутылочного горлышка, где Тигр и Евфрат сходятся и текут на расстоянии не более тридцати миль друг от друга. Главные города Ассирии, и Ниневия в том числе, вытянулись цепочкой вдоль быстрых вод Тигра, у самой реки или чуть поодаль. Считается, что древнее название Тигра, Идиглат, значит «стрела», и что назван он так по контрасту с безмятежным Евфратом, «спокойно текущей рекой», по-аккадски — «Пуратту».

Кроме всего прочего, Ассирия была ограничена с востока Загросом, мощной горной цепью, и из-за этого постоянно подвергалась вторжениям со стороны жителей гор, иранских мародёров. Чтобы выжить, стране приходилось постоянно держать оборону и всегда находиться в состоянии боевой готовности. Также Ассирия не могла существовать полностью самостоятельно: она зависела от плодородных полей Сирии, расположенной с запада. Такое положение вещей порождало агрессивные настроения, а бодрящий климат способствовал возникновению нации воинов, не склонных к сидячему образу жизни и соответствующим занятиям. Вавилония тоже боялась иранских набегов, но её границы не были столь уязвимы: чтобы добраться туда из Хузестана, требовалось проделать долгий путь, а в лежащем по соседству Лурестане население отличалось куда как меньшей густотой, чем в Загросе, граничившем с Ассирией.

Перед археологом стояла действительно сложная задача — выяснить, насколько сильно жители Ассирии отличались от просвещённых, набожных и мирных народов Вавилонии. Геродот совершенно справедливо отметил, что вавилоняне по природе своей были торговцами. Кроме того, Вавилония могла в основном сама обеспечивать себя зерном: интенсивное орошение позволяло его выращивать. Сеть каналов позволила стране замкнуться самой на себе и сформировала нацию интровертов, в противоположность Ассирии.

После открытых всем ветрам пыльных равнин Вавилонии зелёные холмы Ассирии казались раем. Мы жили в маленьком домике с небольшим садом у подножья Неби-Юнуса, места погребения пророка Ионы — большого телля, скрывавшего остатки арсенала Синаххериба. От дома до вершины Ниневии, то есть до холма Куюнджик, можно было за двадцать минут доехать на лошади. Оттуда открывалась чудесная панорама — как панорама окрестностей, так и историческая. Поднявшийся на сто футов над долиной мог видеть на западе крутые берега стремительно текущего Тигра, а за ним — мечети и церкви Мосула. Сквозь Мосул прошёл когда-то Ксенофонт во время своего легендарного похода в 401 году до н. э., когда он вёл свою армию из десяти тысяч греческих наёмников из долин Кунаксы к Чёрному морю. Не исключено, что название «Мосул» — отголосок старого названия «Меспила». Под этим названием город знали греки. В ста милях к северу Ассирия подходила к турецкой границе, минуя возвышенный участок из насыпей, покрытых зелёным дёрном, скрывавших под собой город Ниневию и его акрополь. На востоке виднелся Курдистан, горы со снежными шапками, известные как Джебель Маклуб, а за ними — Загрос, преграда, отделявшая Ассирию от опасного врага, Ирана. В южном направлении убегали равнины — в сторону Большого и Малого Заба и далёкой Вавилонии.

Сложно себе представить человека, менее похожего на Вулли, чем мой новый начальник, грубоватый, сердечный, добродушный Кэмпбелл Томпсон, эпиграфист по образованию, бывший невысокого мнения об археологии. Он нанял меня сделать глубокое зондирование огромного холма Ниневии на доисторическую глубину и выяснить, что скрывается под ассирийскими культурными слоями. Я с готовностью взялся за эту работу, поскольку я помогал Вулли делать

глубокий доисторический раскоп в Уре. Думаю, Томпсон хотел доказать, что в Ниневии не было никакого Всемирного потопа. Я с очень большим интересом исследовал север после шести лет ученичества на юге, и дополнительным плюсом являлась возможность взять с собой Агату. Барбара, жена Кэмпбелла Томпсона, была очаровательной, доброй и лишённой эгоизма женщиной. Свою жизнь она посвящала другим. Мы справедливо привыкли считать её святой.

Перед тем как пригласить в экспедицию нового сотрудника, Кэмпбелл Томпсон подвергал его определённым испытаниям. Одним из таких испытаний была прогулка сквозь грязь и болота, другим — поход в кино. Кэмпбелл Томпсон отличался равнодушием к этому виду искусства. Агата прекрасно справилась с грязью, а меня Си Ти⁴³ предупредил, что одного из моих предшественников отбраковали на этапе кино, так как тот делал глупые замечания. Я старательно молчал и создал себе репутацию человека благоразумного. Мне предстояло преодолеть более серьёзное препятствие — показать себя искусным наездником. Кэмпбелл Томпсон, к счастью, не стал меня экзаменовывать до отъезда, но подчеркнул, что мне чрезвычайно важно усидеть в седле, потому что мой предшественник, Р.У.Хатчинсон, потерял свой авторитет среди рабочих, упав при них с лошади. Си Ти не мог себе позволить рисковать повторением подобного эпизода. До этого я ездил на лошади всего дважды, на приволье урских степей, и один раз лошадь убежала прямо вместе со мной. Тем не менее я уверил Кэмпбелла Томпсона, что прекрасно умею ездить и ни разу ещё не падал с лошади. Он остался доволен, а я обещал себе всё лето брать уроки верховой езды. Однако время прошло, а я так ничего и не сделал. В общем, я ждал Ниневии с некоторым беспокойством и надеялся как-нибудь выкрутиться. Ещё больше я встревожился, когда узнал, что Кэмпбелл Томпсон собирается купить мне лошадь на базаре в Мосуле. Будучи бережливым до крайности, он стремился купить самое дешёвое животное из возможных и нашёл за цену в три фунта небольшого пони. Его никто другой и трогать не хотел, потому что пони брыкался. Он достался мне.

Почти каждое утро, сменяя друг друга, мы поднимались верхом на холм. К счастью, Кэмпбелл Томпсон не видел, как я садился в седло. Я цеплялся за лошадь, подобно Джону Гилпину⁴⁴, и кое-как преодолевал щебёночную дорогу и крутые и ещё более скользкие подъёмы узкой тропы, ведущей на вершину холма, где меня по прибытии громко приветствовали рабочие. Лошадь пугалась такого приёма и немедленно становилась на дыбы. Ещё опаснее был обратный путь, когда лошади приходилось сползать вниз по скользкой тропе, но я как-то умудрялся усидеть, крепко держась за шею животного, особенно в те моменты, когда его заносило на щебёнке. К сожалению, единственный участок дороги, покрытый щебёнкой, находился между нами и холмом. Мало-помалу, полагаясь скорее на удачу, чем на умение, я стал увереннее. К концу сезона я уже получал удовольствие от верховой езды и обгонял Томпсона на равнине. Он сделал мне комплимент, сказав, что я езжу, как кентавр. Возможно, я на подсознательном уровне унаследовал кавалерийскую подготовку своего отца.

Наши рабочие в Ниневии были народом необузданным, не таким дисциплинированным, как в Уре, и общались мы друг с другом свободно, на равных, но арабы даже в Северном Ираке с уважением относятся к начальству, и управлять ими было не особенно сложно, если не терять бдительность. И всё же начало моего сезона с Кэмпбеллом Томпсоном нельзя назвать благоприятным. Как раз в этом, 1931 году, Англия отменила золотой стандарт, и Си Ти решил урезать рабочим плату. Им и так платили относительно мало — по десять, восемь и шесть пенсов в день кайловщику, землекопу и корзинщику соответственно, и я убеждал начальника не сокращать зарплату ещё больше. Си Ти настаивал, что мы не можем поступить иначе и должны платить всем на два пенса меньше и никакие уговоры с моей стороны не заставят его отступить. И вот в первое утро мы взобрались на вершину холма, встали перед собравшимися рабочими и объявили им, что каждому, кто на нас работает, придётся смириться с уменьшением зарплаты на два пенса. Объявление, естественно, было встречено всеобщим возмущением, если не сказать

⁴³ В США и Великобритании широко распространена практика называть людей по инициалам (С. Т. — Campbell Thompson).

⁴⁴ *Джон Гилпин* — персонаж юмористической баллады английского поэта Уильяма Купера (1731–1800). Баллада повествует о том, как Джон Гилпин не смог справиться с лошадью и проскочил, таким образом, пункт назначения.

мятежом. Кэмпбелл Томпсон стал по-арабски объяснять, почему зарплату необходимо уменьшить и что значит отменить золотой стандарт. Увы, его выступление успеха не имело, и вскоре он повернулся ко мне со словами: «Кажется, так мы ни к чему не придём. Попробуйте теперь вы». Моего знания арабского не хватало для рассуждений на столь сложные темы, тем более в этой теме я не разбирался, и на своём родном языке сказал, что ничем не могу помочь. Кроме того, я вовремя заметил, как один из наших достойных кайловщиков с угрожающим видом воздел над моей головой кайло. И всё же, несмотря на эту стычку, мы не отступили от своего плана, и рабочие в конце концов смирились со снижением платы. Не знаю, случались ли подобные сцены раньше и повторялись ли потом, но по этому эпизоду можно судить о твёрдости характера Си Ти.

Должен признаться, работа велась достаточно неорганизованно, и одним из доводов Кэмпбелла Томпсона в спорах с рабочими было то, что им самим нравилось приходиться на раскоп, где рабочие могли от души поболтать с товарищами. Раскоп служил для них своеобразным клубом. Кэмпбелл Томпсон устроил так, что сначала выполнял свою задачу кайловщик, потом, разрыхлив участок грунта, он садился, и на его место приходил сначала землекоп, а затем корзинщик. В результате невозможно было определить, кто в тот или иной момент должен работать. Ситуацию усугубляло то, что мы в то время каждый день по мере продвижения работы засыпали за собой раскоп, и нам не удавалось увидеть более или менее длинный участок непрерывной кладки. Было невероятно трудно составлять план. На самом деле работа в Ниневии являлась по большей части широко разрекламированной охотой за табличками, и если ничего стоящего не попадалось, Кэмпбелл Томпсон отправлял корзинщиков поработать на старый отвал Лейарда или Джорджа Смита. Мы непременно брали реванш, находя новые фрагменты огромной кунджикской библиотеки, к тому моменту уже насчитывавшей двадцать две тысячи табличек. Томпсон был настоящим знатоком этого собрания текстов и в своё время, видимо, объединил многие сотни фрагментов. Томпсон вообще представлял собой любопытную смесь разных талантов и разбирался далеко не только в узкоспециализированной эпиграфике⁴⁵. Он на любительском уровне интересовался ботаникой, географией и химией и, занимаясь этими предметами, внёс существенный вклад в изучение этих редких направлений в ассириологии. Вдобавок он был опытным чертёжником, мог быстро набросать эскиз и когда-то учился геодезии: в совсем юном возрасте ему довелось работать геодезистом в Судане. Долго он там, правда, не продержался и успеха не добился. Доставив по поручению руководства из Англии новый инструмент, он умудрился уронить его с утёса. Кэмпбелл Томпсон очень любил сэкономить. Он чертил на доске для выпечки, купленной за полкроны на аукционе в Боарс-хилле, а в качестве вешки использовал сучковатую дубовую палку с турецких холмов. Тем не менее, когда Томпсон завершил съёмку местности в Ниневии, его рисунки совпали с фотографиями с воздуха с минимальной погрешностью, не имевшей значения для археологов.

Си Ти отличался спортивным духом. Иногда он боролся с рабочими, и если одерживал победу, то потом часто обвинял противника в том, что тот просто поддается начальнику. Он любил пострелять, и мы иногда вместе отправлялись за добычей. Я немножко нервничал, так как один из стволов его ружья двенадцатого калибра погнулся, а скупость не позволяла Си Ти отослать оружие в починку.

Зимой иногда было непросто решить, выходить ли на работу в дождь. Рабочие жили на расстоянии нескольких миль от раскопа, и если они добирались до нас, а работы не было, мы должны были заплатить им за часть дня. Поэтому нам приходилось в полной темноте, по крайней мере за час до рассвета, определяться, пробуем ли мы продолжать работу в этот день. Мы устраивали совещание на крыше дома и, придя к тому или иному решению, передавали с помощью фонаря соответствующий сигнал сторожу, находившемуся на вершине холма в миле от нас. Иногда нам приходилось ждать какое-то время, пока с вершины Кунджика придёт ответный сигнал. Мы подозревали, что сообщение передаёт не сам сторож, а его жена, периодически сопровождаемая собакой по кличке Вашо.

С приближением зимы нам приходилось закупать дрова для обогрева дома. К счастью, у нас в столовой был камин. Задача была непростой, и Си Ти приспособился подстергать караваны

⁴⁵ Эпиграфика — историко-филологическая дисциплина по истолкованию древних надписей.

курдов, перевозившие на ослах дрова с далёких холмов. Иногда он шёл за ними от Куюнджика до самого мосульского моста, стараясь купить дров подешевле, и надеялся заключить максимально выгодную сделку, предложив приемлемую цену до того, как они доберутся до моста, где взимались таможенные пошлины и муниципальные взносы. Той зимой, когда я работал в экспедиции ассистентом, цены зашкаливали, потому что дров страшно не хватало, и Кэмпбеллу Томпсону никак не удавалось договориться на приемлемую сумму. Однажды, когда мой руководитель был на вершине холма, а я работал дома, Барбара Кэмпбелл Томпсон и моя жена выследили караван и потребовали побежать за ним и купить дров, сколько бы они ни стоили. Я так сделал и довольно быстро договорился о цене. Я ждал прибытия Кэмпбелла Томпсона с некоторой тревогой, но он испытал ещё большее облегчение, чем я, обнаружив, что мне удалось добыть необходимый товар. Раз торговцы облапошили не его самого, а самонадеянного юнца, он готов был с этим смириться и воспринял новости с улыбкой.

Кэмпбелл Томпсон, хоть и был скуп, мог иногда проявить исключительную щедрость. Много раз, когда на вершину холма заезжал торговец сладостями, он угощал халвой всех, кто трудился на раскопе. Барбара возмущалась, видя подобную расточительность, и утверждала, что он не поступил бы так ради своих собственных детей. Кроме того, Кэмпбелл Томпсон был гостеприимным хозяином и держал хороший стол. Мы даже содержали в саду небольшое стадо индеек, очень вкусных, и часто выбивались из сил, разнимая дерущихся птиц. Один или два раза мы принимали у себя на Неби Юнусе нашего землевладельца, пожилого джентльмена по имени Шериф Дабагх, с которым мы были в дружеских отношениях. Я с удивлением заметил, что в таких случаях наш слуга немедленно направлялся в дом к землевладельцу, позаимствовать там всю посуду и столовое серебро, так как наша посуда была недостаточно хороша. Впрочем, никто против этого не возражал. Наш дом отличался скромной обстановкой, и когда Агата заявила, что хочет поехать на базар и купить стол, чтобы печатать на нём свою новую книгу. Си Ти счёл эту идею в высшей степени экстравагантной. Стол обошёлся Агате в три фунта. Си Ти цена показалась непомерно высокой. Он не мог понять, почему Агата не могла поставить пишущую машинку на обычный деревянный ящик. На этом столе Агата написала «Смерть лорда Эджвера».

На раскопе Кэмпбелл Томпсон часто бывал невыносим. Ему было чрезвычайно трудно принять решение и выбрать, где дальше копать. Мы вели на эту тему бесконечные споры, а когда, как я думал, приходили к какому-то решению, он иногда говорил: «А сейчас я буду *advocatus diaboli*⁴⁶», — и начинал всё с начала. В таких случаях я отчаивался и уходил, но на какой-то период мне удалось найти обходной путь. У Кэмпбелла Томпсона были два любимых бригадира, Абдэл Ахад и Якуб, пара старых дураков. Им он доверял безоговорочно, потому как они работали на него уже долгие годы. Я подходил к этим достойным людям и говорил: «Помните, в 1904 году мистер Л.В.Кинг сказал вам, что вот это место, на котором мы сейчас стоим, очень перспективное?» Можно было не сомневаться — они в свою очередь передадут мои сведения начальнику. Я поступал так два или три раза, но потом отнюдь не глупый Си Ти раскрыл хитрость и назвал меня молодым негодяем — наверное, вполне заслуженно. Ещё стоит упомянуть, что иногда мы ездили в Мосул в гости к нашим бригадирам, хотя Кэмпбелл Томпсон и его жена принимали приглашения неохотно: дома бригадиров содержались неважно, условия там были антисанитарные. Си Ти, напротив, был поборником чистоты: вся вода в нашем доме прокачивалась через бергфельдский фильтр и принимались другие подобные меры. Мне запомнился случай, как во время очередного нашего визита один из хозяйских детей сидел по очереди у всех на коленях и, казалось, похныкивал. Си Ти спросил, что с ребёнком. «Ничего, — ответил Якуб. — Просто ветрянка».

Думаю, из моего рассказа понятно, что в Ниневии на холме Куюнджик царил беспорядок. Происходящее могло бы разбить сердце профессионального археолога, но Кэмпбелл Томпсон, к счастью, был человеком другого склада ума. Холм Куюнджик, а именно его верхние двадцать футов, нужно было видеть. Более двух тысяч лет их безжалостно грабили, всю землю перерыли, и она была испещрена бесконечными ямами и отвалами. Что ещё хуже — многие поколения археологов рыли туннели в самое сердце холма, и часто нам приходилось пробираться сквозь

⁴⁶ Адвокатом дьявола (*лат.*).

один длинный туннель, имея ещё два над головой. Существовал риск обрушения, но мы всё-таки выжили.

Около шести верхних слоёв состояли из руин средневековых домов, и среди сделанных там находок присутствовали крайне интересные объекты. Там попадались замечательные образцы керамики, в том числе товары, импортированные из Китая, и классическая утварь из Самарры, но сами дома находились в ужасном состоянии. Затем мы миновали римские слои. Кэмпбелл Томпсон считал, что в этом месте когда-то был римский форт, и нам даже удалось найти значок римского легионера. Далее мы оставили позади следы сасанидской, парфянской и греческой культуры и наконец добрались до персидских и ассирийских слоёв.

В таких условиях неудивительно, что сам Си Ти ни разу не раскопал здание целиком. Более того, на всю Ниневию есть всего один хороший архитектурский план, и это план знаменитого дворца Синаххериба. Большую часть дворца раскопал Лэйад, затем раскопки продолжил Рассам, а совсем недавно его снова открыли и искусно расчистили иракские археологи под руководством Тарика эль Мадхлума. Величественный дворец Синаххериба подробно описал сам царь Синаххериб и заслуженно назвал «дворцом, которому нет равных». Украшенный замысловатыми скульптурными композициями и частично имитирующий сирийские дворцы, он наверняка в своё время выступал в качестве предмета всеобщего восхищения. Именно здесь обнаружили большую часть знаменитого архива, известного как «куюнджикская библиотека» — огромной библиотеки Ашшурбанипала. По подсчётам Кэмпбелла Томпсона, общее число целых табличек и фрагментов составляет около двадцати двух тысяч, хотя в Британском музее зарегистрированы двадцать четыре тысячи, и две тысячи из них составлены из более мелких фрагментов, причём, как я уже упоминал, часть подобных объединений являются заслугой самого Си Ти.

Другую часть куюнджикской библиотеки нашли в здании, известном как Северный дворец, расположенном по соседству с дворцом Синаххериба, но связного плана этого здания не сохранилось.

Нужно сказать пару слов о Синаххерибе, одном из величайших монархов Ассирии, авторе множества строительных и оросительных проектов, чьи работы высоко оценил Кэмпбелл Томпсон.

Кэмпбелл Томпсон, деревенский житель с врождённым топографическим инстинктом, каждый раз, когда ему случалось гулять вокруг Ниневии, внимательно смотрел, нет ли где на земле следов ассирийских руин. Около 1926 года он сделал блестящее предположение, что огромная каменная постройка, располагавшаяся в трёх тысячах ярдов к северу от Куюнджика, возле реки Хоср, представляет собой руины большой дамбы. Дамбу построил Синаххериб, о чём свидетельствовала одна из надписей, гласившая, что здесь находится пруд «агамму»⁴⁷, где царь держал диких зверей, свиней и других животных, устроив для этого зоопарк и аквариум на радость царям Ассирии. Руины этой дамбы, и по сей день сдерживающей воду, представляют собой два длинных участка стены (один из них имеет не менее двухсот пятидесяти ярдов в длину), сложенных из тёсаных камней — известняка, песчаника и конгломерата, причём каждый камень представляет собой куб высотой в полметра. Один из камней и сейчас возвышается над уровнем воды более чем на девять футов. Существенная часть кладки обработана грубо — из соображений экономии отшлифованы только края камней, основная площадь оставлена шершавой. Как бы то ни было, гипотеза подтвердилась в результате замечательного исследования, проведённого 47 Якобсеном и Сетоном Ллойдом по поручению Чикагского института востоковедения в 1932 году, через шесть лет после открытия Кэмпбелла Томпсона: аналогичную каменную кладку обнаружили при раскопках огромного акведука, построенного Синаххерибом недалеко от Бавиана, в верховьях реки Гомел. Этот акведук, соединивший берега глубокого оврага, хитрым маршрутом проводил воду на расстояние около сорока пяти миль, до самой Ниневии. Вода должна была преодолеть мост, состоящий из трёх арок и сложенный по меньшей мере из двух миллионов тёсаных камней, доставленных из самих бавианских каменоломен, расположенных на расстоянии десяти миль, — огромная работа. Акведук можно назвать огромным инженерным достижением. Для его постройки требовалось разбираться в гидравлике, оперировать понятиями напора воды и

⁴⁷ Застойный водоём, болото (*аккад.*).

нагрузки. Летом, когда вода не текла или задерживалась в верховьях Гомела, ассирийская армия или караваны могли перебраться через мост, не замочив ног, с целью нападения на Иран. Акведук, таким образом, решал сразу две задачи. Это величественное сооружение было одним из не менее чем восемнадцати каналов, откопанных и прочищенных Саргоном (722–705 гг. до н. э.). Подобная забота и уход свидетельствовали о том, что последующие ассирийские монархи осознавали важность ирригации для поддержания садов и развития земледелия.

Ассирийцы хвалились своим жестоким обращением с врагами и тем самым заработали дурную репутацию, но, несмотря на это, отличались разумностью, знали цену милосердию и довольно часто благоразумно его проявляли. Так что опорочены они несправедливо: ассирийцы были не более жестоки, чем остальные народы той эпохи, и, несомненно, не более жестоки, чем многие великие народы наших дней.

Полевые исследования Томпсона многое нам рассказали о неиссякаемой энергии ассирийских монархов. Изучая письменные источники, Си Ти всегда учитывал топографию района. Он понял, что водный путь Тебилту, постоянно упоминающийся в ассирийских анналах, почти наверняка был каналом, так как его не могли отождествить ни с одной рекой естественного происхождения. Судя по всему, этот канал, несколько раз менявший курс, отводился сквозь одни из ворот Ассирии. Как следует из источников, во время половодья его бушующие воды грозились разрушить один из ассирийских дворцов. Ни одна из современных естественных рек не может похвастаться чем-то подобным. Интерес Томпсона к топографии также вдохновил его на поиски четырнадцати или пятнадцати ворот, согласно письменным источникам, позволявших войти в Ниневию, и хотя не все его выводы были верны, исследования Томпсона существенно пролили свет на этот аспект топографии города. Пусть некоторые заключения Кэмпбелла Томпсона не подтвердились, он тем не менее вдохновил иракский отдел древностей продолжать раскопки ворот. Некоторые из них были блестяще обнаружены Тариком эль Мадхлумом, полностью раскопаны и восстановлены. Сейчас они выглядят впечатляюще. Открытие же величественной дамбы навсегда останется достижением Кэмпбелла Томпсона.

Как я уже объяснил, основное занятие Кэмпбелла Томпсона в Ниневии — ярко освещавшаяся охота за табличками, и год за годом он существенно пополнял соответствующие коллекции. Один из документов представляет, на мой взгляд, исключительный интерес: Си Ти обнаружил редчайший исторический текст, относящийся ко времени царствования Ашшур-убаллита, к 1386–1369 годам до н. э., где, судя по всему, рассказывается о том, как собственные войска царя силой заставили его вступить в битву с одним из касситских царей и врагов Ассирии, Каштилиашем. В этом сложнейшем тексте предпринята попытка описать ход битвы и рассказать о структуре ассирийской армии. Другим важным дополнением к нашим историческим знаниям стал отрывок из длинного текста, написанного Ашшурбанипалом, где упоминался старший Кир, то есть Кир I. О нём раньше мы не знали ровным счётом ничего. Он упомянут как вассал ассирийского царя, которому он отдал в Ниневию в качестве заложника собственного сына Арукку — имя звучит почти как «Эрик». Кэмпбелл Томпсон в тот момент не понял, что обнаружил нового мидийского монарха, пока это ему не объяснил Г. Р. Драйвер⁴⁸.

На мой же взгляд, самым замечательным открытием Кэмпбелла Томпсона стало открытие, которому он не придал большого значения и почему-то уделил всего несколько строк в своих публикациях, снабдив рассказ совершенно невразумительной фотографией. Я говорю о великолепной бронзовой голове в натуральную величину, ставшей теперь одним из прекраснейших, если не самым прекрасным, экспонатов Багдадского музея. Это совершенно изумительная голова бедуинского шейха, и в одном из выпусков «Ирака» я рискнул назвать его Саргоном, основателем знаменитой династии Аккаде. Саргон взошёл на трон вскоре после 2400 года до н. э. Замечательная голова отлита из бронзы, вероятно по выплавляемой модели, и изображает мужчину с запоминающимися семитскими чертами лица, с густой бородой и замысловатой причёской, напоминающей золотые парики из Ура. Я сделал вывод, что голова изображала Саргона, так как было известно, что его сын Маништушу на территории, прилегающей к храму Иштар, возвёл здание под названием Э-ме-ну-э, простоявшее вплоть до самого

⁴⁸ *Годфри Ролс Драйвер* (1892–1975) — британский востоковед, специалист по семитским языкам и ассириологии.

последнего из ассирийских царей. Так как это здание — единственная достойная внимания постройка, относящаяся к тому периоду, когда, скорее всего, отлили голову, я полагаю, что голову установил сын в память о прославленном отце. Кстати, Саргону также уделили достойное внимание в ассирийских анналах, а в музее Турина находится замечательная каменная голова, высеченная во времена Ассирии и, вероятно, сделанная по образцу нашей находки. У этой бронзовой головы есть одна особенность — раздвоенная борода, отличающая её от портрета Нарам-Сина, внука Саргона Аккадского, всегда изображавшегося с бородой клинышком. Я считаю это дополнительным аргументом за то, что наша голова изображает основателя династии.

Я никогда не мог понять, почему Си Ти, вовсе не чуждый искусства, был столь несправедлив к этой прекрасной голове. Думаю, в глубине души он опасался, что если его заподозрят в поисках чего-либо, кроме письменных источников, то тогдашний директор по древностям может передумать и не отдать ему все эпиграфические находки, а на них Си Ти, по собственному мнению, имел полное право.

Хотя меня очень интересовали, даже завораживали находки, сделанные Кэмпбеллом Томпсоном на Куянджике, моей основной задачей во время нашего совместного сезона являлось руководство созданием порученного мне глубокого шурфа. Кэмпбелл Томпсон не очень интересовался доисторическими временами, но много раз слышал о невероятно интересных открытиях, сделанных в Вавилонии: в Уре халдеев, Кише, Варке и других городах — и показавших, насколько далеко в прошлое уходит история Месопотамии. Поэтому он решил, что настолько же важно исследовать всё находящееся под руинами Ассирии, вплоть до нетронутого грунта.

Мы выбрали участок на самой высокой точке холма, и Си Ти был уверен: нам не придётся копать на слишком большую глубину. Он твёрдо верил, что Ниневию построили на обнажении песчаника или обломочной породы и нам нужно углубиться максимум на сорок футов. Зная, как неохотно Си Ти тратит деньги на доисторические раскопки, я решительно поддержал его в этой мысли, хотя у меня и имелись некоторые сомнения. Понимая, что нам, возможно, предстоит копать на значительную глубину, мы начали работу на участке, имеющем не менее семидесяти пяти футов в длину и пятидесяти футов в ширину: очевидно, что по мере углубления шурфа его площадь будет уменьшаться. Действительно, к тому моменту, как мы закончили работу, шурф представлял собой крошечную комнатку примерно двенадцать на двенадцать футов.

Мы довольно быстро достигли нижней границы ассирийских слоёв, находившейся примерно в четырнадцати футах от поверхности земли. Все развалины ниже этой глубины относились к доисторическому периоду. Вскоре мы добрались до слоя, который датировали приблизительно 3000 годом до н. э. День ото дня шурф становился глубже, а его стены сходились. Си Ти начал меня спрашивать с беспокойством, когда закончится это опасное мероприятие. Я заверил его, что осталось потерпеть ещё несколько дней, и мы продолжили копать до глубины в тридцать, тридцать пять, сорок, пятьдесят футов. Конца руинам не предвиделось, напротив, глиняных черепков встречалось всё больше и больше.

Раскопки продолжались уже несколько недель, и Кэмпбелл Томпсон завёл речь о прекращении работы. Мне пришлось воззвать к его скупости и расчётливости и сказать, что, если мы остановимся сейчас, не дойдя до нетронутого грунта, все уже потраченные на раскопку деньги будут выброшены на ветер и мероприятие станет напрасным расточительством. Мои доводы подействовали, и мы продолжали спускаться в недра земли. Работа стала действительно опасной, так как рабочие вели себя крайне неосторожно. Просто удивительно, что мы обошлись без несчастных случаев. Разумеется, первые тридцать или сорок футов шурфа мы копали под наклоном, во избежание гибели от падения какого-нибудь выступа. Некоторые слои легко разрушались, и, думаю, если бы у меня имелся некоторый инженерный опыт или если бы я был постарше и порассудительней, наше опасно выглядящее мероприятие внушало бы нам серьёзнейшие сомнения. На самом же деле огромная масса возвышающегося грунта, давящая со всех сторон, делала склон шурфа прочным, словно камень, и так как мы позаботились о том, чтобы не оставалось никаких выступов, работа была относительно безопасной, разве что сами рабочие никак не соблюдали осторожность и то и дело перепрыгивали через яму по краям.

Короче говоря, чтобы добраться до нетронутого грунта, нам пришлось копать сквозь руины на глубину около девяноста футов, и когда мы сбрасывали свои пустые корзины на дно шурфа,

раздавался такой ужасный грохот, словно рушился дом. В столь узком шурфе было сложно устроить лестницы, и очень скоро вместо обычных неглубоких ступенек нам пришлось выбивать ступеньки по три-четыре фута в высоту и на каждой ставить по человеку. Корзинки передавались вверх по цепочке, а потом сбрасывались обратно вниз — самый удобный способ быстро доставить их на дно шурфа. Храбрый Си Ти раз в день непременно спускался на самое дно, проверить, как у нас идёт работа, и я совершенно не мог понять, почему он разводил столько шума из-за необходимости карабкаться вверх и вниз, на большую глубину. Только много лет спустя, когда я стал старше и начал бояться высоты, я осознал, насколько храбрым человеком он должен был быть, чтобы проходить через это испытание, которое мне, зелёному юнцу, казалось пустяком.

По прошествии шести или семи недель раскопок мы достигли нетронутого грунта и немного углубились в него, чтобы точно удостовериться, что он действительно был нетронутым. Мы обнаружили жёсткую красноватую известковую глину, на которой когда-то было заложено первое поселение. К нашему крайнему удивлению, больше четырёх пятых холма относились к доассирийскому и доисторическому периодам. Длинная последовательность доисторических культурных слоёв действительно поражала воображение, и мне придётся рассказать об этих слоях подробнее, чтобы в общих чертах объяснить их значение.

Из почти сотни футов обломков, составлявших холм Куянджик, семьдесят два фута относятся к доисторическим временам, и к концу раскопок я смог разделить слои на пять основных периодов, начиная с самого глубокого, первого ниневийского, и заканчивая самым верхним, пятым ниневийским. По нашим самым скромным подсчётам, вместе эти пять периодов покрывали по крайней мере три тысячи лет, примерно от 3000 (ниневийский V) года до как минимум 6000 (ниневийский I) года до н. э.

Слои, относящиеся к пятому ниневийскому периоду, залежали приблизительно на глубине двенадцати футов и представляли огромный интерес. Они состояли из остатков домов из сырцового кирпича, частично забитых наносным песком, из чего можно было сделать вывод, что дома были оставлены людьми и какое-то время стояли пустые. Слои содержали образцы любопытной расписной керамики, нигде ранее не попадавшиеся в таких количествах и вообще до этого момента практически не встречавшиеся. Огромные вазы на ножках и большие кувшины, выкрашенные чёрной и фиолетовой краской, были расписаны как геометрическими узорами, так и изображениями животных: газели, кормящей своего детёныша, водоплавающей птицы, длинношеих козлов, поразительно похожих на жирафов и напоминающих таких же длинношеих зверей, встречающихся на вазах позднего додинастического Египта. Вполне возможно, эти два стиля были как-то связаны между собой. Этот ранний тип расписной керамики пятого ниневийского периода, скорее всего, родственен известной керамике из Джемдет-Насра в Южной Месопотамии и является её самостоятельной северной разновидностью.

В эту эпоху, около 3000 года до н. э., металл начал выходить на первый план, и действительно, поздние варианты расписных ваз пятого ниневийского периода предполагали развитие металлургии. Речь шла о превосходно сделанных вазах из серой керамики, несомненно, имитирующей серебро, и украшенных орнаментами, напоминающими гравировку по серебру. Позже, во время раскопок в Шагар-Базаре в Северной Сирии, я нашёл похожие вазы, перевязанные серебряным шнуром.

Пятый ниневийский период с его цилиндрическими печатями в шумерском стиле был тесно связан с Шумером или Южной Вавилонией, но представлял собой самостоятельную северную версию их культуры. Меня в этом периоде больше всего привлекало то, что, вероятно, он совпадает со временем, когда на севере, то есть, в доисторической Ассирии, впервые появилась письменность.

Непосредственно под пятым ниневийским слоем лежал более глубокий слой, ниневийский четвертый, содержащий посуду, красноватым цветом напоминающую сургуч, очень тонкой выделки, похожую на керамику, найденную в Уре и в Уруке, а ближе к его верхней границе обнаружилось несколько оттисков южных печатей, какие встречаются в Сузах на территории Ирана. Ещё там нашли посуду сливового цвета, типичную для периодов Урук и Джемдет-Насра, и множество очень грубо сделанных конусообразных чаш. Такие чаши мы находили сотнями закопанными в грунт по всей Ниневии. Как правило, они сохраняли следы вещества растительного

происхождения. Кто-то предполагал, что эти грубые сосуды использовались для створаживания молока, но я почти не сомневался: они имели магическое значение и предназначались для освящения земли, подобно тому, как в гораздо более поздние периоды чаши, испещрённые финикийскими или мандейскими магическими письменами, закапывались в основании домов, чтобы отгонять злых духов. Для каких-нибудь подобных обрядов и создавались, возможно, эти любопытные конусообразные сосуды, которые находят по всей Восточной Азии. Их находили в Сузах и даже в Арманте, на территории Египта. Это удивительное повсеместное распространение столь грубой технологии наверняка связывалось с общими магическими представлениями.

Глубоко внизу под слоем ниневийского периода начинался ещё один слой обломков, не менее семи метров, то есть более двадцати одного фута в толщину, третий ниневийский, содержащий в основном посуду из серой глины, иногда отполированную. В отличие от керамики из четвёртого ниневийского слоя, эту сделали вручную, без использования гончарного круга. Частично данная керамика совпадает по времени создания с периодом, известным на юге как «убейдский», и датировать её надлежит примерно 3500–4000 годами до н. э. Мы нашли совсем небольшое количество крашеной керамики, потенциально относимой к самому концу убейдской традиции. Окончательным же доказательством связей с югом стала находка глиняных серпов, использовавшихся исключительно в убейдский период в южной части долины Евфрата. Это замечательное изобретение, должно быть, совпало по времени с увеличением производства зерна, а именно ячменя и пшеницы, и появилось, когда стало не хватать серпов из кремня. Орудия из обожжённой глины быстро изнашивались и вышли из употребления к концу убейдского периода.

В самой нижней части этого культурного слоя мы обнаружили ряд влажных пластов — пятнадцать последовательных слоёв, состоящих поочерёдно из ила и речного песка. Я сделал вывод, что мы нашли чётко обозначенный период, ознаменовавшийся значительными климатическими изменениями. Вполне возможно, феномен, который мы наблюдали в Ниневии, соответствует Всемирному потопу в убейдском культурном слое, найденному Вулли в Уре и описанному мной в предыдущей главе. Томпсон испугался Потопа и не велел мне особенно о нём распространяться, но, я думаю, что нашёл именно то, что предполагал — след речных отложений. Конечно, Ниневия располагалась слишком высоко, чтобы пострадать от сколь бы то ни было великого потопа, но большие потопа, как правило, увязывались с дождями, и наша находка вполне могла соответствовать феномену, обнаруженному в Уре, на юге.

Наконец мы спустились глубоко в недра шурфа, на глубину семидесяти двух футов, если считать от верхней границы пятого ниневийского слоя, к очень любопытному периоду, Второму ниневийскому. Этот период можно условно разделить на три фазы. Самую раннюю из них представляла крашеная керамика с незамысловатым орнаментом из прямых линий, иногда в сочетании с насечками. Средняя фаза — мы назвали её самаррской — характеризовалась хорошо известными изделиями, найденными ранее на типичном раскопе, расположенном на девяносто миль выше Багдада на реке Тигр. Выше снова шла искусная весёлая керамика, названная нами халафской. Это была красивая утварь, как правило, с геометрическим, иногда пунктирным узором, нанесённым блестящей чёрной краской. Вряд ли найдётся другая доисторическая керамика, превосходящая её по качеству. Нам впервые удалось обнаружить период её происхождения среди поддающихся датировке слоёв, и это открытие — захватывающее событие. Подобную керамику уже обнаруживал барон фон Оппенгейм⁴⁹ на одном из раскопов, а конкретно — в Тель-Халафе в верховьях Хабура, но эксперты не могли прийти к единому мнению, каким периодом следует её датировать. Здесь же мы нашли неоспоримое доказательство, что она предшествовала убейдскому периоду — доказательство, подкреплённое многими более поздними открытиями. Теперь у нас есть основание предполагать, что часть халафской керамики была создана в 5000 году до н. э. или немного позднее. Таким образом, её точное место — перед Убейдом и после Самарры — впервые было установлено на наших раскопках в Ниневии.

⁴⁹ *Макс фон Оппенгейм* (1860–1946) — немецкий дипломат, востоковед и археолог на Ближнем Востоке. Первооткрыватель халафской культуры.

Кэмпбелл Томпсон во время своих прогулок по окрестностям находил подобную керамику на телле Арпачия, в четырёх милях к востоку от Ниневии. Кроме того, пока шли раскопки, наши рабочие приносили с Арпачии её образцы, показывая, что они в точности совпадают с нашими. Именно это открытие в конце концов побудило меня начать раскопки самой Арпачии. О них я вкратце расскажу в следующей главе.

О самом глубоком слое, ниневийском первом, говорить почти нечего. Мы продолжали копать, пока не достигли нетронутой глины, и там, на небольшой площади, примерно, как я уже говорил, двенадцать на двенадцать футов, нашли древнейшие образцы керамики Северной Ассирии — очень простую и грубо сделанную посуду и несколько оттисков исключительно с отпечатками верёвок. Керамику подобного типа находили на многих других теллях, и мне остаётся только упомянуть, что культурные слои, с которыми мы работали, относились к тому же периоду, что и хорошо известный телль Хассуна, раскопанный Сетоном Ллойдом и Фуадом Сафаром. Истоки этого периода были исследованы в последние несколько лет при раскопках поселения на северо-западе Ирака, а конкретно — Умм-дабагии, Дианой Хельбек. Она подробным образом изучила ранний этап той же последовательности культур и нашла группу первобытных домов далеко в степях, в местности, изобилующей дичью. Судя по всему, именно туда мигрировали древние племена для добычи шкуры и мяса, необходимых жителям более крупных поселений, расположенных к востоку, которые, таким образом, могли набить свои кладовые мясом, в основном газелей и онагров.

Добраться до дна такого глубокого шурфа было непростой задачей, и мы все, кроме рабочих, испытали счастье, выйдя оттуда живыми. Те были от работы в полном восторге и считали её абсолютно безопасной. Томпсон, помню, думал, что мне будет очень сложно найти добровольцев для продолжения раскопок, так как, естественно, по мере углубления шурфа количество человек на дне уменьшалось. Он считал, рабочие предпочтут отправиться на более выгодные раскопки ассирийских слоёв, где им полагался бакшиш за каждую найденную надпись и за самый крошечный фрагмент таблички, но я стал давать вознаграждение за каждый крашенный черепок. Рабочие смотрели во все глаза, чтобы ничего не пропустить, задача приобрела для них дополнительный интерес, и они трудились с большим удовольствием. У меня, таким образом, никогда не было проблем с тем, чтобы найти добровольцев для завершения работ. Мы вспоминаем наш шурф с гордостью и считаем его своим большим достижением. Этот шурф — точно самое глубокое зондирование из всех, проведённых в Западной Азии. Ничего подобного раньше не делали и вряд ли сделают когда-нибудь ещё. Конечно, наш шурф имел ограниченную площадь и наши архитектурные находки ограничились несколькими фрагментами, но среди них попадались случайные фрагменты стен из ила, гальки и тростника, что лишний раз подтвердило нашу датировку, успешно, как я думаю, прошедшую испытание временем.

После завершения раскопок в Ниневии Кэмпбелл Томпсон не собирался больше возвращаться на Восток, и наше сотрудничество на этом закончилось, но он всю свою жизнь оставался моим хорошим другом, и я получил огромное удовольствие от нашего совместного сезона. Си Ти не был высокопрофессиональным археологом в отличие от Вулли, но он был человеком твёрдых викторианских принципов, ценил дружбу и обладал весёлым нравом. Будучи человеком разнообразных интересов, он предпринял попытку расшифровать хеттские иероглифы и достиг в этом деле некоторых результатов, по достоинству оценённых Р.Д.Барнеттом⁵⁰. Кэмпбелла Томпсона переполняли интересные идеи. Именно он предположил, что после 640 года до н. э. ассирийское правительство могло перебраться на север, в Харран. Подобная версия более чем вероятна, так как «Анналы» Ашшурбанипала после этого времени практически не велись. Именно туда они удалились после последней битвы с мидийцами. Эта теория и сейчас заслуживает внимания.

За заслуги в области востоковедения Кэмпбелл Томпсон получил место в Мертон-Колледже Оксфордского университета, но почти не принимал участия в заседаниях из-за упрямства и

⁵⁰ Ричард Дэвид Барнетт (1909–1986) — профессор, археолог, хранитель западноазиатских древностей Британского музея.

бескомпромиссности в спорах. «От меня никакого толка en comité⁵¹», — говорил он и старался не тратить времени на «бессмысленные нововведения». Думаю, Си Ти был самым экономным человеком на земле: ему удалось провести раскопки в Ниневии всего за тысячу семьсот фунтов. По окончании сезона он вернул сдачу сэру Чарльзу Гайду, владельцу газеты «Бирмингем пост», державшему конюшню, а заодно содержавшему раскопки. Сдача, добросовестно возвращённая этому меценату, составила одиннадцать пенсов.

Глава 5 Арпачия

В 1932 году я был готов руководить своей собственной экспедицией. Мне нравилось работать на других, но перспектива проводить раскопки самостоятельно, ни от кого не зависеть доставляла огромную радость: я никогда не уклонялся от ответственности. Правда, мне предстояло найти спонсоров, а это поначалу непросто. Я вечно буду благодарен тем, кто в меня поверил: довольно рискованно доверять молодому человеку двадцати восьми лет новое дело, требующее денежных затрат.

Вначале я обратился в Британский музей, директором которого был тогда сэр Джордж Хилл. Помню свою радость, когда он сказал, что попечители готовы пойти на риск и спонсировать мои раскопки. Ничуть не меньше я благодарен сэру Эдгару Бонэм Картеру, в то время председателю Британской школы археологии в Ираке. Он рискнул шестью сотнями фунтов — солидной по тем временам суммой денег. Также я по гроб жизни обязан ещё одному хорошему другу, сэру Эдварду Килингу, энергичному и преданному секретарю школы. Невероятно, но всё мероприятие, включая публикацию материалов, обошлось нам в две тысячи фунтов и полностью оправдало вложения: не прошло и шести месяцев с момента завершения раскопок, как отчёт о них опубликовали во втором томе журнала «Ирак», а это своего рода подвиг.

В состав экспедиции входило всего три человека: начиная с Ниневии, моя жена Агата сопровождала меня во всех без исключения раскопках на Востоке; также к нам присоединился Джон Роуз, мой друг, служивший архитектором в Уре. Помню, уговаривая Джона поехать с нами, я обещал, что это будет прекрасный отдых. Он долго припоминал мне эти слова. Думаю, нигде, даже в Уре, нам не приходилось работать больше, а Джон почти не поднимал глаз от чертёжной доски, но мы получили удовольствие от нашей небольшой экспедиции.

В то время багдадским директором по древностям был немец, Юлиус Йордан⁵². Нам не составило труда получить у него разрешение на раскопки телля, но в политическом смысле он оказался нашим врагом: Йордан, наёмный нацистский агент, делал всё, что мог, для подрыва британского влияния в Ираке. Несмотря на это, как личность Йордан в высшей степени очаровывал: яростный антисемит, но при этом прекрасный музыкант и тонко чувствующая натура. Казалось невероятным, что такой интеллигентный человек с художественным вкусом мог поддаться новому гитлеровскому режиму.

В Багдаде мы остановились в отеле Мод, заведении простом и скромном, но очень гостеприимном благодаря доброму и неунывающему хозяину по имени Майкл Зиа, чьё неуёмное радушие снискало благодарность многих гостей. У него, помню, работал бармен по имени Иисус, и было очень странно в ожидании напитков слышать это обращение.

Мы отправились из Багдада в Мосул ранней весной и правильно сделали, потому что нам ещё предстояло проделать огромную работу прежде, чем первая лопата вонзится в землю. Для начала мы поселились в привокзальной гостинице в Мосуле, которой умело управлял сирийский христианин, откликавшийся на имя Сатана. Дождь не прекращался, и хозяин давал такие мрачные

⁵¹ В комитете (фр.).

⁵² Юлиус Йордан (1877–1945) — крупный немецкий археолог, исследователь Передней Азии, специалист по истории архитектуры.

прогнозы, что мы боялись вообще никогда не приступить к работе. Впрочем, мы использовали это время с толком: нам предстояло разыскать владельца земли и получить от него согласие на раскопки. Мы наводили справки в самой Арпачии и с помощью бесценного представителя Османского банка Маджида Шайи, ранее служившего у Кэмпбелла Томпсона и делавшего всё возможное, чтобы нам помочь.

Для получения разрешения на аренду земельного участка требовалось не только найти его владельца, но и выяснить, кому он был заложен, — непростая задача, потому что землю, как это часто случается на Востоке, закладывали и перезакладывали много раз, и казалось, количество заложных растёт с каждым днём. В конце концов, мы отследили не менее четырнадцати кредиторов и ценой нечеловеческих усилий собрали их вместе. Кредиторов усадили в два экипажа и доставили в банк, чтобы приложить их отпечатки пальцев к контракту. Думаю, всё равно мы нашли не всех, но мы уже отчаялись и решили, что с нас хватит. Так или иначе, после многочисленных возражений мы составили любопытнейший контракт, и, согласно ему, владелец земли был обязан заплатить две тысячи фунтов, если каким-либо образом воспрепятствует нашей работе. Дело благополучно завершилось, и это стоило нам сравнительно небольших денег.

Другой важной задачей было выселиться из гостиницы и найти подходящее жилище. Нам посчастливилось познакомиться с землевладельцем из Мосула, которому принадлежал большой пустующий дом неподалёку от старого, где мы жили с Кэмпбеллом Томпсоном. Оттуда в одну сторону открывался восхитительный вид на огромный холм Куюнджик и на горы, с другой стороны виднелись река Тигр и Мосул на противоположном берегу. Большой дом нас полностью устроил: там были просторные чуланы, удобные комнаты и широкая плоская крыша, где можно было разложить кучу керамики.

Хозяин по имени Дауд Саати — Давид Часовщик, пожилой человек хорошо за девяносто, рассказал мне, как впервые в жизни встретил англичанина. Англичанин был человеком невысокого роста, носил сюртук и остановился на постоялом дворе Хан Рассам в Мосуле. Каждое утро он шёл из Мосула на холм Ниневи, где вёл раскопки. Под его началом работало не меньше восьмисот человек. Как только можно руководить такой толпой? Я без труда догадался, что под невысокой фигурой в чёрном сюртуке хозяин имел в виду великого Джорджа Смита⁵³, в ходе своих грандиозных раскопок в 1873 году нашедшего знаменитую табличку с описанием потопа. Просто замечательно было поговорить со свидетелем, встречавшим этого человека во плоти. Не в последний раз мне пришлось вспомнить великого Джорджа Смита. Случилось так, что несколько лет спустя, когда я был в Алеппо, ко мне зашёл британский консул и рассказал, что могилу Джорджа Смита, расположенную на христианском кладбище, собираются разрушить и её ждёт заброшенность и забвение. Он спросил, могу ли я поспособствовать в перенесении праха и создании более долговечного захоронения. Я согласился, и мне было приятно видеть, что над могилой снова появился надгробный камень. Много лет спустя я был вознаграждён: внук Джорджа Смита, Роуланд Смит, живший в Девоншире с нами по соседству, позвонил мне и спросил, слышал ли я когда-нибудь о его бабушке, и я с удовольствием ответил: «Я не только слышал о нём. Я его хоронил».

Но вернёмся к Арпачии. Конечно, потребовалось время, чтобы обставить дом. С этой целью мы наняли в Мосуле бригаду плотников — бригадира и троих подчинённых. Они каждый день приходили к нам из Мосула, бригадир с высокой феской на голове и три его помощника, и работали весь день, от рассвета до заката. Новые доски и другие необходимые материалы привозились на нашем грузовике за смешную цену. За десять дней мы обставили удобной мебелью весь дом сверху донизу, дополнительно прикупив пару комодов.

В нашем хранилище, помню, существовал ряд полок, сделанных специально для того, чтобы по мере появления складывать туда рассортированную по слоям керамику. Я с удовлетворением заметил восторг покойного профессора Франкфорта: рассмотрев наши полки, он объявил, что не встречал лучшего решения для хранения рассортированной керамики на раскопках. Вскоре мы

⁵³ *Джордж Смит* (1840–1876) — британский ассириолог. Открыл и перевёл на английский язык «Эпос о Гильгамеше» — древнейшее из известных литературных произведений. Также дешифровал кипрское письмо.

благополучно разместились в новом доме. Ещё нам очень понравился большой и красивый сад, полный розовых кустов, усеянных цветами. К сожалению, по утрам хозяева приходили и срезали распустившиеся розы, чтобы продать их на рынке в Мосуле. Нашим последним приобретением была небольшая свора собак, шесть дворняжек, стороживших дом и ставших хорошими товарищами для нас.

По завершении подготовки, где-то в мае, мы начали работу на небольшом холме, Тепе-Решва, возвышавшемся среди полей в полумиле к востоку от деревни Арпачия, стоявшей на дороге, ведущей в Башику. Мы без труда нашли рабочих, хотя и не платили такие высокие зарплаты, как американцы. Насколько я помню, мы могли себе позволить платить максимум по шиллингу в день, но недостатка в рабочей силе не испытывали. Люди стекались из окрестных деревень, некоторые приходили за несколько миль. У нас были прекрасные отношения с нашим землевладельцем, Абдулом Рахманом, и всех, кого смогли, мы наняли в самой Арпачии, ближайшей деревне. Очень приятно, что я мог наконец копать ровно там, где пожелаю, ни с кем не советуясь. Кроме того, на Арпачии не составляло труда решить, какой участок раскапывать следующим: это был совсем небольшой холм, общей площадью не более двух с половиной акров, хотя, несомненно, если бы мы продолжили работу, мы нашли бы руины и за пределами холма.

Очень скоро у меня случились первые разногласия с рабочими. Я решил, что один из столь любимых Кемпбеллом Томпсоном старых орудий труда, маджруфу — садовый инструмент вроде треугольной мотыги, — стоит иногда менять на лопату, чтобы отгрести землю в сторону. Лопату мои рабочие видели впервые в жизни. Землекопы почти сразу устроили забастовку и заявили — они не могут пользоваться таким ужасным инструментом. Я вышел из ситуации, ответив, что не хочу держать на раскопках тех, кто не годится для подобной работы, и если кому-то не хватает сил справиться с лопатой, им лучше сразу уйти. Остались почти все, и всё было в полном порядке, пока в один прекрасный день я не решил, что часть работы лучше делать старой маджруфой. Тогда снова начались проблемы: рабочие жаловались, дескать, они не могут пользоваться таким несовременным приспособлением.

Первые две недели раскопок принесли крайне неутешительные результаты: нам попадались только жалкие остатки построек из сырцового кирпича. Мы с Джоном Роузом начали сомневаться, не окажется ли наше городище пустышкой, совсем простенькой деревенькой, где нет ничего интересного. После такого богатого городища, как Ур, мы, пожалуй, слишком быстро впали в уныние и скоро поняли свою ошибку. Несколько недель спустя среди наших находок имелись крайне интересные объекты — как архитектурные сооружения, так и небольшие артефакты. В самом же начале, когда мы только приступили к раскопкам верхней части телля, мы нашли крайне скромное поселение со стенами из сырцового кирпича, где в крошечных комнатках сохранились черепки убейдского периода. Это была очень важная находка: она позволяла установить точное соответствие между исследуемым слоем и развитым этапом доисторической культуры в Южной Вавилонии, относящимся ко времени между 3500 и 4000 годами до н. э. Более того, эти дома убейдского периода и соответствующая им керамика находились выше халафского слоя, а значит, мы можем уверенно сопоставить эту позднюю версию убейдской культуры и гораздо более раннюю, отмеченную керамикой совершенно другого типа.

В восточной части поселения нам посчастливилось найти кладбище убейдского периода. В могилах мы нашли полным-полно керамики, причём очень красивой. Джон Роуз одобрил разреженное и лаконичное оформление убейдской посуды и решил, что эта керамика красивей, чем халафская, с её мелким и, наверное, чересчур перегруженным орнаментом. Возможно, он был в чём-то прав, но выделка и обжиг убейдской керамики отличались гораздо большей грубостью, и в этом смысле она совершенно не могла соперничать с более древней халафской. И всё же некоторые миниатюрные рисунки своей красивой выделкой радовали глаз. Некоторые чаши размером покрупнее лаконично украшала изнутри широкая кайма, крупный опоясывающий узор. Этот странный и привлекательный орнамент не встречался мне больше нигде.

Думаю, здесь не стоит описывать керамику: о ней подробно и с иллюстрациями рассказывается во многих справочниках, в том числе в моей исходной статье в журнале «Ирак», — но есть один сосуд, мне всегда казавшийся крайне интересным. Это чаша, по внешней стороне которой проходит рисунок, по всей вероятности, изображающий три шитых ленты треугольной формы, чьи концы прикреплены к кольцу в основании чаши, почти наверняка имитирующему

металлическое. Подобный орнамент наводил на мысль — и совершенно справедливую, как мы знаем теперь, благодаря более поздним находкам, — что в то время уже использовался металл.

Интересно, но из сорока пяти могил убейдского периода ни одна не перекрывала другую. Создавалось впечатление, что все захоронения сделали, пока ещё жила память о самом первом. Предполагаю, что изначально изголовье могилы отмечалось чем-то вроде надгробного камня из дерева, давно истлевшего.

Нам попало не так много предметов небольшого размера, с уверенностью приписываемых к убейдскому периоду, но некоторые бусины и амулеты являлись очень важными находками, так как однозначно указывали на эту эпоху — в первую очередь очень необычные резные бусины и терракотовые печати, предназначавшиеся, по моему предположению, для нанесения рисунка на ткань. Я уже упоминал, что тогда начинал использоваться металл. Он был представлен отлитым из меди плоским топором того редкого типа, который также встречается в Сузах, в Иране.

Под четырьмя верхними слоями убейдских жилищ мы нашли не меньше одиннадцати более ранних поселений, по большей части принадлежащих так называемому халафскому периоду. Пятый слой сверху, ТТ5, являлся, скорее всего, переходным, но из остальных десяти самый молодой относился примерно к 5000 году до н.э. Здесь мы обнаружили замечательные архитектурные памятники, не имевшие подобия в данной части мира. Это были круглые в основании здания на каменном фундаменте — толосы⁵⁴, сводчатые постройки, общим количеством десять. Самые древние представляли собой круглые комнаты, построенные из *pisé*, то есть прессованной глины, но со временем постройки становились больше и архитектура их усложнялась. Самое внушительное — большое северное здание в седьмом слое, ТТ7: его круглая комната имела тридцать один фут в диаметре и десять метров в высоту, а вход осуществлялся через длинный вестибюль, так называемый дромос, шестидесяти футов в длину. В семи зданиях прекрасно сохранились каменные фундаменты, сложенные из крупных речных валунов, гальки, конгломерата и песчаника. Ни разу строители более поздних зданий не решились сдвинуть или разрушить старые фундаменты, хотя камня в этих местах было не достать. Можно сделать вывод, что к фундаментам относились с почтением и сохраняли их сознательно, а сами здания считались священными.

Почтительное отношение к фундаментам, признаки которого мы заметили в слоях, относящихся к 5-му или 6-му тысячелетию до н.э., отражает обычай, всё ещё соблюдавшийся в Шумере более чем две тысячи лет спустя. Мы не сомневались, что эти мощные здания служили святилищами: вокруг главного из них были устроены захоронения, вплотную примыкающие к стенам. В могилах в изобилии встречалась керамика. Очевидно, это было самое престижное и священное место для захоронения. Несомненно, святилища хорошо защищались и в трудные времена могли использоваться как крепости. Все ценные вещи в поселении, скорее всего, заботливо хранились там же. Впрочем, все сделанные внутри находки указывают на то, что Халаф можно считать мирным периодом. Оружие встречалось редко, а то, что встречалось, отличалось крайней примитивностью: несколько булав, стрелы и пули для пращи были самыми угрожающими артефактами того времени. Реконструировать эти здания можно различными способами, и наш архитектор Джон Роуз начертил несколько вариантов. Весьма вероятно, что вестибюль покрывала крыша — возможно, даже сводчатая. Важная особенность этих построек заключается в том, что они, за единственным исключением, были отдельно стоящими и, в отличие от микенских толосов, возвышались над землёй. Должно быть, они являются доисторическими предшественниками сводчатых домов в деревнях Северной Сирии, сохранявшихся в этой перевозданной земледельческой стране до недавних времён.

Если эти красивые постройки со сводчатыми крышами действительно являются святилищами, то кому они посвящались? Я думаю, мы знаем ответ на этот вопрос, потому что во многих из них мы нашли многочисленные статуэтки — в основном глиняные, но присутствовали и несколько каменных, называемых «богиня-мать». Речь шла о статуэтках женщин, часто с висящей грудью. Одни изображались обнажёнными, другие облачёнными в изысканные одежды, пояса, перевязи, при этом грудь была обнажена. Некоторые раскрашивали в духе халафской керамики. Хоть мы и

⁵⁴ Толос — круглое в плане сооружение (святилище, гробница, памятник, музыкальный зал), часто с колоннадой.

называли такие статуэтки «богиня-мать», они, возможно, не изображали саму богиню-мать, а были сделаны в её честь женщинами, надеявшимися на поддержку богини в процессе родов. Некоторые фигурки изображали женщин в возрасте, другие — совсем юных девушек. Вместе они составляли интересное собрание. Также примечательно, что некоторые из них представляли собой очень простые изделия из глины, в которых едва можно было угадать женщину, но груди и другие половые признаки всегда ясно различались. Самой выдающейся частью тела были массивные ягодицы, связанные в первобытном сознании с успешным родоразрешением. Несколько женщин изображались сидящими на корточках, в естественном в примитивных культурах положении для родов. Эти фигурки истолковывались по-разному, но самой правдоподобной мне кажется версия, что в большинстве своём они создавались для ускорения процесса родов с помощью поддерживающей магии, а также служили амулетами, излечивающими женщин от бесплодия. Половые органы фигурок были не всегда, но часто преувеличены, что вместе с выступающим пупком намекало на скорые роды.

Некоторые из самых детально раскрашенных статуэток изображали женщин в плотно облегающих, возможно, даже просвечивающих ярко-красных платьях. Груды иногда выделялись пунктиром. Голова всегда представляла собой невнятный пенёк. Её явно опасались делать реалистичной, в соответствии с каким-либо табу или из страха за изображаемого человека. Похожие статуэтки находили также при раскопках толосов, в поселении Ярым-тепе в районе Синджара, где русская экспедиция обнаружила большое количество халафских погребений и жилищ⁵⁵. Интересно, что в Ярым-тепе внутри и вокруг толосов находили значительные следы огня, тогда как в Арпачии подобные следы были замечены только в одном отдельно стоящем толосе, в центральной части поселения их не было.

В противоположность богине, мужское начало в Арпачии символизировал бык. Его изображения мы тоже нашли в большом количестве. Также мы обнаружили фигурки в виде рогатых бычьих голов и два прекрасных маленьких амулета — бычью голову из известняка и изображение копыта. Другие находки свидетельствовали о том, что представители халафской культуры достигли высот в разных видах миниатюрной резки по камню. В числе прочего мы обнаружили некоторое количество искусно сделанных каменных чаш. На керамических изделиях часто встречались рисованные изображения бычьих голов, известных как «букраний». Среди них имелись как грубые натуралистичные и реалистичные изображения, так и стилизованные геометрические орнаменты с рогами, изогнутыми в замысловатом рисунке.

Обсидиан мы находили в Арпачии в изобилии. В основном это были ножи и скребки, и их явно производили на этом самом месте, потому что рядом с готовыми изделиями мы обнаружили крупные куски породы. Ножи отличались особой остротой, и их можно было использовать как бритвы. Уникальной находкой стала высокая обсидиановая ваза — должно быть, вытачивать такую было очень трудно и утомительно. Также мы нашли множество обсидиановых колец, возможно, использовавшихся в поясах, и ожерелье, в котором крупные ромбовидные бусы из того же материала чередовались с резными раковинами каури, что свидетельствовало о дальних торговых связях с севером, с одной стороны, и с Индийским океаном — с другой. Всё это вулканическое стекло происходит с берегов озера Ван в Восточной Анатолии, и чтобы доставить его в Арпачию, необходимо было преодолеть несколько сотен миль в том и другом направлении. Подобные находки свидетельствуют об активной торговле. Мы знаем, что обсидиан, найденный в Арпачии, ванский, так как существуют три разновидности этой породы, в том числе черепаховая, и все три находили как в Арпачии, так и в месте происхождения, Шамирам Альти.

Многочисленные глиняные фигурки коров, быков, овец и птиц, статуэтки уток из мыльного камня и раскрашенный ёж свидетельствуют не только о том, что жители поселения интересовались животным миром, но и о том, с какой готовностью они изображали свою живность. Также представляют интерес фигурки из мыльного камня в форме обоюдоострого топора. Нам неизвестно, что именно они символизировали, но они могли быть связаны с культом мёртвых. Часто в качестве центрального элемента оформления изделий из керамики выступают замысловатые крестообразные узоры.

⁵⁵ Советская экспедиция занималась исследованием поселений VI–IV веков до н. э. с 1969 года.

В числе амулетов я должен упомянуть миниатюрные изделия, изображавшие, как мы решили, машущие веера. Нередко встречались фигурки серпов. Один небольшой кулон особенно интересен: он сделан в виде дома с остроконечной крышей с изогнутым коньковым брусом наверху и даёт нам некоторое представление об облике жилых домов, устроенных проще, чем сводчатые усыпальницы.

Часто встречались ножи и скребки из кремня, а в одном из домов мы обнаружили фаланги пальцев, выточенные из камня — любопытные объекты, подобные которым были найдены на раскопках доисторического альмерского городища Альмизарак в Испании. Также мы обнаружили наконечник булавы из известняка, возможно, имевший культовое значение, базальтовый топор и четыре куса пемзы, несомненно, предназначенной для чистки и, возможно, шлифовки обсидиана. Были в ходу обычные каменные топоры и резцы, а кроме того, мы нашли множество орудий из кости — шампуров для мяса.

Пожалуй, я ограничусь этим кратким описанием нашей богатейшей коллекции мелких артефактов и расскажу, хотя бы в общих чертах, о найденной в Арпачии прекраснейшей керамике халафского периода и о её значении. Различные типы этой керамики встречаются в многочисленных культурных слоях, охватывающих несколько столетий и расположенных над самарскими и ранними ниневийскими слоями.

Классическая халафская керамика, в изобилии обнаруженная в недрах телля, больше других привлекала внимание. Она была очень живо раскрашена и частично, возможно, повторяла оформление повседневной одежды. Орнамент использовался исключительно геометрический, даже если подразумевались головы быков, букрании. Лучшие образцы этой керамики отличала красота отделки, качество глины и яркость красок. Среди блюд присутствовали разноцветные произведения искусства, украшенные пунктирным рисунком. Абрикосовый стоило признать самым красивым цветом. Краска, часто блестящая, проходила весь спектр цветов от чёрного до коричневого и красного. В период наивысшего развития халафской керамики, в слоях с восьмого по шестой, если считать сверху (ТТ6–8), попадались блюда огромных размеров, украшенные по центру розетками из множества элементов и замысловатыми крестообразными орнаментами.

Внимательно осмотрев лучшие образцы керамики, я пришёл к выводу — их сделали из тщательно очищенной железосодержащей глины. Я почувствовал глубокое удовлетворение, когда узнал, что совсем недавно молодой археолог по имени Томас Дэвидсон, специалист по нейтронно-активационному анализу, с помощью микроскопа и другого необходимого оборудования научными методами обнаружил то, к чему я пришёл в результате простого наблюдения. Проведя химический анализ, археолог выделил как минимум три основные стадии развития керамики, соответствующие результатам типологического анализа, изложенным в моей первой публикации. Гончары, как выяснилось, добывали глину в каком-то определённом месте, возможно, неподалёку от Арпачии, и не жалели сил на мытьё и очистку. Процесс обжига также проходил под тщательным контролем.

Подобные древние попытки контролировать процесс обжига посуды, несомненно, привели к развитию металлургии. Это случилось вскоре после окончания халафского периода, но я подозреваю, что уже представители халафской культуры ставили первые металлургические опыты. Самыми интересными с этой точки зрения были горшки, которые мы назвали арпачийскими сливочниками. У некоторых «сливочников» были тончайшие стенки, достойные лучшего китайского фарфора, и у всех — скошенные основания, имевшие внутри глубокую круговую выемку, помогавшую перемешивать молоко. В точности такая есть у металлических молочных бидонов, использующихся в современной Арпачии. Исходя из этого, я предположил, что даже в те далёкие времена глиняная посуда могла повторять какой-то металлический прототип. Самые искусные образцы халафской керамики редко находили в других местах. Даже в городище Ярим-тепе, где советская экспедиция раскопала халафский слой толщиной в семь или восемь метров, почти не нашлось этой изысканной посуды, по всей видимости, изготавливавшейся гончарами Арпачии для себя и для какой-то привилегированной группы людей — возможно, даже для Ниневии.

Наша работа в слоях халафского периода достигла кульминации, когда мы добрались до самой середины холма в шестом слое, если считать сверху (ТТ6). Здесь я процитирую исходное описание из отчёта, впервые опубликованного в журнале «Ирак»:

«Всего в мастерской содержалось более ста пятидесяти объектов, имущество гончаров и каменщиков. Многоцветная керамика, каменные вазы, ювелирные изделия, в том числе обсидиановое ожерелье, фигурки, имевшие культовое значение, амулеты, инструменты из кремня и обсидиана лежали вперемешку в одном помещении, там же мы нашли тысячи осколков породы, что характерно для руин мастерской резчика по камню. Существенная часть найденных объектов, в первую очередь керамика и ювелирные изделия, лежали вдоль стен комнаты на слое древесного угля, из чего можно было заключить, что изначально они располагались на полках или, скорее, предметах мебели — возможно, столах.

О том, что помещение занимал гончар, а не просто коллекционер, свидетельствуют обнаруженные на полу среди керамики большая куча красной охры и каменные палитры художника.

Эти замечательные объекты дошли до нас благодаря превратностям войны: дом разграбили и сожгли захватчики — предположительно представители убейдской культуры, представленной в последующих слоях. К счастью, враг удовольствовался тем, что разрушил дом и не стал уносить предметы, огромный запас которых и обнаружился под упавшей во время пожара крышей».

Мой российский коллега, работавший на раскопках городища Ярим-тепе, предположил, что, возможно, наше открытие в слое ТТ6 было примером целенаправленного уничтожения имущества хозяев, но я придерживаюсь другого мнения, опираясь на данные более поздних слоёв. Последующий слой, ТТ5, имел переходный характер и мог свидетельствовать разве что о временном захвате территории. Речь шла, если судить по большому размеру комнат, о преубейдском слое. Здесь, я думаю, мы видим следы намеренного уничтожения имущества руками врагов. Врагами, по всей вероятности, были представители убейдской культуры, пришедшие сюда в поисках места для жизни. Позже они уничтожат и поработят северных представителей халафской культуры. Действительно, по всей Арпачии, как и на Ярим-тепе, нашли следы целенаправленного уничтожения керамики, а рядом с ними — склады костей животных. По всей вероятности, для халафского периода это было обычное явление, но я не думаю, что в слое ТТ6 мы наблюдаем его же.

Так или иначе, керамика, найденная в мастерской в слое ТТ6, отличалась непревзойдённым качеством. Среди роскошно расписанных блюд и чаш было одно прекрасное чёрно-красное блюдо, в центре которого размещался узор поразительной красоты, представляющий собой так называемый мальтийский квадрат. Другое замечательное блюдо украшала центральная композиция в виде розетки с тридцатью двумя лепестками. Оно было трёхцветным — красным, чёрным и белым — и очень тонким, с острым краем, и сама его форма больше подходила бы изделию из металла, а не из керамики. Блюдо разлетелось на семьдесят шесть осколков, и нам удалось найти их все до единого. Как я уже объяснял, я считаю, что оно было разбито не хозяином специально, а врагом.

Оглядываясь назад, я думаю, что одним из самых впечатляющих зрелищ стала сеть вымощенных булыжником дорог, встречавшихся в центре холма. Они расходились лучами от толосов в слое ТТ6 и служили ярким свидетельством не только того, что в этих местах когда-то было сыро (их явно соорудили для облегчения пути вьючным животным, доставлявшим грузы к самым важным зданиям поселения), но и того, что здесь была сосредоточена центральная власть.

Представьте себе ряд очень высоких куполообразных построек, хорошо заметных среди ровных просторных полей. Такие дома были не только в Арпачии, но и в других поселениях, до самого Джебель-Синджара. Деревни, состоящие из похожих домов конической формы, сложенных из сырцового кирпича, и по сей день усеивают равнины Северной Сирии. Самая крупная из построек Арпачии, если судить по фундаменту, имеющему не менее двадцати футов в диаметре, могла возвышаться над равниной на двадцать пять — тридцать футов. Это огромное глинобитное сооружение стояло на каменной основе, но было целиком покрыто глиной.

Искусно сделанные куполообразные здания Арпачии заставляют задуматься, не тот же самый ли архитектурный стиль мы наблюдаем на Крите и на берегах Средиземного моря, в далёких Микенах, примерно три тысячи или более лет спустя. Неизвестно, какая существует связь между этими регионами, и в любом случае связь эта предельно отдалённая, и мы, вероятно, никогда не узнаем, в чём она заключалась. Нет, однако, никаких сомнений, что архитектурный стиль, бытовавший когда-то в сельских районах в этой части Западной Азии, не было полностью забыто.

Кто знает, возможно, он послужил основой для нового стиля, появившегося, вероятно, уже в Греции и Микенах. Таким образом, огромные купола Арпачии, отбрасывающие длинные тени на окружающие поля, мистическим образом отбрасывают и другие тени — на гораздо более поздние страницы средиземноморской истории — и таким образом навсегда остаются в людской памяти. Также примечательно, что в Арпачии мы нашли свидетельства использования обоюдоострого топора и существования культа быка, в точности как в минойском Кносе, где именно эти два элемента религиозного символизма занимают важное место в критском пантеоне.

Однако вернёмся к раскопкам. Мне вспомнился ещё один забавный случай. Как-то мы обнаружили, что рабочие приправляют свой улов артефактов глиняными фигурками, высушенными на солнце, в основном людей, но иногда животных. Фигурки были сделаны искусно: многие крестьяне прекрасно лепили, — но, очевидно, их выполняли не в той технике. Очень быстро мы заподозрили неладное, потому что при изготовлении фигурок использовался нож, а ни одну из наших доисторических статуэток убейдского и халафского периодов не вырезали ножом. Я выдал вознаграждение за эти находки, и рабочие, решив, что меня удалось провести, стали приносить всё более смелые фигурки, несказанно нас веселя. Когда неделя подошла к концу, я отложил часть фигурок, сохранить на память, а остальные выстроил в ряд, устроив на раскопе выставку. Произнеся речь и объявив все эти предметы подделкой, я последовательно разбил их кайлом, надеясь произвести впечатление на нарушителей. Вынужден признаться, что, к сожалению, я заодно разбил маленькую ложечку из битума, которая была у нас в единственном экземпляре. Подобные ложечки никому до этого не попадались, но теперь я верю, что она была настоящей: в скором времени две или три таких же нашли в древних культурных слоях холма Тепе-Гавра. Что ж, такие ошибки иногда случаются.

Что бы отметить последние дни сезона в Арпачии, мы решили устроить гонки по пересечённой местности. Участвовать мог каждый, кто принимал участие в работе. Суматоха поднялась невероятная. Всем потенциальным участникам на раскопе объявили правила. Мы постановили, что гонки стартуют от ворот Нергала в Ниневи, на мосульском берегу Хосра, и дистанция, таким образом, будет включать переправу через реку, длина маршрута составит примерно три с половиной мили, а финиш будет в Арпачии, прямо под толосом. Участников ждали серьёзные призы. За первое место полагалась корова с телёнком, за второе — овца с ягнёнком, за третье — коза с козлёнком, а за четвёртое, насколько я помню, солидный мешок фиников. Пятый приз — сотня яиц, а за ним по убывающей следовало ещё девять состоящих из яиц призов. Это не всё: каждый участник скачек, добравшийся до финиша и не выбывший по дороге, получал столько халвы, (то есть, столько сладостей), сколько помещалось в его раскрытых ладонях — весьма щедрую порцию. Нашего повара обеспечили работой на много дней: он организовывал закупку призов на мосульском рынке. Повар был родом из Индии. «Слишком много работы, мэмсахиб», — пожаловался он Агате. Думаю, ему не очень понравилось подбирать призы. В день соревнований их привезли в Арпачию на нашем грузовике, и это зрелище доставило большую радость потенциальным участникам.

К сожалению, Тигр как раз вышел из берегов и понтонный мост закрыли, но мы пригласили Тридцатую эскадрилью Королевских ВВС Великобритании, базировавшуюся в Мосуле, посмотреть на действо с воздуха.

Гонки начинались на заре, и никто из приглашённых не появился. Тем не менее в назначенное время по всей длине дистанции стояли судьи, призванные следить, чтобы никто не жульничал. За исключением пары падений при пересечении реки, гонки прошли гладко. Мы с удовольствием наблюдали за огромной толпой зрителей, явившихся посмотреть на представление из окрестных деревень. Зрители наперебой делали ставки.

Ни одно из предсказаний не сбылось: победителем гонок стал совсем бедный селянин, не имевший гроша за душой, оказавшийся прирождённым и не лишённым стиля бегуном по пересечённой местности. Было очень весело наблюдать, как соревнующиеся один за другим приходят к финишу, все, до самого последнего задыхающегося участника, сотого по счёту. Ходили слухи, что кто-то умер от переутомления, но всё оказалось неправдой, потому что никто не потребовал компенсации. В целом представление получилось весёлым и приятным. Вечером закатали грандиозный пир, и я подозреваю, что все призы съели в два счёта. Приглашённых было множество.

По моим воспоминаниям, мы вернулись в Багдад где-то в начале мая и занялись разделом находок. Работа нас измотала, потому что стояла страшная жара, наверное, около ста шести градусов по Фаренгейту⁵⁶. Думаю, мы вконец утомили директора, Юлиуса Йордана: делёж продолжался дня два или три, не меньше. К сожалению, местный национализм как раз набирал силу, и хотя мы действовали согласно чётко сформулированному закону, иракцы были полны решимости забрать себе более весомую часть находок, хотя мы уже отдали им вещи, признанные объектами государственной важности. Мы работали на щедрых и выгодных условиях, но скоро такой работе грозил прийти конец.

Когда мы попросили, чтобы нам выдали нашу утверждённую долю находок, произошла заминка, и нам пришлось мучиться ожиданием в течение совершенно неслыханного срока, не меньше пяти месяцев, пока наконец мы не получили разрешение. Дело решалось голосованием в правительстве Ирака и определилось в нашу пользу. Говорят, мы выиграли с преимуществом всего в один голос. Мы до сих пор благодарны тем, кто поступил с нами справедливо. Сразу после этого закон изменился, и я полагаю, что мы были последней экспедицией в Ираке, кому пришлось работать на старых, благоприятных условиях. Тем не менее, как я уже говорил, материалы опубликовали в рекордный срок. Думаю, никто ещё не работал с такой скоростью, но это были наши последние раскопки в Ираке перед многолетним перерывом: мы решили, что разумнее теперь перебраться в Сирию. В следующей главе я расскажу о трёх или четырёх весьма успешных сезонах, проведённых в Сирии до начала войны в 1939 году.

После Арпачии я руководил многими экспедициями на Восток и со многими был тесно связан за прошедшие пятьдесят лет, но первые самостоятельные раскопки, где моими единственными товарищами выступали Агата и Джон Роуз, я вспоминаю как самые счастливые и самые результативные. Они открыли новую увлекательную главу в моей жизни и навсегда останутся важной вехой на пути доисторических исследований.

Глава 6

Хабурская экспедиция

После Арпачии у меня имелись серьёзные причины выбрать для раскопок другую часть Месопотамии. Очень привлекательной в этом смысле казалась Сирия, находившаяся в то время под французским мандатом и предлагавшая выгодные условия для раскопок. Должностные лица, ответственные за работу Службы древностей, радушно принимали всех археологов, и разрешение на раскопки можно было получить без труда.

Пускаясь в новое предприятие, первым делом требовалось выбрать, где именно мы сосредоточим свои усилия. Это было несложно, так как я хотел работать в части Сирии, тесно связанной с Ираком, где я к тому моменту проработал десять лет. Это позволило бы мне более широко изучить уже знакомую область. В Восточной Сирии и Ливане уже велись многочисленные археологические работы, западную же часть страны изучили гораздо меньше. Поэтому я решил искать подходящее место в долине реки Хабур в Северо-Восточной Сирии, по большей части совершенно неизученной: за исключением нескольких непродолжительных исследований Телль-Хамиди Морисом Дюнаном⁵⁷, только барон Макс фон Оппенгейм проводил здесь масштабные раскопки — на крупном городище Телль-Халаф в верховьях Хабура.

В то время я в основном интересовался доисторическими временами и знал, что здесь смогу расширить область изучения, но мне в не меньшей степени хотелось обнаружить письменные, исторические источники: клинописные тексты, найденные в этой части Сирии, можно тогда было

⁵⁶ Около 41 градуса по Цельсию.

⁵⁷ *Морис Дюнан* (1898–1987) — французский археолог. Специализировался в истории древнего Ближнего Востока, был директором Французской археологической миссии в Ливане. Первым опубликовал памятники библского письма.

сосчитать по пальцам одной руки. Возможность заполнить пустые страницы истории являлась для меня мощным стимулом — как тогда, так и на протяжении всей моей профессиональной жизни. Определяя область новой деятельности, я следовал мудрому совету своего друга Сидни Смита, смотрителя раздела египетских и ассирийских древностей, как он тогда назывался, в Британском музее. Одно время он сам занимал пост директора Отдела древностей Ирака в Багдаде и теперь горячо поддерживал раскопки и хотел помочь мне, молодому археологу, своему бывшему ученику. Сидни Смит был хорошим другом, но и враг из него получался знатный. Всем, кто имел с ним дело, приходилось вести себя осторожно. К счастью, мне удалось избежать ловушек, в которые попали многие из моих коллег.

Итак, нам с Агатой предстояло отправиться на разведку в Сирию в ноябре и декабре 1934 года — самые благоприятные месяцы для подобной работы. Из-за практически полного отсутствия растительности черепки на 57 холмах были прекрасно различимы. Ближе к концу срока, правда, нас начал выживать дождь. Перед поездкой требовалось многое сделать и многое спланировать — и тут я снова благодарен Британской школе археологии Ирака за финансовую помощь и за поддержку моих проектов.

При подготовке к экспедиции нам пришлось продолжительное время провести в Бейруте. Мы поселились в маленькой скромной гостинице под названием Бассул с очаровательной террасой, откуда открывался вид на побережье. Гостям предлагались восточная еда и примитивный сервис. В качестве приглашения к столу официант гостиничной столовой стучал в дверь нашей спальни и показывал рукой себе в рот. Этим красноречивым жестом он давал нам понять, что еда готова.

Испытания, поджидавшие нас при подготовке к раскопкам, компенсировались обществом наших бейрутских друзей, в первую очередь Анри Сейрига⁵⁸. Будучи одновременно директором Института Франции и директором по охране памятников древности в Сирии, он, не жалея сил, помогал нам преодолевать всевозможные трудности, возникающие в процессе долгой и утомительной подготовки, неизменно предшествующей археологическим исследованиям и раскопкам. После этого первого сердечного сотрудничества Сейриг остался нашим другом на всю жизнь. Он и его жена радушно принимали нас в своей со вкусом обставленной квартире, где помимо прекрасной библиотеки имелась коллекция мобильных.

Сейриг обладал даром заводить друзей и пользовался большим уважением как высокообразованный человек. Он заслужил большой авторитет в области греческой нумизматики и превосходно разбирался в огромном разнообразии монет, имевших хождение при Александре Великом и в эллинистических государствах, на которые распалась потом его империя. Также Анри Сейриг по-настоящему глубоко разбирался в пальмирской религии и, работая над трудом, посвящённым мозаикам Пальмиры, познакомился с арамейским языком.

Во Франции Сейриг считался ведущим ориенталистом в своей области, но это не мешало ему, не покладая рук, помогать французским, сирийским и иностранным археологам. В какой бы отдалённой точке ни велись раскопки, он непременно их навещал, а по окончании сезона руководил разделом находок, проявляя крайнюю порядочность.

Его жена, Миетт, была человеком весёлым и жизнерадостным. Будучи ещё студенткой афинского филиала Института Франции, она ходила под парусом по Средиземному морю на небольшом судёнышке и завязала дружеские отношения с флагманским кораблём британского главнокомандующего, адмирала Роджера Кейеса. По приказанию адмирала Миетт и двух других девушек, составлявших её экипаж, подняли на борт флагмана и оказали им прекрасный приём, а команда моряков тем временем подкрасила и починила судёнышко. Не сомневаюсь, что этот случай остался любимой байкой как Миетт, так и самого адмирала.

Сейриг достоин наивысшей похвалы за организацию Службы древностей в Сирии между Первой и Второй мировыми войнами. Он смог осуществить этот проект благодаря влиянию Рене Дюссо, могущественного постоянного секретаря Академии надписей и изящной словесности, и убедил французское правительство выделить щедрые средства на сохранение и восстановление сирийских памятников и зданий.

⁵⁸ *Анри Арнольд Сейриг* (1895–1973) — французский археолог, нумизмат и историк древностей. Являлся генеральным директором древностей Сирии и Ливана, а также директором Института археологии Бейрута.

Нашей самой первой и наиболее сложной задачей в Бейруте было раздобыть транспортное средство, пригодное для поездок по пересечённой местности, где нам предстояло проводить разведку. Ничего подходящего мы не видели, и нам пришлось приобрести четырёхцилиндровый «Форд» с мощным двигателем за сумму, насколько я помню, не превышающую ста пятидесяти фунтов. Потратив ещё немного денег в местной мастерской, мы поставили машину на очень высокую ходовую часть. Конструкция вышла крайне неустойчивая, но это было лучшее, что мы могли сделать в Бейруте. Машину сиреневато-голубого цвета за высоту и облик, исполненный достоинства, даже величавости, мы дерзко назвали «Королевой Мэри». Этот необычно компактный грузовичок, заметный издали, славно нам послужил, и нам удалось извлечь его из многих на первый взгляд безнадёжных вад (водяных потоков). Машина была лёгкой, и усилиями шести-восьми человек её можно было вытащить откуда угодно. Мы перевозили в машине четыре палатки: две предназначались для европейцев — членов экспедиции, третья служила кухней и домом для слуг, а в четвёртой маленькой палатке находилась уборная.

Покинув Бейрут, мы отправились в Хомс, а затем напрямиком в Пальмиру, так изящно названную Гертрудой Белл «белым скелетом города, по колено занесённым песком». Так неплохо стартовало наше путешествие.

В Пальмире мы остановились в гостинице, носившей гордое имя «Зенобия» в честь знаменитой царицы, побеждённой в конечном итоге императором Аврелианом. Санитарные условия оставляли желать лучшего, а в спальнях стоял ужасающий запах сливных вод. Когда я пожаловался хозяину гостиницы на отвратительную и нездоровую вонь, тот ответил: «Плохой запах — да, вредный для здоровья — ни в коем случае».

Потом мы совершили длительный переезд до берегов Хабуба, которым в течение следующих недель предстояло быть объектом наших изысканий, и поставили лагерь возле Хасеке, в месте, где Верхний Хабуб переходит в Нижний и встречается с одним из вад — вад Вадж. На первых порах нам пришлось выбрать это место из административных соображений, и нам там крайне не понравилось. Ветер, казалось, дул непрерывно; весь город покрывала пыль. Засвидетельствовав в очередной раз своё почтение французским вооружённым силам и посетив почту, недостатки которой нам приходилось терпеть ради поддержания связи с миром, мы проехали несколько миль на юг и разбили наш первый постоянный лагерь в местечке Меядин, на территории большого постоялого двора.

Ключевой фигурой нашей экспедиции являлся молодой архитектор Робин Макартни, человек, наделённый железным желудком и немногословностью — то есть качествами, необходимыми, по моему мнению, для хорошего экспедиционера.

Перед тем как отправиться в очередную экспедицию на Восток, я взял за правило ходить в Архитектурную ассоциацию и уговаривать одного из молодых архитекторов, недавно закончивших обучение, поехать за наш счёт на несколько месяцев на Восток — ради удовольствия от поездки и ради бесподобного отпуска, что вряд ли повторится снова. Подобные аргументы прекрасно работали. В те времена не представляло особого труда убедить молодых людей отправиться в поездку на таких условиях. Отцом Макартни был сэр Джордж Макартни, известный человек: он провёл примерно тридцать или тридцать пять лет в Кашгаре и дослужился до должности генерального консула. В то время он являлся нашим единственным связующим звеном между правительствами Индии и Китая. Макартни унаследовал некоторые таланты своего отца: способность усердно трудиться, внимание к деталям, выносливость и настойчивость. Он был на редкость молчалив, превыше всего на свете ценил тишину и лошадей. Моя жена поначалу не могла добиться от него ни слова, но эти кажущиеся высокомерие и надменность объяснялись на самом деле обычной застенчивостью. Макартни и моя жена, как два застенчивых человека, с трудом преодолевали барьер в общении. И всё-таки в один прекрасный момент лёд растаял, потому что совместное преодоление грязи, воды и прочих неприятностей рано или поздно разрушает любые преграды.

Эпизод, давший начало новой дружбе, произошёл, когда мы вернулись в лагерь в Амуде после обследования прекрасного телля под названием Мозан. Дул сильнейший ветер, и среди ночи нам пришлось ценой невероятных усилий удерживать палатки на месте. Мы все собрались вокруг одной из палаток, как вдруг центральный кол переломился с треском и Макартни шлёпнулся в грязь лицом. Подобное несчастье, постигшее нашего архитектора в предрассветные часы при

попытке совладать с яростным ветром, стало последней каплей. Природная сдержанность изменила Макартни. Он разразился потоком ругательств — и отныне и навсегда приобрёл человеческие черты.

Макартни был отличным чертёжником, и созданные им планы придавали нашим рисункам черты профессиональной архитектурной работы. Также Макартни имел способности в области топографии, но так и не выучил местный язык и общался с рабочими, несущими за ним следом вешку и рулетку, с помощью свиста. Эта система изрядно веселила арабов и оказалась на удивление эффективной.

Устроив свой первый лагерь в Меядине, в нескольких милях к югу от Хасеке, мы заняли позицию, удобную для проведения первой части разведки — то есть для обследования холмов по обеим сторонам Нижнего Хабур, начиная от самого Хасеке и заканчивая Киркесием, возле которого эта река впадает в Евфрат. Киркесий, любопытное городище, густо населённое комарами, содержало римские и другие культурные слои, выходящие за рамки наших интересов. Вопреки ожиданиям, мы не нашли на этой южной широте следов более раннего поселения. Тем не менее, возможно, когда-нибудь такие следы найдут: вне всяких сомнений, Хабур часто менял свою извилистую траекторию. У нас же не было времени продолжать поиски.

На обоих берегах Хабур мы обследовали ряд внушительных холмов, пестревших ассирийскими черепками. На правом берегу — Аджаджа (Арбан), Шаддади, Шамсания и Маркада, на левом — Фадхгами и Телль Шейх Ахмад, расположенный в сорока милях к югу от Арбана. Всё это крупные телли, раскопки которых принесут когда-нибудь интересные результаты. Ассирийцы не хуже римлян умели выбирать стратегически выгодное место для поселений и гораздо раньше обосновались в этих местах, удобных с точки зрения защиты и управления, вдоль реки, служившей естественной границей. В IX веке до н. э. ассирийцы, несомненно, стремились укрепить торговые связи с богатыми зерном земледельческими районами в верховьях Хабур и отгородиться от причиняющих кучу хлопот арамейских племён, населявших степь у западных рубежей Ассирии.

Несомненно, наиболее выдающееся городище на этом участке реки и самое интересное для археолога — то, которое около 1850 года частично раскопал Лейард⁵⁹. Называется оно Телль-Аджаджа. Это пыльный холм, среди арабских географов известный как Арбан, бывший в Средние века процветающим городом. Ещё раньше здесь была достаточно важная ассирийская столица локального значения, называвшаяся Шадиканни. Именно в туннеле, обращённом к реке, мы заметили крылатого быка с головой человека, называемого «ламассу», с нанесённой на него надписью. Это был один из пары таких быков. Их изображение публиковал Лейард в книге «Ниневия и Вавилон». Надпись помещалась в одну строчку и содержала имя независимого монарха, правившего в этих местах в начале IX века до н. э. Лейард, проводивший здесь раскопки в течение трёх недель, нашёл и вторую пару быков: когда-то они стояли по обе стороны дверей во дворце, обнаруженном ближе к центру холма. Вдобавок он нашёл барельеф того же периода, изображавший воина и каменного льва. Я уверен, что археолог будущего, взявшийся за раскопки этого величественного холма, дополнит чудесными находками историю Ассирии, а также более ранние и более поздние исторические периоды.

Сколь бы ни привлекало меня в 1934 году это место — сейчас оно могло послужить крайне интересным дополнением к Нимруду, — слишком многие обстоятельства говорили против того, чтобы начинать здесь раскопки. Во-первых, не было никаких свидетельств, что здесь найдутся доисторические слои и что мне удастся установить связь между этим местом и самым ранним периодом цивилизации Месопотамии. Во-вторых, скрывавшая недра холма огромная толща средневековых и арабских слоёв потребовала бы многих лет раскопок. Наконец, самым серьёзным препятствием являлось следующее обстоятельство — поверх холма располагалось множество мусульманских могил. Оставляю эту задачу герою помужественней.

Арбан, самый крупный телль, был также самым северным и самым близким к Хасеке — дальше мы почти не обнаружили следов ассирийских поселений. Как я уже упоминал, в первую очередь поселения, расположенные вдоль Нижнего Хабур, выстраивали с целью защиты и

⁵⁹ *Остин Генри Лейард (1817–1894)* — британский археолог, первым исследовавший руины Ниневии. В результате раскопок Лейард нашёл дворец Синаххериба.

только во вторую — как центры земледелия, хотя одной из их задач стало укрепление торговых связей с севером. Вокруг простиралась сухая степь.

Мы решили не задерживаться на Нижнем Хабуре и, достигнув его границ, двинулись дальше: нам хотелось увидеть больше разнообразных поселений, и мы совершенно справедливо полагали, что встретим их в более северных районах. С сожалением простились мы с Арбаном, этим холмом, словно начинённым историей. Дополнительную ценность ему придавала память о наших предшественниках, так ценивших эту землю, скрывающую столько следов прошлого.

Мы правильно сделали, что поставили лагерь возле Хасеке. Он был одинаково удобно расположен для обследования как Нижнего Хабуре, только что покинутого нами, так и верхней части реки. В течение всего путешествия мы не забывали поддерживать связь с французскими военными властями, предупреждёнными о нашем приезде Сейригом, и они неизменно оказывали нам поддержку. В Хасеке мы навестили командира, и он принял нас в своём пыльном, обдуваемом ветром офисе. Командир произвёл на меня яркое впечатление. Высохший седовласый человек небольшого роста, полковник Траколь сидел перед нами с чёрной шапочкой на голове, и у меня сложилось полное впечатление, что мы разговариваем с профессором. Полагаю, он закончил Высшую нормальную школу⁶⁰ и имел научные склонности.

Получив благословение полковника Траколя, мы проехали на север вдоль правого берега реки до величественного Телль-Халафа, а затем вернулись обратно в Хасеке по противоположному берегу. На нашем крепком грузовичке каждый из этих маршрутов можно было преодолеть за день пути, если ехать без остановок, но мы провели много дней, бродя по разным холмам и разглядывая черепки. Везде, кроме самого Телль-Халафа, результаты поисков нас разочаровали: в двадцати милях к югу от него уже отсутствовали следы доисторических поселений, и, насколько мы могли судить, холм Абу-Аджар, «каменистый», представлял собой крайнюю точку их распространения.

Позже мы заметили, что, если прочертить на карте линию от этого места примерно на восток, она упрётся в Телль-Брак, и пришли к выводу, что народы, использовавшие доисторическую керамику, очень неохотно селились как за пределами области обильных зимних осадков, так и ниже тех мест, где вадии и долины небольших речушек могли пересохнуть. Таким образом, нижние две трети Верхнего Хабуре выпадали из области наших интересов, но я с интересом отметил, что несколько холмов, в том числе Телль-Руман, содержат руины римско-византийского периода, под которыми, вероятно, скрывается ассирийский слой. Вполне возможно, что более глубокое исследование позволит обнаружить следы стоянок, пусть и небольших, устроенных в девятом веке ассирийцами в ходе набегов, доходивших до самой Гузаны, как они называли древнее поселение Телль-Халаф.

Я не буду в деталях описывать сам Телль-Халаф, так как он подробно освещён в публикациях фон Оппенгейма и Хьюберта Шмидта, — но этот громадный холм на западном берегу реки был маяком, зовущим нас вперёд, на поиски поселений того же периода в восточной части долины. Нужно было выяснить, встречается ли в этой части Сирии керамика того же типа, более изящная, что мы обнаружили в Арпачии. Более поздние периоды телль-халафской культуры также представляли для нас интерес, потому что они отмечены зданиями искусной архитектуры и грубыми скульптурами из базальта, относящимися ко времени правления местного царя Капары, свергнутого в результате вторжения могущественного ассирийского монарха Адада-нирари III незадолго до 800 года до н. э.

После беглого осмотра Верхнего и Нижнего Хабуре мы решили, что можем со спокойной душой приступить к изучению чудесного района треугольной формы, с запада ограниченного отрезком Верхнего Хабуре от Рас-эль-Айна до Хасеке, с востока — небольшой речкой с невероятным названием Джгаджаг, а с севера — железнодорожной веткой, по которой проходит граница между Сирией и Турцией. Это место — рай для археолога. Здешние равнины усеяны сотнями древних холмов, и большая их часть хранит руины земледельческих поселений,

⁶⁰ *Высшая нормальная школа* — одно из самых престижных высших учебных заведений Франции. Её выпускниками в разные годы были Мишель Фуко, Жан-Поль Сартр, Жак Деррида, Ромен Роллан, Эмиль Дюркгейм и др.

процветавших в пятом тысячелетии до н. э. и питавшихся туком земли. Этот треугольный участок изрыт множеством вад. На берегу вад Вадж располагаются холмы Телль-Сайкар и Телль-Байндар, на вад Ханзир и Дара — Телль-Мозан и Телль-Шагар-Базар, а на Джагджаге — Телль-Хамиди и Телль-Брак.

Каждый из этих теллей принёс бы — а некоторые уже принесли — богатый урожай находок. Читателю, интересующемуся археологией этого региона, я рекомендую изучить мой отчёт о нём и о дальнейших раскопках в журнале «Ирак» (тома III, IV и IX), где шаг за шагом прослеживается ход нашей работы. Сейчас достаточно сказать, что мы провели быстрые пилотные раскопки на границе, на Телль-Айлуне и Телль-Хамдуне, позже успешно исследованные немецкой экспедицией. Там мы очень заинтересовались Мозаном, теллем, привлекательным благодаря великолепным каменным стенам, а затем нас озадачила круглая, вернее, овальная форма огромного холма Байндара.

Самой соблазнительной, многообещающей и притом осуществимой задачей показалась нам работа на Шагар-Базаре, где в результате пробных раскопок под слоем руин 2-го тысячелетия до н. э. обнаружилось богатые залежи весёлой халафской керамики. Итак, в первую очередь мы решили копать здесь перед тем как приступить к раскопкам самого крупного из поселений, могучего холма Телль-Брака, который вместе с Шагар-Базаром будет рассмотрен в двух следующих главах.

Глава 7

Шагар-Базар

Вернувшись из разведывательной экспедиции, занявшей последние месяцы 1934 года, несколько следующих месяцев мы посвятили подготовке к раскопкам в Шагар-Базаре. Само городище располагалось очень удобно, потому что в сорока километрах к северу, в Камышлы, в нашем распоряжении был неплохой набор магазинов, банк — филиал Банка Сирии и Ливана — и почтовое отделение.

На первый сезон, пока шла постройка нашего собственного дома на раскопе, мы сняли просторный дом из сырцового кирпича в Амуде, недалеко от границы. Город заселяли в основном христиане. Поначалу наше временное пристанище было мало приспособлено для жизни. Нас осаждали полчища мышей, по ночам они бегали прямо по нашим телам, и первые три ночи прошли так беспокойно, что Агата грозилась уехать домой. К счастью, нас спасло приобретение смышлёного кота, быстро уничтожившего мышей, а поселив в доме нескольких овец и зацементировав полы, мы заодно практически избавились от блох и наконец-то зажили спокойно, купив предварительно кое-что из мебели. Потом эту мебель вместе с нами планировалось перевезти в основной экспедиционный дом в Шагар-Базаре.

Амуда оказалась не самым спокойным городом. То и дело происходили ночные набеги из-за турецкой границы, и на улицах начиналась беспорядочная стрельба. Случались попытки похищения женщин. Они редко заканчивались успехом, но иногда кто-нибудь подвергался ограблению или получал повреждения. В целом же мы не подвергались серьёзной опасности, ведь французская армия в то время успешно контролировала эту беспокойную часть Сирии и границу, и мы знали, что если набеги и случаются, то только очень быстрые и случайные.

В первом сезоне в нашу экспедиционную команду входили, кроме меня, Агата, Робин Макартни и Ричард Барнетт, а число нанятых рабочих достигало приблизительно ста сорока. В основном на нас работали арабы и курды, а также небольшая группа езидов, мирных почитателей дьявола⁶¹ с Джебель-Синджара, и несколько случайных христиан. Вдобавок несколько наших

⁶¹ *Езиды* — этническое и религиозное меньшинство, которое живет в иракском Курдистане, Армении и Турции и исповедует зороастризм. С началом исламского нашествия езидская религия была объявлена языческой, а ее последователи — поклонниками дьявола.

лучших рабочих оказались турками, сумевшими тайно перебраться через границу. Их пребывание в стране было незаконным, но турки отличались физической силой, хотели работать, и мы наняли их без колебаний. Они пересекали границу в арабских головных уборах, а потом, благополучно добравшись до нас, тут же надевали турецкие шапочки. Мы ни разу не пожалели, что приняли их на работу. Здесь то и дело кто-нибудь нелегально переходил границу, как в одну, так и в другую сторону, но никого это особенно не волновало, хотя в отдельных случаях незадачливый нарушитель попадал под пулю. Что и говорить, порой было непросто управлять таким количеством людей разных национальностей, так как на раскопе царило настоящее вавилонское смешение языков, но всё же, несмотря на разнородность нашей команды, работа стопорилась на удивление редко.

Нашей задачей на первый сезон было постараться получить общую картину того, что скрывается в толще огромного холма. С этой целью я очертил участок земли размером приблизительно двадцать на двадцать пять метров, но не на самой верхней части холма, а где-то на семь или семь с половиной метров ниже вершины, в том месте, где произошло частичное обнажение и где мы могли копать с минимальным вредом для построек более позднего периода, лежавших ближе к поверхности. К концу сезона мы вырыли огромный шурф примерно пятнадцатиметровой глубины и добрались до нетронутого грунта, оставив позади огромное количество исторических и доисторических слоёв.

Верхний культурный слой принёс нам ряд архитектурных и прочих находок, принадлежавших, как мы доказали впоследствии, к периоду между 1900 и 1600 годами до н. э. На пятнадцать метров (почти пятьдесят футов) глубже на нетронутом грунте мы нашли самые ранние свидетельства поселений в Хабуре, относящиеся, как нам теперь известно, приблизительно к 6000 году до н. э. На самом дне этого огромного котлована находилось первое поселение, примерно соответствующее самым ранним слоям Ниневи в Ассирии. Оно представляло собой не более чем временную стоянку — подобную нашли при раскопках телля Хассуны к востоку от Ассура, где обнаружили древнейшие доассирийские руины.

В самом древнем слое Шагар-Базара, содержавшем следы глинобитных стен, на глубине пятнадцати метров мы обнаружили фрагменты так называемой самаррской керамики. Это совершенно изумительная расписная посуда, названная в честь типичной стоянки на реке Тигр, в девяноста милях к северу от Багдада, и в Шагар-Базаре мы нашли какое-то количество отличных образцов подобного типа. Среди встреченных нами вариантов росписи присутствовали не только характерные разновидности типичного для Самарры ступенчатого орнамента, но также примитивные изображения человеческих фигур, нанесённые прямо на посуду. Мы с интересом обнаружили, что эти расписные самаррские изделия предшествуют многочисленным слоям яркой и пёстрой халафской керамики, о которой я уже рассказывал в предыдущей главе.

В этом постсамаррском слое мы обнаружили не менее шести последовательных халафских поселений общей толщиной чуть более четырёх метров, покрывших, как доказали позднее при раскопках Ярым-Тепе в Джебель-Синджаре, большую часть долгого халафского периода. Среди наших находок было множество образцов керамики с орнаментом в виде бычьих голов (букраний). Некоторые относительно реалистично и натуралистично изображённые головы окружал пунктирный узор, и из них росли травы. Интересно, не приписывалась ли быку заодно способность вызывать дождь. В самых поздних слоях на смену букраниуму пришёл орнамент в виде голов барана, или муфлона, с рогами, смотрящими не вверх, а вниз. Также мы нашли множество разновидностей спиралевидного орнамента, характерного для поздних этапов халафской культуры. В девятом слое от поверхности нам встретились развалины стены, выстроенной эллипсом — не круглой, как стена толоса, но, безусловно, свидетельствующей о том, что где-то жители этого поселения строили и толосы — куполообразные здания возрастом более шести тысяч лет, часто встречающиеся при раскопках халафских слоёв.

Наверное, самой интересной находкой халафского периода стала группа статуэток. Некоторые из них были сделаны из раскрашенной терракоты, некоторые — из высушенной на солнце глины. Это были довольно примитивные изображения людей в тюрбанах, по большей части сидящих, с очень условно вылепленными головами, причём исключительно женщин. Две статуэтки располагались поверх небольших цилиндрических дисков. Несомненно, диски должны были изображать сиденье для родов — подобные сиденья используются в Судане при

родовспоможении. Мы с трудом могли разобраться, что означают рисунки на статуэтках: одни из них напоминали платья, другие выглядели как татуировки. Часть рисунков, по-видимому, изображала платья, так как несколько фигурок имели пояса, а у одной или двух лицо было скрыто, как и подобает восточным женщинам. На сегодняшний день собрана замечательная коллекция подобных фигурок. Самые старшие из них относятся к 6000 году до н. э. Все они были найдены на раскопках самаррских поселений, в частности поселения Савван, тщательно исследованного иракскими археологами и давшего нам наиболее полное представление о развитии этой древней культуры. Фигурки, по всей видимости, служили амулетами культа плодородия. С их помощью женщины просили соответствующего бога или богиню защитить их во время опасного процесса родоразрешения. Несомненно, детская смертность в те времена была очень высока.

Статуэтки позднего убейдского периода, часто встречающиеся в Ираке, иногда изображают женщин, кормящих ребёнка. На данный момент собрана полная коллекция подобных фигурок, найденных на разных городищах в Ираке и Сирии. Несколько поразительных экземпляров происходят из Персии. Они прекрасно описаны Эдит Порадой, и на них, безусловно, стоит взглянуть. Татуировки, как правило, состояли из точечного пунктира и полосок, типичных для первобытных родовых обществ.

Возможно, халафский период продолжался в Шагар-Базаре дольше, чем в других местах, потому что мы не обнаружили там следов более поздней, убейдской культуры, но рано или поздно ему всё же наступил конец. Было бы крайне интересно узнать, почему закончился этот длительный период культуры Телль-Халафа и что послужило тому причиной. Другие поселения — в первую очередь Рас-Шамра на побережье Средиземного моря — хранят свидетельства того, что данную культуру уничтожил приход убейдских племён. Возможно, то же случилось и в Шагар-Базаре, но здесь представители убейдской культуры не остались, судя по отсутствию соответствующего культурного слоя. Ещё удивительнее кажется временной разрыв между окончанием халафского периода и началом следующего, пятого ниневийского. Думаю, между ними могло пройти около тысячи лет — все эти долгие годы некогда процветающее поселение пустовало.

Как бы то ни было, выше слоёв халафского периода расположен пустой слой, наполненный руинами сырцовых построек. На этом пустыре какие-нибудь новые поселенцы непременно должны были устроить кладбище — пустыри на Востоке часто становятся местом погребения. Так мы подходим к представителям знаменитого пятого ниневийского периода с их не лишённой привлекательности керамикой и искусными изделиями из металла. В Шагар-Базаре мы обнаружили два последовательных слоя пятого ниневийского периода и нашли раннюю разновидность их расписной керамики, за которой следовала типичная украшенная резьбой серая посуда, имитировавшая серебро. Среди наших находок выделялась замечательная серая чаша со скруглённым основанием, перевязанная тонкой серебряной проволокой, за которую чашу, очевидно, подвешивали, потому что чаша явно не могла стоять без поддержки.

Могилы этого периода прорывали прямо в развалинах построек предыдущего слоя. Несколько захоронений находились в прослойке чистого грунта и песка. Последовательность, судя по всему, была такой: сначала — расписная керамика, а позже, в четвёртом слое, — серая резная посуда под серебро, упомянутая выше.

Над четвёртым слоем, и следовательно, позже 2900 года до н. э. начинаются периоды, известные в Месопотамии как второй и третий раннединастические. В соответствующих им слоях обнаружилась керамика совершенно другого типа — довольно искусно сделанная серая посуда, иногда имитирующая серебро, но чаще — кожу: многие горшки имели скруглённые основания и не предназначались для того, чтобы стоять на поверхности. Видимо, их подвешивали, а хранили перевёрнутыми вверх дном. Впоследствии выяснилось, что посуда такого типа была распространена и в более восточных районах, вплоть до Северного Ирана, а кроме того, похожую керамику находили в городище Шах-Тепе на Эльбурсе.

Металл постепенно всё больше входил в употребление, но широкое распространение получил только в период, соответствующий первому, самому верхнему слою. Здесь мы нашли руины домов из сырцового кирпича и, как и в третьем слое, многочисленные захоронения, где обнаружили и детские могилы. Кажется, некоторые дома предназначались для младенцев.

В самой верхней части первого слоя мы обнаружили совершенно новый и разительно отличающийся от предыдущих тип керамики. Это была добротная посуда — крупные кувшины, расписанные исключительно геометрическими узорами: штрихами, треугольниками и так далее — и мы долго не могли установить происхождение этой керамики и ее название. Я окрестил керамику такого типа хабурской, и с тех пор она известна под этим названием. Сегодня археологи не исключают, что керамика была изобретена в самой долине Хабура — там, где её находят в наибольших количествах. В других местах она встречается реже. Образцы этой керамики встречались и в довольно удалённых районах: в Мари, в небольшом количестве в Атшане, в Хаме, что в долине реки Оронт (поздняя и несколько выродившаяся форма), а также в северной Сирии, на городищах в районе Каркемиша, в частности, в поселении под названием Хаммам. Несколько образцов встретились и в Ассирии, в Билле, неподалёку от Ниневии.

Мы долгое время ломали голову, откуда взялась эта керамика и что означает её внезапное появление. Теперь мы знаем ответ. Контраст между её частым появлением в долине Хабура и редким во всех других районах поразителен. Даже в Мари, расположенном совсем недалеко к югу от Хабура, находили единичные экземпляры. Все эти факты указывают на возрождение местного ремесла в верхней части долины Хабура, совпавшего с расцветом металлургии. Вероятно, основная масса кувшинов использовалась для пива, которое в больших количествах употребляли жители Шагар-Базара. На дне таких сосудов часто находили конические медные ситечки.

Мы также нашли свидетельства, что посуда такого типа широко использовалась у хурритских торговцев лошадьми в долине Хабура: были найдены многочисленные изображения лошадиных голов с нарисованными или приделанными уздечками. Из клинописного источника, найденного при раскопках городища Мари, нам известно, что царю Зимри-Лиму не подобало ездить на лошади. Этот варварский обычай принесли хурриты, о чём свидетельствует хабурская керамика с изображением колеса со спицами, лёгкого и удобного нововведения.

Совпавшее с появлением расписной хабурской керамики в 1800 году до н.э. массовое появление объектов из металла свидетельствует о влиянии северных районов, где в то время уже работали искусные кузнецы, имевшие доступ к месторождениям руды. Ближайшие известные нам медные рудники находились в Эргани-Маден, чуть выше по течению Евфрата от Диярбакыра. Судя по всему, местные гончары сосуществовали с анатолийскими кузнецами.

В любом случае за долгую историю своего существования жители плодородной долины Хабура испытывали исключительно сильное влияние практически со всех сторон: с севера, юга, запада и востока, — но основным неизменно было влияние со стороны Тигра. Несмотря на это, появление хабурской керамики свидетельствует о периоде значительного расцвета, и мы установили, что не одно поселение этого периода было обнесено городской стеной.

Весь первый сезон мы с большим неудобством добирались до места работы из нашей базы в Амуде, расположенной в двадцати пяти километрах от раскопа. Иногда приходилось преодолевать это расстояние на нашей неустойчивой «Королеве Мэри» в таких отвратительных погодных условиях, что машину то и дело разворачивало на сто восемьдесят градусов на мокрой и скользкой дороге. С особым трудом мы перебирались через вади, или временные русла, пересекающие дорогу в Шагар-Базар. Другим приходилось не легче. Один автобус, например, застрял посреди вади и десять дней не мог оттуда выбраться. Всё это время пассажиры терпеливо сидели на берегах русла, ели хлеб с луком и, судя по всему, совершенно не переживали. Таково восточное смирение. Мы же ещё больше укрепились в намерении построить собственный дом и в своё время, ближе к концу сезона, приступили к постройке здания из сырцового кирпича.

План экспедиционного дома разработал наш архитектор Робин Макартни, и получилось превосходно. Дом состоял из кухни, тёмной комнаты и пяти жилых помещений: в центре находилась большая общая комната, и ещё по две комнаты располагались с каждой стороны. Вдоль одной стены мы решили построить галерею, а центральный холл венчал купол. Никто из нас не участвовал раньше в постройке купола и не знал толком, как это делается. Изначально мы планировали соорудить крупный купол сферической формы, но в конечном итоге сооружение напоминало скорее сахарную голову. Работа над ним обернулась настоящим мучением. В процессе постройки мы соорудили деревянное кружало — крайне тяжёлое и неуклюжее

приспособление. Наши рабочие, не менее неуклюжие, умудрились эту конструкцию уронить. Усилиями нашего армянского плотника она рухнула на одного из рабочих-арабов и крепко его пришибла. В результате разразился нечеловеческий скандал между армянами и арабами. Армянский плотник чуть не удрал. Его пришлось ловить и возвращать силой, чтобы он закончил работу.

В процессе работы десять или двадцать тысяч сырцовых кирпичей, предназначенных для постройки, провалялись много дней под дождём. Что они успеют просохнуть, шансов почти не было, и мы сомневались, будет ли дом стоять в принципе. Несмотря ни на что, через десять дней после начала работ мы построили основную часть здания, а через четырнадцать — отделали. Кирпичи плотно склеились друг с другом, и получилась прочная монолитная конструкция, очень приятная на вид. Наш дом прекрасно смотрелся на фоне окружающего пейзажа, мы очень им гордились и страшно рассердились, когда шейх Ахмад окропил все четыре угла здания кровью свежезабитой овцы и испортил этим магическим ритуалом вид свежештукатуренной кирпичной кладки. Галерею мы доделывать не стали, она так и осталась открытым переходом, но её усиленные арки, опирающиеся на центральную часть здания, смотрелись очень красиво. Думаю, что вся работа, включая установку мебели, обошлась нам не более чем в сто пятьдесят фунтов: сама мебель у нас уже имелась.

Нам приятно вспоминать этот дом. Он стоял прямо на зелёной траве, мы жили, словно в райском саду. От нас до самого Камышлы простиралась равнина, усыпанная дикими штокрозами. Растительности в тот год было много. К нашему столу из дома шейха каждый день доставляли вкусную овечью ряженку и лучшую простоквашу, которую мне доводилось пробовать в жизни.

Шейх, конечно, связывал с нашим жилищем множество надежд: мы обещали, что когда-нибудь дом перейдёт в его собственность. Так и случилось: когда через три или четыре года мы завершили работу в долине Хабура, это желанное здание создало ему репутацию, хотя я сомневаюсь, что он там жил. Мы предусмотрительно предупредили шейха, что долговечность дома напрямую зависит от того, штукатурят ли его регулярно и заботятся ли об исправности дренажной системы, и если за домом не следить и не ухаживать, купол может обрушиться и убить хозяина. Как я понял, этот предприимчивый человек решил выжать из ситуации максимум пользы и быстро продал дом и свою небольшую деревеньку какому-то другому землевладельцу. Таким образом, он получил за здание, не потратив на него в своё время ни копейки, солидную сумму и вдобавок, несомненно, сказал новому владельцу, что мы, возможно, ещё вернёмся и его тоже обогатим. Насколько мне известно, наш дом, некогда великолепное здание, очертаниями напоминающее храм, чудом продержался около двадцати лет, а потом умер естественной смертью.

Наш предприимчивый курдский шейх, как и армянские поселенцы в долине Хабура, являлся живым воплощением чрезвычайно древних связей с севером, и их лучшим примером, пожалуй, могут служить некоторые из найденных нами металлических артефактов. Во время нашего первого сезона мы совершили крайне любопытную находку в одной из могил в пятом слое, соответствующем пятому ниневийскому периоду. Мы нашли обломок эфеса железного кинжала, возможно, сделанного около 2900 года до н. э. Когда найденный фрагмент подвергли анализу, выяснилось, что он больше чем на 50 % состоит из оксида железа, что соответствует 35,95 % чистого железа. Образец не содержал никеля и поэтому вполне мог быть метеоритного происхождения.

Таким образом, наш образец стал самым важным аналогом находки, сделанной покойным доктором Франкфортом при раскопках Телль-Асмара в долине Диялы, притока Тигра. Доктор Франкфорт обнаружил обломок лезвия кинжала земного происхождения, сделанный не позже 2700 года до н. э. Железный фрагмент, найденный в Шагар-Базаре, свидетельствовал о древних связях с Арменией, и именно оттуда, возможно, происходили первые мастера, работавшие с железом. Фамилия «Демирджан», «сын железных дел мастера», и сейчас часто встречается в кузницах Алеппо, по крайней мере встречалась в то время, и я думаю, что армянские кузнецы занимались обработкой железа с незапамятных времён.

В захоронениях того же слоя, относящихся к пятому ниневийскому периоду, мы нашли красивую медную булавку небольшого размера, украшенную парой голубей, некоторое

количество качественно сделанного оружия и продолговатую серебряную бусину со скошенными концами, очень похожую на бусины, найденные при раскопках царского кладбища в Уре.

Вспоминая находки нашего первого сезона, нельзя не упомянуть медную бусину исключительной чистоты, без малейшей примеси никеля, олова, цинка или серы, обнаруженную на большой глубине в слое, непосредственно следующем за самарским периодом. Здесь, несомненно, мы стояли у самых истоков металлургии. Эта находка подтверждает значение обнаруженного в древних слоях Арпачии кусочка свинца и доказывает справедливость предположения, что некоторые изящные сосуды для хранения молока с заострёнными краями имитировали металл. В целом подобные находки не удивительны. Очевидно, халафские гончары понемногу начинали экспериментировать со своими печами для обжига, всё лучше могли управлять огнём и пробовали разные варианты пигментации. Они обнаружили, что если нанести на сосуд немного красного пигмента, то получится именно такой красный цвет, а если нанести большее количество пигмента и обжечь посильнее, сосуд станет чёрным. Кроме того, они заметили, что, если кремовую смесь глины с пигментом подвергнуть более длительному обжигу, она приобретёт абрикосовый оттенок, одну из самых привлекательных особенностей этой древней керамики. Поначалу сосуды отличались скорее многотональностью, чем многоцветностью, но постепенно мастера пришли к настоящей многоцветности. Всё это стало возможным благодаря древним экспериментам с обжигом керамики, что привело в конечном итоге к развитию металлургии. Скорее всего, это развитие приостановилось с приходом представителей последующей культуры, убейдских племён из Южной Вавилонии, которым пришлось заново осваивать основы мастерства, уже пройденные их предшественниками.

Наши представления о невероятном мастерстве халафских гончаров, предшественников убейдской эпохи, спустя более чем сорок лет после раскопок Шагар-Базара подтвердились в результате научного анализа керамики этого периода Хью Маккеррелом и Томасом Дэвидсоном. Эти учёные подвергли большое число керамических осколков нейтронной активации, а затем второй из них провёл исследования вادي Дара, вблизи которого расположен Шагар-Базар, и проанализировал образцы глины, из которых была сделана посуда. Исследование показало, что состав глины и мелкого песка, содержащихся в виде взвеси в водах вادي, за семь тысяч лет не изменился. В них до сих пор можно найти те же элементы, что и в старинных черепках — хром, железо, кобальт и так далее. Так удалось окончательно доказать, что тонкие глины, из которых сделана халафская посуда, происходили из русла местных вادي. Предприимчивые шагар-базарские гончары добывали их именно здесь, а затем продавали свои товары в самые отдалённые районы. Глины вادي Дара отличались высоким качеством. Эти выводы ещё раз подтвердились исследованиями других городищ, в частности городища Телль-Акаб на том же вادي, где обнаружился десятиметровый слой халафского периода. Таким образом, последние научные эксперименты утвердили халафских гончаров в звании искусных ремесленников.

Самые ранние артефакты из металла были не менее любопытны, чем подобные объекты в первом, самом верхнем слое, где мы совершили крайне интересную находку. В одной из могил находился очень примечательный объект — небольшой тигель. Тигель представлял собой открытый ящик с закреплённой на весу чашей, находившейся в его верхней части, а в нижней располагалась топка. В той же могиле обнаружили прекрасные экземпляры больших винных кувшинов из расписной хабурской керамики и медная булава превосходной работы, квадратная в сечении и украшенная гравировкой. У булавы была плоская круглая головка, а в верхней части острия была проделана дырочка для кольца. Возможно, булава прикреплялась к одежде и служила петелькой. Я считаю, что в этой могиле захоронили зажиточного медника, и предполагаю, что он мог происходить откуда-нибудь с Кавказа или из Каспийского региона, где сто лет назад Морган обнаружил похожие булавы. На следующий год мы нашли не только другие тигли — действительно, весьма отличающиеся от первого, — но также крупные базальтовые формы для отливки оружия. Нет никаких сомнений в том, что кузнецы Шагар-Базара занимались этим важным делом ещё до 1800–1600 годов до н. э. и неплохо на нём зарабатывали.

Первый сезон принёс нам и множество других мелких находок. Желаящим на них посмотреть я рекомендую обратиться к третьему тому журнала «Ирак». Было бы неуместно останавливаться на них более подробно в рамках этой книги, но две из них я всё же должен упомянуть. Первая — красивый оттиск печати с изображением зайца, сделанный около 2900 года до н. э. и относящийся

к пятому ниневийскому периоду. Любопытно, на отпечатках этого периода встречаются только зайцы, и никогда — кролики: судя по всему, кролики водились только в Европе. Почему на данном отпечатке изображён именно заяц, я затрудняюсь сказать. Вторую находку мы обрели не на раскопе, а на рынке в Амуде. Это был амулет в виде головы животного — возможно, лошади, но, вероятнее, онагра. Фигурку искусно вырезали из коричневатого камня, и относилась она, несомненно, к периоду Джемдет-Насра. Амулет стал одной из самых красивых вещей, обнаруженных нами за первый сезон, пусть и не непосредственно в процессе раскопок.

В заключение расскажу о находках архитектурного плана. Нам хватило времени на то, чтобы раскопать один большой дом из сырцового кирпича с очень маленькими комнатками. Вход в дом осуществлялся через просторный открытый внутренний двор. Планировкой здание скорее напоминало не вавилонские частные дома, а ассирийские. Его построили между 1800 и 1600 годами до н. э., и, судя по всему, оно имело два этажа — во всяком случае, на крышу вели ступени. По всей видимости, в этих местах тогда было не меньше грязи, чем сейчас: пол одного из внутренних дворов устилала галька. Интересно, что к дому были пристроены две печи для обжига. Ещё мы нашли следы ложносводчатых крыш из сырцового кирпича. На кухне обнаружился обычный набор домашней и кухонной утвари, ручные жернова и другие подобные предметы. Эти и другие находки говорили о том, что в Шагар-Базаре стоит провести более основательные раскопки, и мы решили приехать сюда ещё как минимум на один сезон в следующем году, перед тем как заняться каким-нибудь городищем покрупнее и позначительнее. Мы планировали раскопать больше архитектурных объектов и не опускаться до доисторического периода, а как можно шире исследовать верхние слои в поисках табличек. На эту работу, возможно, потребовался бы и третий сезон. Найдки второго сезона показали, что мы приняли правильное решение.

Итак, мы с полным основанием были довольны находками, сделанным за первый сезон, и связывали со второй экспедицией большие ожидания. Не в последнюю очередь нам доставляла радость перспектива поселиться в собственном доме сырцового кирпича с прекрасным коническим куполом и недостроенной галереей. Галерею мы надеялись когда-нибудь доделать, но руки до этого так и не дошли.

Мы вернулись в Шагар-Базар проводить второй сезон раскопок весной 1936 года. Весна выдалась очень сырая, но мы получили огромное удовольствие от работы. Нам очень нравилось жить в нашем новом прекрасном доме, просторном и светлом, нравилась гостиная под куполом, который, слава богу, не собирался пока на нас падать. В этом году мне помогал, кроме Агаты, полковник индийской армии в отставке А.Х.Бёрнс, археолог-любитель, наделённый хорошим чувством юмора и обладавший большим опытом по организации людей. Полковнику были свойственны некоторые армейские замашки: он выстраивал рабочих в ровную шеренгу и заставлял подходить за зарплатой колоннами по четыре человека. Рабочие ничуть не возражали. Кажется, им даже нравились эти новые забавные порядки. Мы все очень подружились с полковником, особенно наш молодой коллега Луи Осман, теперь знаменитый архитектор. Помню, мы прозвали его Кочкой, потому что по дороге в Камышлы он, глядя из окна «Восточного экспресса», назвал холмы, покрывавшие равнины, то есть древние телли, кочками. Насколько же удивился молодой человек, когда ему сказали, что все эти «кочки» — не что иное, как поселения, которые нам и предстоит раскапывать. С тех пор нашего архитектора так и звали — Кочка. Осман любил компании и тоже имел хорошее чувство юмора, а это качество очень ценится в любой археологической экспедиции.

Наши добрые товарищи, Кочка и полковник, помогли нам довести раскопки в Шагар-Базаре до благополучного завершения. В третьем сезоне к экспедиции присоединился наш верный Робин Макартни. В конце концов в 1936 году, не более чем в двадцати футах от нашего первого шурфа, вырытого за два года до того, мы нашли то, что искали. В самом дальнем конце здания из сырцового кирпича находилась маленькая комнатка, и в ней мы обнаружили семьдесят клинописных табличек, в основном написанных в течение одного года: согласно отметке ассирийского чиновника — «лимуну», — это случилось около 1810 года до н. э. В Ассирии тогда царствовал Шамши-Адад I, а его младший сын Ясмах-Адад управлял этим регионом. Благодаря данным табличкам мы получили хронологическую привязку, значение которой трудно

переоценить, и заодно смогли датировать нашу расписную хабурскую керамику, так как таблички лежали на её черепках, служивших подставками.

С. Дж. Гэдд, опытный специалист, занимавшийся расшифровкой табличек в Британском музее, полагал, и, наверное, справедливо, что на основании содержащихся в них сведений мы можем считать Шагар-Базар современным названием древнего города Тил-ша-аннима, в переводе значившего «холм, отвечающий 'да'». Город так называли неспроста: здесь располагался «bit bari», или «дом прорицателей». Его традицию в наши дни продолжал курдский шейх Ахмад, имевший в округе репутацию серьёзного колдуна. Вполне возможно, что в здании, где мы обнаружили таблички, и располагался знаменитый «дом прорицателей», но похоже, что это был храм, посвящённый богу Солнца, упомянутому в табличках, или даже дворец.

Археологам, собиравшимся продолжать после нас раскопки Шагар-Базара, мы оставили лёгкую и привлекательную задачу — найти остальную часть архива, которая, несомненно, находится где-то в том же здании. Интересно, что в табличках упоминаются корм для скота, предназначенный для питания оленей, содержащихся в святилище, а также газелей, так часто изображавшихся на цилиндрических печатях в окружении деревьев, являющихся также частью изображения храмов.

Связь Шагар-Базара с династией ассирийских царей, чьи свидетельства существования нашли в табличках, представляет огромный интерес для археологии и лишней раз подтверждает правильность выбора места для раскопок. В табличках упомянут и другой город ассирийских царей, Икаллати — туда часто отправляли необходимые запасы. Несколько раз упомянут Шубат-Энлиль, бывший в то время столицей ассирийского царя, и некоторые учёные, подстрекаемые моим другом, покойным профессором Гётце, полагали, что это и был Шагар-Базар. Я с этой точкой зрения не согласен, так как в одной из табличек упомянуты товары, отправленные в Шубат-Энлиль, а вовсе не прибывшие туда, и более того, мне кажется, наше городище недостаточно велико и слишком неудобно расположено, чтобы быть ассирийской столицей. Впрочем, вполне вероятно, столица находилась неподалёку. В пользу этого свидетельствует тесная связь с Шагар-Базаром младшего царского сына. Его имя несколько раз встречается на табличках; также из текста следует, что здесь царский сын держал упряжку лошадей, ослов, быков и запряжённую колесницу. Животными занимались пять грумов и тренер. Таким образом, он на несколько столетий опередил индоарийскую династию царей Митанни, в связи с которой упомянут знаменитый тренер лошадей Кикубли. Царский сын Ясмах-Адад выделял значительные суммы на содержание лошадей, и отец, судя по всему, совершенно справедливо, в мариийских письменных источниках называл его транжирой и упрекал, что тот спускает состояние на женщин. Отец называл сына неженкой за отсутствие растительности на подбородке и ставил ему в пример старшего брата, безмозглого вояку, быстро потерявшего трон. Младший же, Ясмах-Адад, после смерти отца ясно осознавший, в какой опасности находится Ассирия, очень мне симпатичен. Он очень напоминает мне Яхью, непутёвого старшего сына нашего бригадира Хамуди. Хамуди больше нравился спокойный характер его младшего отпрыска, менее способного и настроенного на военную службу.

Другие таблички нарисовали перед нами картину общества, занятого сельским хозяйством — разведением овец и выращиванием ячменя. Пшеница не упоминается ни разу. Почва, возможно, чрезмерно увлажнённая и засоленная, была для неё непригодна. Согласно древним источникам, ячмень, и в наши дни остающийся одной из основных культур, использовался не только для изготовления хлеба и не только как корм. Он также являлся основным ингредиентом для варки пива: в табличках упоминается добрый эль и аналог лёгкого пива.

Среди прочих населённых пунктов в источниках упомянут город Кахат. Сегодня мы можем с уверенностью утверждать, что это историческое название городища Телль-Барри, благодаря найденному там кирпичу с надписями. Телль-Барри находится в нескольких милях к северо-востоку от Шагар-Базара, неподалёку от Нусайбина. Согласно табличкам, туда отправляли какой-то особенный хлеб «магару». Очень интересным было описание щедрых даров, выраженных в мерах хлеба и пива, которые в день очищения послали в городской храм две тысячи семьсот семьдесят жителей Кир-Дахата, города, располагавшегося, как мне кажется, где-то на севере. Судя по всему, Шагар-Базар, как священный город, пользовался большим уважением. Примечательно,

что хлеб и вино измерялись в мерах, обычных для Ассирии, «хомерах» и «суту», из чего можно сделать вывод о преобладающем влиянии ассирийской культуры.

Как следует из текстов, население города в основном состояло из фермеров всех мастей, пастухов, садовников, скотоводов, валяльщиков и ткачей, жрецов и писцов, мальчиков и девочек, в том числе слепых. Странно, но нам встретилось только одно упоминание металла в качестве платёжного средства, а о кузнецах и вовсе не упоминалось, но я не сомневаюсь, что этот пробел удастся заполнить, когда будет найдена оставшаяся часть этого крупного архива.

Мы нашли многочисленные свидетельства городской процветающей торговли, в том числе с отдалёнными территориями. На западе она охватывала район Ямхада вокруг Алеппо, на юго-востоке упоминается один из городов Элама. Среди прочих упомянутых мест есть ряд населённых пунктов на Тигре, Евфрате и в долине Диялы — Киш, Акшак и другие города, а также район Ханы в Пальмире.

Итак, Шагар-Базар был когда-то процветающим и энергичным городом. Половина его населения говорила на одном из семитских языков — либо аккадском (одном из языков Месопотамии), либо аморейском (использовавшемся в Западной Сирии). Примерно четверть населения составляли не относящиеся к семитам хурриты, прирождённые наездники и воины, позже составившие ядро индоарийской династии Митанни. Существовала ещё одна важная группа людей, чьи имена заканчивались на «ан». Мы не знаем, кто они были, но я неоднократно гадал, не связан ли как-нибудь с ними крупный и, несомненно, богатый артефактами холм Мозан, возвышающийся в нескольких милях к северо-востоку от Шагар-Базара.

Найдя архив табличек, мы почувствовали, что теперь наконец-то можно переместиться и сосредоточить свои силы на раскопках величественного Телль-Брака, важнейшего центра долины Хабур. Знакомство с Шагар-Базаром позволило нам сориентироваться и получить первое представление об основных культурных последовательностях региона. Теперь мы были готовы к сложной и трудновыполнимой работе, ожидавшей нас в Телль-Браке.

Хоть нам и не терпелось приступить к новому захватывающему мероприятию, мы с сожалением покидали Шагар-Базар. Мне нравится вспоминать, как однажды к нам приехал погостить Эрнест Алтоунян со своей супругой Дорой. Они провели у нас несколько дней и при этом ухаживали за больными, в частности за нашим бригадиром Абд эс-Салаамом: он, подобно многим другим жителям Каркемиша, страдал туберкулёзом. Дора написала маслом портрет Агаты. На нём Агата сидит в нашей столовой, клеивает черепки керамики и выглядит абсолютно счастливой. Я до сих пор храню этот холст в качестве памяти об экспедиции 1936 года.

Глава 8

Раскопки Телль-Брака

В первый раз мы увидели величественный Телль-Брак в ноябре 1934 года. Это был самый заметный холм в нижней части хабурского треугольника, подобно Телль-Халафу, занимавшему то же положение в верхней его части. Мне хватило одного взгляда на Телль-Брак, чтобы понять: когда-нибудь я его раскопаю. Желание моё исполнилось не сразу, так как довольно много времени ушло на подготовку. Как я уже объяснил, сначала требовалось получить представление об этом регионе, поэтому первым делом мы провели раскопки в меньшем по размеру, но тоже значительном телле Шагар-Базара.

Мы начали работы в Браке весной 1937 года, и первые результаты раскопок укрепили мою решимость. Весной и осенью 1938 года мы вели сразу два полномасштабных проекта, чтобы закончить работу в Шагар-Базаре. Как только мы нашли архив табличек, о котором я рассказывал в предыдущей главе, мы решили оставить Шагар и полностью сосредоточиться на Браке.

Этот могучий холм никого не оставит равнодушным, настолько внушителен его силуэт, возвышающийся, практически нависающий над равниной. Он расположен в трёхстах милях к востоку от Средиземного моря и в ста тридцати милях по прямой от берегов Тигра. Из населённых

пунктов ближе всего расположены Нусайбин — до него чуть больше двадцати пяти миль к северу — и Хасеке, стоящий на таком же расстоянии к югу, там, где Джагджаг сливается с Нижним Хабуром. Брак находится недалеко от воды, всего в четырёх милях от западного берега Хабура и его притока, вади Радд, и на нём, кстати, расположен и Шагар-Базар. Телль-Брак — самый крупный телль в этом регионе. В основании он представляет собой овал и имеет около восьмисот метров в длину и около шестисот в ширину. Общая площадь городища чуть не дотягивает до пятидесяти гектаров, что составляет приблизительно сто двадцать акров.

Самая высшая точка холма возвышается над равниной на сорок метров — то есть, Телль-Брак более чем на десять метров выше Куюнджика, или Ниневи. Уже сам объём холма не оставлял сомнений, что внутри нас ждут очень важные находки, покрывающие все эпохи, от доисторического периода внизу и как минимум до середины 2-го тысячелетия до н. э. За много лет до нашего прибытия отец Пуадебард⁶² определил эту местность как римский лагерь, расположившийся на равнине на некотором расстоянии, а Дэвид Отс⁶³ впоследствии отнес его к византийскому периоду, примерно к V в. н. э.

С топографической точки зрения городище можно разделить на две половины, между которыми расположен просторный низколежащий майдан, то есть площадь, через которую в период расцвета города шло всё сообщение. Северо-западная часть холма, самая высокая и крутая, отделяется от юго-восточной части сравнительно низким участком земли, широким оврагом. Разницу в высоте между двумя частями городища легко объяснить.

Северо-западная часть была отдана, в основном, под жилые кварталы. Здесь располагались частные дома, тогда как юго-восточную часть занимали храмы и общественные здания. Постройки здесь отличались большей прочностью и поддерживались в лучшем состоянии, поэтому холм нарастал с меньшей скоростью. Более того, судя по всему, юго-восточную часть города забросили в самом начале 2-го тысячелетия до н. э. В северо-западной же части жизнь продолжалась ещё как минимум шестьсот лет. Таким образом, после 2000 года до н. э. обитателям Телль-Брака приходилось преодолевать крутой подъём, чтобы попасть домой, и, видимо, им было непросто поднимать на такую высоту воду. Даже колодцы не могли полностью решить эту проблему, так как совсем без перевозки жители не могли обойтись. Впрочем, наверное, это неудобство компенсировалось тем, что так жители города были лучше защищены от внезапных набегов с севера.

Как я уже говорил, в долине Хабура мы сами подвергались небольшим вторжениям со стороны анатолийских холмов, и в большинстве деревень по ночам дежурили сторожа, чьей задачей было оповещать население в случае опасности. С вершины Телль-Брака открывался вид на далёкие багровые горы Джебель-Синджара, часть которых относится к Сирии, а часть — к Ираку, и, очевидно, когда-то город лежал на оживлённом международном тракте. Поблизости находилось озеро, которое римляне называли «Lacus Veberaci», и напрашивается предположение, что это значит «озеро Брак». Возможно, когда станет известно название древнего места, выяснится его происхождение от названия «Брак». Воды этого озера, довольно солёные, находились от нас не дальше, чем в дюжине миль, и по выходным мы часто ездили туда на пикник. Другим значительным элементом рельефа, хорошо просматривающимся с вершины холма, был потухший вулкан Джебель-Каукаб, прекративший извергаться задолго до того, как в этих местах появились первые жители.

Приехав в Брак, мы с Агатой поначалу поселились в высокой башне, выстроенной у входа в хан. Когда мы въехали, башня кишела летучими мышами, и нам приходилось тратить на битву с ними большую часть ночи. Сначала мы мучились одни, затем присоединились полковник Бёрн и Луис Осман. Они дежурили у нас через день, и им по очереди приходилось преодолевать нелёгкий путь длиной в двадцать миль из Шагара-Базара в Телль-Брак.

Нам очень повезло с новым жилищем: в Телль-Браке мы имели под рукой большой пустующий хан, или караван-сарай. Он прекрасно подходил для временного размещения экспедиции. Десять

⁶² Антуан Пуадебард (1878–1955) — французский археолог, священник-иезуит. Первооткрыватель воздушной археологии на Ближнем Востоке.

⁶³ Дэвид Отс (1927–2004) — британский археолог и ученый. В разные годы руководил раскопками в Нимруде, Каттаре и Телль-Браке.

комнат, помещения для слуг, кухня — мы располагали всем необходимым для жизни, а вдобавок ещё и огромным внутренним двором, где могли разгружать грузовик и даже раскладывать свои черепки: места было вполне достаточно. Наверное, ещё нигде я не устраивался с таким размахом. С течением времени мы установили огромную деревянную дверь с двумя створками и ворота, и наша крепость была готова к обороне, закрытая решётками и запертая на засовы, как старинный замок. Уезжая с раскопа, мы составили всю свою мебель в две комнаты на одном конце караван-сарая, и я иногда гадаю, что стало с ней потом. В наши планы вмешалась война, поэтому мы так и не вернулись в Телль-Брак. Наверное, мебель всё ждёт нашего приезда где-нибудь в деревне и ещё может послужить какой-нибудь экспедиции, которой повезёт продолжать работу на этом величественном городище. Наше же прекрасное жилище, насколько я знаю, служит теперь полицейским участком.

Когда мы только начинали раскопки в Шагар-Базаре и Телль-Браке, мы с большим трудом могли добыть достаточно серебряных монет, чтобы хватило на зарплату рабочим в конце недели. Бумажные деньги здесь тогда ещё не ходили. Мне приходилось ездить за сорок километров в Камышлы и, так как в банке часто нельзя было получить серебро, отправляться с чеком на базар и обменивать его на требуемую сумму денег, обычно несколько сотен фунтов, у того, кто предложит лучший курс. Это мероприятие выглядело очень забавно: я шёл по улице, подняв чек высоко над головой, и выкрикивал сумму, необходимую мне в серебре. Через какое-то время я заканчивал торги, выбирая самое выгодное предложение. Творился какой-то кошмар. В тех краях пользовались меджиди, крупными серебряными монетами размером с колесо телеги — их реальная стоимость была больше номинальной, составлявшей около десятой части пенни, — а монетки меньшего достоинства назывались большими и маленькими «bargoudh», то есть большими и маленькими блошками. Всю эту массу денег требовалось пересчитать и ссыпать в два огромных чемодана, которые я затем доставлял домой на грузовике совершенно без охраны. По пути на меня ни разу никто не напал, хотя один раз выстрелили по машине. Я отвозил монеты в наш дом в Амуде и добрую часть ночи проводил в подсчётах, доставая их из чемодана и выкладывая прямо на постель жены. Помню, Агата однажды страшно возмутилась, когда я оставил её на двадцать минут, совершенно забыв про монеты. «Меня могли убить», — заявила она, когда я вернулся. К счастью, всё обошлось, и я нашёл жену живой.

Находки, которыми ознаменовались наши два с половиной сезона в Телль-Браке, представляли огромный интерес с точки зрения археологии, истории и искусства и полностью вознаградили нас за затраченные усилия. Помимо гор сокровищ, серебра и золота, вызывающих неизменный восторг археологов-любителей, мы обнаружили два больших здания. Одно построили не позднее 3000 года до н. э., другое — около 2300 года до н. э. Среди наших находок присутствовали архитектурные памятники, имевшие ключевое значение для археологии этого региона. Что касается исторических находок, нам посчастливилось найти несколько документов, хотя, к сожалению, название города до сих пор не обнаружено. Быть может, это случится в ближайшем будущем, потому что профессор Дэвид Отс собирается возобновить раскопки в 1976 году. Если говорить о конкретных памятниках, я бы в первую очередь отметил голову из известняка, относящуюся к периоду Джемдет-Наср и сделанную незадолго до 3000 года до н. э. Доктор Моортгат, один из ведущих немецких экспертов, назвал её образцовым произведением искусства. Он мог рассуждать об этой скульптуре бесконечно и превозносил её необыкновенную красоту. Некоторые из маленьких амулетов того же периода отличались изумительной красотой и тонкостью работы. Они тоже заняли достойное место среди исторических образцов мелких поделок из камня, подобно китайским изделиям из нефрита, хотя основными материалами для их изготовления стал мыльный камень и другие мягкие породы. Заслуживает внимания и другая удивительная находка — передняя часть алтаря, украшенная золотом, серебром, сланцем и известняком. Эта форма украшения типична для фасада храмов, но здесь её впервые нашли на своём месте. Две из панелей удалось полностью восстановить.

Рассказывая об архитектуре, нельзя обойти вниманием два очень важных здания. Одно из них — храм, который я назвал Храмом глаза. На нём я подробно остановлюсь ниже. Другой крупной находкой стал великолепный аккадский дворец, его мы назвали «Дворец Нарам-Сина». Нарам-Син был третьим по счёту царём после Саргона, основателя Аккада. Мы обнаружили этот величественный дворец на южной стороне западной половины Телль-Брака и удивились своему

поразительному открытию: на то, чтобы восстановить планировку всего здания, у нас ушло чуть больше двух недель. Мы ориентировались на верхнюю часть оголённого фундамента — правда, кое в каких комнатах кладка ещё сохранилась, и стены поднимались на существенную высоту. Холм подвергся такой эрозии, что только в одной комнате сохранился пол.

План дома включал в себя четыре внутренних двора, причём площадь самого крупного составляла более сорока метров. По периметру дворов располагались складские помещения, предназначенные для хранения зерна. В здание вёл всего один вход, когда-то, по всей видимости, обрамлённый двумя башнями. Эта находка послужила подтверждением давно сложившемуся представлению, что влияние аккадских царей в Малой Азии охватывало огромные территории. Несомненно, наш дворец служил хорошо охраняемой крепостью, построенной, чтобы укрепить длинные линии связи между столицей Аккада, располагавшейся неподалёку от Вавилона, и дальними пределами империи, простиравшейся до самой Каппадокии в центре Малой Азии.

Последующие находки, сделанные итальянской экспедицией при раскопках крупного городища Эблы возле Алеппо, показали, что Нарам-Син стремился стать верховным владыкой Центральной Сирии. Судя по всему, во время своих военных походов он уничтожил этот город-государство, чьё влияние распространялось тогда на земли верхнего и среднего течения Евфрата.

Дворец Нарам-Сина, или Большой дом, как гласят надписи на кирпичах, отличался чисто функциональной архитектурой и как нельзя лучше соответствовал своему предназначению. Это огромное здание имело площадь более гектара — примерно два с половиной акра — и стало самым крупным из всех найденных построек своего периода, около 2300 года до н.э. Предполагалось использовать его как гигантское хранилище для зерна, собранного в окрестных районах в качестве налогов и податей, и снабжать им аккадские войска во время северных военных походов.

Судя по невиданной толщине стен, Нарам-Син осознавал, что его крепость находится на вражеской территории и такое важное зернохранилище должно быть неуязвимым для неприятеля. Толщина внешних стен достигала десяти метров, или тридцати двух футов, и внутренние перегородки между помещениями были им под стать. Наибольшая глубина ленточного фундамента составляла примерно пять метров, и, основываясь на принятом в древности соотношении глубины и высоты здания, мы можем предположить, что общая высота дворца составляла около пятнадцати метров, то есть почти пятьдесят футов. Если взглянуть на ассирийские дворцы позднего периода, этот расчёт кажется вполне правдоподобным.

В крепость вёл единственный вход, охраняемый двумя мощно укрепленными башнями. Изначально башни имели по два этажа, и из их бойниц удобно было наблюдать за далёкими равнинами, а в случае атаки царские лучники могли занять здесь выгодную оборонительную позицию. Ко входу с двух сторон примыкали единственные жилые помещения дворца. Каждое жилое крыло состояло из внутреннего двора, окружённого комнатами. Вероятно, существовал и второй этаж. Часть плана реконструировали, и благодаря высокому гребню, ограничивающему здание, мы смогли установить его крайние пределы.

Найденный нами слепок человеческой ступни из битума, выполненный около 2300 года до н.э. и когда-то, очевидно, покрытый листовой медью, свидетельствует о том, что аккадцы достигли высокого мастерства в работе с медью и бронзой. В предыдущей главе мы восхищались великолепной бронзовой головой Саргона из Ниневии, а недавно, в 1975 году, была найдена часть некогда прекрасной медной статуи в натуральную или почти в натуральную величину, на которой значилось имя Нарам-Сина. Фрагмент обнаружили в районе Заху на севере Ирана, за Мосулом.

Я не буду подробно рассказывать о бракском дворце, так как его детальное описание приведено в моём первом отчёте об этой находке, опубликованном в девятом томе журнала «Ирак» в 1947 году. Просторный внутренний двор служил основным распределительным центром, здесь могли разместить многочисленную поклажу и вьючных животных вместе с погонщиками. Можно представить себе армию клерков, принимавших ценные грузы под чутким наблюдением администрации, занимавшей два крыла здания у входа.

От внутренней отделки здания не осталось и следа, но стены наверняка покрывали цемент и глина. В некоторых складских помещениях сохранились фрагменты деревянных опор крыши. Их исследовали в Научно-исследовательской лаборатории продуктов леса в Принсес Ризборо.

Удалось идентифицировать ясьень, вяз, красный дуб, платан и тополь. В более поздних зданиях недалеко от дворца нашли следы сосны. Неясно, какие из перечисленных деревьев произрастали тогда в этих местах. Возможно, только дубы и платаны, которые можно найти там и по сей день. В таком случае остальные древесные породы доставляли из Северной Сирии и Анатолии. Известно, что в древности древесину в больших объёмах спускали по течению Евфрата и продавали в Месопотамию. Среди остеологических находок имелись останки льва (*Panthera leo*), животных, относящихся к родам *Canis*, *Sus*, *Capra* (как крупные, так и небольших размеров), *Bos* (мелкие, средние и крупные), *Equus* (мелкие), а также мамберов, горных коз с винтообразными рогами.

Скорее всего, складские помещения защищались от дождя плоскими крышами. Внутри обнаружили многочисленные следы ячменя и редкие — пшеницы. Как и ожидалось, в главном внутреннем дворе мы нашли несколько расписок в получении зерна и — к своему удивлению — фрагменты искусной мозаики из кости, изображавшей бородатого и лохматого героя легенд о Гильгамеше, пятиконечную звезду и голову льва. Должно быть, мы видели перед собой обломки шкатулки, принадлежавшей одному из старших офицеров караула. Тонкая гравировка цилиндрической печати из змеевика изображает львов и рогатых зверей, поднявшихся на задние лапы в стиле, обычном для геральдики этого периода.

К нашему разочарованию, нам не удалось найти во дворце ни следа изделий из металла. Мы знали, что металлургия в Браке процветала, ведь среди наших находок присутствовало не только большое количество медных инструментов и оружия, но также большая базальтовая форма для отливки десяти различных приспособлений, и во всех остальных частях телля мы находили множество сокровищ — золотых и серебряных украшений. Брак служил блокпостом для аккадских войск во время их северных военных кампаний против Малой Азии, а основная цель подобных кампаний — несомненно, завладеть находившимися здесь ценными рудами и зерном из Западной Сирии. Возможно, где-нибудь в Браке есть здания, предназначенные для хранения металла, и их ещё предстоит обнаружить, но есть вероятность, что любой излишек отправлялся прямоком в столицу, Аккад, а то, что оставалось в Браке, быстро распределялось между местными кузнецами и шло в дело.

Этот огромный форт является вечным свидетельством того, как старалось государство Нарам-Сина укрепить свою власть на захваченных северных территориях. Увы, результат стольких трудов оказался недолговечен. Во внутреннем дворе и в комнатах мы обнаружили обильные следы чёрного пепла: враги сожгли дворец и сровняли его стены с землёй. Затем пустоту, образовавшуюся в результате поражения Брака, заполнила другая династия, а конкретно — Ур-Намму, первый царь могущественной Третьей династии Ура, чьё имя нашли как на табличке, так и на оттиске печати. Видно, что дворец перестроили, а уровень пола подняли как минимум на три метра. Новые стены значительно уступали старым по качеству. Кирпичи Нарам-Сина были хорошо сделаны и аккуратно подогнаны друг к другу. Новую кладку мы посчитали посредственной, а стены, выстроенные поверх старого фундамента, стали уже почти на метр. Судя по всему, новая власть существовала не дольше века с четвертью. Скорее всего, причиной её гибели стали амориты, потому что именно для защиты от них Ибби-Син, последний из царей династии, воздвиг мощную стену. Он тщетно пытался спасти государство, павшее в итоге под двойным напором — аморитов с запада и эламитов из Южного Ирана. Последние в конце концов взяли его в плен и увели в цепях.

Вопрос, кто разрушил дворец Нарам-Сина, гораздо сложнее: здание подвергалось двойному натиску, с запада и с востока. Мы знаем, что после смерти Нарам-Сина его последователю Шаркалишарри пришлось устроить поход против аморитов в Базаре или сирийцев, проживающих в районе нагорья Джебель-Бишри, располагавшемся между реками Хабур и Балих, в самом сердце Амурру, где прочно утвердилась аккадская династия, что мы выяснили, раскапывая окружённый стеной город, Телль-Джидль, в долине Балиха. Другой не менее вероятный кандидат — гутии, могущественное государство Заргоса, ответственное за распад империи саргонидов.

То, что так трудно определить, восток или запад послужил причиной гибели дворца, лишний раз показывает, насколько подвержено нападениям было любое государство в долине Хабура. Мы сможем определить, какой именно враг уничтожил город, только если нам удастся установить историческое название Телль-Брака и повезёт найти его упоминание в письменных источниках

этой эпохи. Нам вполне может повезти, ведь археологические исследования продолжаются.

Интересно, что в Ашшуре, религиозной столице Ассирии, есть здание, наверняка имеющее общее происхождение с дворцом Нарам-Сина. Его раскопал известный немецкий археолог Вальтер Андраи, который назвал здание старейшим дворцом Ашшура. Если планы обоих зданий положить рядом, на первый взгляд они покажутся совсем разными, но это кажущееся различие. Всё, что осталось от ашшурского дворца, — самая глубокая часть фундамента, и она вся изрешечена множеством пересекающихся стен, построенных, чтобы распределить вес здания. Выше фундамента дворцы уже не покажутся такими разными. Более того, измерения этих огромных строений практически равны: площадь ашшурского дворца — сто двенадцать на девяносто шесть метров, а площадь дворца в Браке — одиннадцать на девяносто три метра. Возможно, их строил один и тот же архитектор. Кроме того, кирпичи из Ашшура по всем измерениям совпадают с кирпичами, из которых сложены частные дома в Браке, относящиеся к аккадскому периоду. И последнее, что нужно подчеркнуть: здание в Ашшуре раскапывали с помощью туннелей и в одном туннеле нашли скруглённую на углах табличку с клинописью, типичную для периода Аккада.

Вальтер Андраи отнёс найденное здание к эпохе Шамши-Адада I, чьё правление в самом конце, незадолго до 1800 года до н.э., пересеклось с правлением Хаммурапи. В своём предположении он основывался на глубине, на которой обнаружили дворец, на его мнимом сходстве с ранними вавилонскими постройками и на форме и размерах кирпичей: сторона их основания равнялась тридцати четырём сантиметрам, а высота — десяти. Ни один из перечисленных доводов не позволяет с уверенностью приписать постройку дворца этому ассирийскому царю, Шамши-Ададу I. Как бы мне хотелось вызвать дух доктора Андраи и вступить с ним в полемику! Ведь эту вполне объяснимую, на мой взгляд, ошибку увековечили в учебниках. Я считаю, что древний ашшурский дворец могли построить в эпоху Аккада, и эта гипотеза подтверждается, как я уже говорил выше, тем, что неподалёку нашли табличку аккадского периода.

Сведения, полученные во дворце Нарам-Сина, дополняются за счёт находок в домах из сырцового кирпича, обнаруженных на других участках телля. Эти жилища содержат многочисленные свидетельства, что их обитатели жили богато, как в эпоху Аккада, так и в следующие сто лет или больше после разрушения дворца и его восстановления под властью Третьей династии Ура.

В одном из бражских домов, где мы нашли припрятанные сокровища (золотые и серебряные кольца), обнаружилась также глиняная табличка со списком, куда входил мелкий рогатый скот, овцы, козы и кувшин вина, и указанием, откуда доставлены соответствующие товары. Хозяин дома был человеком состоятельным. Среди его сокровищ нашли миниатюрный серебряный амулет в виде бусины с четырьмя концами, закрученными спиралью. Подобные предметы находили в Трое, в слое «Троя II», по мнению многих учёных, совпадавшем по времени с аккадским периодом. Наверное, тогда в этих местах производилось множество изделий из металла: формы для литья нашли и в Браке, и в Шагар-Базаре. Изготовление бусин также было поставлено на широкую ногу, и для этого производства придумали различные приспособления. Нам удалось обнаружить и несколько превосходных глиняных табличек со скруглёнными углами, характерных для той эпохи. Таблички покрывали аккуратные письма, и во всех шла речь о продуктах сельского хозяйства.

После аккадского периода, когда власть в городе принадлежала Третьей династии Ура, около 2100 года до н.э., жилые дома продолжали использоваться. Теперь они отражали влияние Шумера. Алтарь, или жертвенник, отделанный спереди панелями, с зубчатой верхней частью, очень напоминал тумбы из сырцового кирпича, которые можно встретить в храмах той же эпохи в Уре, в восьмистах милях ниже по течению Евфрата. Вазы, украшенные змеями и скорпионами, вероятно, предназначенные для какого-то хтонического ритуала, напоминали вавилонскую керамику, так же как и посуда того же времени, найденная в сводчатых могилах, но относились к периоду, следующему за Третьей династией Ура, примерно к 1900 году до н.э., когда власть в этих краях принадлежала уже другому народу — людям, с чьим приходом появилась расписная хабурская керамика.

Дома в самой высокой части Брака, расположенные на возвышении, украшавшем его северо-западную область, относились к более позднему периоду и были построены между 2000 и 1450 годами до н. э. С точки зрения архитектуры они ничем не удивляли, но тщательные раскопки, несомненно, принесут более интересные результаты. Здесь мы подняли из земли несколько прекрасных фрагментов керамики, расписанной белым. Я полагаю, она служила аристократам из индоарийской династии Митанни: вполне вероятно, что митаннийские дворяне-коневоды, известные под названием «марианну», имели влияние в Браке.

Хрупкие керамические сосуды, расписанные симпатичными узорами, искусно восстановила во время раскопок моя падчерица Розалинда Кристи. Мы долго уговаривали её взяться за эту задачу. Она принялась за дело нехотя, но под конец начала получать от работы удовольствие. Привлекательный орнамент наносился белой краской на чёрный или красный фон. Он часто состоял из спиралей и завитков, вероятно, имитировавших резьбу по металлу, а также из пунктирных окружностей, спиралей, треугольников и летящих птиц. Вполне возможно, что царские покои этого периода украшали весёлые фрески с такими же узорами.

Заслуживает внимания ещё одна находка, сделанная выше уровня домов. Это расписная чаша того же периода, сделанная около 1450 года до н. э. Рисунок изображает подставного царя с короной на голове, его глаза и борода ярко раскрашены. Нет никаких сомнений, что сосуд использовался для весёлых возлияний. Из него пили вино или пиво, и, возможно, пил тот самый прославленный персонаж древних эпох, подставной царь. Счастливчику позволялось в течение короткого времени изображать царя, но после мнимого царствования его иногда казнили.

Пришло время вернуться к Храму глаза, возведённому приблизительно между 3900 и 3500 годами до н. э. над целым рядом руин, относившихся к предыдущим эпохам. Руины были заключены внутрь огромной платформы из сырцового кирпича, представлявшей собой не менее шести метров сплошной кладки.

Одно из этих ранних зданий, второе сверху, нам удалось раскопать полностью. Все эти последовательные постройки мы называли Храмами глаза, потому что в одном из них обнаружили сотни маленьких изображений глаз из чёрного и белого алебаstra. Их я подробно опишу ниже. Крошечные идолы оставили свой след во всех слоях, а стены главного храма, судя по всему, когда-то покрывали медные панели, украшенные барельефом в виде глаз. Судя по всему, мы выбрали правильное название для этого храма.

Мы почувствовали одновременно интерес и разочарование, найдя остатки алебастровой шкатулки с двумя отделениями, разбитой и выброшенной. Наверняка в ней когда-то хранились исходные закладные таблички царя, по чьему приказу построили храм. Мы многое отдали бы, чтобы узнать имя этого ответственного монарха! Сколько новых знаний мы могли получить, если бы удалось, подобно тому, как это сделано в Мари, соотнести его имя со списком царей Шумера! Возможно, ответ найдётся в результате дальнейших раскопок.

Последовательность Храмов глаза, если считать сверху вниз, была следующей: самым первым шёл храм из плоско-выпуклого кирпича, за ним следовал второй, самый главный Храм глаза, что мы отнесли к позднему джемдет-нарсскому периоду или к концу урукского периода — скажем, примерно к 3300 году до н. э., хотя он, возможно, закончился немного позже. Ещё ниже, в третьем слое, на довольно большой глубине, мы обнаружили остатки белого гипсового фундамента и пола ещё одного здания, и нарекли его Белым храмом глаза. Под ним находились серые кирпичные стены Серого храма, четвёртого по счёту, построенного в ранний джемдет-нарсский период, а в конце, на самой большой глубине, в шести метрах от поверхности земли, лежали красные кирпичные стены Красного храма глаза. Этот последний храм относился к собственно урукскому периоду и был построен предположительно около 3500 года до н. э. Наше предположение, что мы обнаружили последовательность из целых пяти храмов, может показаться читателю самонадеянным, но я думаю, их можно было насчитать и больше, если учитывать промежуточные фазы. Я очень надеюсь, что однажды кто-нибудь вернётся на это чудесное место и раскопает всю последовательность, и тогда мы сможем соотнести эти северные храмы с длинной последовательностью, найденной на юге, в самом Эрехе.

План главного Храма глаза представляет огромный интерес с точки зрения истории архитектуры ранних культовых сооружений. Здание сложили из сырцового кирпича и побелили,

пол состоял из глины, покрытой битумом и тростником, а стены святилища, как я уже говорил, когда-то украшали медные панели с барельефными изображениями глаза.

Самым важным помещением храма являлось главное святилище, имевшее восемнадцать метров в длину и шесть в ширину. В северном конце комнаты по короткой стороне располагались два входа, а с противоположной стороны из стены выступал побеленный алтарь — подиум в три фута высотой. Здесь нас ожидала чудесная находка: большая часть драгоценного бордюра, когда-то украшавшего три наклонных стороны подиума, осталась на месте. Две панели сохранились почти целиком, и только в третьей не хватало одного участка. Ни до, ни после этого случая никому не удавалось найти украшенную переднюю часть храмового алтаря. Наша находка состояла из трёх одинаковых панелей, имевших три фута в длину и четыре с половиной дюйма в ширину. Орнамент составляли резные каймы из голубого известняка, белого мрамора и волнистого зелёного сланца, а оставшаяся площадь панели была облицована листовым золотом. Весь бордюр крепился к деревянной основе. Каменные детали держались на медных креплениях, а золотые полосы — на серебряных гвоздях с золотыми головками. Одна из панелей, полностью восстановленная и реконструированная с большой точностью, находится теперь в музее в Алеппо, другая — в Британском музее. Этот тип оформления можно назвать чисто архитектурным: он повторяет внешний вид храмовых фасадов соответствующего периода. Верхняя кайма, несомненно, копирует характерную коническую мозаику джемдет-нарсского периода, когда-то украшавшую фасады шумерских зданий в низовьях Евфрата, а прототип волнистой ленты можно найти среди архитектурного наследия Эреха. На цилиндрической печати, найденной в Браке, изображён вход в храм похожего вида. На внешней стороне южной стены Храма глаза мы обнаружили сохранившийся участок ярко раскрашенной конической мозаики. Заштукатуренные фасады храма в то время украшали розетки с восемью лепестками из голубого, белого и розового известняка. Нам посчастливилось найти две такие розетки в прекрасном состоянии.

К главному святилищу храма примыкали два крыла. Восточное имело очень сложную архитектуру — ничего подобного мы раньше не находили. Сейчас я предполагаю, что оно включало в себя четыре святилища, посвящённых, вероятно, разным богам, и предваряющий их внутренний двор. Непосредственно к святилищу с восточной стороны примыкали складские помещения, а с западной — более просторные комнаты, похожие, служившие когда-то сокровищницами. Несколько комнат с восточной стороны, возможно, предназначались для жрецов.

Можно не сомневаться, что во времена, когда создавался проект Храма глаза, архитекторы уже имели за плечами многовековой опыт, давнюю традицию строительства культовых сооружений, вероятно, пришедшую с юга — хотя в самых глубоких слоях нас могут ожидать сюрпризы. Нам ещё предстоит установить, кто был автором первоначального проекта, но я полагаю, что этот интересный вид храмовой архитектуры очень быстро, примерно в одно и то же время, распространился по всей территории долин Тигра и Евфрата.

План здания неизбежно наводит на мысль о христианской церкви, более того — о христианском соборе. Мы даже находим в дальнем конце нефа крестообразно расположенный поперечный неф, и параллель уже совершенно напрашивается.

Мы с огромным интересом обнаружили, что глиняный алтарь, стоящий посреди южной стены, сложен из миниатюрных обожжённых кирпичиков — такие же кирпичи сами по себе нам уже неоднократно попадались на всей территории раскопа. Судя по всему, они служили обычным материалом для сооружения подобных алтарей. Наверное, в том, что алтари строились именно таким образом, заключался определённый магический, эзотерический смысл. Мы могли совершенно точно рассчитать пропорции святилища — его длина была в три раза больше, чем ширина. Эти пропорции отражали архитектурную традицию Южного Шумера; их же мы видим у целого ряда других шумерских зданий.

Храм глаза, подобно прочим постройкам, в своё время разграбил и разрушил неизвестный враг, и в конце концов, лишившись большей части своих сокровищ и внутреннего убранства, он уступил место более позднему сооружению. К счастью, в результате захвата храма крыша обвалилась и так удачно похоронила под собой алтарь, что враг не успел обнаружить золотые панели, и они сохранились до наших времён как свидетельство минувшей славы.

Итак, однажды на смену старому храму пришёл новый — здание из плоско-выпуклого кирпича, обнаруженное слоем выше. Перед тем как выстроить новый храм, старый утрамбовали и плотно заложили сырцовым кирпичом, потому что земля, однажды посвящённая богу, принадлежит ему навсегда, и горе тому, кто попытается найти ей другое применение. Это был священный участок земли, и опустел он только после того, как люди покинули город.

Раскапывали Храм глаза с трудом: кирпичная платформа стала твёрдой, как камень; руки рабочих покрывались мозолями, синяками и ссадинами. Потребовалось всё моё упорство, чтобы убедить их закончить работу, — но результат, безусловно, стоил потраченных усилий. Мы смогли составить некоторое представление об объектах, когда-то находившихся внутри этого удивительного здания, обследовав более глубокие слои.

В эпоху, когда построили главный Храм глаза, эта часть Брака уже превратилась в высокий холм, искусственно приподнятый над огромным основанием. Должно быть, его было видно издали. Храмы один за другим разрушались, сменялись новыми, построенными поверх старых руин, и в итоге это привело к тому, что люди стали намеренно сооружать зиккураты, или храмовые башни. Подобные сооружения появились на относительно позднем этапе раннего исторического периода Месопотамии.

Исследование глубоких слоёв Храма глаза дало удивительные результаты. Мы решились на это мероприятие, найдя восемь туннелей, вырытых в разных местах расхитителями сокровищ в гораздо более позднюю эпоху, когда храмы давно находились в заброшенном состоянии. Не сомневаюсь, что мародёров ждал богатый улов. Мы углубились в холм, используя эти же древние шахты, и в итоге поразились количеству и качеству мелких находок, которые нам удалось извлечь на свет за короткое время. Многие объекты ещё предстоит найти, и они, безусловно, стоят того, чтобы потратить усилия на их поиски. Насколько мы могли судить, большая часть откопанных нами артефактов относилась к храму, который я считаю четвёртым по счёту, к Серому храму глаза: в основной своей массе их обнаружили в слое серого кирпича. Среди наших находок были дюжины замечательных амулетов, но о них я расскажу чуть ниже. В этих очаровательных вещицах, гладких и приятных на ощупь, как китайские поделки из нефрита, будто снова оживал животный мир, окружавший когда-то обитателей этих мест. Кроме того, как я уже говорил, мы обнаружили сотни «идолов с глазами» из чёрного и белого алебаstra.

Перед тем, как распрощаться с Браком, необходимо рассказать о бусинах, которые находили здесь в невероятных количествах. В своём первом отчёте я написал о сотнях тысяч этих украшений, и несколько не преувеличил. Земля была просто усеяна ими, бусины даже примешивались к глине, из которой формировали кирпичи для фундамента храма. В основной своей массе они были сделаны из глазурованного фаянса и мыльного камня, а более редкие сегментированные бусины стали самыми древними экземплярами бусин такого типа.

Столь обильное разбрасывание бусин, по всей видимости, являлось частью какого-то религиозного ритуала, практиковавшегося в то время, когда закладывались первые Храмы глаза. Судя по всему, ни одну из них не сделали позже 3200 года до н. э. Доктор Дж. Ф. С. Стоун, специалист по бусинам, изучил сегментированную бусину из фаянса и отметил, что «подобные экземпляры, крупные и искусно сделанные, находили в долине Инда», — теперь мы, я думаю, можем датировать эти находки 3000 годом до н. э. «Бусина из Тель-Брака, — заметил он, — напоминает экземпляр из Хараппы. Обе они сделаны из мягкого белого фаянса, и обе изначально покрывала голубая глазурь... Не исключено, что они имеют общее происхождение. В любом случае эта бусина из Брака очень интересна. Она не только самая древняя сегментированная бусина из фаянса из найденных на данный момент. Такая бусина обладает качествами, которые мы обычно встречаем у данного вида украшений гораздо более позднего производства — в частности, крайне искусной техникой изготовления».

Весьма вероятно, что эти изделия выполнили в одно и то же время и что технология их изготовления была распространена на территории Южного Ирана, а также, возможно, в районе Кермана, в каком-нибудь поселении наподобие Тепе-Яхьи, имевшем водные или сухопутные торговые связи с долиной Инда, с одной стороны, и с долиной Евфрата — с другой, как нам продемонстрировали Ламберг-Карловски и другие исследователи. Осталось упомянуть, что в Браке, как и в Индии, глазурованный мыльный камень встречался довольно часто, и большую часть фаянсовых бусин из Брака когда-то покрывала как чёрная, так и голубая глазурь.

Большинство шахт, позволивших нам добраться до подземных покоев, находились в южной части храма (одна или две были в другом месте, а ещё одна — аж во внутреннем дворе дворца Нарам-Сина), но стоило нам углубиться в грунт возле нижней части платформы, как мы оказались в целом лабиринте подземных покоев. Всего мы обследовали тридцать две комнаты. Копаться в них — дело нелёгкое и даже опасное: в этих древних подземельях нечем было дышать; через двадцать-тридцать минут такой работы силы заканчивались, и приходилось подниматься на воздух. Мы работали посменно при свете керосиновых ламп. Случалось, лампы гасли. Толща кирпичной кладки над головой — а над нами был Храм глаза — производила сильное впечатление, и тем, что подземная экспедиция завершилась благополучно, мы обязаны строителям урукского и джемдет-нарсского периодов. Их кладка была такой плотной и крепкой, что мы, как и наши предшественники-мародёры, могли с минимальным риском работать под землёй и выбраться оттуда без потерь.

Здесь, в этом священном грунте, мы нашли сотни «идолов с глазами», а общее их количество, должно быть, исчислялось тысячами. Типичный идол состоял из плоского тела, шеи и двух глаз, изначально окрашенных малахитовой краской. Во множестве попадались четырёхглазые идола, изображавшие, по-видимому, двух человек; нашлись также трехглазая фигурка и несколько шестиглазых. Среди маргинальных вариантов были идола, у которых над глазами размещалось несколько комплектов бровей, и статуэтки, изображавшие две фигуры, причём одна из них стояла на другой. Вот основные разновидности «идолов с глазами», которые я называю натуралистическими.

У многих фигурок на передней части тела был заметен рисунок. Некоторые, кажется, изображали женщин: на них были длинные платья с V-образным вырезом, украшенные пунктиром, по всей видимости, символизирующим ювелирные изделия. На одной фигурке различались гравировки оленя и птицы. Я думаю, она имела отношение к шумерской богине Нин-Хурсаг, покровительствующей деторождению. Проще всего предположить, что многие идола посвящались ей в надежде на её благосклонность. В пользу этого толкования говорит тот факт, что на передней стороне многих фигурок были вырезаны фигурки поменьше: подобные композиции явно изображали мать и ребёнка, а может, даже мать, вынашивающую ребёнка. Молить богов о ребёнке вполне естественно для представителей общества, которое нуждается в увеличении популяции для развития земледелия и животноводства. Головы многих фигурок украшали высокие шапки или тюрбаны. Очевидно, чем более замысловатый головной убор был на идоле, тем выше он стоял по иерархии.

Мы уже говорили о том, что в Шагар-Базар иногда приходили богатые подношения из других населённых пунктов. Например, из города под названием Кир-Дахат по случаю религиозного праздника доставили ячмень для выпекания хлеба и изготовления лёгкого пива. В подготовке подношения приняли участие не меньше двух тысяч семисот семидесяти жителей города. Огромная масса «идолов с глазами» в Тель-Браке наводит на мысль, что в этом священном месте тоже имели место подобные подношения, и люди стекались сюда в больших количествах не только из самого Брака, но и из более отдалённых мест, чтобы принести жертву богу или богине (или обоим), почитавшимся далеко за пределами города. «Идола с глазами», достаточно маленькие, чтобы их легко было носить с собой, несомненно, делались для того, чтобы каждый мог лично принести дар божествам храма. Каждая из сотен найденных нами фигурок, даже две совсем крошечные, легко помещалась в открытой ладони. Где-нибудь в Браке или неподалёку от него должна была существовать специальная мастерская, занимающаяся исключительно производством «идолов с глазами». Эти подношения ассоциируются у меня со свечками, которые ставит прихожанин римско-католической церкви — в общем, довольно близкая аналогия. Форма и внешний вид этих крошечных фигурок вызывают много вопросов и заставляют теряться в догадках. Кого должны были изображать такие идола? Сначала мы решили, что они изображают божество, отвечающее за глаза. В этих местах ходит множество разных глазных заболеваний — офтальмия и другие подобные болезни. Вдруг святилище в Браке способствовало исцелению подверженных им людей? Может быть, но я не думаю, что это верный ответ. Вероятнее всего, глаза символизировали всевидящего бога, а изображать его с человеческим телом и лицом запрещалось. Подобные запреты часто встречаются в первобытном обществе.

Возможно, ключом к значению этих идолов может служить гравировка на печати той же эпохи, примерно 3000 года до н. э., найденной при раскопках городища Телль-Аграб на Дияле, притоке Тигра. На этой уникальной печати изображён характерный храм джемдет-нарсского периода. По обе стороны от храма торчат два шеста, в текстах выступающие под названием «уригаллу», а в небе над ним мы видим стилизованное лицо, самым выдающимся элементом которого являются непропорционально большие глаза. Брови, нос и рот изображены очень условно. В небе рядом с лицом расположены розетки с восемью лепестками. Розетки явно имеют непосредственное отношение к храму: точно такие же элементы украшали фасады культовых сооружений в Браке и Уруке. Казалось, всевидящее божество управляет храмом с небес, и я думаю, именно это и имелось в виду.

Два идола отличаются от прочих тем, что их головы украшают короны. Судя по всему, они занимают высшую позицию в иерархии. Один из них показался мне особенно интересным, так как его корона отличалась замысловатой формой, и это был единственный случай, когда мне удалось найти близкую параллель, хотя и из гораздо более поздней эпохи. Похожую корону можно увидеть на касситском межевом камне, относящемся примерно к IX веку до н. э. Камень передал правитель приморских земель на юге Вавилонии некоему Гуль-Эрешу. На нём мы находим символы различных богов и храмов. Богов названо не менее десяти, поэтому мы не можем с уверенностью сказать, кому из них принадлежит корона, но четыре из них дважды упомянуты в тексте, а именно: Ану, Энлиль, Эа и Нинмах, Великая госпожа. Очень хочется считать, что украшенная перьями корона, изображённая на камне, имеет отношение к одному из них. Она нарисована стоящей на высоком пьедестале, который может символизировать как сам храм, так и подиум внутри него. Я склоняюсь к мысли, что корни этого изображения нужно искать в Браке.

Очень похожа на «идолов с глазами» другая группа фигурок, названная мной «идолами в очках». Тело у таких статуэток снова плоское, а над ним расположена пара петель с отверстиями. Как правило, отверстия пробиты насквозь, реже они представляют собой углубления, заполненные краской. Я полагаю, что эти фигурки древнее «идолов с глазами». Возможно, они относятся к самому древнему храму последовательности. Есть среди них один очаровательный идол из мыльного камня, изображённый стоящим на пьедестале, словно в храме. Передняя поверхность идола покрыта гравировкой в виде параллельных линий, а метки на пьедестале, несомненно, повторяют орнамент, подобный тому, что мы нашли на алтаре храма. Метки, как считал Андраи, изображают хижины из тростника, но я не вижу причин для такого предположения. В Эшмолловском музее есть интереснейший экспонат, найденный Хогартом в Северной Сирии: это печать из мыльного камня с изображением двух пьедесталов, на которых стоят идолы, увенчанные петлями. Часть статуэток занимает промежуточное положение между «идолами с глазами» и «идолами с петлями»: в них нет сквозных отверстий и петли представляют собой обычные круглые углубления, когда-то, вероятно, заполненные краской. Я думаю, это ранняя стадия развития «идолов с глазами». Также мы нашли фрагменты весьма крупных «идолов в очках» из терракоты. Не сомневаюсь, что это были фигуры, предназначенные для установки в храме. «Идолы в очках» имеют большую зону распространения: их находили в самом Уре, в Сузах на юге Ирана, в Сирии и Вавилонии.

Суммируя наши выводы, я повторяю, что форму «идола с глазами» выбрали для подчёркивания всевидящей природы бога, а изображать само божественное лицо запрещалось. Среди фигурок мы, несомненно, видим как личные, так и семейные подношения. Некоторые варианты алебастровых идолов находили в районе Мараша, но они несравнимы с бракскими. Можно считать, они распространены на территории от Северной Сирии до Юго-Восточного Ирана.

За исключением «идолов с глазами», нашими самыми приятными находками стали многочисленные печати и амулеты. В них нашла отражение вся флора этого района и прилегающих гор. Нам встречались львы, медведи, домашние и дикие овцы, козы, обезьяны, зайцы, свиньи, лисицы, ежи, лягушки, утки и орлы, олени с ветвистыми рогами, скорпионы, кошки. Квадратные оттиски печатей украшали загадочные символы. Лучшие из найденных нами амулетов, объёмные животные, сделанные из разноцветных камней, были настоящими произведениями искусства. Роскошный вид и изящная лаконичная форма этих изделий из Междуречья позволяют поставить их в один ряд со знаменитым китайским нефритом. Это были настоящие шедевры в своём роде. Их создатели смогли со всей точностью передать энергию и

естественную грацию своих живых моделей. Древние мастера, производившие эти миниатюрные статуэтки, постоянно наблюдали домашних и диких животных в привычной для них среде обитания и обладали прекрасным художественным чутьём, помогавшим им отбросить всё неважное. Форма создавалась за счёт умелого сочетания контрастирующих плоскостей, и в этой простой стилизации были и ритм, и пластика. Особенно интересны изображения обезьян, в том числе павианов, а именно — собакоголовых бабуинов. Они, единственные из всего представленного спектра животных, не водились в данной части мира, но, возможно, были известны в Малой Азии.

Судя по всему, львы тогда встречались в этих местах: об этом свидетельствуют остеологические останки вида *Panthera leo*, о которых я упоминал, рассказывая о раскопках дворца Нарам-Сина. В том, что в более древние эпохи, ещё до 3000 года до н. э., львы водились и в Вавилонии, и в северных районах, мы можем не сомневаться: немецкие археологи обнаружили скелет молодого льва в Уруке, в закладном коробе джемдет-нарсского периода.

Амулеты другого часто встречавшегося типа представляли собой овально-изогнутые объекты, изготовленные в основном из мыльного камня. С плоской стороны на них была нанесена гравировка — письма или изображения рогатых животных. У меня возникло предположение, что такие амулеты использовались для гаданий. На одном квадратном амулете были изображены два объекта, расположенные валетом. Они напоминали пару человеческих ног, разделённых змеей. Позже подобное изображение нашёл Ламберг-Карловски на юге Ирана при раскопках известного городища Тепе-Яхья в остане Керман, где были обнаружены таблички периода Урук — Джемдет-Наср. Эта находка указывает на связь, существовавшую между Браком и югом Центрального Ирана до 3000 года до н. э. Симпатичную круглую печать небольшого размера украшали по плоской стороне изображения пяти самок оленя, припавших к земле. Судя по рисунку, мастер обладал настоящим художественным талантом и чувством композиции. Другой диковинной находкой стала печать и её отпечаток, изображавшие вертикальную линию, обрывающуюся четырьмя закрученными концами. По всей видимости, это был очень важный магический символ. Среди отпечатков того же периода есть один, на котором мы видим человека, сидящего перед такой же магической спиралью. Над человеком расположена антилопа и розетка с семью лепестками. Я бы не удивился, если бы оказалось, что подобные магические символы устанавливались в храмах для почитания.

Вернёмся к амулетам. Мы нашли множество изображений медведя: эти животные часто встречались тогда в горах и вообще водились в этих местах в большом количестве. Сегодня их ещё можно найти в Курдистане. Мы также увидели много поделок из кости — утки, львы и великолепная фигурка барана. Судя по расположению рогов, этот амулет изображал дикую разновидность армянского барана. Одомашненный вариант нам тоже встречался. Сейчас я склоняюсь к мнению, что часть поделок была вырезана из бивней кабана, хотя тогда такая мысль не пришла мне в голову. Я не буду перечислять здесь все замечательные находки. Заинтересовавшийся читатель может обратиться к нашему журналу «Ирак» (Iraq, IX, 1947). Многочисленные иллюстрации полностью вознаградят его за усилия, потраченные на поиск номера.

Может показаться удивительным, что в храме хранилось столько амулетов. Я думаю, разгадка достаточно проста. Денег в то время ещё не было, а от человека, пришедшего в храм и желающего обратиться к Богу с просьбой, требовалось поднести какой-нибудь дар. Теперь в церкви можно оставить денежное пожертвование, а тогда самым ценным подношением были поделки из полудрагоценных камней. Ими постепенно заполнялись сокровищницы храма. Такие поделки, как и «идолы с глазами», являлись личными подношениями прихожан. Примечательно, что амулеты в форме животных, найденные в Браке, очень похожи на такие же поделки из Эреха и других шумерских городов в низовьях Евфрата. Всё же, хотя до сих пор самыми искусными фигурками животных считались поделки мастеров из Урука, они не превосходят по качеству амулеты, найденные в Браке, северной столице.

Многие артефакты из Брака, включая архитектурные сооружения, имеют столько общего с аналогичными объектами из Урука, что возникает вопрос, не подвергались ли оба города какому-нибудь общему влиянию и не чувствовалась ли власть Вавилонии так далеко на севере, в самой долине Хабур. Это чистой воды спекуляция, но архитектурное, художественное и бытовое

сходство между двумя городами слишком велико, чтобы объяснить его всего лишь одинаковым развитием искусства. Подобное сходство предполагает наличие между этими великими городами — крупным Уруком и меньшим по размеру Браком, теснейших торговых и личных связей.

Важное место среди наших многочисленных замечательных находок, сделанных в глубоких слоях Храма глаза, занимает великолепная алебастровая голова около семнадцати сантиметров, или почти семи дюймов, в высоту. Скорее всего, она относится к периоду Серого храма. Эта необычная скульптура с большими глазами, условно обозначенными ушами, крупным носом и плотно сжатыми губами была облачена в усечённой формы восточный головной убор наподобие фески. Вероятно, феска держалась на голове за счёт двух отверстий, проделанных по бокам. Глубокий и широкий паз, расположенный вдоль всей задней части скульптуры, говорит о том, что когда-то голова крепилась к дереву. Возможно, скульптура имела деревянное туловище, покрытое металлическими пластинами. Голова удостоилась величайшей похвалы ведущего немецкого археолога, профессора Антона Моортгата.

Мы должны радоваться столь высокой оценке со стороны археолога, который является крупнейшим авторитетом Германии в области восточного искусства и архитектуры. Труд профессора Моортгата, вышедший под названием «Искусство древней Месопотамии», изобилует смелыми и вдохновляющими идеями. Я считаю, что в нашей удивительной голове, в гордом одиночестве стоящей у истоков сирийской скульптуры, смешались абстракционизм и попытка достичь сходства с натурой — её выдаёт округлость лица и полнота шеи. С другой стороны, непропорционально большие глаза, огромный нос, переходящий в брови, полные губы и уши, состоящие каждое из пары концентрических овалов, отражают набор формальных приёмов, принятых у древних мастеров, создававших предметы культа. Водружённая на деревянное туловище, предположительно покрытое листами меди, голова, видимо, приковывала к себе взгляды посетителей храма и была главным объектом почитания в отведённом ей святилище. Мы нашли ещё три подобных головы, поменьше размером.

В других районах Сирии скульптуры этого периода встречаются крайне редко, но Харальду Ингольту посчастливилось найти исключительно интересную голову при раскопках Хамы (запад Сирии), городища в долине реки Оронт («Sept Campagne de Fouilles à Hama en Syrie»⁶⁴). Скорее всего, её создали примерно в то же время, что и голову из Брака. В таком случае, подобный уровень скульптуры мог иметь в то время широкое распространение.

Голову из Хамы высекали в натуральную величину из известняка. Когда-то её покрывал слой крашеного гипса (в некоторых местах сохранились следы красной и чёрной краски). Голову увенчивает высокий полусфера⁶⁵. У неё крупный нос, небольшой узкий рот и углубления на месте глаз. Скульпторы мучились в то время, стараясь подобрать нужное выражение глаз. Я почти не сомневаюсь, что эта крупная и довольно замысловатая голова из Хамы относится примерно к тому же периоду, что и головы из храма в Браке. В слое, где её нашли, также обнаружили «идола в очках» и грубо сделанную чашу со скошенными краями, типичную для периода Урук — Джемдет-Насра. Такие похожие находки на западе и востоке Сирии соответственно показывают, что нам предстоит отыскать ещё много примеров ранней монументальной скульптуры в Западной Азии.

Ниже самого глубокого Храма глаза шли еще более древние доисторические слои. Среди глиняных черепков попадались неплохие образцы горшков цвета сургуча с ободками, явно имитирующими металл. Горшки относились к ранним слоям урукского периода. Подобные им можно увидеть в самом Уруке, в Уре и в Сузах в Иране. Найденные черепки указывают на богатый потенциал глубоких доисторических слоёв, которые ещё предстоит раскопать.

Пока точно неизвестно, какая именно часть убейдского периода, или 5-го тысячелетия до н. э., представлена в Браке, но мы знаем, что убейдские черепки находили на других окрестных теллях. Предыдущий же период, халафский, особенно поздний его этап, ознаменовавшийся производством многоцветной и раскрашенной белым керамике, оставил здесь многочисленные следы. Перед самым завершением раскопок мы затронули слой, относящийся практически к 5000 году до н. э. В этих местах ещё предстоит совершить много находок, и не только под Храмом

⁶⁴ «Семь археологических экспедиций в Хаму, Сирия» (фр.) — отчет о раскопках, опубликованный в 1944 году в парижском научном журнале «Сирия».

⁶⁵ Полос — цилиндрическая корона.

глаза, но также в недрах высокого холма на противоположной стороне Брака. Сорока или даже пятидесяти лет раскопок вряд ли хватит, чтобы добраться до его основания. Эту задачу я завещаю будущим поколениям.

Глава 9

Раскопки в долине Балиха

Мы решили свернуть раскопки в Телль-Браке раньше времени из-за нарастающего давления и требований со стороны шейхов племени Шаммар. Шейхи явно подстрекали наших рабочих к восстанию, и мы подумали, что лучше не будем дожидаться неприятностей и заблаговременно покинем телль. Мы знали, что время — деньги, и не собирались рисковать. Закончив работу в Храмах глаза, экспедиция приступила к сборам.

Уже перед самым отъездом из посёлка мы пригласили к себе нашего старого знакомого, курдского шейха Ахмада, и вручили ему прощальный подарок. Конечно, самым главным подарком был дом из сырцового кирпича, который мы построили на земле шейха, но также я обещал подарить ему лошадь. Увы, почему-то все мои подарки этому достойному человеку оказывались неудачными. У лошади была белая отметина над копытом, и, когда мы обменивались последними приветствиями, шейх сказал: «Белая отметина... смерть... поцелуй смерти». На этом мы простились навсегда.

Покинув Брак, мы проехали более ста миль на запад и переместились в долину Балиха, болотистую и труднодоступную местность, но настоящий рай для археолога. Множества и множества артефактов разных периодов таятся здесь под землёй в ожидании исследователей. Некоторые из них совершенно новые, для некоторых можно проследить связь с другими объектами, историческими и доисторическими, найденными на востоке или на западе, и именно это придаёт им дополнительный интерес.

В долине Балиха мы устроили экспедиционный штаб в Телль-Абьяде, деревне, расположенной в верхней части долины, возле сирийско-турецкой границы. В ясный день вдали можно разглядеть величественный Харран, где довелось поработать многим археологам. Последним из них был Сетон Ллойд. Как часто я мечтал перебраться на другую сторону границы и устроить там раскопки.

Телль-Абьяд знаменит тем, что в нескольких километрах от него находится источник, известный как «Родник суженых». Именно здесь, по общепринятому мнению, берёт своё начало Балих. Родник расположен в самых верховьях реки, и хотя некоторые утверждают, что дальше на север, в Турции, есть и другие источники, летом они превращаются в тонкие струйки, и я думаю, «Родник суженых» может по праву считаться истоком Балиха. Предание гласит, что именно здесь слуга Авраама встретил Ревекку, и здесь же познакомились Иаков и Рахиль. Сама же река петляет, прокладывая свой путь по болотистой местности, и, должно быть, её русло неоднократно меняло форму. Длина основной дороги, ведущей по западному берегу, составляет около шестидесяти пяти миль. Она идёт до слияния Балиха с Евфратом, то есть от Телль-Абьяда до Ракки, чьё название переводится как «трясина». Река, без сомнений, никогда не была судоходной, и проехать вдоль неё можно было только по берегу. Благодаря обилию воды, земля в этих местах отличалась плодородием, но болотистая почва не способствовала появлению крупных городов. Хотя среди здешних археологических находок встречаются объекты, типичные для запада Сирии и для долины Оронта, очевидно, что в целом Балих на протяжении всей своей истории находился под влиянием Месопотамии; он был в основном связан с востоком и в меньшей степени — с севером. Ниже я коротко расскажу о пяти обследованных нами поселениях.

Наше знакомство с этой относительно неисследованной территорией было интересным, но отнюдь не безболезненным. Небольшой дом, где мы поселились, отличался комфортной обстановкой, но, увы, стоял на болоте. Я просыпался по утрам совершенно разбитый ревматизмом, и порой мне с трудом удавалось выбраться из походной кровати. В самой деревне,

судя по всему, царила полная антисанитария. Вдоль главной улицы — или вдоль того, что можно было с натяжкой назвать главной улицей, — проходила основная сточная канава, и мы часто видели, как хозяйки моют в ней посуду. Однажды я попытался воззвать к их разуму, и они признались, что по деревне действительно постоянно бродят болезни, но как-то удаётся выживать. В общем, удалось и нам.

Нам очень повезло иметь доброго и покладистого помощника — повара Димитрия, сирийца родом из Антиохии или её окрестностей. Кормил он нас превосходно. Этого прекрасного человека донимали домашние проблемы. Следуя обычаю левирата, он содержал семью своего покойного брата, оставившего после себя жену и добрую дюжину детей. Другим ярким персонажем среди прислуги был наш старший бой, Субри. Субри, христианин, когда-то жил в Турции, но вынужденно её покинул, когда к власти пришёл Мустафа Кемаль. Человек дикий и необузданный, он часто спал с ножом в зубах. Обученный полковником Бёрном, Субри показал себя образцовым камердинером, дворецким и слугой, и я с большим удовольствием взял бы его в Англию. В Телль-Абьяде он как-то раз нарвался на неприятности, потому что склонил к побегу лучшую проститутку местного борделя и навлёк на себя гнев его хозяйки, по совместительству благочестивой христианки. Насколько я понял, из-за страстной влюблённости Субри хозяйка борделя лишилась своей самой ценной девушки, и мне пришлось пережить несколько неловких моментов, когда она явилась ко мне жаловаться на непристойное поведение моего слуги и требовать компенсацию. Агата великолепно описала наш разговор в романе «Расскажи мне, как живёшь», и я советую читателям обратиться к этой книге. Эта встреча потребовала от меня всей возможной находчивости, так как я не имел опыта в такого рода делах и не знал, как следует себя вести в подобной ситуации. В конце концов мне пришлось признать правоту хозяйки борделя. Я решил удержать необходимую сумму из зарплаты Субри и надеяться, что это отвратит его от дальнейшего посещения подобных заведений. Впрочем, больше всего мне запомнилась благочестивая набожность этой добродетельной христианки и невероятное достоинство, с которым она держала себя во время нашей беседы. Я неоднократно возвращался мыслями к данному эпизоду.

В Телль-Абьяде к нам присоединился мой добрый друг Джон Роуз. С ним мы работали в Уре и Арпачии, и я рекомендую читателю ознакомиться с его превосходными планами и зарисовками различных исследованных нами холмов. Джону приходилось работать в высоком темпе, но он мастерски зарисовал все поселения, которые мы успели посетить за шесть недель экспедиции. Его рисунки — в высшей степени информативные, понятные и выполненные в профессиональной манере — могут служить образцом подобной работы. Территория, ограниченная с запада Балихом, имеет форму параллелограмма, заключённого между двумя реками, Балихом и Евфратом. В северном её конце находится Харран, в южном — Ракка. Эта земля была известна римлянам как провинция Осроена, и соседствовала она с другой провинцией, Адиабеной, что значит «непроходимая» — земля, через которую нет пути. Действительно, пройти сквозь эти жуткие топи было непросто. Тем не менее эти земли привлекали выходцев из более развитых районов — вероятно, дикарей, не способных найти пристанище в более цивилизованных столичных городах. Это была исключительно богатая территория. Здесь были представлены практически все периоды, найденные нами восточнее, на Хабуре, а кроме того — богатейшее наследие эллинистических, римских и византийских руин, настоящая находка для медиевиста. Некоторые телли состояли исключительно из средневековых слоёв и при этом достигали впечатляющей высоты. Если бы в моём распоряжении имелись ещё две или три дополнительные жизни, я бы непременно их исследовал. Когда я думаю о том, сколько всего интересного для историка и археолога таится под землёй и над землёй, я замираю, замороженный, и ясно сознаю, как ничтожен наш вклад в копилку знаний о прошлом по сравнению с огромным объёмом данных, которые ещё предстоит найти.

Вряд ли здесь уместно приводить подробные описания пяти исследованных нами теллей, поэтому я постараюсь рассказать о каждом в нескольких словах.

Первым был Телль-Асвад, лежащий примерно в пятнадцати километрах к югу от Телль-Абьяда на одном из рукавов Балиха. Телль-Асвад очень высок, он поднимается над уровнем равнины больше чем на двадцать метров, а площадь его основания около тридцати акров. Это невероятно древний холм: здесь мы нашли множество кремнёвых наконечников для стрел эпохи неолита, а

также многочисленные следы халафской культуры и более ранние последовательности. На самой вершине этого замечательного телля нам повезло обнаружить руины небольшого доисторического храма. Храм состоял из длинной комнаты, судя по всему, его основного помещения, и смежной комнаты меньшего размера, на пороге которой лежал череп быка, магическая жертва в дверном проёме. Когда-то храм защищала плоская крыша из тростника и глины, утяжелённая гравием. Внутри и снаружи храма мы нашли кости животных, несомненно, одомашненных: свиней, овец, коз, быков и некрупных лошадей. Судя по всему, древние обитатели долины Балиха занимались различными видами сельского хозяйства, в том числе животноводством. Также они, несомненно, выращивали пшеницу и ячмень: многочисленные образцы этих культур нашли при раскопках другого телля, Мефеша, и о нём я расскажу ниже. Я предположил, что постройка на вершине Телль-Асвада относится к халафскому периоду, но не исключена её принадлежность и более поздней эпохе: не уверен, что найденные в том слое черепки относились к тому же времени. В любом случае внушительные толщи халафских руин обнаружили в других холмах. Если я не ошибся с датировкой постройки, то Телль-Асвад — действительно очень древний холм, и ниже лежит длинная последовательность слоёв халафского периода. Если же храм на самом деле относится к более позднему периоду, чем я предположил, он всё равно представляет немалый интерес для археолога, изучающего доисторическую эпоху.

Осмотрев Асвад, в основном состоявший из руин раннего халафского периода, мы решили найти холм, который мог бы дать нам представление о более поздних последовательностях, и в итоге остановились на Телль-Мефеше, что по-арабски значит «разлившийся». Несомненно, поселение получило такое название, потому что было расположено рядом с вади⁶⁶. Теперь вади большую часть года представляет собой высохшее русло и только во время зимних дождей заполняется водой. Вполне возможно, что когда в поселении ещё жили люди, последними его жителями были представители убейдской культуры. Здесь текла довольно важная река. Говорят, в северо-западном направлении русло можно проследить до самого арабского Пунара, откуда оно уходит на юго-восток, в направлении Балиха. Телль-Мефеше расположен примерно в двадцати пяти милях к югу от Телль-Абьяда и в семи с половиной милях к западу от реки Балих, недалеко от дороги, ведущей в Ракку. Высота холма составляет пятнадцать метров, а площадь — около восьми с половиной акров, довольно много для небольшого провинциального поселения. И конечно, Телль-Мефеше, как и прочие телли, хранит в себе гораздо больше данных, чем нам удалось извлечь за пять дней работы — максимальное время, которое мы могли здесь провести.

Мысленно возвращаясь к этим дням, я понимаю, как просто и беззаботно мы тогда жили. Нам было достаточно доказать, что мы профессиональные археологи, и запросить разрешение на раскопки в любом понравившемся районе. Никто нас не задерживал и не чинил препятствий, только просили указать поселения, где мы хотим работать, и по завершении раскопок представить письменный отчёт. Рабочие находили наши поездки интересными и бодрящими, и порой шла настоящая борьба за место в небольшом грузовике, который каждое утро отправлялся из Телль-Абьяда к тому или иному поселению в долине, иногда на значительные расстояния. Их энтузиазм слегка угасал, если шёл дождь, и когда приходилось отправляться в дорогу на рассвете, по темноте и холоду. Особенно тяжело приходилось беднякам в декабре. Цель была ещё далека, а они уже напоминали партию замороженных уток. Впрочем, работа кайлом и лопатой быстро их согревала, и в итоге они получали не меньшее удовольствие от этих коротких поездок, чем мы сами. За пять дней, посвящённых осмотру Мефеша, мы не имели возможности раскопать какое-нибудь здание целиком, но нам удалось найти последовательность из четырёх небольших комнат со стенами из сырцового кирпича. Кирпичи были гораздо крупнее, чем те, что мы находим в постройках халафского периода. Уже по одной этой причине обычно не составляло проблемы определить, к какому из двух соседних периодов относится та или иная кладка. Во внутреннем дворе по соседству с комнатами мы нашли несколько круглых резервуаров для зерна, а в них — солидные запасы ячменя. В одной из комнат сохранились обломки упавшей крыши, сложенной из овальных в сечении брусьев из тополя. Раз брусья когда-то доставали от одной стены комнаты до

⁶⁶ Вади (*араб.*) — арабское название сухих русел рек и речных долин временных или периодических водных потоков, заполняемых, например, во время сильных ливней.

другой, они должны были иметь не менее двух с половиной метров в длину. Сохранились и следы тростника, которыми была покрыта деревянная основа крыши. По всей видимости, тополя, тростник и ивы во множестве росли в долине Балиха в эту эпоху. И дома, и зёрна ячменя сохранили следы пожара. Наше наблюдение подтвердила мисс Д.М.Э.Бейт: она исследовала образцы останков животных и обнаружила, что они также подверглись воздействию огня. Так как вся керамика, обнаруженная в этих слоях, относилась к убейдскому периоду, можно сделать вывод: убейдское поселение, пришедшее здесь на смену халафской культуре, погибло в огне и прекратило своё существование. Мы не знаем, что за враг его уничтожил. Среди обнаруженных нами останков животных были кости крупного козла с закрученным спиралью рогом, крупного быка и небольшой лошади. Керамика, найденная в доме, нас особенно заинтересовала: она несомненно принадлежала к убейдскому периоду, но обладала некоторыми чертами, характерными для халафа. Очевидно, в области керамики на убейдских жителей Мефеша оказали значительное влияние их предшественники. Формой изделий, использованием чёрной краски и традицией закрашивать кольцо вокруг основания сосуда расписная керамика из Мефеша напоминала образцы убейдского периода, найденные в Арпачии. Мы обнаружили убейдский горшок, выполненный в халафской манере, и халафский черепок, украшенный букраниумом и пунктиром. Мы можем быть абсолютно уверены, что тельль хранит руины обеих культур. Исследователя, занимающегося этими периодами, здесь ждёт настоящий маленький рай. Холм, кроме всего прочего, скрывает многочисленные образцы животных и растительных останков, и это позволило бы получить ценнейшие сведения об экологии региона. Я очень жалею, что, когда мы проводили раскопки в этих местах, ещё не изобрели радиоуглеродный метод датирования: органические останки попадались нам в избытке. Теперь будущие исследователи знают, где искать материал для анализа.

Напоследок, перед тем как распрощаться с Мефешем, я хотел бы рассказать об одной интересной находке. Это фрагмент фигурки матери-богини из высушенной на солнце глины, найденный в руинах дома. Кажется, что на богине невысокий головной убор, хотя не исключено, что фигурка наделена рогатой головой и человеческим телом. Я склоняюсь ко второй интерпретации. Общей идеей статуэтка напоминает богинь-матерей в высоких головных уборах и с головами животных, найденных в Уре, в убейдских слоях раскопа со следами потопа. Это интересный пример смешения форм, характерного для доисторических изображений богов и богинь.

На склонах Телль-Шувейха, доисторического поселения, расположенного неподалёку от Мефеша, нам попался восхитительный образец самого раннего типа халафской керамики — крупная чаша довольно грубой формы, украшенная тремя горизонтальными каймами из образованных штрихами ромбов. Одна из чаш убейдского периода была оформлена изображениями длинношеих птиц, склонивших головы к земле. Скорее всего, это были дрофы. Наверное, в то время, как и сейчас, они часто встречались в этих местах. Вот и всё, что я хотел рассказать о Мефеше. Он прекрасно иллюстрирует богатый археологический потенциал этой части долины Балиха. Большой интерес представляют ранние доисторические последовательности, скрытые в недрах телья, а нападение, произошедшее в конце убейдского периода, сохранило для потомков многочисленные продукты ремёсел этой эпохи: по всей видимости, они не представляли ценности для захватчиков.

Третьим холмом, куда мы отправились, стал Телль-Сахлан, расположенный в крайне болотистой местности на западном берегу Нахр Аль-Туркмана, притока Балиха, примерно в полумиле вверх по течению от Телль-Асвада, который, в свою очередь, как я уже говорил, находится недалеко от Телль-Абьяда. Доступ к Телль-Сахлану был затруднён, и мы провели здесь всего два или три дня. Рабочим часто приходилось добираться до холма вплавь, и мы тоже попадали на раскоп с большим трудом. Сахлан стал самым массивным из всех холмов, где мы проводили разведку. Его высота составляет не менее сорока метров, а площадь основания — около двадцати шести акров. По моим оценкам, огромная толща культурных слоёв, сформировавшая тельль, покрывает в общей сложности более шести тысяч лет истории. Исследователь любой эпохи найдёт здесь материал для изучения, так как поселение появилось в ранний доисторический период и просуществовало до нашей эры. Наверное, самой важной находкой стал осколок клинописной таблички, к сожалению, нечитаемый, который я подобрал на

склоне холма. Можно предположить, что где-нибудь в глубинных слоях обнаружатся и другие письменные источники.

Верхние слои Сахлана состояли из римских, римско-византийских и исламских руин. Их общая толщина достигала десяти или пятнадцати метров. На противоположном от реки склоне, на восьмиметровой горизонтали, мы обнажили участок стены, окружавшей холм. Стена была сложена из грубых гипсовых кирпичей и имела не менее четырёх метров в толщину. В кладке мы нашли черепок глиняной бутылки с красной каймой, идущей под горлышком, — очевидно, фрагмент материала, которым заполнялось пространство между кирпичами. Так как керамический черепок принадлежал хабурскому периоду, мы можем утверждать, что стена не могла быть построена раньше Первой вавилонской династии. Её можно датировать приблизительно 1800 годом до н. э.

Суммируя сведения, полученные при изучении Телль-Сахлана, можно сказать, что это телль с очень долгой историей, труднодоступный, так как находится в болотистой местности, и что в течение какого-то времени во 2-м тысячелетии до н. э. городище было обнесено массивной стеной, обеспечивающей надёжную защиту. Мы не знаем, когда именно здесь образовалось первое поселение, но можно предположить, что это случилось в период, последовавший за временем последнего, халафского поселения в Телль-Асваде. Вероятно, люди стали селиться в районе Сахлана, когда расположенный по соседству Телль-Асвад стал слишком высоким и неудобным для жизни. Возможно также, что под конец его полностью окружило болото. Возникает вопрос: почему же в таком случае люди продолжали жить на Сахлане, когда он вырос на такую высоту? Возможно, дело в том, что, когда здесь прошла граница Римской империи, огромный заброшенный холм оказался подходящим местом для постройки небольшого форта. Позже турки по той же причине устраивали на древних теллях полицейские посты. Так повторяет себя история.

Четвёртый из раскопанных нами холмов назывался Телль-Джидль — если я не ошибаюсь, это слово переводится как «корни». Он очень удобно располагался, всего в двух с половиной милях к югу от Айн Аль-Аруса, в верховьях Балиха, на западном берегу реки. Мне редко приходилось видеть столь красивые и столь живописно расположенные телли. Это был небольшой аккуратный холм с крутыми склонами. Он поднимался на пятнадцать метров в высоту и занимал площадь около четырёх с половиной акров. С вершины холма мы могли заглянуть прямо в прозрачно-голубую воду реки, кишевшую рыбой и такую чистую, что видно всё до самого дна. По берегам росли редкие ивы, и единственным признаком присутствия в этих местах человека был маленький домик одинокого мельника, который молот ячмень и пшеницу для жителей окрестных деревень. Я всей душой надеялся, что холм окажется удачным. Тогда мы могли бы спокойно обосноваться здесь и несколько лет работать в этом очаровательном месте. Увы, нам не повезло. Мы получили много новых данных в результате раскопок, но с точки зрения архитектуры телль меня разочаровал. Некоторые поселения были заброшены и занесены песком, но последовательность представляла для нас интерес, а один из слоёв, пятый сверху, содержал любопытные руины укреплений саргонидского периода, которые можно датировать приблизительно 2400 годом до н. э.

Верхний метр холма составляли римско-византийские руины примерно 300–600 годов н. э. Здания этого слоя были сложены из сырцовых и из грубых гипсовых кирпичей. Судя по всему, где-то поблизости имелось обширное месторождение не очень качественного гипса, и поселенцы разрабатывали его, чтобы добыть строительный материал. В этом слое мы обнаружили ряд захоронений в сосудах для кремации, содержавших кости детей, несколько осколков глиняных ламп и какое-то количество неизвестных бронзовых монет. Изображение единственного глиняного горшка, найденного нами целым, я включил в свой отчёт, опубликованный в журнале «Ирак» (Iraq, VIII, 1946).

Два следующих слоя, если идти сверху вниз, получили названия «Джидль-2» и «Джидль-3» соответственно. «Джидль-2», нижняя граница которого проходила как минимум в тринадцати с половиной метрах над уровнем реки, можно отнести к периоду между 1450 и 1350 годами до н. э. Этот слой отражает заключительный этап существования процветающего поселения. Здесь мы нашли черепки расписной керамики с белым орнаментом, нанесённым на красный и чёрный фон

в манере, характерной для хурритов. Поселение умерло своей смертью вместе с окончанием хурритского периода. Хурриты, занятый земледелием северный народ, также неплохо воевали. Они объединились под властью индоарийской династии Митанни и процветали в этой части Месопотамии в течение нескольких веков, вплоть до 1400 года до н. э. Некоторое внешнее давление, вероятно с востока, свидетельствовало о нарастающей мощи среднеассирийского царства, которое понемногу начинало вытеснять здешних поселенцев, но, вероятно, ассирийцы не хотели тратить силы на эти отдалённые и потенциально ненадёжные районы.

Самое процветающее поселение мы находим ниже, в слое «Джидль-3». Здесь мы также обнаружили образцы характерной хурритской керамики. Это поселение интересно тем, что в какой-то момент оно было полностью уничтожено огнём и разграблено захватчиками — об этом свидетельствовали обильные следы золы поверх всего слоя. Аналогичная судьба постигла Телль-Хаммам, поселение того же периода на противоположном берегу реки, в полумиле вверх по течению. Относительное расположение Телль-Джидля, Телль-Хаммама и протекающего между ними Балиха наглядно отражено на плане, составленном Джоном Роузом. Нам неизвестно, когда точно и почему разорили «Джидль-3», но не исключено, что причиной этого события стало давление на династию Митанни со стороны Сирии или какой-то другой части Малой Азии. Опираясь на археологические данные, можно предположить, что поселение прекратило своё существование в середине XV века до н. э. Большая часть слоя «Джидль-3» занесена песком, следовательно, это место оставалось заброшенным в течение нескольких лет. Затем люди вернулись сюда и, как мы видели, безуспешно пытались продолжить историю старого поселения. Вероятно, перерыв между двумя эпохами составил немногим более десяти лет, о чём свидетельствует и неразрывность развития керамики. Здания слоя «Джидль-2» построены некачественно, и всё здесь несёт на себе следы вырождения и упадка. Вопрос о датировке нижней границы слоя «Джидль-3» представляет собой археологическую проблему, и я не стану утомлять читателя излишними деталями. По всей видимости, поселение образовалось не ранее 1700 года до н. э. Здесь мы обнаружили несколько интересных объектов. Терракотовая фигурка богини-матери, кормящей ребёнка, и цилиндрическая печать кипрского типа указывают на широкие торговые связи, в том числе с отдалёнными районами.

Ниже слоя «Джидль-3», примерно в одиннадцати с половиной метрах от вершины холма, мы наткнулись на основания стен слоя «Джидль-4». Пол храма располагался на высоте двенадцати метров над уровнем реки. От самого храма остались только три стены продолговатой комнаты, сложенные из сырцового кирпича, и расположенный вдоль длинной стены алтарь из того же материала, возвышающийся на три фута над полом. На прихрамовой территории мы нашли любопытную расписную фигурку, изображавшую богиню-мать Иштар. Разрисованная красной краской фигурка была сделана ненамного позже Третьей династии Ура, я бы сказал — между 2100 и 2000 годами до н. э., в период, когда статуэтки, изготовлявшиеся в Месопотамии, отличались натуралистичностью. В том же слое мы обнаружили некоторое количество черепков хабурской керамики и образцы некрашенных сосудов, подобные найденным в слое периода Третьей династии Ура в самом Уре. В качестве материала для строительства по-прежнему часто используются грубо отёсанные гипсовые глыбы, и этот факт снова указывает на то, что где-то поблизости было месторождение. Некоторые данные раскопок заставляют предположить, что более ранняя Третья династия Ура пересеклась здесь с более поздней Первой вавилонской династией, но я не стану вдаваться в излишние подробности в рамках этой книги. Скорее всего, между слоями «Джидль-3» и «Джидль-4» существовал перерыв длиной около ста пятидесяти лет, и я бы предварительно отнёс это четвёртое по счёту поселение к периоду между 2100 и 1800 годами до н. э.

Самым интересным слоем поселения оказался «Джидль-5». Фундаменты здесь не лежали на одном уровне, а повторяли рельеф холма. Постройки располагались внутри овального контура мощной городской стены, которая плавно поднималась по мере удаления от воды. Нижняя точка стены располагалась напротив родника, на восточном склоне холма, и пока стена добиралась до противоположного, западного склона, откуда открывался вид на Балих, она успевала подняться как минимум на четыре метра. Это трёхсотпятидесятиметровое кольцо прочной кладки, имевшее на всём протяжении толщину не меньше метра, служило надёжной защитой от нападений. Любому врагу, пожелавшему захватить город, пришлось бы ломать стену или переправляться

через реку — естественное препятствие, затруднявшее подступ к Телль-Джидлю с севера и с востока. По качеству строительства «Джидль-5» превосходил все прочие слои телля. Стены построек покрывали побелка и цементная штукатурка, кирпичи по размеру напоминали те, что использовались в Браке в саргонидский период. Некоторые секции городской стены были усилены грубыми гипсовыми кирпичами, а с восточной стороны встречались целые участки кладки, полностью состоявшие из гипса. На горизонтали в десять с половиной метров мы обнаружили каменную мостовую.

Создаётся впечатление, что главные городские ворота в этот период располагались с южной стороны холма. Вероятно, на этом участке стена была полностью сложена из камня, а по обе стороны ворот располагались сторожевые башни, которые разрушили при переустройстве города в следующий исторический период. Возможно, через болота, подступавшие практически к городской стене, в то время вела насыпная дорога, начинавшаяся у главных ворот.

Судя по найденным черепкам, городская стена существовала в период правления аккадской династии, возможно, во время царствования Римуша или Нарам-Сина, построившего дворец в Браке и закрепившего тем самым завоевания Саргона, основателя династии, о чём я уже рассказывал в главе, посвящённой Браку. Если вспомнить, какое обширное строительство происходило в Браке под властью саргонидов, то совершенно естественно, что мы находим мощные защитные сооружения этого периода на берегах Балиха. Их строили, чтобы ещё больше укрепить линии сообщения с Малой Азией.

Возле стены с внутренней стороны в юго-западной четверти холма мы наткнулись на остатки разрытой могилы саргонидского периода. В могиле лежало ожерелье, составленное из фаянсовых амулетов в форме уток и бусин-колечек из сердолика. Похожие украшения попадались нам в слоях саргонидского периода в Шагар-Базаре, в долине Хабура. Мощной овальной стене, окружавшей поселение «Джидль-5», вероятно, предшествовала последовательность городских стен Раннединастического периода, о чём свидетельствуют типичные для более древних эпох плоско-выпуклые кирпичи, напоминающие формой диванные подушки. Исходя из полученных данных, можно предположить, что поселение «Джидль-5» существовало большую часть аккадского периода, приблизительно с 2400 по 2200 год до н. э., и пришло в упадок в смутные времена, когда гуттии вторглись в Месопотамию. Это вторжение отразилось и на Сирии. Сильное и централизованное управление, существовавшее на протяжении двух столетий в аккадский период, ослабло, и здесь начались беспорядки.

В слоях с шестого по восьмой мы не нашли ничего древнее артефактов периода Урука. Из этого можно сделать вывод, что первое поселение в Джидле было основано вскоре после того, как последние жители покинули Телль-Мефеш, где мы не нашли никаких следов пребывания человека позднее убейдского периода. Первые поселенцы предположительно появились в Джидле в последней четверти четвёртого тысячелетия до н. э., в раннеисторический период.

Последним теллем, который мы посетили, стал Телль-Хаммам. Крутая вершина этого небольшого холма, имевшего около трёх акров в основании, поднималась над равниной на высоту одиннадцати метров, а под ней одна за другой располагались все основные последовательности, обнаруженные нами в других местах. Первое поселение было основано в халафский период, а возможно, и раньше, в эпоху неолита, потому что в соответствующих слоях встречались искусно сделанные кремнёвые орудия, наконечники копий и стрел и другие подобные объекты. Кроме этого, на склонах холма и в его глубинных слоях мы собрали некоторое количество изделий из обсидиана, и среди них присутствовал один клинок, сделанный из его зеленоватой, ванской разновидности, происходящей из Малой Азии.

Представление о расположении Телль-Хаммама можно получить, обратившись к весьма наглядной контурной карте, составленной Джоном Роузом. На карту нанесены два холма, Джидль и Хаммам, стоящие на противоположных берегах реки: Хаммам — на северном берегу, чуть выше по течению, а Джидль — на южном. Эти два города дополняли друг друга и, вероятно, составляли единый оплот защиты от врага: каждый защищал свой берег и свои подступы к реке. Это особенно явно следует из данных, полученных в слоях Хаммама, расположенных ближе к его вершине и соответствующих по времени слоям «Джидль-2» и «Джидль-3».

Под руинами последнего римско-византийского поселения на вершине Хаммама, как и в Джидле, располагались постройки середины 2-го тысячелетия до н. э., и нам удалось восстановить

план здания из сырцового кирпича, куда входили четыре комнаты и несколько печей для хлеба. Непосредственно над слоем, содержащим комнаты, шла прослойка золы, но, судя по всему, после разрушения поселения здесь снова ненадолго поселились люди — этот период соответствует слою «Джидль-2». Очень скоро поселение опустело, и его руины заполнял эоловый песок. В этих слоях мы нашли осколки неглубоких мисок из глины насыщенного розоватого цвета, украшенных по краю широкой красной каймой. Такую же посуду нашёл Леонард Вулли во время раскопок в долине Оронта, во дворце в четвертом слое городища Алалах, и несколько аналогичных осколков мы собрали в соответствующих слоях Тель-Джидля. Эти наблюдения показали, как важно найти тип керамики, характерный для того или иного слоя. В данном случае мы смогли не только установить соответствие между слоями двух холмов в долине Балиха, но также соотнести их со слоем, открытым далеко на западе, в знаменитом городище Алалах, в долине Оронта, история которой известна сравнительно неплохо.

Среди прочих находок, сделанных в Хаммаме, в слое, содержавшем руины дома, была цилиндрическая фаянсовая печать с двумя различными узорами. Нижний изображал ряд газелей или, может быть, коз. Они группировались попарно, и между каждыми образующими пару животными возвышался шест, увенчанный звездой — религиозный символ. Верхнюю часть печати украшали концентрические круги и звезда. Я предполагаю, что это были изображения животных, содержащихся в то время в храмах. Согласно более ранним табличкам, найденным в Шагар-Базаре, святилищам часто принадлежали газели.

Как видно из нашего отчёта о раскопках на Балихе, металлические предметы здесь встречались редко. Это верный признак того, что сырые и болотистые земли долины Балиха привлекали более примитивных, менее состоятельных и менее приспособленных для городской жизни поселенцев, чем берега Хабура. Напротив, многие орудия из кремня и обсидиана отличались хорошей выделкой и заслуживали большего внимания, чем мы могли им уделить.

Наше путешествие по долине продолжалось не больше шести недель. Мы работали с большим интересом и чувствовали себя первопроходцами. До нашей экспедиции этот регион изучали очень мало, разве что покойный профессор Олбрайт⁶⁷ в 1926 году раскопал Тель-Зайдан, один из доисторических теллей в нижней части долины. Насколько нам известно, ни один профессиональный археолог не задержался здесь больше, чем на несколько дней, и не оценил невероятный потенциал здешних поселений. Отчёт о короткой разведке У.Ф.Олбрайта был опубликован в 1926 году в журнале «Map». Мы не должны забывать и о двух других исследователях, интересовавшихся долиной. Первый из них — великий французский археолог Рене Дюссо, в чьей книге «Topographie Historique de la Syrie Antique et Médiévale» («Историческая топография античной и средневековой Сирии») приводятся крайне интересные рассуждения об истоках Балиха. Во-вторых, римские укрепления, расположенные по берегам реки, упоминаются в подробнейшем исследовании отца А. Пуадебарда, озаглавленном «La Trace de Rome dans le desert de Syrie» («Римский след в пустыне Сирии»).

На мой взгляд, самое интересное в теллях долины Балиха — это данные, содержащиеся в их римско-византийских слоях. Исследователя здесь ждёт огромное количество никем не исследованных объектов. Вспомним смелое высказывание отца А. Пуадебарда: «Целью всей наступательной политики Месопотамии со времён Траяна было установить границу на Хабуре. В результате отступлений граница всегда возвращалась к излучине Евфрата». Эта закономерность подтверждается восточными кампаниями императоров Траяна, Септимия Севера и Юлиана и временным отступлением с восточного фронта после смерти последнего.

Я был бы рад, если бы кто-нибудь из археологов, интересующихся романо-византийским периодом, исследовал этот район и высказал своё мнение о том, как завоевания того периода завершились установлением удивительного *paх Romana*⁶⁸, который стремился следовать принципу «*parcere subjectis et debellare superbos*»⁶⁹.

⁶⁷ Уильям Фоксуэлл Олбрайт (1891–1971) — американский востоковед, эпиграфист, один из основоположников библейской археологии и археологического направления библейской географии.

⁶⁸ «Пакс романа», он же «Римский мир» (лат.) — длительный период мира и относительной стабильности в пределах Римской империи. Согласно мнению большинства исследователей, длился с 27 года до н. э. по 180 год н. э.

Нам повезло, что мы смогли выбраться из долины Балиха в конце года: с началом зимних дождей дороги в этих местах становятся непроходимыми. К нам судьба была благосклонна: мы добрались из Телль-Абьяда до Алеппо практически без происшествий, и только один раз, на малознакомом участке пути через степь, безнадежно увязли в грязи. День, как нарочно, выдался жаркий, а воды с собой было в обрез. К счастью, мы наконец достигли берега Евфрата, переправились на другую сторону на старом расшатанном судёнышке и явились в дом нашего бригадира в Каркемише прямо к завтраку, совершенно изголодавшиеся.

Мы рассчитывали слегка перекусить: съесть несколько кусков хлеба и, может быть, запить их чашкой чая или кофе, — но хозяин дома, один из сыновей Хамуди, немало удивился нашей неслыханной просьбе и заявил, что никуда нас не отпустит, пока семья не приготовит роскошную трапезу. Это значило, что кто-нибудь отправится в деревню, забьёт барана и зажарит его. Нам не хотелось огорчать хозяев, а отказаться от подобного приглашения было бы очень грубо. Прошло не менее шести часов, пока нам наконец-то подали огромный обед, в том числе целого фаршированного барана и гору риса. К этому времени мы уже так проголодались, что кусок с трудом шёл в горло. В конце концов, бурно заверяя наших гостеприимных хозяев в признательности и дружеских чувствах, мы выдвинулись в Алеппо. Преодолев семьдесят миль пути, к вечеру мы добрались до отеля «У Барона» в Алеппо, где нас принял радушный Коко, армянин, которого на самом деле звали Мазлумьян. С тех пор как мы познакомились с ним сорок лет назад, я получаю от него открытки на каждое Рождество.

Коко Барон был *plus anglais que les anglais*⁷⁰ и какое-то время служил в военно-воздушных силах. Гостей он принимал с исключительным радушием, особенно археологов, которым приходилось останавливаться в Алеппо. Мы с глубокой признательностью вспоминаем его щедрость, приветливость и доброту. Он был человек, многое переживший. Женат Коко был на англичанке.

В Алеппо жил и ещё один прекрасный человек, наш добрый друг доктор Эрнест Алтунян, наполовину ирландец, наполовину армянин, женатый на сестре философа и историка из Оксфорда, Р.Дж.Коллингвуда. Отец Эрнеста Алтуняна был совершенно удивительным человеком и известным во всём мире нейрохирургом. В детстве он служил уборщиком у каких-то американских миссионеров в Мараше. Заметив блестящие способности мальчика, хозяева отправили его учиться в Стамбул. Оттуда он отправился в Париж, а потом основал некогда знаменитую больницу в Алеппо, которая выстояла благодаря его сыну. Теперь её, к сожалению, больше нет. Старик никогда не лечил пациентов бесплатно, и в Сирии любой с радостью заплатил бы, сколько смог, только чтобы им занимался этот человек. Его считали волшебником, почти что бессмертным. Этому замечательному старику уже перевалило за девяносто, когда он женился на англичанке, на добрых шестьдесят лет его младше, и успешно вырезал ей опухоль мозга, за которую не брался ни один хирург.

⁶⁹ Щадить поверженных и усмирять горделивых (*лат.*).

⁷⁰ Большим англичанином, чем сами англичане (*фр.*).

Часть 2 Война (1939–1945)

Глава 10 Лондон и Каир

В конце 1938 года, после третьего, невероятно успешного, сезона в Браке мы собрали огромное количество данных, которые теперь необходимо было подготовить к публикации. В общем, с археологической точки зрения было очень удачно, что политическая ситуация мешала дальнейшим раскопкам. Не нужно было обладать исключительным умом, чтобы понять, что мы движемся к войне. По этой причине летом 1939 года я отклонил приглашение на археологический конгресс в Берлине. Действительно, конгресс пришлось прервать до его запланированного окончания.

В течение этого последнего года мирной жизни я значительно продвинулся в работе, и всё благодаря принципам, вбитым мне в голову Леонардом Вулли, твердившим год за годом, что копать и не публиковать результаты — страшное преступление.

Я работал над отчётами о раскопках в Браке и Шагар-Базаре, когда мне улыбнулась удача. Агата, частично уступив моим просьбам, решила продать Эшфилд, дом своего детства в Торки, и купить Гринвей, усадьбу в георгианском стиле, расположенную в совершенно очаровательном месте в четырёх с половиной милях от Дартмута, на левом берегу реки Дарт, напротив Диттисгема.

Я прекрасно помню, как в сентябре 1939 года мы сидели на кухне в Гринвее и слушали по радио объявление войны. Глуповатая миссис Бастин, чей муж занимал живописный коттедж с соломенной крышей у пристани в Гэлмптоне, горько рыдала над овощами, хотя она-то уж могла себя чувствовать в относительной безопасности.

В первый год войны нам удалось провести прекрасное лето в мире и спокойствии «странной войны», хотя в это время произошло несколько важных событий. Во время эвакуации Дюнкерка в 1940 году весь рыболовный флот Бельгии встал на якорь у нас на реке. Это было живописнейшее зрелище. Такого количества оснащённых кораблей Дарту не приходилось видеть со времён Елизаветы.

В то время у нас гостила Дороти Норт, чей сын лорд Норт, лейтенант Военно-морских сил Великобритании, потерял жену, когда в его корабль попала торпеда.

Это были дни, когда Черчиллю хватило смелости объявить стране, что «из Франции поступили очень плохие новости». Это признание обеспечило ему авторитет и доверие людей до конца войны. Каковы бы ни были прегрешения Уинстона, он был одним из гигантов, воплощением английской храбрости, и очернить его пытаются люди гораздо меньшего масштаба. Его будут чтить в веках.

Также с началом нашей жизни в Гринвее у меня связаны воспоминания о Тэнксе Чемберлене, который жил в Бриксгеме и плавал на собственном траулере. Тэнкс осуждал свою жену, оплакивавшую начало войны. «Наконец-то, — заявил он, по словам очевидцев, — наступил тот радостный день, когда мы сможем сразиться с немцами». К моменту нашего знакомства Тэнкс Чемберлен командовал Тридцатой эскадрилей Королевских ВВС Великобритании в Мосуле. Он прокатил меня на самолёте над Ниневией и Арпачией, когда я захотел посмотреть на рельеф с воздуха, и именно в этом полете я заметил, что северная часть Арпачии выглядит очень перспективно.

Мне не терпелось принять участие в войне, но мы были так слабо подготовлены, что с моими навыками меня не брали ни на какую службу, и меньше всего им был нужен востоковед. В 1940

году я получил несколько смешное утешение: мне выпало служить в бриксгемском отряде самообороны.

У нас было так мало оружия, что на первых порах на десять человек приходилось не больше чем по две винтовки, да я и сомневаюсь, что они могли бы нам помочь в случае вражеского вторжения: одного из наших дозорных нашли мертвецки пьяным среди дороги возле сторожки. Когда зазвучал сигнал к полной боеготовности и одному из наших местных фермеров приказали занять позицию для обороны, он воскликнул: «Не волнуйся, дорогой, мне надо сначала подоить корову».

В начале 1940 года я наконец-то нашёл возможность принять более активное участие в событиях. Минувшим летом Эрзинджан, город в восточной части Турции, был практически полностью уничтожен землетрясением, и те его жители, кому удалось выжить, остались под открытым небом и в страшной нищете. Руководствуясь гуманистическими и политическими соображениями, наша страна решила прийти на помощь. Британцам было важно заручиться поддержкой Турции, так как мы полностью зависели от их поставок хрома, необходимого компонента стали — в то время его больше нигде было взять. Обычными же гражданами двигало искреннее сострадание к людям, попавшим в беду и взывавшим о помощи.

Случилось так, что профессор Гарстанг, один из моих друзей-археологов, знал, что и я мог бы отозваться на этот призыв. Профессор давно был известен своим интересом к Турции. В частности, именно он основал Британский институт археологии в Анкаре. Гарстанг незамедлительно приступил к созданию Англо-турецкого комитета помощи совместно с группой могущественных меценатов, среди которых лорд Ллойд Долобранский был президентом, а сэр Джордж Клерк, бывший посол Великобритании в Анкаре, — председателем. Меня пригласили на должность почётного секретаря, и я с готовностью согласился, хотя не имел ни малейшего представления, во что именно я ввязываюсь.

Гарстанг обладал особым чутьём, помогавшим ему находить источники помощи с большим потенциалом, но не мог предвидеть, что впереди ждёт море проблем, грозящее накрыть его с головой. Он сразу проявил находчивость и попробовал занять для секретариата небольшое подсобное помещение в здании Королевского института на Албермарль-стрит, но закончилось всё тем, что мы чувствительно потеснили эту незадачливую организацию, и секретариат разместился в большой комнате на первом этаже.

Вскоре после того, как я занял должность секретаря, лорд Ллойд попросил меня подготовить набросок обращения к гражданам, призывавшего их жертвовать деньги и вещи. Мы нарисовали мрачную картину страданий турецкого народа в разгар зимы и вставили в текст отрывок из письма, полученного от одной бедной женщины из трущоб: «У меня всего два пальто. Одно я посылаю вам». Отклик на наш призыв можно назвать фантастическим. Центральный почтамт совершенно завалили посылками, их приходилось складывать на улице, потому что внутри они уже не помещались.

С Англо-турецким комитетом помощи связано много забавных эпизодов. В некоторых фигурировал наш сотрудник, ответственный за связи с общественностью, спортивный обозреватель и известный журналист. Он поведал публике о волках, завывающих в сельской местности Турции, и по спинам неискушённых слушателей прошёл холодок. В начале нашей деятельности лорд Ллойд решил устроить большой приём в официальной резиденции и пригласить полдюжины послов. Он предупредил меня, что мероприятие непременно должно пройти на уровне.

В те дни можно было запросто наполнить автобус бедствующими джентльменами, одетыми в сюртуки, и при необходимости увеличить аудиторию любого мероприятия по цене в один фунт за голову. Мы так и поступили, а наш журналист Уэнтворт-Дэй вызвался набрать привлекательных дам для продажи программ. Он справился с этой задачей, призвав на помощь компанию женщин лёгкого поведения с Лестер-сквер. Эсме Николс, на чью находчивость всегда можно было положиться, поспешно проводила дам на задние ряды.

Приём прошёл с невиданным успехом, и я помню, что Невилл Хендерсон, наш посол в Берлине, сказал тогда: «Только глупец возьмётся предсказывать, но я осмелюсь предположить, что война продлится не больше шести месяцев». Несмотря на это пророчество или, возможно,

благодаря ему, деятельность Англо-турецкого комитета началась с блестящего старта, и нам удалось собрать огромную сумму пожертвований в деньгах, натурой и в виде услуг.

В конце года наш фонд закрылся, но я думаю, что лорд Ллойд оценил мои усилия. Во время нашей последней встречи он предложил мне свою помощь во всём, что я пожелаю. «Только скажите, что вам нужно, — заверил он меня, — и вы это получите». Я ответил, что единственное моё желание — устроиться в военно-воздушные силы. Лорд очень удивился и спросил, зачем мне это нужно. Я сказал, что авиация — самый прогрессивный и поэтому самый привлекательный род войск. Мой отец родился в Австрии, был, по сути, иностранцем, поэтому мне было непросто туда попасть, но для влиятельного члена кабинета министров не было ничего невозможного. Лорд Ллойд выполнил своё обещание: не прошло и недели, как я был зачислен в службу разведки Королевских военно-воздушных сил.

Через неделю после этого Ллойд скончался от гриппа, перешедшего в двустороннее воспаление лёгких. Я с теплом вспоминаю последнего из наших великих проконсулов.

В ВВС меня ожидал совершенно другой коллега — майор авиации, а позже профессор, С.К.Р.Глэнвиль, которому было суждено стать ректором Королевского колледжа в Кембридже. Он был талантливым и, наверное, самым обаятельным человеком из всех моих знакомых. Глэнвиль, или Стивен, как я буду его называть, был моим давним другом ещё с 1925 года, когда он поступил на работу в Отдел египетских древностей Британского музея.

Теперь Стивен имел звание майора авиации и служил в подразделении министерства ВВС, которое получило известность как Управление по союзническим и иностранным связям. Будучи моим старым другом, Стивен знал, что мы близки по духу, и полагал, что мой опыт работы за границей поможет ему в нелёгком деле общения с союзническими военно-воздушными силами. Нам предстояло преодолеть множество препятствий из-за отчаянной нехватки оборудования в Королевских ВВС, да и многие офицеры регулярной армии категорически не хотели снабжать им иностранцев, полагая, что иностранцы не понимают и, соответственно, не ценят наших методов лётной подготовки, поэтому ими трудно управлять. Вскоре, однако, чехи согласились, что их эскадрилья должна войти в состав Королевских ВВС, и без промедления с нами объединились. Увы, даже после этого нам было трудно обеспечить их оборудованием. К счастью, мы обнаружили лаконичный документ, написанный премьер-министром. Он гласил: «Дайте чехам то, что они хотят». Мы стали ссылаться на этот документ в случае жестокой необходимости, и эффект был мгновенный.

Моей обязанностью было представление министерства ВВС в комитете лорда Хэнки, занимавшимся координацией поставок оборудования для всех трёх родов войск наших союзников. Армия и флот присылали на эти собрания офицеров старшего командного состава, генералов и адмиралов, но необщительным военно-воздушным силам было достаточно, чтобы их представлял офицер более низкого звания, и сделать это предстояло Глэнвиллю, который тогда был всего лишь майором авиации. Как только я появился в министерстве ВВС, он перепоручил мне эту задачу, и я пришёл в ужас от мысли, что мне придётся предстать перед столь высокопоставленным обществом. Лорд Хэнки восседал во главе длинного стола в окружении всех мыслимых экспертов, гражданских и военных, а на другом конце сидел я, офицер ВВС самого низшего из существующих званий.

Я очень хорошо помню своё первое заседание. Помню, как лорд Хэнки произнёс: «А что по этому поводу могут сказать военно-воздушные силы?» Все взгляды обратились к моему концу стола, и в них явственно читалось удивление тем обстоятельством, что человек с таким скромным количеством нашивок оказался единственным присутствующим экспертом от ВВС. Обсуждался вопрос оборудования эскадрильи «Томагавков», американских истребителей, которые мы передавали русским, и о том, какое для них полагалось вооружение. Я получил весьма поверхностный инструктаж и совершенно растерялся, хотя и отчаянно зубрил материал перед заседанием. Меня выручил какой-то добрый генерал. Возвращаясь к Стивену Глэнвиллю, я чувствовал, что похвастаться перед ним мне нечем. Каково же было моё удивление, когда любезный лорд Хэнки, постоянно загруженный работой, тем не менее нашёл время написать в мой департамент, что офицер, представлявший ВВС, неплохо справился с поручением. Я был тронут и удивлён этим щедрым и предупредительным жестом.

Мой первый год в военно-воздушных силах, 1942 год, был насыщенным, интересным и часто забавным. Мы с Агатой тогда жили в Хэмпстеде, в квартире на Лон-роуд, и мне приходилось часто добираться домой на свой страх и риск в разгар первых бомбёжек. Однажды я шёл по Стрэнду во время жестокого воздушного налёта. Бомбы падали на землю дождём, многие здания горели. Я был удивлён, увидев, что один безмятежный полицейский нашёл укрытие на входе в магазин, между двумя стеклянными окнами. Тогда ещё никто не относился к налётам серьёзно. Когда я шёл на работу на следующее утро, вся дорога была усыпана мусором, в том числе бумагой — документами из разрушенного банка, причём в основном налоговыми декларациями; ни одной купюры я не заметил. Все были поражены, когда я явился в офис. Дело в том, что мой пессимистично настроенный коллега успел всем сообщить, что накануне я отправился домой под градом бомб и наверняка был убит. Это был не первый случай, когда поступало сообщение о моей смерти, а я оказывался жив.

Я уже проработал в министерстве около двенадцати месяцев, когда наше управление попросили выделить двух офицеров для поездки на Средний Восток. Требовалось открыть филиал Управления по союзническим и иностранным связям в Каире. Когда Глэнвиль спросил меня и ещё одного нашего сотрудника, не хотим ли мы взять на себя эту роль, мы немедленно согласились. Нам обоим не терпелось оказаться ближе к центру событий и увидеть в действии наших союзников в Северной Африке. Мне присвоили звание майора авиации, и я отбыл в Каир, чтобы присоединиться к штабу Королевских военно-воздушных сил на Среднем Востоке. Но перед тем, как продолжить повествование, я должен отдать должное человеку, которого покидал, — Стивену Глэнвилю.

Карьера Стивена складывалась для него весьма характерно. Он так и не нашёл времени глубоко изучить свой предмет и неважно учился в университете, но при этом ему без вопросов дали пост профессора египтологии в Университетском колледже Лондона, и он блестяще проявил себя на новом посту. Широта интересов не позволяла ему заслужить авторитет в какой-то конкретной области науки, и, по правде говоря, люди и гуманитарные науки интересовали его гораздо больше, чем египтология. Когда Стивен узнал, что одна знакомая, мисс Пью, пишет книгу по оптике, он просто обязан был всё за неё переписать. Это был единственный человек, которому удалось убедить Агату изменить финал книги, совершенно, как она потом утверждала, против её воли. Первоначальный финал был гораздо драматичнее. Речь идёт о романе, действие которого разворачивается в Древнем Египте — «Смерть приходит в конце». Стивен всю жизнь наслаждался жизнью и никогда не отказывался от нового опыта, будь это спиритический сеанс или раскопки в Египте.

Были у Стивена и враги, и он не тратил времени на тех, с кем ему было не по пути, но для друзей был готов на всё и никогда не увиливал от решения чужих проблем. Охотно помогая друзьям улаживать семейные конфликты, он часто обнаруживал, что полностью сочувствует как одной, так и другой стороне и пользуется их безграничным доверием.

После четырёх или пяти лет работы в Королевском колледже Кембриджа его, несмотря на плохие успехи во время учёбы, единогласно выбрали на пост ректора. Когда он умер, весь колледж, начиная от заслуженных профессоров и заканчивая последним уборщиком, погрузился в траур.

Моей задачей в Каире было поддержание эффективных рабочих связей с чешскими, польскими и свободными французскими авиационными частями. Польские ВВС вызывали у меня безграничное восхищение. Из всех подразделений Королевских военно-воздушных сил их эскадрилья была самой умелой и отважной. Они сыграли решающую роль в Битве за Британию, и нам несказанно повезло, что brave польские лётчики с боем добрались до нашей страны, считая нас последней надеждой на свободную Европу. Если бы мы проиграли эту решающую битву в сороковом году, Британия и сама была бы во власти Гитлера. Будем же помнить, что каждый двенадцатый пилот в этом эпическом сражении был поляком.

Многие из моих знакомых поляков были достойнейшими людьми, солью земли, а их дисциплина вызывала восхищение. Один из моих польских друзей, капитан авиации, сказал мне как-то: «Возьми завтра увольнительную на двадцать четыре часа. Я приглашаю тебя на ужин». Я спросил, почему нельзя прийти на ужин без увольнительной, и он объяснил мне, что к концу трапезы все присутствующие будут пьяны в стельку и что того, кто не успеет протрезветь перед

службой, ждёт военный трибунал и казнь. Действительно, в Дартмуте, где пьяная ватага польских моряков окружила однажды полицейский участок, поговаривали, что на следующий день в море были не одни похороны. Должен признать, что я не пил ничего лучше самогонки, которой угощали поляки, и я скоро понял, что не стоит приходить на польский ужин, предварительно плотно не подкрепившись. Тот же самый офицер, который приглашал меня на эти застолья, сказал мне при прощании: «Ты был мне хорошим другом, и я хочу за это дать тебе совет. Если тебя посадят в тюрьму, постарайся, чтобы это была манчестерская тюрьма. Там кормят лучше, чем в любой другой тюрьме в Англии». Разумеется, всё это я сейчас говорю шутя и специально представляю поляков с забавной стороны. На самом деле, как я уже говорил, многие из них были прекрасными людьми, чувствительными (приходилось соблюдать осторожность, чтобы не обидеть их специально или ненароком), трудолюбивыми и выносливыми, и таких очаровательных и весёлых друзей ещё надо поискать. Мне рассказывали об одном водителе трамвая из Варшавы, который, несмотря на шестидесятилетний возраст, устроился перегонщиком самолётов в Северной Африке, садился и тут же взлетал снова. Это были самоотверженные люди. Насколько я знаю, после войны где-то полмиллиона-миллион поляков получили британское гражданство за заслуги перед Коронай. Думаю, наша страна не знала более достойных граждан. Когда мне случается встретить поляка, я сразу проникаюсь к нему расположением.

Вы спросите меня, каково было участие союзников — поляков, чехов, «свободных французов» и греков — в наших сражениях и стоила ли эта помощь всех жертв с их и с нашей стороны. Совершенно очевидно, что их эскадрильи сильно проигрывали по размерам нашему военно-воздушному флоту и составляли лишь малую часть общего целого, но их поддержка была неоценима. Они пришли нам на помощь, все, как один, в наш самый трудный час, когда все вокруг верили, что мы, совершенно не подготовленные к войне, падём жертвой ужасной нацистской тирании и гитлеровской Германии. Наши друзья пришли, несмотря ни на что, и стали для нас лучом света, бесценной моральной поддержкой. Более того, этим своим шагом они показали остальным странам, что многие ещё готовы сражаться с врагом и что захваченные государства ещё не совсем побеждены. Мы должны быть вечно благодарны всем этим людям, которые, кто руководствуясь патриотическими, а кто личными мотивами, приняли это важное решение в отчаянно тяжёлый для них и для нас момент.

В оперативном отношении — хотя здесь меня могут обвинить в пристрастности — поляки сыграли самую важную роль. Дело не только в их численном превосходстве, но также и в том, что благодаря своему профессионализму и храбрости они стали правой рукой наших ВВС как в Европе, так и на Среднем Востоке и постоянно нас поддерживали.

В Каире я первое время жил в отеле «Континентал», а потом стал снимать жильё вместе со своим братом Сэсилом. Мы отыскали дом с видом на Нил напротив спортивного клуба «Газира» и могли из своих окон видеть, как Уолтер Хаммонд играет в крикет.

С братом я встретился совершенно случайно. В первый же день в Каире я обнаружил его на террасе отеля «Континентал» с чашкой кофе. В 1940 году он добровольцем отправился в Финляндию, чтобы противостоять вторжению русских, а когда эта доблестная страна потерпела поражение и вскоре после этого была вынуждена присоединиться к Германии, попал к финнам в плен. Впрочем, благодаря маршалу Маннергейму, с иностранными добровольцами они обращались безупречно. Отработав небольшой срок в Британском совете, Сэсил был эвакуирован в Швецию и трудился там лесорубом. Через несколько месяцев нашему послу в Хельсинки Гордону Верекеру удалось договориться об обмене, и британские добровольцы были переправлены из Швеции домой, в Англию. Кстати, я слышал, что Верекер получил от финнов официальный выговор за то, что напевал русскую «Дубинушку», катаясь по озеру в Финляндии. Его спросили, как бы ему понравилось, если бы какой-нибудь иностранец вздумал во время войны петь «Deutschland über alles», пlying по Темзе.

Сэсил вместе с другими добровольцами вернулся на родину после полного событий двухдневного путешествия на поезде по территории Франции и Германии. Он стал свидетелем необычного для англичанина зрелища, ночной бомбёжки Гамбурга Королевскими ВВС Великобритании, и, проведя ещё шесть месяцев в нейтральной Португалии, добрался наконец до Англии, откуда по поручению Британского совета затем отправился в Египет в качестве директора отделений в Мансуре, Махалле и Минье. Встретить его было настоящей удачей. Сэсил всегда был

приятным в общении. Он легко сходился с людьми и прекрасно устраивался на любом новом месте работы. После войны он женился на Долорес Кавалёфф, финской девушке, с которой познакомился в Хельсинки. У них родились два сына: Джон, учёный-эколог, и Питер, адвокат. Сейчас они оба уже женаты, и дела у них идут хорошо.

В Каире я стал участником двух эпизодов, по которым можно судить о работе нашей «секретной службы». От официанта в отеле «Континентал» я услышал ужасную новость о взятии Тобрука через несколько часов после этого события, то есть раньше, чем весть о нём официально достигла штаба ВВС Среднего Востока. В другой раз я услышал от водителя трамвая, что Черчилля видели в Каире курящим сигару. За ланчем я встретился со своим приятелем, египтологом Эйддоном Эдвардсом, служившим тогда в посольстве Великобритании, и спросил, есть ли в этом слухе доля правды. Он посмотрел на меня с удивлением и посоветовал не верить слухам. Позже я узнал, что тем самым утром сотрудников посольства собрали и велели хранить в строжайшем секрете новости, уже известные водителям каирских трамваев.

Я пришёл к выводу, что во время войны ничего нельзя было долго хранить в секрете, но при этом в обществе ходило столько ложных слухов, что, даже если правда доходила до ушей врага, он вряд ли мог отличить её от вымысла. Лучший тому пример — высадка в Нормандии. Немцам удалось узнать о назначенной операции, но они не могли поверить, что мы собираемся нанести решающий удар, используя для высадки такие неожиданные плацдармы.

В 1943 году, прослужив год в штабе ВВС Среднего Востока, я вызвался поехать в Триполитанию в качестве офицера по связям с гражданской администрацией и населением: там не хватало людей, знакомых с арабским миром. Я был рад уехать из жаркого и пыльного Каира, хотя жизнь там была довольно интересной.

Пройдя собеседование в Администрации оккупированных вражеских территорий, я в начале лета покинул Каир и отправился в Триполитанию, в Триполи. Туда я должен был добираться своим ходом, сначала поездом до Дабы, где была конечная станция, а оттуда по воздуху. Офицер транспортного отдела сообщил, что там меня будет ждать самолёт. Подобно многим другим таким офицерам, он явно поцеловал камень Красноречия. Как водится, меня отправили в путь, даже не дав времени на подготовку, без котелка и провианта, но я питался вкуснейшими похлёбками, сваренными итальянскими военнопленными на безлюдных железнодорожных станциях, а добрые попутчики всегда были готовы поделиться со мной посудой. Каким требовательным становится человек с годами и как приятно вспоминать, что было время, когда я действовал согласно принципу: «Ни суммы не бери на дорогу, ни посоха и не заботься о завтрашнем дне».

Сравнительно просто я добрался до Триполитании: где-то неподалёку от Дабы нашёл судно, везущее военное оборудование в Триполи. Это был старый корабль, служивший в мирное время для доставки замороженного мяса из Ванкувера, и я, оказавшись старшим офицером на борту, должен был убедить капитана кормить этим мясом всех военных, потому что команда отказывалась разделить с нами паёк. В Средиземном море тогда орудовали немецкие подводные лодки, и часть нашего конвоя затонула. Наверное, именно это послужило причиной слуха, что я утонул на подводной лодке — эту новость я услышал от одного коллеги, когда, к его величайшему удивлению, предстал перед ним во плоти.

Глава 11

Триполитания

По прибытии в Триполитанию меня с комфортом разместили в гостинице «Ваддан», освобожденной за день или два до этого Роммелем. В первый вечер я с удовольствием съел приличный ужин под аккомпанемент небольшого гражданского оркестра, игравшего на галерее. Несколькими днями ранее они так же играли для немцев. Я едва закончил ужин, как вдруг началась суровая бомбёжка. Немцы атаковали наш флот на морском фронте и начали бомбить

здания. Некоторые из моих сотрапезников перепугались и устремились в бомбоубежище в подвале, но я успел привыкнуть к воздушным налётам в Лондоне и уверял их, что не происходит ничего страшного и что я лично собираюсь спать в своей кровати. Мои прогнозы не оправдались: одна из бомб угодила прямо в расположенную по соседству мечеть, и мы провели за работой полночи, пытаясь выволочь людей из-под обломков. Да ещё помощь пьяных моряков, затеявших с нами соревнование, отнюдь не облегчала эту задачу.

Моим первым назначением в Триполи была должность помощника полковника Рота, старшего офицера по связям с гражданской администрацией и населением «западной провинции», которая простиралась от Завии до Зуары, что возле границы с Тунисом.

Штаб провинции находился в Сабрате, древнем финикийском городе на берегу моря. Здесь было множество римских руин: храмы, бани, жилые дома и — главное — превосходный театр. Итальянцы восстановили его и ставили там античные пьесы. Должно быть, какой-нибудь добрый ангел-хранитель привёл меня в это божественное место, где прохладными вечерами я мог читать древние надписи, заходить в небольшой музей полюбоваться прекрасной мозаикой с павлинами и рыться в библиотеке, где был хороший выбор античной литературы, а также книг по истории и археологии.

Именно здесь родился император Септимий Север. Он был провозглашён императором во время военной кампании в Паннонии, а умер в Йорке. Нельзя представить себе места более романтического и более наполненного воспоминаниями, затрагивающими прибывшего из Англии. Как и всегда, итальянцы оформили музей и прилегающую территорию со вкусом и изяществом. Посетителей встречал ковёр мезембриантенума, отдых для глаз после окружающего песка, а когда он цвёл, получалась ярко-голубая лужайка.

Мы жили на итальянской вилле. У нас был внутренний двор, вымощенный плиткой, и терраса с видом на море, воды которого плескались у самого дома. До войны здесь была резиденция сицилийского князя по имени Патерно, которому принадлежал расположенный неподалёку рыбзавод «Тунец». Периодически мы выходили в море с огромными сетями для ловли тунца и смотрели, как наши жертвы бьются в своих комнатах смерти, но тунец в сочетании с местными оливками вносил приятное разнообразие в наш ежедневный рацион из мясных консервов.

Самой интересной из наших обязанностей была обязанность распределять зерно среди жителей нашей нуждающейся провинции. Рот мастерски справлялся с этим делом. Он поручил мне провести первое инспектирование зерна в прибрежном районе Джефара, за Зуарой, и это задание показалось мне очень интересным. У меня не было никакого опыта в подобных делах, но мне помогал советом умный и очаровательный человек — Мифта Эль-Аргейб, мэр Сормана, и, думаю, с его помощью я справился неплохо.

Мы решили отправиться в путь на машине и ехать на юг, сколько получится, пока окончательно не застрянем в песке. Затем мы пересели на лошадей, которые были высланы заранее и ожидали нас вместе с двумя верблюдами, несущими большие оплетённые бутылки итальянского кьянти и палатку, где можно было укрыться от палящего полуденного солнца. С нами была комиссия, включавшая четверых слуг, экспертов по оценке ячменя, эксперта по налогообложению и нескольких местных чиновников. Пришло время жатвы, и нам было поручено предварительно оценить урожай для Британской военной администрации. Владельцы всех земельных участков, несколько сотен человек, должны были присутствовать лично или прислать представителя для получения налоговой квитанции.

Мы подъезжали к очередному участку и просили хозяина оценить предстоящий урожай. Хозяева неизменно называли заниженную оценку. Затем эксперты называли свою оценку, обычно завышенную. Мы с мэром Сормана должны были решить, какую цифру считать справедливой. Среди членов комиссии был один старый и опытный человек, который, как я скоро понял, лучше оценивал урожай, чем все остальные эксперты, вместе взятые. Его оценка неизменно была близка к истине, потому что он был не только экспертом, но ещё и честным человеком. Как я это понял? Я просил команду жнецов снимать ячмень с некоторых участков для выборочной проверки. Мы косили, молотили и взвешивали зерно и таким образом за день получили точные данные по многим участкам в Джефаре и дали приблизительную оценку сотням других.

Наш старик, настоящий волшебник, мог также с удивительным мастерством предсказать потери урожая, связанные со ржавчиной. Он проходил вокруг поля и сквозь него, в процессе

проверки пропуская колосья сквозь пальцы, и затем выдавал заключение. Я скоро узнал, что хозяева урожая раздавали свою землю направо и налево — и чтобы обезопасить себя от локальных неудач, и для того, чтобы затруднить оценку. Но методы, которые я описал выше, позволили нам минимизировать возможности для подкупа и фальсификаций, потому что никто из комиссии не знал, когда и где будет проведена следующая проверка. Таким образом, наша пёстрая процессия собрала для администрации все необходимые сведения о первом урожае.

Тогда же я обратил внимание на одно интересное явление. Большая земледельческая равнина, известная как Джефара, постепенно заполнялась песком, и итальянцы несколькими годами ранее заменили стальные плужные лемехи на старые, деревянные. Они не так хорошо резали и позволяли оставить больше местного кустарника, который останавливал распространение песка.

Я успешно осваивался в Триполитании, но через шесть месяцев моя служба здесь была прервана по приказу главы военной администрации, бригадира Мориса Лаша, который хотел, чтобы я возглавил сторожевой отряд в Восточной провинции в одиноком оазисе под названием Хон — возможно, правильнее записывать его как «Хун», — расположенном на границе с Феццаном. Отряд прикрывал Сахару и им руководили итальянцы из форта с огромным гарнизоном, насчитывающим несколько тысяч человек. Наша администрация гордилась тем, что самого факта присутствия британского офицера хватало, чтобы навести там порядок.

Мой перевод из Западной провинции в Восточную включал в себя приятное путешествие через Триполитанию и Хон. По пути я уже не в первый раз посетил прекрасный город императора Антонина, Лептис, или Лепсис-Магна. Прямая мощёная дорога почти в милю длиной идёт от северной границы города к морю, а по обе стороны от неё возвышаются грандиозные здания с колоннадами и надписями, подаренные городу его берберскими покровителями. В одном из магазинов сохранилась мерка римского портного, в другом месте был огромный рыбный рынок. Другим интересным памятником древности была светская уборная под открытым небом, совсем как в Сабрате. Здесь горожане справляли нужду и обменивались утренними новостями. В марте, проезжая мимо развалин двух бордюров, украшенных парой крылатых ангелов, мы увидели прекрасную аллею, идущую вдоль главной улицы, затопленную, словно водопадами, волнами белого ракитника по обеим сторонам. В дальнем конце была дамба грандиозного порта, а на причале ещё сохранились швартовые тумбы.

Неподалёку от Лепсиса находился Злитен, красивый римский город, затенённый переплетающимися виноградными лозами, где итальянцы обнаружили мозаичный пол, изображающий охоту на диких зверей и битву гладиаторов: мужчина с сетью, ретиарий, выступал против воина с мечом.

В Мисурате, где был штаб провинции, я встретился с начальником, а потом направил свой грузовик сквозь пустынный каменистый пейзаж на юг, в оазис Хон.

Преодолеть эти двести пятьдесят километров было непросто: приходилось пробираться сквозь минное поле, границы которого были обозначены отрезком ржавой колючей проволоки, растянутой по земле. К счастью, я неплохо знал дорогу и даже однажды вызвался провести по ней ночью конвой.

Хон и сам был усеян минами — их оставили итальянцы, прежде чем эвакуироваться, — и жить здесь было довольно опасно, этот факт я однажды смог обернуть себе на пользу. Из штаба в Триполи пришло сообщение: они интересовались состоянием аэродрома. Какой-то высокопоставленный офицер пожелал нанести мне визит, несомненно, в сопровождении должного количества подчинённых, но я не хотел, чтобы меня беспокоили в моём убежище: я прекрасно справлялся с руководством без постороннего вмешательства. Я ответил телеграммой: «Аэродром Хона заминирован с трёх сторон, с четвёртой — кладбище». В принципе, это было близко к правде. Больше незваные гости мне не докучали.

Мне очень нравилась планировка города. Это был маленький аккуратный оазис. Мой дом и штаб располагались со стороны Феццана, в конце длинной улицы, усаженной по краям олеандрами. Я прекрасно жил там в одиночестве и без охраны, пока какой-то офицер в Триполи, не посоветовавшись со мной, решил, что меня должен охранять отряд полицейских. В первую ночь на посту недалеко от моего офиса стоял молодой полицейский из Триполитании — верх бдительности. Как-то раз я неожиданно вышел из офиса, и он выстрелил прямо в меня с

расстояния двенадцати ярдов, но, по счастью, оказался плохим стрелком, и пуля просвистела у меня над плечом, не причинив вреда.

Хон был расположен между двумя другими оазисами: Сокной в четырнадцать милях к западу и Вадданом на таком же расстоянии к востоку. Ваддан — это древняя берберская крепость. В расположенном там замке много лет назад археологи нашли несколько массивных золотых туарегских украшений.

Жители Хона и Ваддана были довольно приятными людьми и почти не доставляли мне беспокойства, но больше всего мне понравились обитатели Сокны. Удивительно, но хотя Ваддан и Сокна были, как я уже говорил, всего в двадцати восьми милях друг от друга, их жители не общались уже лет десять. Причиной невероятного отсутствия контакта между двумя населёнными пунктами, первыми обитаемыми точками в двухстах пятидесяти милях от побережья, была давняя кровная вражда. Оказывается, когда здесь у власти были итальянцы, дюжину человек из Хона подвергли пыткам и казнили за участие в тайном сговоре, а на жителей Сокны, справедливо или нет, легло обвинение в доносе. С тех пор между двумя оазисами и прекратилось всякое сообщение.

Во время моей жизни в Хоне произошло одно драматическое событие, затмившее собой все остальные. Всё произошло в результате спора за источники между двумя племенами, которым принадлежали примыкавшие друг к другу пастбища: племенем Мегара, насчитывающим около восьми тысяч человек и живущим немного западнее, и племенем Авлад-Сулейман, гораздо меньшим по численности и родственным жителям Сокны. К моменту нашего прибытия в Триполитанию этот спор за право на воду продолжался уже как минимум лет двадцать, выигрывала то одна сторона, то другая, и теперь дело собирались передать на рассмотрение Верховного суда в Риме. Я тогда был безрассудным и неопытным и полагал, что смогу решить эту проблему с помощью французских властей, которые контролировали соседнюю территорию, где проживало племя Мегара. Авлад-Сулейман жили на земле, подконтрольной британцам. Мне казалось, что если оба племени увидят, что британцы и французы достигли полного согласия по вопросу, касающемуся как властей, так и местных жителей, то примут наше решение.

Я провёл много недель за планированием совещания в Хоне, на которое решил пригласить шейхов всех заинтересованных племён. Роль судей предстояло играть мне и французскому офицеру из оазиса, где было много людей из племени Мегара. Моим французским коллегой был молодой и довольно развращённый лейтенант, весьма тяготившийся жизнью в изгнании в этом богом забытом месте. Единственным, что делало его жизнь более или менее сносной, было сожительство с местной женщиной, но я постарался донести до него, как важно положить конец этой многолетней вражде, а его полковник, прекрасный и отзывчивый человек, чьё имя я забыл, назначил лейтенанта ответственным.

В течение нескольких дней представители племён стягивались в Хон. С собой они привели около сотни верблюдов. Дождавшись прибытия всех заинтересованных участников, я собрал их вместе и дал им два или три дня для обсуждения вопроса между собой и выработки приемлемого решения. Я сказал, что после принятия решения им следует прийти ко мне, мы с французским офицером поставим печати под договором, и тогда он вступит в силу. В конце я добавил, что если они не смогут прийти к соглашению, то мы сами примем решение, определим расположение источников и условия их использования. Я подчеркнул, что наше решение, спущенное сверху и, возможно, менее приятное, будет тем не менее окончательным.

В течение трёх дней представители племён дискутировали в жарком зале для собраний, но к решению не приблизились ни на шаг. К концу третьего дня до меня дошли слухи, что более крупное племя Мегара собирается сбежать из Хона, чтобы не попасть ко мне на суд. Тогда я запер всех их верблюдов и, таким образом, отрезал пути к отступлению: они не могли уйти без своих драгоценных животных.

К этому времени вся ситуация начала внушать мне беспокойство. Мой французский коллега до сих пор не появился, и это было серьёзной проблемой, потому что успех операции напрямую зависел от демонстрации согласия между англичанами и французами.

Я уже отчаялся, когда в двенадцатом часу объявился мой равнодушный коллега. Я тут же показал ему мой план распределения драгоценной воды и доступа к источникам: некоторые доставались племени Мегара, некоторые — Авлад-Сулейман, а некоторыми им предстояло

пользоваться совместно. Молодой француз был неглуп и прекрасно понимал ситуацию, но был настроен весьма цинично. Его отношение к происходящему можно было выразить одной фразой — *je m'en fiche*⁷¹. Он сказал, что готов уже на следующий день подписать со мной вместе договор в присутствии всех собравшихся.

Зал суда был полон, и после того, как главные шейхи обоих племён заявили, что не смогли договориться, я попросил своего переводчика зачитать англо-французскую резолюцию. Заслушав наш вердикт, старейшина племени Мегара заявил, что отказывается от должности, так как не может предстать перед собственным племенем после подписания подобного договора. «Прощение об отставке отклонено, — ответил я, — вы будете следить за исполнением этого указа».

Я объявил, опять же с согласия французского офицера, что если члены племени Мегара не согласны с вынесенным приговором, они смогут обжаловать его у главы администрации в Триполи, бригадира Лаша, и его слово будет уже последним. Пытаясь найти справедливое решение, я советовался с несколькими независимыми авторитетами, мудрыми стариками из Хона и Мисураты, и когда мой предшественник, Пикард Кембридж, уже живший в то время на территории племени Мегара, назвал мой вердикт пристрастным, я смог сослаться на их независимое мнение.

Узнав условия договора, главный шейх меньшего из племён, Авлад-Сулейман, вечно притесняемого более многочисленным племенем Мегара, сказал, что теперь я его друг на всю жизнь. Шейх огорчился, когда я объяснил, что не могу принять от него никакого подарка, даже овцы. Любопытно, что я без труда понимал диалект этого племени, хотя смешанный арабский, на котором говорили в Триполитании, был мне незнаком. Мне стало интересно, почему я так спокойно разговариваю с представителями племени Авлад-Сулейман. Я навёл справки и выяснил, что это племя за двести или триста лет до того пришло в эти края из Неджда и говорило на диалекте арабского, к которому я привык в Уре. Многие из наших рабочих даже были в близком родстве с недждцами. Языки арабских племён сохраняются благодаря женщинам, на протяжении первых четырёх или пяти лет жизни воспитывающим детей в гаремах и прививающим им традиционную манеру речи. Это позволяет сохранять чистоту племенных диалектов.

Менее чем через месяц после совещания в Хоне наш совместный англо-французский вердикт был утверждён бригадиром Лашем в Триполи, и я получил официальные поздравления. Не могу сказать, насколько я их заслужил, потому что не имею ни малейшего представления, как долго племена соблюдали условия договора и как там обстоят дела сегодня. Дело в том, что арабские племена не выносят, когда власти вмешиваются в их споры за воду и земельные участки, и чаще всего предпочитают продолжать споры.

Несмотря на это, в конце концов я наладил дружеские отношения даже с шейхом племени Мегара, которому нанёс тяжкую обиду. Несколько месяцев спустя, когда я уже занимал пост советника по арабским вопросам в Триполи, он нанёс мне визит и спросил, не могу ли я обменять крупную сумму в вышедших из употребления итальянских деньгах на новые денежные знаки, выпущенные Британской военной властью. Хотя срок обмена давно прошёл, я убедил начальника нашей финансовой службы обменять деньги и провёл нашего мегарского шейха в начало длинной очереди. Такое отношение к нему произвело впечатление, и больше он нас не беспокоил.

Во время визита шейха я слетал на самолёте проверить спорные источники и, попросив его задержаться в Триполи ещё на одно утро, сказал, что полностью удовлетворён и не заметил никаких нарушений. Это были последние дни британской «империи», когда наши указы ещё соблюдались.

Примерно через год меня выслали из Хона, и я покинул его с сожалением, потому что там у меня уже было много друзей. Но всё-таки жизнь там была довольно одинокой, и мне не хватало общения на родном языке. Я был рад, что моим преемником стал один из моих друзей, капитан Фрэнклин Гарднер, весьма сочувствующий арабам человек. Не сомневаюсь, что именно по настоянию Фрэнклина главную площадь Хона назвали в мою честь — «Майдан Милван». Вскоре, правда, власть сменилась, и это название ушло в прошлое.

⁷¹ Мне абсолютно наплевать (*фр.*)

Я уже не служил в Хоне, когда город оказался в серьёзной опасности: там нашли нефть, однако, наверное, к счастью, проверка показала, что бурить там скважины невыгодно и что единственное месторождение, которое имело бы смысл разрабатывать, находится в окрестностях Себхи, в регионе Феззан. Оттуда стали качать нефть на побережье. Разумеется, обогащение Ливии в результате интенсивного бурения не могло не затронуть жизнь когда-то простых и безыскусных жителей Хона, Сокны и Ваддана. Население стало стягиваться в крупные города на побережье, и сейчас оазисы практически заброшены. «*Augum irrepertum sic melius situm*» («Невыкачанная нефть — самая лучшая»), как сказал бы сегодня Гораций.

После отъезда из Хона в 1943 году меня временно направили в прибрежный город Мисурату, где я замещал на посту бывшего в отпуске полковника Оултона. После аскетичной жизни в Хоне было приятно оказаться в сравнительно цивилизованном городе, но я с трудом выносил бумажную работу, необходимую для функционирования большой и сложно устроенной административной структуры. Особенно мне запомнился один пикантный эпизод. Сын лорда Гоури, бывшего генерал-губернатора Австралии, пал в бою и был похоронен на военном кладбище, расположенном на побережье, в миле или двух от Мисураты. Отец пожелал иметь фотографию могилы сына, и это дело было поручено капралу из Триполи. На беду, капрал обнаружил, что с многих могил кто-то убрал деревянные кресты, и сообщил в Триполи, что могилы осквернены. Новости дошли до ушей фельдмаршала Джамбо Уилсона, главнокомандующего в Каире. Фельдмаршал приказал немедленно найти и наказать виновных и представить отчёт в течение сорока восьми часов. Бригадир Трэверс Блэкли был тогда главным в Триполи, и мне без лишних церемоний приказали во всём разобраться и представить доказательства, что я принял эффективные и должные меры.

Съездив на кладбище, я убедился, что некоторые деревянные кресты действительно исчезли, но не заметил ничего, что могло бы считаться осквернением могил. Дело в том, что племенам, кочующим в этих местах, отчаянно не хватало дров. Всё до последней веточки унесли с собой разнообразные армейские подразделения, которые останавливались здесь, отправляясь на битву или возвращаясь с неё, и, в частности, Пятая индийская дивизия. Это совершенно не удивительно, потому что сражаться им приходилось по страшному холоду, и часто им не хватало топлива на ночь. Они даже сняли деревянные двери с пустующих домов и срубили деревья, все до единого. Бедные местные жители остались совершенно без топлива. Я уверен, что, снимая кресты с могил, они не отдавали себе отчёта в том, что делают что-то дурное. Вряд ли они были знакомы с христианской традицией погребения.

Тем не менее я понимал, что подобным преступлениям следует положить конец. Убедившись в том, что пастбища в этой части муниципалитета Мисурата принадлежат двум определённым племенам, владеющим верблюдами, я вызвал шейхов этих племён к себе в офис.

Мы устроили заседание, на котором, кроме шейхов, были шесть британских офицеров — сколько мне удалось собрать, — и в присутствии выдающегося ливийца, Садика Мунтассера, который был нашим советником, а много лет спустя служил послом Ливии в Вашингтоне, я выступил с торжественной речью. «Вам следует знать, — сказал я, — что храбрый сын одного из выдающихся сынов Англии пал в бою и покоится на военном кладбище у моря, у границы Мисураты. Крест с его могилы, как и другие кресты, был, несомненно, унесён вашими соплеменниками, а вы знаете, что Коран, по слову вашего Пророка, запрещает осквернять любые захоронения». В зале раздался согласный ропот. «Я торжественно заявляю в присутствии всех этих офицеров, что отныне вы сами будете следить за тем, чтобы в вашем муниципалитете не совершались подобные преступления. Оба ваших племени заплатят мне коллективный штраф в размере одного миллиона лир в семидневный срок. В противном случае вас ждёт серьёзное наказание». Шейхи, пристыженные, покинули мой офис.

Я стал ждать, чем же кончится дело, а тем временем официальные лица позвонили из Триполи узнать, что я предпринял. Выслушав мой отчёт, они запаниковали. «Что вы станете делать, если они не заплатят?» — «Я подумал об этом, — ответил я. — Нет ничего проще. Мясо в муниципалитете сейчас в большом дефиците и так дорого стоит, что за одного верблюда дают полмиллиона лир. Я могу поехать к племенам и изъять двух верблюдов». Этого не потребовалось. Через четыре дня миллион лир — в основном в перепачканных банкнотах — был у нас в офисе, и ещё несколько дней нам понадобилось, чтобы его пересчитать. Я встроил в стену сейф и запер всё

там. Когда прошло шесть месяцев, а новых нарушений не случилось, я вернул деньги назад. Уже позже я узнал, что шейхи, никогда раньше не слышавшие о коллективных штрафах, решили, что это отличный способ добывать деньги, и мне стоило некоторых усилий убедить их, что не стоит это делать по собственному почину.

Проведя несколько месяцев в Мисурате, я получил должность советника по арабским вопросам в Триполитании, сменив на этом посту майора Кеннеди Шоу, ранее служившего в Группе дальней разведки пустыни. Отслужив пять лет за границей, майор наконец-то возвращался домой. Следующий год я провёл среди администрации высшего звена и в итоге был назначен заместителем главного секретаря, получив звание подполковника авиации.

Работа, которую я выполнял в Триполи, позволила мне взглянуть на страну в целом, но всё же мне больше нравилось вести дела в провинциях в более скромном качестве. На новом посту мне не хватало кочевников, мелких землевладельцев, крестьян, бесхитростных сельских жителей. Вначале, когда британцы только пришли в эти места, в наших отношениях с местными жителями был настоящий «медовый месяц». Нас считали освободителями: мы прогнали ненавистных итальянских «империалистов», руководивших страной с 1911 года, после того как в свою очередь вытеснили турок-османов.

Говоря о наших предшественниках, сложно вынести им справедливый приговор. Итальянцы много сделали для страны: наладили управление, занимались развитием Триполи и других, менее крупных городов, налаживали торговлю в относительно непривлекательном в этом смысле районе Африки. В то время здесь ещё не нашли нефть, и не было никаких надежд на радикальное улучшение экономической ситуации. Прекрасно это понимая, итальянцы не жалели сил на поддержку сельского хозяйства и бурили артезианские скважины. Они развели множество новых садов и увеличили производство оливкового масла, следили за состоянием пальмовых рощ и предотвратили сокращение численности пальм, ограничив производство «легби». «Легби» — это алкогольный напиток, получаемый в результате брожения сока пальмы, а сбор сока иногда приводит к гибели деревьев.

В прибрежных районах итальянцы устраивали фермы двух видов. Одни были в частной собственности у опытных итальянских фермеров, другими занималось государство. На государственных фермах — они назывались «энте»⁷² — дела шли хуже. Некоторые «энте», небольшие земельные участки, Муссолини передавал разным отбросам общества, которых хотел выслать из Италии. Многие подобные хозяйства быстро обанкротились и были оставлены хозяевами, а пустующие дома и заброшенные поля остались напоминанием о несработавшей схеме.

Среди достижений итальянского правительства — установление правовой системы, основанной на итальянском своде законов. Дела рассматривали итальянские судьи. Суды работали честно, но, судя по всему, не было сделано ни одной попытки как-то объединить свод законов, полностью основанный на римском праве, с привычным для страны африканским племенным кодексом, или хотя бы найти компромисс между двумя системами. С другой стороны, основное, за что критикуют итальянскую власть, — это то, что за тридцать лет режима не было сделано ничего, чтобы привлечь к управлению коренных жителей.

Большой заслугой итальянцев я считаю то, с каким вниманием и заботой они отнеслись к поддержанию древних городов и исторических памятников, в первую очередь Лептиса, Триполи и Сабраты. Также они произвели несколько важных раскопок, положивших начало интенсивной исследовательской работе в этих местах. И в заключение стоит отметить тонкий художественный вкус, с которым были оформлены памятники Лептиса и Сабраты, — с искусным использованием возможностей ландшафта.

Последним и далеко не самым лёгким заданием, которое я получил, прежде чем срок моей службы в Триполи подошёл к концу, было провести полную ревизию зарплат арабских и берберских чиновников, в том числе служащих судов и кади. Я справился с этой работой меньше чем за три месяца. Мне помогал молодой офицер финансовой службы, которого, если я правильно запомнил, звали Падфут. Падфут был человеком здравомыслящим и прекрасно умел обращаться с цифрами. Моей задачей было проследить за справедливым присуждением премий,

⁷² Учреждение (*um*).

учетом мнения старших офицеров в провинциях, чтобы люди, занимающие те или иные посты, пользовались должным уважением и чтобы все изменения зарплат основывались на честных и мотивированных подсчётах. Госслужащим уже давно следовало поднять зарплаты, и если бы правительство не осознало, что меры нужно принять срочно, могли бы начаться проблемы, и причем серьёзные. Теперь же мятежей удалось избежать: сознание, что начинают проводиться реформы, заставило потенциальных бунтовщиков замолчать. Собирая необходимые сведения, мы объехали несколько провинций, и мой опыт службы за пределами Триполи очень пригодился.

Хоть мы и принимали во внимание общественное мнение, пересматривая систему зарплат в стране, все госслужащие были оценены согласно занимаемой должности, в каком бы населённом пункте они ни работали, без поправки на высокую стоимость жизни в более крупных городах. При подсчётах нужно было учесть множество факторов, но мы справились с задачей, к общему удовлетворению, просто немного подняв всем жалование. Сегодня такая прибавка вызвала бы только возмущение, но в те годы арабские служащие приняли её с искренней благодарностью.

Во время недолгой службы старшим офицером по связям с гражданской администрацией и населением в Сук-Альджуме мне удалось поучаствовать в разгоне действия, которое должно было обернуться массовым походом на Триполи. Раньше, чем подстрекатели успели организовать шествие, нам с небольшой помощью полиции удалось разогнать начавшую собираться толпу, причём без единого ареста.

Также во время службы в Сук-Альджуме мне посчастливилось спасти Триполи от еще более серьёзной опасности. Мне доложили, что в одном из домов человек заболел чумой, и я безотлагательно пошёл разбираться. Дом оказался большой и невероятно грязной постройкой из сырцового кирпича. Чтобы предотвратить распространение заразы, всё здание вместе с мебелью и постелью следовало сжечь, а обитателей на какое-то время изолировать. Этот метод может показаться слишком радикальным, но зато больше уже никто не заболел чумой, а это вполне могло случиться, если бы мы медлили. Зараза может быстро распространиться в крупном торговом городе, в центре которого каждую пятницу собираются тысячи человек.

Наконец мне пришла пора отправляться домой после трёх лет службы в дальних странах. Я очень устал и с нетерпением ждал дня отъезда.

Я улетал из аэропорта «Кастел-Бенито». Моё комфортное отправление из Триполитании разительно отличалось от неприятного прибытия — я въезжал сюда через огромный транзитный лагерь в Киренаике, где даже не было питьевой воды. Мы приземлились на Сицилии. Нас встретил разорённый, обветшалый и потрёпанный Палермо. Многие храмы пострадали в результате беспорядочных американских бомбёжек. Мы были в форме Королевских ВВС Великобритании, и наше появление ни у кого не вызвало энтузиазма. Затем мы полетели в Англию и сели в Суиндоне. Стоял весёлый месяц май, и первым, что я увидел, выйдя из самолёта, были высокие конские каштаны, радостно поднявшие к небу свечи своих соцветий, чтобы приветствовать вернувшегося домой солдата. Небо наконец-то было скрыто облаками. Как же я соскучился по облакам под вечно синими небесами Ливии! Это было совершенно незабываемое возвращение домой. Оно напомнило мне одно стихотворение Гейне, которое часто приходит мне на ум в это время года:

Чудесным светлым майским днём,
Когда весь мир в цветенье, —
В душе моей раскрылась
Любовь в одно мгновенье...⁷³

Шатаясь под весом вещевого мешка, с помощью доброго попутчика я добрался до квартиры на Лон-роуд, в Хемпстеде, которую мы сняли в начале войны. Чудесным образом там оказалась Агата. Она не ждала меня, но как раз за несколько минут до моего прихода вернулась из Уэльса, где гостила у Розалинды. Так мы встретились вновь после долгой и тяжкой разлуки. Думаю, Агате выпала более трудная военная служба, чем мне: она работала фармацевтом в больнице Университетского колледжа в Лондоне, и не раз ей приходилось пробираться по городу среди

⁷³ Пер. В. А. Зоргенфрей (1882–1938).

планирующих авиабомб. Как бы то ни было, Бог был милостив к нам обоим, и нам довелось испытать ни с чем не сравнимую радость воссоединения.

О последних шести месяцах военной службы, прошедших до моей демобилизации в 1945 году, рассказывать почти нечего. Оставшееся время я служил в Министерстве ВВС под началом коммодора авиации, который показался мне достаточно неприятным человеком. Его ум и такт, как мне казалось, сильно отставали от его храбрости. Со мной работали несколько очаровательных представительниц Женской вспомогательной службы ВВС, в частности, офицер лётно-подъёмного состава Элисон Уолтерс, которую, к сожалению, я потом потерял из виду, и офицер административно-хозяйственной службы, которая, получив от коммодора авиации приказ выдать прославленному иностранному офицеру несколько сотен талонов на одежду, решительно, к её чести, отказалась повиноваться. Офицер самого низкого из возможных рангов, она не испугалась ярости могущественного коммодора.

По случаю демобилизации в Аксбридже мне подарили гражданский костюм превосходного качества, и я принял эту награду с благодарностью.

Часть 3

Агата (1930–1975)

Глава 12

Личность Агаты

Демобилизовавшись, я снова приступил к работе над книгой о Браке и Шагар-Базаре: она была написана лишь наполовину, когда разразилась война. Как и раньше, значительную часть работы я делал в Гринвее, в Девоне.

Наш белый дом стоит на небольшом плато над рекой. Перед ним поднимается крутой травянистый берег, позади него темнеют хвойные деревья. Благодаря мягкому климату здесь рай для магнолий и рододендронов. Могучие дубы закрывают дом со стороны реки, а неподалёку расположен обнесённый стеной сад камелий с одним пробковым дубом. По одну сторону подъездной аллеи выстроились буки, которым насчитывается по полторы сотни лет, с другой растут эукрифии, магнолии, рододендроны и азалии. Общая площадь имения составляет тридцать пять акров, и ещё никто из посетителей не устоял перед очарованием этого небольшого райского сада.

Агата, гений в области оформления домов, сделала Гринвей действительно прекрасным местом. Вспоминая счастливые дни, которые мы провели здесь вместе, я должен рассказать немного о своей семейной жизни и посвятить несколько глав Агате и её писательской карьере.

С самых ранних лет Агате была свойственна неуловимость — защита против настойчивого любопытства, врождённая броня, от которой любые расспросы отлетали, как от настоящей брони отлетают стрелы. И, несмотря на это, она рассказала о себе больше, чем большинство писателей: написала пространные мемуары, пока не опубликованные, и роман под псевдонимом Мэри Уэстмакотт, озаглавленный «Неоконченный портрет», где мы становимся свидетелями многих глубоко личных впечатлений её жизни с раннего детства и до начала среднего возраста. Роман не относится к лучшим произведениям Агаты, потому что в нём, в порядке исключения, реальные люди и события перемешались с воображаемыми. Только посвящённым известно, какие именно из описанных в романе событий имели место на самом деле, но в Селии мы видим наиболее точный портрет самой Агаты.

С первых дней жизни Агата купалась в любви двух преданных родителей. Воспитывала её мать, наделённая исключительным воображением и служившая постоянным источником вдохновения. Дом Агаты был уютным гнёздышком, где заправляла старушка-няня, проповедовавшая самые благородные нравственные стандарты и традиционные суждения, которые порой было сложно примирить с действительностью.

В романе «Неоконченный портрет» ребёнка зовут Селия, и нам даётся уникальная возможность понаблюдать украдкой за её счастливой детской жизнью, увидеть ткань её юности, в которой реальность смешивалась с мечтами. Частью реальности была, например, большая, величественная кухарка, пекущая вкуснейшие булочки с патокой, и самостоятельное изучение азбуки. Мать считала, что не стоит обучать детей чтению слишком рано, по крайней мере до шести лет, но Агата к пяти годам сама разобралась, что к чему, и научилась читать, просто глядя на разные слова, а не изучая их по буквам. «Няня, скажи: это слово 'скупой' или 'жадный'? Я забыла». Правописание Агате давалось с трудом, но она ворвалась в новый мир — мир эльфов, домовых, троллей, — а реальная жизнь занимала её меньше. Скоро девочка уже жила в мире фантазий, населённом плодами её собственного воображения. В этих играх был элемент секретности, отчего они становились ещё интереснее и веселее. Однажды Агата позволила няне узнать о существовании компании, главными персонажами которой были миссис Бэнсон и Котятя, а та выдала секрет. Агата услышала, как няня открыто рассказывает о её тайной игре, пришла в

ужас и больше никогда никого не допускала в свой волшебный мир фантазий. Отец обучил Агату элементарной математике и обнаружил у неё математический склад ума. Думаю, что это качество — способность как к синтезу, так и к анализу — находит отражение в книгах Агаты, в том, как чисто разрешаются самые запутанные сюжеты. Агата в основном была на домашнем обучении, разве что однажды непродолжительное время посещала уроки арифметики. Думаю, что в этом смысле она не была исключением: в то время многие девочки из хороших семей обучались дома. Необычным было то, что она вообще не получала формального образования, пока не отправилась в пансион для девушек в Париже. Я думаю, не исключено, что, если бы её отдали в школу и втиснули в беспощадное прокрустово ложе образования, это не принесло бы ей ничего, кроме вреда. Школа стала бы препятствовать естественному творческому порыву и загонять в рамки свойственное Агате удивительное воображение.

В «Неоконченном портрете» показаны две характерные черты, присущие Агате и её матери: внутренняя чувствительность и интуитивное понимание вещей, недоступных простым смертным. Сложно сказать, было ли живое воображение следствием или причиной этих черт.

Мама Агаты призналась, что в юности, совершенно в духе викторианской моды, она развлекалась тем, что представляла, как лежит на диване и умирает от неразделённой любви. «Все эти фантазии... Это было так глупо, но, не знаю, почему-то помогало!» Не менее характерен эпизод, произошедший, когда маленькая Агата была на экскурсии в горах возле Котеретса. Когда все уже сидели на мулах и собирались отправиться в обратный путь, погонщик приколол к её шляпе живую бабочку, машущую крыльями. Крупные слёзы текли по её лицу всю дорогу домой, и никто не мог понять, что случилось. Агата словно оцепенела. Она хранила мучительное молчание и не могла открыть причину своего огорчения, потому что боялась обидеть гида. Плачущую, её отвели к матери, и та моментально поняла, в чём дело, и отцепила бабочку от шляпы. О, какая радость, какое облегчение, что не нужно ничего объяснять! Мне кажется, Агата так и не избавилась от своей внутренней застенчивости, и это качество помогало ей понимать других людей, таких же застенчивых, как она сама. Эта способность сочеталась в ней с живым воображением.

Образование, полученное Агатой в Париже, вывело на первый план её любовь к музыке. Способности и техника игры позволяли девочке достичь профессионального уровня: она была готова проводить за инструментом по шесть часов в день и исключительно хорошо играла Брамса, Бетховена и Моцарта. Но хотя наедине с собой Агата была превосходным исполнителем, когда дело доходило до выступлений на публике, она волновалась и совершенно теряла самообладание. Проницательный учитель музыки скрепя сердце объяснил, что лучше ей отказаться от мысли стать профессиональной пианисткой, потому что артисту недостаточно быть хорошим исполнителем, он должен обладать темпераментом, чтобы увлечь слушателей за собой.

Любопытно, что стеснительность, свойственная Агате-пианистке, полностью исчезала, когда ей приходилось петь. Пела она без малейших признаков волнения и была абсолютно уверена в себе. У Агаты было чудесное сопрано, и она могла бы, наверное, стать профессиональным концертным исполнителем, тем более что она была исключительно красивой девушкой — светлокожей, голубоглазой, по-скандинавски светловолосой, обаятельной и с привлекательной внешностью. Агата считала, что голос не был частью её существа, что он находился вне её, был безличным, и поэтому она нисколько его не стеснялась. Её заветным желанием было стать оперной певицей, но учителя дали ей понять, что её голос недостаточно силён для оперы. От этой артистической карьеры также пришлось отказаться. Но, несмотря на грёзы об искусстве, Агата была реалисткой и смогла здраво оценить свои возможности. Этот здравый смысл очень ей пригодился, когда она в конце концов встала на карьерный путь, для которого и была предназначена.

В Париже Агата сочетала музыкальное образование с посещением художественных галерей и с уроками живописи. Принудительные походы в Лувр, несмотря на любовь к цвету и форме, вызвали в ней отвращение к старым мастерам, которое она смогла преодолеть только много лет спустя. Это лишний раз доказывает, что формальное образование могло нанести ей только вред. У Агаты не было способностей к живописи: она не могла разглядеть тень от цветка и не понимала, зачем раскладывать его на составляющие и подвергать ботаническому анализу.

После Парижа Агата вернулась в Девон, в свой любимый дом, Эшфилд, безмятежный рай с его высокими буками, зелёными лужайками и небольшой рощей. Её мать, обедневшая после смерти

отца, была теперь стеснена в средствах, но жила сравнительно комфортно, и Агата нигде не ощущала такого счастья и гармонии, как в её компании. Кое-как удалось найти денег на сезон в Египте, и там Агата смогла хотя бы отчасти преодолеть свою природную робость. С ними в Эшфилде провела свои последние годы викторианская бабушка Агаты. Ей было девяносто девять лет. Она была властной, зорко следила за своим имуществом, была непоколебима в убеждениях, твёрдо знала, что хорошо, а что плохо, любила командовать, была доброй, но непреклонной, была предана своим родным, но частенько критиковала их действия. Агата оставила нам точный портрет этого замечательного персонажа, типичной представительницы середины Викторианской эпохи, воспроизведённый с любовью и юмором.

Итак, Агате было за двадцать, и она счастливо жила в Эшфилде. До нас дошёл список поклонников — богатых, вполне состоятельных, бедных, как церковные мыши, — искавших её руки. Она отличалась сияющей красотой и естественным очарованием, ей были свойственны чувство юмора и доброта. В конце концов она обручилась со своим верным товарищем, доброй душой, мягким и неторопливым человеком. С ним её ждало надёжное и спокойное счастье. В книге этот молодой человек носит имя Питер Мейтланд. Он изображён как мягкий и скромный человек, считающий себя недостойным своей невесты — так он объяснил матери Агаты. «Не будь слишком скромным, женщины этого не ценят». Молодой человек был военным, и ему предстояло на два года вернуться в Индию. Он решил, что будет справедливо дать Агате возможность найти более достойного жениха. Агата же хотела, чтобы они поженились немедленно. «Если бы ты действительно меня любил, ты женился бы на мне сейчас же и взял бы меня с собой». — «О, любимая, моя любимая малышка, разве ты не понимаешь, что я поступаю так потому, что очень тебя люблю?» Пятнадцать месяцев спустя она вышла за другого.

Началась война 1914 года. За Агатой стал ухаживать своенравный лётчик, очень обаятельный и крайне решительный человек, привыкший добиваться своего. Это был стремительный роман. Во время войны сложно было что-либо загадывать, лётчика могли убить в любой момент, и очень скоро они поженились. Питер принял эту новость с грустью, но без обиды. Он трогательно признал своё поражение. Агата отказалась от шанса на прочное счастье и променяла его на захватывающее чувство приключения. Обаяние Арчи, его привлекательность, ум и решительность производили впечатление на всех, кто был с ним знаком, но мать Агаты встревожилась, моментально разглядев в его характере определённую долю жестокости. Будущее дочери вызывало у неё опасения, потому что она очень хорошо знала ранимую и чувствительную натуру Агаты, не созданную для того, чтобы стойко принимать удары судьбы и терпеть несчастье. Арчи (в книге его зовут Дермот) был ошеломлён её красотой. «Селия, ты такая красивая, такая красивая! Обещай мне, что всегда будешь красивой». — «Но если бы я не была красивой — ведь ты любил бы меня точно так же?» — «Нет, не совсем. Не точно так же. Обещай мне, скажи, что всегда будешь красивой...»

В «Неоконченном портрете» ярко описаны счастливые годы замужества, радость построения планов и постепенный рост благосостояния, скромность и невероятная застенчивость Агаты, проявлявшиеся, когда ей приходилось разбираться с домашней прислугой, рождение дочери, столь же практичной и реалистично глядящей на вещи, как и её отец, и совершенно не унаследовавшей живое воображение матери. Через какое-то время между супругами встал нелепый барьер — игра в гольф, повлекшая за собой несовпадение интересов. Это развлечение заняло выходные и положило конец прошлым весёлым субботам в компании друг друга, и даже воскресеньям. Думаю, игру в гольф следовало бы упомянуть в общественном договоре — в слабой надежде, что этот вид досуга удастся как-нибудь усовершенствовать или модифицировать. В те дни, о которых идёт речь, бытовало мнение, что мужчины видели в своих жёнах только домохозяйек и соседей по постели. Теперь же, с появлением феминизма, мы видим другую расстановку сил. Как бы то ни было, гольф был началом конца, и только прочтя книгу Агаты, я понял наконец, почему она с таким жаром вытаскивала из меня обещание никогда не играть в эту игру.

Для Агаты, как и для большинства жён, товарищеское общение в браке было необходимым элементом счастья. Ей было важно делиться впечатлениями и чувствами, делиться радостью. Её мужу, Арчи, было достаточно получать удовольствие от того, что делаешь. Он считал, что как-то нелепо и неловко постоянно говорить о своих чувствах. Дружескую беседу и непосредственное

веселье в гостях он называл глупым поведением, хотя сам обладал живым чувством юмора. Но причиной расставания стала именно потеря товарищества. Агата попробовала себя в писательстве. Эти ранние, совсем ещё сырые истории, действие которых происходило в Уэльсе, были от начала и до конца плодом её воображения. «Может, тебе попробовать писать о том, в чём ты разбираешься? — таков был совет мужа. — Или сначала попробовать разобраться. Ты же ничего не знаешь об Уэльсе». Более проницательный потенциальный издатель высказал противоположное мнение. «Вы — прирождённая рассказчица, — сказал он. — Вы можете заставить читателя поверить во что угодно. Лучше пишите о мире, о котором ничего не знаете». Это был правильный совет, и скоро Агата уже прилично зарабатывала детективными историями. Поначалу она писала, чтобы спастись от скуки, сбежать из реальности — это желание было порой столь же сильным, как и желание отправиться в путешествие — в Персию, в Исфахан и в Шираз, даже в Белуджистан. Но в такие далёкие края, считала она, ей никогда не удастся поехать. И всё же это была простая неудовлетворённость, обычное дело для большинства браков. Агата и подумать не могла о жизни без мужа, в браке с которым она прожила одиннадцать лет и от которого девять лет назад родила любимую дочь.

Внезапно грянул гром. Агата была в отъезде, когда умерла мать, которую она так любила и на которую так полагалась. Сестра просила Агату приехать как можно скорее, но та всё равно не успела проститься. Она ехала в поезде в сторону дома, как вдруг почувствовала уверенность, что мамы больше нет — абсолютный холод и одиночество. Агата посмотрела на часы. Позже она узнала, что мать её действительно умерла в это время. Кроме ужасающего чувства одиночества, на плечи Агаты легла печальная и трудная задача — освободить дом в Девоне от хлама, копившегося не одно поколение. Именно в это время Арчи страстно полюбил другую женщину.

Есть один мрачный и грустный закон жизни: беда не приходит одна. Убедиться в его правдивости довелось и Агате. Она была полностью захвачена горем своей потери, когда Арчи сообщил, что полюбил другую и пути назад нет. Новость стала для Агаты неожиданным, сокрушительным ударом: она абсолютно ни о чём не подозревала. Это была личная и социальная трагедия, сюжет в духе драм Ибсена. Законы о порядке расторжения браков тех времён кажутся нам теперь почти невероятными, и я считаю, что покойный А.П.Герберт сыграл решающую роль в осуществлении их реформы. Ситуация улучшилась, но остается пагубной для стабильности брака.

Для Агаты с её крайней чувствительностью шок оказался слишком сильным. Она погрузилась в полное отчаяние, перенесла потерю памяти и чуть не дошла в своих действиях до саморазрушения. Я не вижу необходимости пересказывать события, описанные в «Неоконченном портрете». Эта история до сих пор пробуждает у читателя глубочайшее сочувствие. Скажу только, что горе не может длиться вечно. Поддержка преданных друзей и свойственный Агате интерес к жизни понемногу исцелили раны, хотя следы от глубоких шрамов полностью так никогда и не исчезли. Четыре года спустя Агата снова вышла замуж, и мы вместе испытали всю радость дружбы, которая росла и крепла на протяжении сорока пяти лет нашего союза.

За трагическим концом первого брака Агаты следует любопытный эпилог. Арчи, нужно отдать ему должное, был прирождённым военным, человеком исключительных способностей. Он получил звание полковника Королевского лётного корпуса, стал кавалером ордена Святого Михаила и Святого Георгия и был награждён орденом «За выдающиеся заслуги». Останься Арчи на службе, он мог бы достичь высших чинов, но он хотел зарабатывать деньги и предпочёл Сити, где сделал в итоге неплохую карьеру. Жена Арчи умерла после шестнадцати лет брака, и Агата, в то время уже живущая собственной счастливой жизнью, написала ему доброе письмо, выражая соболезнования. Он ответил на письмо — написал, что очень тронут тем, что она не держит на него обиду за эти шестнадцать лет, проведённые не с ней. Так, на этой дружелюбной ноте, и завершился их тяжёлый разрыв.

Единственная дочь Агаты и Арчи, Розалинда, вышла в 1940 году за Хьюберта Причарда. Прирождённый солдат с поэтической жилкой, он трагически погиб в Нормандии вскоре после Дня высадки союзных войск.

В 1949 году Розалинда счастливо вышла замуж за Энтони Хикса, и тот стал добрым отчимом и советчиком её сыну Мэтью, прирождённому спортсмену. Мэтью был капитаном команды по крикету в Итоне, и ему не хватило всего нескольких очков до сотни, когда они играли на стадионе

Лорда против Хэрроу. За игрой с восхищением наблюдал знаменитый директор Итона Роберт Бирли. Сейчас Мэтью уже за тридцать и у него трое детей. Он был самым молодым шерифом графства Гламорган, а по стечению обстоятельств и последним, так как это графство было впоследствии разделено на три части. Мэтью унаследовал гостеприимство и весёлый нрав своей матери Розалинды, чьё обаяние, дружелюбие и прекрасные манеры в сочетании с художественным вкусом и талантом вести хозяйство эффективно и без суеты сделали Гринвей настоящим счастливым домом.

Но я должен вернуться к Энтони Хиксу. Энтони напоминает мне Дэви, очаровательного ипохондрика, персонажа двух романов Нэнси Митфорд — «В поисках любви» и «Любовь в холодном климате» — единственного, кто мог безнаказанно возражать дяде Мэтью и которого этот старый бык почитал за оракула. Дэви так и сыпал самыми неожиданными малоизвестными фактами, особенно в области предметов антиквариата, и всегда был готов распознать упадок в вещах, а также в себе самом и своих необычных разговорах, служивших постоянным развлечением тем, кто с ним общался. Всё это очень похоже на Энтони.

Ухаживая за Розалиндой, Энтони навещал её в Гринвее. Он проводил большую часть времени за чтением огромного тибетского словаря — книги, из-за которой я потерял немалую сумму денег. Мой друг Родни Каннройтер, бывший в то время у нас в гостях, поспорил со мной на пять фунтов, что такая огромная книга наверняка представляет собой пособие по тибетскому языку для кладовой дворцового. Он угадал правильно, и я не перестаю этому удивляться. Как бы то ни было, Энтони в то время изучал тибетский язык и санскрит в Школе востоковедения и африканистики, и если бы он захотел, то мог бы преподавать эти предметы. Проведя во время войны какое-то время в Индии, он начал глубоко интересоваться восточными религиями. По образованию Энтони был адвокатом, но мысль о практике была ему противна. Он был достаточно умён, но, думаю, для этой профессии не подходил по характеру. Ему доставало быстроты реакции, а это качество очень полезно в суде. Энтони был природным учёным, человеком глубоких и широких интересов, и в некоторых областях он разбирался лучше многих профессионалов, но, наделённый блестящими способностями, он был начисто лишён честолюбия. Думаю, что Энтони — самый добрый человек из всех, кого мне довелось встречать в жизни. Он не обидел бы и муху, в буквальном смысле, потому что его привлекал буддизм. В конце концов он занялся садоводством и принёс немалую пользу Гринвее, не только благодаря своему знанию растений, но и благодаря врождённому деловому чутью.

Поселившись в Гринвее, мы поначалу столкнулись со множеством проблем: ни я, ни Агата понятия не имели, как ухаживать за этим редким садом, который был заброшен около двух лет и за это время частично превратился в джунгли. Единственный наш садовник, Хэннафорд, родившийся и выросший в Девоне, не отличался трудолюбием, но он шёл вместе с домом, упомянутым ещё в Книге Страшного Суда⁷⁴, и должен был умереть на этой земле, как и его терьер-полукровка, на которого он был, кстати, очень похож.

В Гринвее прекрасен каждый уголок, и особенно приятно знать, когда было посажено то или иное редкое растение. В 1921 году была высажена в землю великолепная *Magnolia delavayi* (Магнолия Делавея). С тех пор это прекраснейшее растение прибавляет примерно по футу в год. Перед домом растёт восхитительная белая *Magnolia Conspicua* (Магнолия голая), она ещё старше, а ароматной *Magnolia Grandiflora* (Магнолии крупноцветковой) с листьями цвета красного дерева, растущей за окном гостиной, уже сравнялось сто лет. В 1950 году мы сами имели удовольствие посадить замечательную *Magnolia Veitchii* — она радует глаз смотрящих от парадного входа — и, возле теннисного корта, самую прекрасную из всех — *Magnolia Campbellii* (Магнолию Кэмпбелла), на которой, если февраль выдаётся мягкий, распускается тысяча тёмно-красных бутонов. Как мы и рассчитывали, она зацвела на двадцать пятом году. В 1945 году, на момент посадки, ей было около семи лет. Но все наши редкие кусты и деревья уступают по красоте зелёным берегам, покрывающимся в положенное время примулами и колокольчиками — это воистину божественное зрелище. Не знаю, долго ли продержится Гринвей в условиях сегодняшней

⁷⁴ Книга всеобщей поземельной переписи, составленная в Англии в 1085–1086 годах при Вильгельме Завоевателе.

мрачной экономической ситуации, но кто знает, возможно, как сказал Китс, прекрасное пленяет навсегда.

Агата описала Гринвей, дав ему другое название, в романе «Причуда мертвеца»; видевший сад читатель найдёт в книге знакомые объекты. И именно о книгах Агаты я расскажу в следующей главе.

Глава 13

Книги Агаты

На момент написания этих строк из-под пера Агаты вышло уже семьдесят пять книг — по одной на каждый прожитый год. Мало кому удавалось побить этот удивительный рекорд. В чём причина такой плодотворности? Я думаю, что дело в постоянной работе воображения. С самого раннего детства Агата жила в собственном придуманном мире, населённом плодами её фантазии. Почти с младенческих лет ей периодически снился страшный *Человек-с-ружьём*, и маме и заботливой няне приходилось её утешать. Но, к счастью, Агату окружали и другие многочисленные воображаемые персонажи — добрые друзья, вместе с которыми она переживала захватывающие приключения. Мать Агаты тоже была прекрасной рассказчицей. Она постоянно придумывала и рассказывала увлекательнейшие истории, правда, потом никогда не могла их вспомнить. «Мама, расскажи мне сказку про свечку!» — «Я её не помню, милая», — и она тут же придумывала совершенно новую, не менее странную историю. Агата, когда пришёл её черёд, с такой же находчивостью сочиняла сказки для своего внука Мэтью: «Расскажи мне, пожалуйста, что ещё приснилось кролику!»

Когда Агата стала знаменита, ей время от времени стали писать фанаты, предлагая сюжет — кто даром, а кто и из корыстных побуждений. Она отвечала всем одно и то же: самое большое удовольствие писатели получают, придумывая сюжеты; всё остальное — тяжёлый труд. Если вы придумали хороший сюжет, оставьте его себе. И действительно, в блокнотах Агаты можно найти краткие наброски по меньшей мере полудюжины заброшенных сюжетов, не законченных, потому что она увлеклась уже новой идеей. Жизнь Агаты была безграничным полётом фантазии. Неудивительно, что иногда ей хотелось писать стихи, и что её первый стихотворный сборник назывался «Дорога грез». Последний сборник, «Стихотворения», вышел в 1973 году.

Наверное, самое очаровательное произведение Агаты и одно из самых необычных — это небольшой цикл историй на религиозную тему, написанный на святки, озаглавленный «Звезда над Вифлеемом» (1965). Эти добрые истории доставили многим читателям чистое удовольствие. Их справедливо можно назвать библейскими детективами. Не менее удачным получился экскурс в жизнь археологов — «Расскажи мне, как живёшь». Это рассказ о буднях археологической экспедиции, работавшей в Северной Сирии в 1935–1938 годах. В книге описаны сцены, которые покажутся знакомыми любому археологу-востоковеду, причем описаны в высшей степени комично. В этом романе сполна проявился присущий Агате талант рассказчика и умение с юмором пересказывать диалоги, происходящие между самыми разными людьми в разных необычных ситуациях. Эта исключительно интересная книга переиздавалась много раз, в очередной раз — в 1975 году. Многим людям довелось принять участие в раскопках на Востоке, но мало кто смог рассказать об этом в такой увлекательной форме.

Другие жанры, в которых пробовала себя Агата, представлены, в частности, рассказами, объединёнными под общим названием «Таинственный мистер Кин», впервые опубликованными в виде сборника в марте 1930 года. Это детективные истории с долей фантастики, граничащие со сказкой, — самобытный продукт удивительного воображения Агаты. Таинственный мистер Кин, невидимо присутствующий в рассказе и вмешивающийся в сюжет в самый ответственный момент, появляется словно из ниоткуда и, не оказывая явной помощи, вдохновляет мистера Саттерсуэйта, помогая ему найти выход из любой занимающей его ситуации. Мистер Саттерсуэйт, настоящий сноб, вращающийся в основном в высших аристократических кругах, ценитель искусства, в

нужный момент появляется на месте событий, обычно — убийства. Его любимое занятие — «открывать ставни и смотреть сквозь оконное стекло в самую суть человеческих жизней».

Два моих любимых рассказа — «Душа крупье», повествующий о гордости и унижении, и «Человек из моря», в котором приводится серьёзный довод, почему следует предотвращать любые самоубийства. Та же тема затрагивается и в романе «Час ноль». Самый очаровательный рассказ — «Тропинка Арлекина», он завершает эту серию. В историях о мистере Кине нашла отражение любовь Агаты к музыке и её зарождающийся интерес к современному искусству. Последний рассказ из этого цикла, «Чайный сервис 'Арлекин'», был опубликован отдельно в третьем томе антологии «Детективы Винтера» (Macmillan, 1971).

Ещё один удачный тип художественного рассказа, опробованный Агатой, представлен циклом историй, собранных под общим заглавием «Расследует Паркер Пайн» (1934).

Мистер Паркер Пайн — уникальный консультант, умеющий с помощью научного подхода улаживать сердечные дела. Одна из моих любимых историй — «Случай с женщиной средних лет», в которой успешное вмешательство со стороны мистера Пайна помогает даме не потерять мужа, хотя, казалось, всё было против неё.

Два рассказа посвящены конкретным, реально существующим местам. Один из них — «Дом в Ширазе», художественное воспоминание о нашем посещении этой одинокой обители в 1933 году. Дом удивляет посетителей совершенно неожиданным расписным потолком. Часть панелей на потолке иллюстрирует поездку хозяина в Англию в восьмидесятых годах XIX века, на одной из них изображён Холборнский виадук. Мне кажется, сейчас этот дом использует шах в качестве летнего дворца. Посвящённый ему рассказ Агаты отличается оригинальностью и может считаться шедевром психологического рассказа. Другой рассказ о реально существующем месте называется «Ценная жемчужина». Он написан по мотивам поездки в Петру, которую мы совершили приблизительно в то же время. Серия, посвящённая мистеру Паркеру Пайну, также демонстрирует невероятный диапазон воображения Агаты.

Мужу не подобает выступать в роли критика книг жены, и я не ставлю перед собой такой цели, тем более что не обладаю достаточными знаниями для этой роли, хоть и прочёл все её произведения и получил от чтения не меньше удовольствия, чем среднестатистический читатель. Что касается критики, то мне кажется, литературный критик, пишущий о детективах, находится в невыгодных условиях, потому что перед ним стоит задача ни за что не выдать разгадку. Основные составляющие хорошей детективной истории — постановка задачи и умелое, шаг за шагом, распутывание клубка, часто очень сложного. Литературный анализ может испортить читателю всё удовольствие от чтения. У меня есть подозрение (возможно, я не прав), что критик детективных произведений либо жулик, либо дурак. Поэтому я позволю себе ограничиться несколькими замечаниями о том, какое влияние оказали рассказы на меня лично и о моём отношении к некоторым из них.

Поклонники часто пишут Агате и, назвав свои любимые произведения, спрашивают, какие из них больше всего нравятся ей самой. Она отвечает, что часто меняет своё мнение, но, как правило, упоминает «Убийство Роджера Экройда» (1926), «Бледного коня» (1961), «Указующий перст» (1943) и «Ночную тьму» (1967). Последняя книга относится также и к числу моих любимых: в какой-то степени из-за построения сюжета и глубокого понимания извращённого характера персонажа, который имел возможность обратиться к добру, но выбрал путь зла. Неявное исследование добра и зла присутствует в большинстве произведений Агаты — в сочетании с самобытным и интуитивным пониманием психологической подоплёки. В «Ночной тьме» драма усиливается благодаря атмосфере «Цыганского подворья» — участка земли, на который наложено проклятье. Агате показали такой участок среди валлийских пустошей, и это произвело на неё глубокое впечатление. По книге сделали множество красивых фотографий и сняли фильм, но постановка, на мой взгляд, вышла сложной, персонажи утратили глубину, и для Агаты, как и для многих её читателей, всё впечатление испортила вставленная в конец эротическая сцена, абсолютно далёкая от авторского замысла.

Работая над другим своим любимым романом, «Бледным конём» — название отсылает к Откровению Иоанна Богослова, — Агата получила специфическое удовольствие, используя яд, подсказанный ей одним американским врачом. Смерть от этого яда могла выглядеть совершенно по-разному, но был один неизменный симптом, позволяющий догадаться, как именно была убита

жертва. Чтобы узнать, что это за симптом, вам придётся прочитать книгу, в основе сюжета которой лежит научный факт. История получила редкое и необычное продолжение в реальной жизни, о чём Агата узнала из письма своей поклонницы, пришедшего из одной латиноамериканской страны и датированного 15 июня 1975 года. Отправительница письма, чьего имени я называть не стану, догадалась, что на её глазах предпринимается попытка убийства: молодая жена пыталась свести в могилу своего мужа, на протяжении долгого времени давая ему яд в небольших дозах. Письмо завершалось так: «Но в чём я совершенно, совершенно уверена, так это в том, что, если бы я не прочла 'Бледного коня' и не узнала бы оттуда о признаках отравления таллием, Х не был бы сейчас жив. Его спасло только немедленное медицинское вмешательство. Даже если бы он обратился в больницу, врачи не успели бы вовремя понять, что с ним происходит. Примите моё искреннее уважение и восхищение».

В романе «И, треснув, зеркало звенит» мы снова встречаем необычное применение профессиональных медицинских знаний — сознательное и подлое заражение человека краснухой при необычных обстоятельствах.

Действие романа «Указующий перст» происходит в отдалённой английской деревушке, в небольшом закрытом обществе людей, проводящих дни за простыми и почтенными занятиями. Сплетни, конечно, необходимы им как воздух. И вот мы погружаемся в эту среду и обнаруживаем, что здесь поработал автор злых анонимок, и его письма обернулись трагедией. Серия загадочных убийств раскрывается благодаря помощи «кого-то, кто знает всё о человеческой злобе», а именно благодаря аналитическому уму мисс Марпл. Дополнительную прелесть роману придаёт необычная любовная линия. Как это часто бывает в произведениях Агаты, запутанное преступление раскрывается с помощью оригинального и абсолютно неожиданного сюжетного хода. «Указующий перст» заслуженно остаётся любимым романом многих читателей.

«Убийство Роджера Экройда» я уже упоминал в одной из предыдущих глав. Это, наверное, одна из самых известных книг Агаты благодаря элементу неожиданности, а также благодаря тому, что действительно чрезвычайно сложно вычислить преступника. Как ни странно, основную идею романа предложил Агате в письме не кто иной, как только вступивший тогда в зрелый возраст лорд Маунтбаттен. Ещё раньше подобная мысль возникла у зятя Агаты, Джеймса Уоттса, ещё одного почитателя её таланта.

Действие двух романов разворачивается в Египте, в том числе и потому, что мы вместе посещали эту страну. В этих романах совершенно не упоминается археология, хотя некоторые места, где мы останавливались, например, Зимний дворец, и одна из наших спутниц, пожилая леди Вернон, очень любопытный персонаж, напоминают мне о нашем путешествии. Леди Вернон изображена в «Смерти на Ниле» (1937), романе, где фигурирует Пуаро. В 1946 году по этому роману была написана пьеса «Убийство на Ниле». Другая история, произошедшая в Египте, называется «Смерть приходит в конце» (1945).

Гораздо большее отношение к нашей работе имеет «Убийство в Месопотамии» (1963). Чтобы написать этот роман, Агате понадобились её знания об Уре Халдеев, а на главные роли она взяла покойного Леонарда Вулли и его авторитарную жену Кэтрин. Шаг был довольно рискованный, и Агата впервые в жизни переживала, как отреагирует прототип. К счастью, и, наверное, вполне предсказуемо, Кэтрин не узнала в персонаже черты своего характера и не обиделась. Я в этой книге выступил в роли Эммота, второстепенного, но приятного персонажа.

Если взглянуть на длинную последовательность детективных историй, вышедших из-под пера Агаты, мы увидим, что все их объединяет завораживающая читателя захватывающая манера повествования. Количество поклонников творчества Агаты исчисляется миллионами, хотя далеко не всем из них интересна собственно детективная составляющая. Романы написаны обычным разговорным английским языком, совершенным в своей простоте, прямым и непретенциозным, порой неправильным, как это часто бывает в беседе, и очень метким. В них есть юмор, драма, напряжённое ожидание — повествование захватывает читателя и не отпускает до конца. Характеры персонажей изображены умело и решительно. По мнению некоторых критиков, им недостаёт глубины, но, как метко выразился один француз, «*Ce ne sont pas des caractères, ce sont des traits de caractères*» — это не характеры, а наброски характеров, и тем они интереснее, потому что читателю предоставляется возможность самостоятельно заглянуть в глубину. И главное, романы отличаются невероятной изобретательностью, в них обязательно присутствует элемент

неожиданности. Так часто они разочаровывают читателя, вводят его в заблуждение, а потом вдруг предлагают неожиданное и абсолютно убедительное объяснение. Агата неизменно заботится о технической стороне дела и выверяет медицинские факты, и всё, что она пишет о ядах и противоядиях, соответствует истине. Когда-то она обучалась фармацевтике, работала в больницах и профессионально разбирается в предмете. Кроме того, она всегда с не меньшей аккуратностью подходила к описанию полицейской практики, юридических вопросов и тонкостей судебного процесса и советовалась со специалистами, поэтому её книги с интересом читают даже люди со специальным образованием. За свою жизнь Агата получила тысячи писем от поклонников. Некоторые корреспонденты были настроены критически, но подавляющее большинство выражало благодарность. Большое удовлетворение получила Агата от переписки с одним адвокатом, упрекнувшим её в незнании законов наследования. Всегда очень внимательная в таких вопросах, Агата смогла доказать, что сам адвокат обладает устаревшими сведениями, закон успел измениться, и её утверждения справедливы. Через минуту я расскажу об этическом кодексе, которого придерживается Агата, но коль скоро мы затронули тему характеров её персонажей, посмотрим сначала на неё в другом обличье и поговорим о Мэри Вестмакотт.

Успех Агаты в качестве автора детективных историй повлёк за собой одно неудобство: любые её попытки попробовать себя на новом литературном поле наткнулись на неодобрение издателей. Ни один автор детективов не работал так долго на этом поприще. Дороти Л. Сэйерс, самая, пожалуй, известная её современница, сдалась после семи или восьми весьма успешных книг и переключилась на религию, Данте и на другие литературные жанры.

Но всё же пришло время, когда Агата вырвалась на свободу и начала писать под псевдонимом Мэри Вестмакотт. Она настолько талантливый рассказчик, что эти книги тут же были признаны удачными и приобрели широкую известность. Много лет Агате удавалось сохранять анонимность. Под именем Мэри Вестмакотт она могла рассуждать на многие интересовавшие её темы: говорить о музыке, театре, о психологии амбиций, о проблемах творческих людей. Все эти вопросы затрагиваются в «Хлебе великанов». Но я думаю, что настоящим освобождением, которое давал Агате этот новый жанр, была возможность создавать глубокие характеры, не оглядываясь на структуру детективного сюжета, которой должны быть подчинены все персонажи. В детективе, где читателю предлагается вычислить убийцу, сложно посвятить много времени изучению одного и того же характера, тем более нескольких. Под новым именем Агата была свободна от подобных ограничений.

Первым романом под псевдонимом был «Хлеб великанов» (1930); Агата посвятила его памяти матери. Это книга о композиторе, о гении, которому пришлось освободиться от всех любовных и человеческих уз, чтобы достичь цели и создавать свои шедевры. Слишком ли это высокая цена? Решать предстоит читателю. Думаю, в какой-то степени эта трагичная история была навеяна общением с музыкантом, чьи родители были хорошими знакомыми сестры Агаты — с Роджером Коуком, давно покойным. Следующим шёл «Неоконченный портрет» (1934) — частично автобиографическое, частично художественное произведение, о котором я уже подробно рассказал в предыдущей главе.

Далее вышел роман «Вдали весной» (1944). Его действие снова переносит нас в знакомые места. Главная героиня — женщина, которая возвращалась домой, побывав в гостях у дочери в Ираке, и застряла в пути из-за затопления железнодорожных путей. Сюжет построен на самоанализе персонажа. Это история о переоценке собственных убеждений, о том, как опасно всегда «знать, как лучше». Роман удостоился высшей похвалы в «Нью-Йорк таймс» от Дороти Хьюз. Она написала так: «Ни одна история не трогала меня так сильно после незабвенной 'Короткой встречи'... 'Вдали весной' — настоящий шедевр, когда-нибудь он станет классикой».

Темой романа «Дочь есть дочь» (1952) стала известная жизненная проблема — скрытые отношения любви-ненависти между матерью и её единственным ребёнком, закончившиеся, к счастью, осознанием существующей между ними связи и итоговым примирением.

Роман «Бремя любви» (1956) рассказывает о том, как тяжело любить и быть любимым, о том, как запросто можно пренебречь мудрым советом. Это ещё одна история, рассказанная в интроспективе, в конце которой оказывается, что полное спасение невозможно.

«Роза и тис» (1947), на мой взгляд, самый сильный и драматичный из романов, его называли любовно-приключенческим. Центральная фигура истории — некий Гэбриел, храбрый и

чрезвычайно амбициозный человек, способный сотворить много добра и принести много зла, воин, награждённый Крестом Виктории, умеющий страдать и готовый к высшему самоотречению. В этой книге мне очень понравился образ аристократичной леди Трессилиан и чётко показанный контраст между ней и столь же аристократичной Изабеллой, с одной стороны, и ухажёром-простолудином — с другой. Эта книга тяготеет к классике, и ей не суждено кануть в прошлое.

Романы Мэри Вестмакотт неоднородны по качеству, но каждый из них достоин внимания читателей, и в каждом присутствует исследование человеческих характеров, неизменно увлекательное благодаря удивительному таланту Агаты рассказывать истории. В любом случае все эти книги отличаются драматизмом, и сюжет их построен вокруг решения проблем, возникающих в моменты наивысшего напряжения. Жаль, если они потеряются на фоне всеми любимых детективов. Впрочем, думаю, что этого не случится.

Вернёмся к детективам. В чём секрет их сногшибательного успеха, чем они покорили около двух миллиардов читателей⁷⁵? Во-первых, тем, как умело рассказывается история, как держит читающего в напряжении непрерывная нить рассказа: закончив главу, вы не можете остановиться и открываете следующую, отложить книгу невероятно сложно. Я знаю только одного писателя, наделённого этим даром в той же мере, что и Агата, — это Грэм Грин. Стиль её повествования разговорный, как и в реальной жизни, и я осознал это со всей ясностью, когда мне приходилось слышать, как Агата работает с диктофоном. «Кто зашёл к нам сегодня?» — спрашивал я себя, когда из маленькой столовой на нижней площадке нашего дома в Уоллингфорде до меня доносилась оживлённая беседа.

Именно такое впечатление у меня было, когда Агата работала над своим последним романом, «Вратами судьбы» (1973). Сыщикам Томми и Таппенс, которые были напарниками во время Первой мировой войны, теперь перевалило за семьдесят, и они вернулись, чтобы снова радовать многочисленных читателей. Хронология этого романа была не очень хорошо продумана, но ещё одно удовольствие от чтения книг Агаты заключается в том, что иногда (довольно редко) проницательный всезнайка, не способный ничего написать сам, может обнаружить ошибку в тексте.

Дополнительную прелесть романам придают сыщики, давно уже ставшие кумирами любителей детективного жанра — Пуаро и Гастингс, его друг и партнёр, исполняющий при нём ту же роль, что Ватсон при Шерлоке Холмсе. Лучшее описание их отношений написал сам Пуаро: «Иногда, Гастингс, я жалею, что у меня такие твёрдые принципы. Было бы интересно для разнообразия поработать не на закон, а против него». «Как я скучаю по своему другу Гастингсу! У него такое богатое воображение, он такой романтик! Конечно, его заключения всегда ошибочны, но этим он и наводит меня на верный путь». В какой-то момент Пуаро порядком надоел Агате, с его маленькими серыми клеточками, с его шутовством, эксцентричным поведением, с его нелепыми манерами и тщеславием, но он так полюбился читателям и издателям, что ей не позволили его забросить. Хотя последнее дело Пуаро, «Занавес», было написано много лет назад, опубликовали его только в 1975 году. Это небольшой, но блестящий рассказ, образец исключительного литературного мастерства с драматичным и в высшей степени удачным финалом.

Но всё же общепризнанной любимицей публики остаётся мисс Марпл, мудрая старая дама, которая сидит в своей маленькой гостиной и тихо наблюдает за всем, что происходит вокруг. Мисс Марпл — безжалостно проницательный наблюдатель, гений логических умозаключений и предсказаний, обманчиво мягкая, но достаточно язвительная пожилая женщина. Превосходный знаток человеческой природы, она смотрит на мир с хорошо замаскированным цинизмом. Этот кроткий, но решительный персонаж занял прочное место в сердцах читателей. Ещё одна история о мисс Марпл, «Спящее убийство», была опубликована уже после смерти автора, и если её ждёт такой же успех, как и «Занавес», это будет новый рекорд.

И последняя в списке воображаемых сыщиков — миссис Оливер. Она изображена очень условно, но образ срисован с самой Агаты, например, в романах «Слоны помнят долго» (1972) и

⁷⁵ В 1975 году, по достоверным оценкам, было продано около 400 миллионов книг, и если предположить, с учётом библиотек, что в среднем каждую копию прочитали пять человек, мы получим итоговое число читателей — два миллиарда. — (Прим. авт.)

«Карты на стол» (1936) — кстати, это очень удачная история. Притворная рассеянность миссис Оливер — один из её козырей. В романе «Карты на стол» очень хорошо описаны мучения и тяжкий труд писателя, и я думаю, Агата включила в текст этот отрывок, чтобы развеять иллюзии поклонников, часто восклицавших в письмах, как, должно быть, чудесно и приятно быть писателем.

Нет, однако, никаких сомнений, что самый известный из придуманных Агатой сыщиков — Эркюль Пуаро. После выхода фильма «Убийство в Восточном экспрессе» его слава достигла самых удалённых уголков света.

Глава 14

Восточный экспресс

Не знаю, есть ли на свете занятие более захватывающее, чем путешествие на Симплонском Восточном экспрессе. Сквозь одну страну за другой, проносится он на своём пути, оставляет позади Европу и через просторные равнины и горы Малой Азии устремляется в Сирию. Чистым счастьем было любоваться постоянно меняющимся пейзажем, расположившись на уютной койке спального вагона или, ещё лучше, устроившись возле огромного застеклённого окна вагона-ресторана. Именно там со мной произошёл однажды забавный случай.

Я сидел за ланчем с тремя попутчиками. Одним из них был выдающийся французский археолог Клод Шеффер, направляющийся на раскопки в Угарит, в то время как я ехал в Шагар-Базар. Вдруг ассистент Шеффера Жорж Шене наклонился через стол и спросил меня:

— Вы читали «Убийство Роджера Экройда», детектив Агаты Кристи?

— Как же, читал, — ответил я. — Очень необычное и примечательное произведение.

— А «Человека в коричневом костюме» и «Убийство в Восточном экспрессе» вы читали? — продолжал он.

— Читал, а также я читал и все прочие произведения Агаты Кристи, потому что я, видите ли, её муж.

Мой собеседник поверил мне не сразу — отчасти потому, что наши товарищи были в курсе ситуации и думали, что он шутит, задавая мне эти вопросы.

Если же говорить серьёзно, я очень горжусь «Убийством в Восточном экспрессе», романом, который, как написано на авантитуле, был посвящён мне в 1933 году. Горжусь, кроме всего прочего, ещё и потому, что сам подсказал Агате новый способ участия в убийстве, использованный в книге, но не расскажу, какой именно, чтобы не испортить вам удовольствие от чтения. Агата же, как обычно, выбрала неожиданное и очень удачное место действия — определённый поезд, которого, увы, давно уже нет. Большая удача, что Агате вообще довелось написать эту книгу, потому что незадолго до того она поскользнулась на обледеневшей платформе вокзала Кале и упала под поезд. К счастью, оказавшийся рядом носильщик успел вытащить её раньше, чем поезд пришёл в движение.

Это был удачный роман. Его с удовольствием прочло бесчисленное множество читателей, благодаря чему мы получили возможность установить неслыханный рекорд: когда в 1974 году по книге сняли фильм, он стал самой успешной экранизацией за всю историю. С огромным удовольствием наблюдали мы, как вновь возвращается к жизни давно уже прекративший своё существование Восточный экспресс, а актёрский состав, куда вошли исключительно звёзды кино, смотрелся неожиданно гармонично. Альберт Финни хоть и был совсем не похож на Пуаро, но сыграл блестяще. С технической точки зрения руководство актёрами в замкнутом пространстве коридора поезда было выполнено гениально, и визуально обнаружить сложную разгадку сюжета было проще, чем в книге. Сама Агата всегда с неодобрением относилась к экранизациям своих книг, но была вынуждена удостоить сдержанной похвалы этот фильм, который, согласно рецензии «Таймс», был «трогательно верен» миссис Кристи. По словам того же критика (Дэвида

Робинсона), экранизация «в полной мере соответствует уровню произведений Агаты Кристи, требует тех же исправлений, вызывает то же удивление и недоверие».

Что ж, эту критику можно считать вполне справедливой, если признать, что у большинства читателей не возникает никаких сомнений: у Агаты есть дар рассказывать так убедительно, что мы физически переносимся в придуманный ею мир, сколь бы фантастичным он ни был. Сюжеты могут быть совершенно невероятными, но никто не назовёт их невозможными, и на какое-то мгновение они становятся правдой. Именно за неё и может принять автор тот травматичный переход в реальность после пребывания в мире фантазий. И, вопреки процитированному мнению, Агата заботится о правдоподобию и тщательно выверяет даже самые незначительные детали. Ручка дрогнула в руке упомянутого критика, и он допустил ошибку, написав, что режиссёр фильма (Сидни Люмет) «даже не потрудился скрыть странность, которую замечает в романе читатель: Восточный экспресс изображён как невероятно короткий поезд, перевозящий так мало пассажиров». Но Агата знала по многолетнему опыту, что в поезде часто был всего один транзитный вагон, и именно поэтому каждое место приходилось бронировать задолго до даты отправления. Аккуратное обращение с подобными неожиданными деталями добавляет произведению очарования в глазах проницательного читателя.

В других фильмах, к сожалению, не обошлось без бессовестных пародий. Особенно этим отличалась прекрасная характерная актриса Маргарет Рутерфорд, категорически не подходившая на роль мисс Марпл и до смешного ассоциировавшаяся с извозчицким стойлом. Искажения такого рода и так неприятны автору, но ещё обиднее ему становится, когда поклонники пишут, как им понравился фильм, и ни на минуту не задумываются, насколько близко данная экранизация передаёт произведение, которое лежит в основе.

В «Восточном экспрессе», однако, обошлось без подобных неточностей благодаря гениальному видению и воображению продюсера фильма, лорда Брабурна. Его огромная заслуга состояла в том, что он смог увидеть, что книга годится для экранизации. Фильм, несомненно, стал главной статьёй экспорта Великобритании в 1974 году, безусловным победителем, имевшим мировой успех. Громкая премьера состоялась в кинотеатре ABC на Шафтсбери-авеню, её любезно открыла её величество королева: на одной из фотографий в этой книге она приветствует Агату. На показе присутствовали почти все актёры, и я остался под глубоким впечатлением от обаяния и ума Ингрид Бергман, специально учившейся шведскому английскому для этой роли. Фильм выиграл три из семи наград *British Film Awards* в 1975 году: он был признан лучшим фильмом года, Альберт Финни был номинирован как лучший актёр, а Венди Хиллер — как лучшая актриса года.

Вечером после премьеры состоялся гала-банкет в Кларидже. Это было последнее общественное мероприятие, которое Агата смогла посетить по состоянию здоровья. Ей было тогда почти восемьдесят пять. Она получила большое удовольствие от приёма. У меня сохранилась фотография, на которой запечатлён лорд Маунтбаттен, тесть Брабурна, сопровождающий Агату из столовой около полуночи и пожимающий ей руку на прощание. Застенчивая, как всегда, Агата насладились этим вечером от души.

Были и другие удачные фильмы, основанные на книгах и пьесах Агаты. Во-первых, «Алиби» — экранизация «Убийства Роджера Экройда», успешный фильм с Френсисом Салливаном в главной роли. Самый большой успех имела картина «Свидетель обвинения», основанная на пьесе и мастерски снятая в Америке Билли Уайлдером. В этих экранизациях блестяще сыграли два выдающихся актёра того времени, Чарльз Лоутон и Френсис Салливан, необъятный и совершенно очаровательный человек.

Некоторые пьесы Агаты по известности и популярности сравнялись с её книгами, и я уверен, что большинство критиков в первую очередь вспомнят «Свидетеля обвинения». Декорации суда Олд-Бейли действовали на зрителей магнетически: каждый чувствовал себя подсудимым. Кто видел эту пьесу, тот не сможет её забыть, а это — высшая похвала для произведения искусства. Патрисия Джессел играла блестяще, и пьеса долго бы не сходила со сцены, но число задействованных актёров, размер и неудобное расположение театра *Winter Garden* помешали ей находиться в репертуаре столько, сколько она заслуживала. Когда пьесу ставили в Нью-Йорке, потребовалось немало усилий, чтобы убедить руководителей постановки не переносить действие из Олд-Бейли в Палату лордов. Это единственный известный мне случай в Лондоне, когда Агата испытала восторг и волнение, сопутствующие премьере: с самого начала было понятно, что это

победа, а в конце спектакля все актёры в унисон поклонились ей, автору пьесы. Питер Сондерс, импресарио этой великолепной пьесы, никогда не скупившийся на постановки, сказал, что в жизни не видел подобного финала, в котором все, как один, выражали искреннее восхищение.

На мой взгляд, если «Свидетель обвинения» — лучшая пьеса Агаты, то следующее за ней место принадлежит гораздо менее известной пьесе, «Лощине». Мне довелось видеть только одну достойную постановку этого произведения, она была выполнена в 1973 году в Торки, в «Театре принцессы». Под чутким руководством Чарльза Ванса спектакль ожил, приобрёл целостность. История поддерживала интерес зрителей от начала и до конца представления, а этого нелегко добиться, когда на сцене происходит расследование и необходимо, чтобы зрители следили за ним со всем вниманием, но без чрезмерного умственного напряжения. В этом спектакле не были задействованы звёзды, но актёры работали слаженно и добились успеха. С другими постановками «Лощины» всё было наоборот — например, в Лондоне в пьесе играла знаменитая комедийная актриса Жан де Кассали, и она от начала и до конца вела себя как пчелиная королева и мешала остальному улью.

Годы спустя в Гилфорде я видел эту роль в исполнении милой и обаятельной актрисы Сайсли Кортнейдж. Зрители любили её дурачества, но мне показалось, что своим выступлением она погубила пьесу. Зрители пришли ради Сайсли, а не ради Агаты. Конечно, залу понравилась её игра, но мои бурные аплодисменты были адресованы Джеку Хальберту, сыгравшему совсем небольшую роль дворецкого. Он играл великолепно и показался мне выдающимся актёром. Но стоило мне взглянуть на Сайсли, и я вспоминал, как часто постановка становится битвой между драматургом и актёром и как сложно бывает продюсеру примирить эти две враждующие стороны. Если мира удаётся достичь — это настоящий профессиональный триумф для продюсера.

Пьеса «Лощина» была блестяще сделана на основе книги самой Агатой, и по тому, как она написана, видно, насколько Агата чувствует театр. Интересно сравнить книгу, вышедшую в 1946 году, с пьесой, поставленной Пьером Сондерсом в 1951 году в театре «Fortune». Агата в полной мере использовала драматический потенциал романа, убрала из сюжета всё, без чего можно было обойтись, а заодно исключила из него и Пуаро, который фигурировал в романе. Сама книга, на мой взгляд, не относится к числу лучших: повествование не очень связное, в тексте много «воды», — но она содержит несколько романтических линий, и женские характеры описаны с большой проницательностью, с чисто женским чутьём, свойственным автору. В романе есть биографические моменты, о которых мне нравится вспоминать. Факты немного искажены, но в целом всё более или менее так и было. Сэр Генри вспоминает один неприятный инцидент, произошедший на берегу Босфора: «На нас напали бандиты, это было на азиатском берегу Босфора. Двое бросились на меня и хотели перерезать горло. Вмешалась Люси и выстрелила прямо в кучу тел. Я даже не знал, что у нее есть оружие. Одному из напавших на меня пуля попала в ногу, второму — в плечо. Можно сказать, что мне здорово повезло. До сих пор не понимаю, как она меня не ранила». Это совершенно правдивый эпизод, и единственная разница в том, что у Агаты, в отличие от леди Энгкетл, был в руках не пистолет, а бульжник, который она собиралась обрушить на голову моего противника. Никогда ещё я не был так близок к смерти от попадания камня в голову. К счастью, в те годы я был довольно силён. Нападавшие испугались и убежали. Я тем больше обрадовался их бегству, потому что как раз незадолго до этого эпизода заходил в банк и мои карманы были набиты турецкими лирами. Ещё в «Лощине» мне очень нравится один пассаж о Пуаро: «Деревья раздражали его своей отвратительной привычкой терять листья осенью. Тополя, ровно стоящие вдоль аллеи, — это еще ничего. Но лес, где бук и дуб растут так, как им заблагорассудится, — это нелепо! Такой ландшафт больше всего нравился ему из окна автомобиля, едущего по хорошей дороге»⁷⁶. Другая моя любимая цитата звучит так: «Скульптору первой приходит в голову правда. Сколь бы горькой ни была правда, с ней можно смириться и вплести её в узор жизни».

И наконец, мы добрались до «Мышеловки», пьесы, которая так долго не сходит со сцены, что давно уже побила мировой рекорд. Её неслыханный успех не мог ускользнуть от внимания этого зеленоглазого монстра — зависти. Ревнивые критики сочли непростительным оскорблением тот

⁷⁶ Пер. с англ. А. Горелова.

факт, что одна и та же пьеса может столько времени занимать место в репертуаре. У меня подобные злопыхатели вызывают мало симпатии.

Сама Агата предсказывала, что «Мышеловка» продержится на сцене этого очаровательного миниатюрного театра «Амбассадорс» не более трёх месяцев, и мало кто, кроме, пожалуй, Питера Сондерса, думал иначе. В итоге 24 ноября 1975 года пьеса встретила свой двадцать третий день рождения. Множество различных факторов должно было совпасть для обеспечения ей столь феноменального успеха, и это помимо гениальности автора, которую так легко упустить из виду. Во-первых, нам сыграл на руку сравнительно небольшой размер театра: он вмещал не более пятисот зрителей (четыреста девяносто, если быть точным). Театр «Сент-Мартинс», расположенный в соседнем здании — туда переместили пьесу впоследствии, — вмещал пятьсот пятьдесят зрителей. Когда «Мышеловка» набрала популярность, за билеты шла борьба, люди яростно стремились попасть на спектакль. Питер Сондерс, поставивший пьесу, умело воспользовался ситуацией. Никто не справился бы с задачей лучше: Питер обладал исключительным организаторским талантом и чувством аудитории и у него хватало мужества не сдаваться в трудные времена, а трудные времена, конечно, тоже бывали. Другим удачным обстоятельством было то, что в первом актёрском составе играли две звезды театра первой величины — Ричард Аттенборо и его прекрасная супруга Шейла Сим, оба очень приятные люди и великолепные актёры с безошибочным чувством времени. Они стали первыми в длинной череде актёрских составов, сменившихся за двадцать пять лет со времени премьеры в 1952 году. На сегодняшний день в пьесе сыграли не менее ста тридцати двух человек.

Когда «Мышеловка» набрала обороты, ничто уже не могло пошатнуть её позиций. Она стала обязательным пунктом «американского тура» наравне с Букингемским дворцом и с посещением Тауэра. Один мой друг, доктор Вернер, бессменный директор исследовательских лабораторий Британского музея, сводил жену на «Мышеловку» вскоре после свадьбы, когда ещё не прошло и года с момента премьеры. Через семь лет он сходил на спектакль с дочерью, а через двадцать один год привёл внучку. Так пьеса охватила несколько поколений.

Действие «Мышеловки» разворачивается в типично английской обстановке, в доме под названием Монксуэлл-мэнор, в довольно неумело организованном загородном пансионе. Зима в самом разгаре, и гости, застигнутые снегопадом, не могут покинуть дом. Холод пробирает до костей, и мы чувствуем их отчаянное стремление согреться. Тревога, удивление, растерянность и напряжённое ожидание развязки, раскрытия убийства не отпускают нас до конца. Но это не всё. Главное — это чувство уюта, ощущение принадлежности к английской атмосфере. Мы становимся одними из них, своими, как это бывает на спектаклях Гильберта и Салливана, где зрители ожидают шуток с радостным предвкушением. На «Мышеловке» атмосфера не менее заряжена, и все иностранцы, пришедшие посмотреть представление, попадают под её очарование. Я был приятно удивлён, посмотрев французскую постановку пьесы — она шла в парижском театре «Nebertot» под названием «La Souricière»⁷⁷. Я ожидал, что французская аудитория придёт в недоумение, будет сбита с толку английскими реалиями и полицейским делопроизводством, но зрители не могли оторвать глаз от сцены. Пьеса держалась в репертуаре удивительно долго, около двух лет, с 1971 по 1973 год. Одним словом, «Мышеловка» имела успех: все обстоятельства складывались для неё наилучшим образом с того самого дня, когда пьеса родилась и начала свой путь под счастливой звездой.

Не так удачно сложились звёзды для самой красивой и глубокой из пьес Агаты, «Эхнатон», с её гениально изображёнными характерами, с её драматическим накалом. Действие пьесы разворачивается вокруг личности фараона-идеалиста, религиозного фанатика, одержимого страстью к красоте и истине, безнадежно непрактичного, обречённого на страдания и пытку, но непреклонного в своей вере и верного идеалам, несмотря на крушение всех надежд.

Эхнатон — поэт, отрицающий конкретное и тянущийся к абстрактному, хотел, чтобы Египет отрёкся от прежней религии, от культа ложного бога Амона, установленного его предшественниками, и вместо безобразных статуй Амона поклонялся теплу солнечного диска, Атону. Он желал разрушить старые храмы, отказаться от старых богов и призывал египтян уничтожать амулеты в виде скарабеев, которые они в своей бесхитроной вере посвящали

⁷⁷ «Мышеловка» (фр.).

Осирису, подобно тому, как католик зажигает свечку, чтобы помолиться Деве Марии. Как все глубокие мыслители, Эхнатон опережал свою эпоху, шёл не в ногу с обычными людьми и с их традиционными представлениями, ненавидел старое жречество, стремился к миру, тогда как все вокруг стремились к войне, любил искусство, своего придворного скульптора Бека и свою изнеженную свиту. Большое впечатление производит трогательная привязанность молодого фараона к одному из воинов своей армии, Хоремхебу. Хоремхеб заканчивает древнеегипетское военное училище, ему предстоит стать генералом. Солдат, поклявшийся служить фараону и своей стране, мечется, пытается понять, в чём именно состоит его долг, на этом конфликте и строится сюжет пьесы. Что хуже: страдания, навязанные нам существующей властью, или же страдания приведённого в беспорядок государства, погрязшего в новых пороках? Нужно ли отречься от старых, понятных богов в пользу концепции единого абстрактного божества? Стоит ли предпочесть новое искусство, новые храмы и роскошный Дворец Горизонта (Тель-Эль-Амарна и по сей день хранит его руины) взамен древних архитектурных и скульптурных форм? Проблемы Древнего Египта актуальны и сейчас. Отвергая старое, мы неизбежно обрекаем себя на новые страдания, а вместо врагов фараона умирают люди верные и добродетельные.

На мой взгляд, ни в одной другой из пьес Агаты характеры не были прорисованы так чётко. Каждый персонаж изображён со всей глубиной и раскрывается во взаимодействии с другими. Мы видим пленительный портрет мудрой и проницательной старой матери фараона Тии, привыкшей управлять людьми, её бесплодные попытки направить на верный путь глупую красавицу Нефертити, столь любимую фараоном, что он почувствовал потребность — возможно, даже собственноручно — изваять из камня самую прекрасную голову на свете. Мы видим старого жреца Аи, наставлявшего фараона в новой теологии, но в то же время убеждавшего его отказаться от безрассудной мысли преследовать старую государственную религию.

Против фараона плетёт сеть интриг амбициозная и остроумная Незземот, сестра царицы, влюблённая в Хоремхеба и задававшаяся целью его покорить, а фараона считавшая скучным непрактичным фанатиком, ведущим Египет к гибели.

Финалом пьесы напоминает трагедию Эсхила. Именно Хоремхебу приходится признать, что у каждого человека есть свой предел, а фараон, несмотря на то, что всё вокруг него лежит в развалинах, всё равно ставит любовь к миру выше любви к своей стране. Он — как прообраз Христа: покинутый и брошенный, но даже в отчаянии не предавший своих идеалов.

Египет между 1375 и 1358 годами до н. э. — не что иное, как древний аналог современного мира, отражение вечно повторяющейся трагедии. Возможно, когда-нибудь эта чудесная пьеса, впервые опубликованная издательством *Collins* в 1973 году, будет поставлена. Знатоки театра говорили, что она прекрасна, но потенциальных импресарио отпугивала мысль о дорогих декорациях и большом числе необходимых актёров. Тем не менее я не вижу, почему бы попросту не сыграть эту пьесу без реквизита, на фоне обычного задника — как много лет назад с большим успехом играли китайскую пьесу «*Lady Precious Stream*». Публика в нашей стране, собственно, как и во многих других странах, уже подготовлена к этой теме, ведь совсем недавно весь мир восхищался сокровищами гробницы Тутанхамона. Вряд ли пьеса об отце Тутанхамона, Эхнатоне, покажется зрителям сложной для понимания.

Самой Агате пришлось долго готовиться перед написанием этой пьесы. До её создания, ещё в 1931 году, мы посетили гробницу в Луксоре и подружился с Говардом Картером, сардоническим и забавным человеком: мы играли с ним в бридж в отеле «Зимний дворец». Впоследствии Стивен Гленвилль, мой старый друг и один из известнейших египтологов того времени, ректор Королевского колледжа в Кембридже, посоветовал Агате литературу по теме. Этот человек — неиссякаемый источник энергии для своих друзей, он снабжал Агату аккуратно подобранными книгами, пока она не начала глубоко разбираться в предмете. «Эхнатон» написан с не меньшей исторической достоверностью, чем любая другая пьеса о прошедших событиях. Перед зрителем оживает придворная жизнь Египта и причуды египетской религии. Это безболезненный способ больше узнать о Древнем Египте и почувствовать к нему горячий интерес. У меня создаётся впечатление, что и сами персонажи пьесы подверглись тщательному анализу: они не просто работают на детективный сюжет, но каждый из них играет первостепенную роль в развитии настоящей исторической драмы. Текст пестрит прекрасными отрывками из древнеегипетской

поэзии, а на суперобложке книги изображена малоизвестная статуя фараона — яркое изображение впечатлительной и тонкой натуры.

Глава 15

Секрет мастерства

В целом, я думаю, главное, что вызывает непреходящий и вдумчивый интерес у поклонников творчества Агаты, — это психологизм её книг, понимание человеческой натуры и суждение о ней, честное, без преувеличений, набросанное лёгкими штрихами. «Час ноль» — хороший пример романа, в котором искусно исследован человеческий характер. Умело построенный сюжет разворачивается в Салкоме, в устье реки Йелм; читатель может узнать характерные черты ландшафта. Теперь это место паломничества для тех, кто хочет ознакомиться с местом совершения самого хитроумного преступления.

Один из моих любимых романов — «Карты на стол» (1936). Мне он нравится изобретательностью сюжета. В истории задействованы всего четыре персонажа, один из них совершил убийство, и, несмотря на кажущуюся простоту ситуации, очень сложно вычислить виновного. По личным мотивам я люблю «Десять негритят» (1939) — один из немногих романов, в которых мне удалось с уверенностью указать на убийцу по чисто психологическим причинам. Роман был прочитан и впервые опробован на одном приёме в Девоне, и как же возмутилась Агата, когда я выиграл приз за то, что отгадал убийцу, но отгадал, руководствуясь неверными соображениями.

Не все любят этот литературный жанр: многих останавливает врождённое отвращение к теме убийств и сопровождающей их жестокости. Наверное, это не самое подходящее чтение для людей щепетильных, но Агата всегда, возможно, и неосознанно, придерживалась принципа Горация: «*Ne coram publico Medea pueros trucidet*» — «Пусть Медея не губит детей пред глазами народа». Этот принцип достоин восхищения. Убийство всегда жестоко, но это, к сожалению, одна из сторон жизни. Агата никогда не испытывает злорадства, никогда не описывает убийства с большими подробностями, чем того требует сюжет, не допускает пошлости. Как часто духовные лица и родители подрастающих детей восхищались чистотой её книг, отсутствием в них безнравственных и недостойных черт. Те, кто не одобряет историй об убийствах, судят поверхностно и не понимают, что книги Агаты — это современный аналог средневековых моралите, и их основная тема — выведение зла на чистую воду и привлечение преступников к ответственности, чтобы они понесли справедливое наказание за свои проступки. Задача Эркюля Пуаро, мисс Марпл и всех остальных персонажей Агаты, задействованных в расследовании преступлений, — упорное и бесстрашное преследование злодея. Здесь нет места для отступления от моральных норм. Зло нужно преследовать до конца.

Многие хвалили Агату за верность этим принципам в эпоху нравственного упадка, но ничья похвала не доставила нам больше удовольствия, чем слова, написанные Джеффри Джексоном в книге «*People's Prison*» (Farber and Farber, 1973). Сэр Джеффри был послом Великобритании в Уругвае. В 1971 году на его долю выпал жестокий опыт: он был похищен членами движения Тупамарос, партизанским отрядом террористов, бросивших вызов правительству и всем, кого они относили к представителям действующей власти. Судя по всему, они стремились привлечь внимание к тому, что общество основано на порочной структуре, и с этой целью совершали акты городского насилия — такой латиноамериканский вариант ИРА. Похищенного посла держали под землёй в двух сообщающихся склепах площадью в несколько квадратных футов. Спать ему приходилось на дощатых нарах, а единственным источником света служила тускляя электрическая лампочка. Время шло, и в конце концов гнетущее одиночество слегка отступило: пленника стали обильно снабжать литературой на разных языках. Посол был человеком весьма образованным и притом полиглотом — все эти языки были ему знакомы. Заточение он переносил героически:

отчасти благодаря врождённому философскому отношению к жизни, отчасти благодаря тонкому чувству юмора и умению наладить сносные отношения с похитителями за счёт глубокого понимания психологии людей и искреннего интереса к их мотивам. Эти таланты позволили сэру Джеффри переносить плен с редкой стойкостью и самообладанием, достойными представителя Королевы. Глубокая вера в Бога укрепила его моральные силы и помогла ему пережить самые чёрные часы.

Особый интерес для нас представляет глава, посвящённая книгам, поддерживающим и питающим сэра Джеффри во время тяжкого испытания. Вот отрывок, доставивший мне особенную радость: «Но полностью отрешиться от реальности я смог в тот день, когда один из моих тюремщиков спросил, не могу ли я ему что-нибудь рассказать об одной моей соотечественнице, чьи книги они получили в числе прочих, — её звали Агата Кристи. С этого момента я всегда мог сбежать, снова оказаться на родине, и мой способ был гораздо быстрее и надёжнее, чем нуль-транспортировка, столь любимая писателями-фантастами. С помощью дамы Агаты и небольшого усилия воли я в мгновение ока преодолевал бескрайнее расстояние между галактиками, противоположные измерения, свобода и заточение, встречались у врат времени, теоремы Эйнштейна и законы термодинамики, как и почти все прочие временные и пространственные формальности, можно было легко обойти. К радости, которую мне доставляли такие невероятные путешествия во времени, добавлялось отдельное интеллектуальное наслаждение: я наблюдал, как молодые революционеры, пропитанные насквозь релятивистскими взглядами на общество, тянутся к таким непреклонным защитникам нравственных ценностей, как мисс Марпл и месье Пуаро. В интеллектуальных спорах мои тюремщики неизменно показывали себя абсолютными прагматиками. В решении политических и тактических вопросов они руководствовались единственным критерием: ‘Сработает ли это?’ И вот, пожалуйста, — они охвачены ностальгией по вечным вопросам: ‘Хорошо это или плохо?’ Обоим сыщикам — мисс Марпл в большей, месье Пуаро, пожалуй, в меньшей степени — свойственна чистота, даже невинность, но они умеют распознать порок, и это чутьё заставляет их идти по следу убийцы до конца со всем упорством небесных ищеек. И всё же эти персонажи, олицетворения нравственности, вызывали безоговорочное восхищение у молодых террористов, способных при необходимости оправдать даже убийство. Я не знал, оплакивать ли мне их утраченную невинность или, опираясь на полученные доказательства, надеяться, что она утрачена не до конца».

Многие письма поклонников не только выражают благодарность, но также полны милых и проникательных замечаний. «Мы слышали, что вы можете быть строгой, и надеемся, что вы больше не разрешите снимать фильмы и ставить спектакли по своим книгам».

«Ваши книги любят и стар, и млад, и я знаю, что многие инвалиды благословляют ваше имя... Благослови вас Бог за счастье, которое вы дарите миллионам людей».

Пишет одна дама, потерявшая отца, сына и мужа: «Вы, наверное, удивитесь, но я нахожу спасение от действительности в ваших прекрасных детektивах. Хорошие детективы, на мой взгляд, это не те, где описываются персонажи, единственный интерес которых — пострелять и заманить кого-нибудь в койку, а такие, как у вас. Ещё мне недавно попала ‘Кошка среди голубей’ (1959), и на меня произвело огромное впечатление, как ненавязчиво и завуалированно вы умеете преподнести читателю глубокие нравственные и социальные догмы».

Среди посланий есть очень забавные, ведь некоторым читателям из других стран трудно выражать мысли на английском языке. Одно письмо из Западной Германии выглядит примерно так: «Дорогая миссис Кристи, я знаю, что миллионы человек — то есть людей — пишут вам, что вы удивительная женщина. Я хочу сказать именно это. Для меня существует не просто женщина, а Женщина с большой буквы, и она состоит из двух частей: одна из них, и первая, — это вы, Агата Кристи, а вторая часть — это Голда Майер, вы сделали меня счастливым навсегда. Вы многого добились в этом мире — и славы, и, наверное, денег. Надеюсь, дальше вас ждёт ещё больше счастья. Ваша улыбка — как солнце, как и ваша фантазия... ваша фантазия!!! Я тоже вас люблю».

Из Мексики: «Должно быть, вы получаете миллионы писем от своих почитателей, но я надеюсь, что вы будете столь благосклонны, что прочтёте ещё одно письмо от человека, у которого восхищение вашими книгами и вами лично в крови. Думаю, я унаследовал это чувство от своего деда, генерала Испанской Республики Миахи, который известен тем, что руководил

обороной Мадрида во время Гражданской войны в Испании. Он очень любил ваши романы, с ними он мог ненадолго отвлечься от многочисленных забот».

«Воспользуюсь случаем, чтобы искренне поздравить вас с абсолютным успехом на литературном поприще. Я не мог не поблагодарить вас за огромную радость, которую я испытываю каждый раз, когда пытаюсь вычислить убийцу в сплетении сюжетных линий одного из ваших романов. Должен сказать, что вы и Диккенс — мои самые любимые писатели. Как можно забыть такие книги, как 'Таинственный мистер Кин', 'Подвиги Геракла' или 'Ночная тьма'? Я с удовольствием читаю даже такие вещи, как, например, книга Питера Сондерса *The Mousetrap Man*, которую я купил в прошлом году в театре 'Амбассадорс', и другие книги, откуда можно больше узнать о вас. Простите, что я так плохо пишу по-английски, но я изучаю его, только когда удаётся выкроить время между химическим машиностроением и криминологией — это моё хобби».

Случались и неожиданные совпадения. Вот, например, письмо от Мери Энн Зерковски, директрисы Начальной школы Аманды И. Стаут в Ридинге, США, штат Пенсильвания: «Я только что дочитала ваш роман 'Пассажир из Франкфурта' (1970) и с изумлением обнаружила себя в роли агента под прикрытием. Я в восторге, что мне довелось сыграть такую роль, но мне слегка любопытно, как так вышло, что вы назвали своего выдуманного шпиона моим именем. Ваша книга произвела огромный фурор среди моих знакомых в Ридинге, штат Пенсильвания. Друзья постоянно звонят и пишут мне и обращаются ко мне 'графиня Зерковски'».

Агата удивлённо ответила, что выбрала фамилию «Зерковски» совершенно случайно, скорее всего, вычитав её в телефонном справочнике или в газете, в колонке, посвящённой рождением, смертям и бракам, и поздравила свою доброжелательную корреспондентку с новым титулом.

А вот письмо из городка Морсан-сюр-Орж, написанное по-французски: «Мадам, я художник, мне тридцать шесть лет. Мне недостаёт ума и утончённости месье Пуаро, и от мисс Марпл я тоже не в восторге. Но, прочитав во французских газетах, что вы самая богатая писательница в мире, я почувствовал восхищение (не без зависти), а узнав, что ваш отец в жизни своей не работал, пришёл в полный восторг! Вот так семья! Так вот почему я вам, собственно, решил написать. Это загадка, над которой вам придётся поломать голову. С уважением и восхищением». Автору этого письма было бы интересно узнать, что Агата давным-давно рассталась со своими деньгами, в основном в пользу благотворительных фондов, и не будем забывать о налогах!

Думаю, достойным завершением этой небольшой подборки корреспонденции станет письмо из Колумбуса, штат Огайо: «Я уже давно ваш преданный поклонник — с тех пор, как в двенадцать лет прочёл 'И не осталось никого' (американское название 'Десяти негрят'). Я обожаю эту книгу и много раз её перечитывал. У вас прекрасное чувство юмора, и вы умеете заставить читателя поволноваться. Пожалуйста, не прекращайте писать!»

Подобные письма приходят Агате со всего света, в том числе из-за «железного занавеса». Например, у неё много поклонников в Чехословакии. Многие конверты надписаны очень странно и неполно, но так или иначе в результате добираются до автора. Часто письма адресованы, например, «миссис Агате Кристи, Королеве Детектива, Великобритания», и то, что они приходят по адресу, свидетельствует о проницательности нашей почты.

Агату справедливо называли самым скромным человеком на свете. Она совершенно лишена тщеславия, несмотря на то, что её романы переведены на большее количество языков, чем пьесы Шекспира, и что к 1973 году их предположительно прочли около двух миллиардов человек, рассеянных по всему свету. «Мышеловка» была переведена на двадцать два языка, и её видели зрители в сорок одной стране. «Не думаю, что я делаю такую уж важную работу. Моя задача — развлекать».

Будучи очень умным и цельным человеком, никогда не претендовавшим на звание интеллектуала, и полностью лишённой честолюбия женщиной, которая могла бы преуспеть во многих областях, Агата совершенно не интересовалась эмансипацией. Она всегда с искренним уважением относилась к читателям, была высокого мнения об их умственных способностях и, по её собственным словам, никогда не жульничала: «Это единственное правило писателя, которое я никогда не нарушаю». Решения её детективных задач свидетельствуют не только о богатой фантазии автора, но и о логическом и математическом складе ума. И ещё одна достойная внимания черта творчества Агаты заключается в том, что в своих произведениях она часто

затрагивает новые тенденции в поведении людей. Например, в романе «Пассажир из Франкфурта» (1970) получил отражение один из первых случаев угона самолёта. По словам самой Агаты, детективный роман должен быть хитрым и интересным, как хороший кроссворд, и действительно, в этом и заключается секрет её успеха. Книги Агаты — это задачи, способные увлечь не хуже карточной игры. Они требуют от человека как раз той степени сосредоточенности, которая позволяет полностью отрешиться от окружающего мира. Самый обеспокоенный читатель, как по волшебству, становится беззаботным и может моментально отключиться от своих проблем. Это отличное успокоительное средство для всех, кто готов его принять.

Ко всем процитированным письмам благодарности я должен добавить мою собственную «Оду ко дню рождения». Эту оду я написал в честь восьмидесятилетия Агаты, которое мы праздновали пятнадцатого сентября 1970 года. В ней упоминается наш любимый пёс Бинго, доставивший нам в своё время столько радости и столько хлопот. Бинго фигурирует в романе Агаты «Врата судьбы» (1973) и изображён на задней обложке соответствующей книги.

Ода Агате на ее 80-летие

Агата, позволь поднести тебе оду,
Позволь огласить ею Гринвея своды:
Укрывшись под ними от жизненных драм,
Все, даже собачки, куря́т фимиам.
Пред нами приятная добрая дама.
Эффектна — не выпив при этом ни грамма.
Уж восемьдесят, а ума через край —
Попробуй тут оду достойную дай!
Ах, нам бы хоть каплю такого ума,
Хоть кроху подобного стиля письма...
Все полки трещат под твоими трудами,
Везде они, разве что не под ногами.
Имеется восемь десятков творений —
Не втиснуть их в оду без долгих мучений.
Убийство, быть может, легко совершить⁷⁸[78],
Но Марпл и Эркюлю придется кружить.
И лишь иногда выпадает зацепка,
Которой достаточно даже для Джеппа.
Взрывается мозг от загадок твоих —
За это мы любим и требуем их!
Ну разве бывала значительней тайна,
Чем тот негритенок со взглядом прощальным?
Тобою повсюду порок осужден,
И каждый герой для борьбы с ним рожден.
Случается часто такая беда,
Что гнусный злодей избегает суда,
Что подлый убийца живет как в раю...
Но в книгу они попадутся твою —
А там по заслугам получают, конечно!
Пусть зло остается в ночи бесконечной⁷⁹!
Недаром тебя попросила во имя
Ее поблистать королева Мария.
Бессмертную славу себе, а не ей
Назначила ты «Мышеловкой» своей⁸⁰.
От пылких поклонников и борзописцев
Спасенье с тех пор тебе может лишь сниться.
Иные ведь не понимают никак,
Покуда буквально не спустишь собак:
Как следует тяпнуть и вытрепать тех,
Кто лезет без спросу, — для Бинго не грех;

⁷⁸ Роман Агаты Кристи «Убить легко» (1939).

⁷⁹ Роман «Бесконечная ночь» — в другом переводе «Ночная тьма» (1967).

⁸⁰ Пьеса «Мышеловка» (1952) появилась как развитие радиоспектакля «Три слепых мышонка», созданного по просьбе жены Георга V Марии Текской к ее 80-летию в 1947 году.

Все лучше, чем вечно цепляться хвостами
И свары устраивать целыми днями.
Сегодня собачки забыли раздоры,
И только к тебе устремляются взоры.
Согласны с собачьей политикой люди:
Пусть каждый сегодня примерным побудет.
Вот, скажем, совсем не узнать Розалинду:
Лица за улыбкой почти и не видно.
И надо же — Энтони бросил вино;
Он не был таким деликатным давно.
А Мэтью оставил детей и хозяйство,
Чтоб только на празднике здесь показаться.
С ним Анжела — как ей, наверное, тяжело,
Теперь без миндалин живется, бедняжке!
Долорес, о чудо, вся подобралась —
Кюфту приготовить геройски взялась!
А Сесил стал рыцарем доблестной дамы:
Ей с противнем помощь предложена прямо.
Глядишь, так и Питер нас всех удивит:
Бац — и приведет себя в божеский вид.
Пока наш лихой обладатель диплома,
Джон, ищет посуды по всему дому,
Патриция пусть над плитой попотеет:
Она хоть и впрямь кашеварить умеет.
Агата, родная, ты благословенна!
Будь неповторимой и будь вдохновенной —
Такою, какую любима ты миром —
Заслуженным будь — и счастливым — кумиром!

Часть 4

Нимруд и его руины (1945–1975)

Глава 16

Институт археологии

Рассказывая о своей семейной жизни с Агатой, о её книгах и пьесах, я совсем отвлекся от нашей археологической работы, и главное — от подготовки моей книги о раскопках в Браке и Шагар-Базаре. Я дописывал книгу с 1945 по 1947 год.

Мой добрый друг профессор Сидни Смит, гостя у нас в Гринвее, просмотрел манускрипт. Думаю, этот труд произвёл на него впечатление, потому что он вместе со Стивеном Глэнвиллем принял подыскивать для меня академический пост. В один прекрасный день при поддержке профессора Гордона Чайлда⁸¹ я был назначен первым профессором археологии Западной Азии Института археологии Лондонского университета.

В то время институт занимал Бьют-Хаус, дом, расположенный на внутреннем круге Риджентс-парка. В юности Агату приглашали сюда на чай. До этого я и не предполагал, как чудесно жить в ротонде: огромный купол над центральным холлом объединял находившихся под ним людей, и так как многие из нас не закрывали двери во время занятий, каждый знал, что и где происходит. Мне кажется, что архитектура мусульманской мечети оказывает такой же эффект — объединяет верующих. Христианская церковь в этом смысле устроена менее удачно: неф и два боковых придела делят собравшихся на три группы. В любом случае, старое здание института было лучше новой коробки, куда мы переехали в 1957 году, причём переезд обошёлся в полмиллиона фунтов, если не больше. На новом месте у каждого появился свой небольшой кабинет, табличек на дверях не было, и мы превратились, как мне показалось, в обезличенное учреждение и потеряли связь друг с другом. Думаю, что отныне задача каждого директора института — возвращать это ощущение сплочённого коллектива и объединять разнообразные задачи, которые решаются в этом здании, в общий процесс.

Работать в старом, первоначальном институте было очень интересно: в его стенах ещё царил любительский азарт, дух первопроходчества. Его ещё не коснулась жёсткая рука профессионализма, которая рано или поздно начинает направлять устоявшиеся сообщества. Пусть и нехотя, университет в итоге был вынужден принять нас под своё крыло и потащить на себе жернова археологии, которые в конце концов превратились в золотые слитки.

Археологи, работавшие в нашем институте на заре его существования, приняли участие в трёх восточных экспедициях, получивших мировую известность. Я имею в виду раскопки в Иерихоне, Мохенджо-Даро и Нимруде, возглавленные Кэтлин Кеньон, Мортимером Уилером и мной соответственно. В то время мы представляли британские исследования в Палестине, в Индии, Пакистане и Ираке. Наша работа, как экспедиционная, так и та, которую мы вели дома, в Англии, принесла институту славу и привлекла туда множество археологов-востоковедов. Также нельзя забывать, что с нами был профессор Кодрингтон, эксцентричный и совершенно непостижимый человек, который преподавал индийскую археологию одновременно и у нас, и в Школе востоковедения и африканистики. Кроме этого, здесь нужно обязательно упомянуть Ольгу Тафнелл, несколько лет самоотверженно работавшую над публикацией материалов раскопок в Лахише.

⁸¹ *Вир Гордон Чайлд* (1892–1957) — один из ведущих археологов XX века, марксист. Автор понятий «неолитическая революция» и «урбанистическая революция».

Над всеми царил наш первый директор, профессор В. Гордон Чайлд, человек выдающегося ума, чьи труды были известны далеко за пределами археологического сообщества. Гордон был открытым приверженцем марксизма и искренне разделял его идеи, но партии хватило ума не признавать его официально: вне партии он был ценным союзником, но, оказавшись внутри неё, представлял бы собой угрозу. Гордону легко давались языки, как древние, так и современные. Он мог читать на санскрите и даже немного был знаком с творчеством Пиндара, но сам себя тем не менее считал «специалистом по горшкам и кастрюлям» — это название хорошо сочеталось с идеями марксистского материализма. Этот совершенно непрактичный человек, «простака за границей»⁸², неловкий в движениях и равнодушный к раскопкам, обладал огромным личным магнетизмом, умом и такой силой воображения, что придавал блеск любому занятию, за которое брался. Он был хорошим товарищем и очень добрым человеком. Нельзя было и представить себе лучшего директора для недавно созданного института. Он прекрасно умел принять гостей и любил жить с размахом. Когда нас посетили члены королевской семьи, воспитание одержало верх над его характером, и он держал себя безукоризненно. Мало кто воспринимал политические идеи Гордона всерьёз, и никто не мог бы с большим радушием, чем он, принять поляка, высланного из Кракова, профессора Т. Сулимирского, прекрасного человека, вынужденного бежать от коммунистического режима.

Поначалу Чайлд был ярким поклонником Сталина, но к концу жизни понемногу в нём разочаровался. По натуре он не был руководителем и ушёл из института на два года раньше срока. Он почувствовал, что, несмотря на его многочисленные интересы, ему нечего больше ждать от жизни. Тогда он вернулся на родину, в Австралию, и там однажды сел в такси и поехал к скалам в окрестностях Сиднея. Слепой как крот, он оставил очки на вершине скалы, оступился по дороге обратно и был найден мёртвым у подножия. Я несколько не сомневаюсь, что это было самоубийство. Подобно строителю Сольнесу у Ибсена, Чайлд сознательно выбрал такой драматичный конец — бросился вниз с высоты. Незадолго до смерти он написал тёплые письма большинству своих друзей, в том числе Агате, и его последнюю статью, опубликованную в «Вестнике Института археологии», можно истолковать как прощальную. Так закончилась жизнь этого невероятного человека, кстати, самого уродливого внешне из всех, кого я знал. Выглядел он действительно жутко: его синий нос, подобно носу Сирано де Бержерака, определял его характер. Если бы Чайлд не пострадал от полиомиелита, изуродовавшего его тело в юности, он, возможно, смог бы лучше вписаться в общество, но археология много бы потеряла в его лице. Его марксистские представления, его практический подход пробуждали археологическую мысль, и все специалисты по доисторическому периоду, имеющие внятные представления о добыче и производстве пищи, обязаны этим его работам.

Время от времени Чайлд предпринимал попытки перестроить систему обучения в нашем институте, сделать её более интегрированной. Он настаивал, чтобы мы принимали участие во внутренних институтских публичных чтениях, где каждый из нас мог рассказать, чем занимается. На такие события приглашались и многие лекторы со стороны, и всех, кто делал что-нибудь достойное внимание в области археологии, просили рассказать о своей работе. Сам Чайлд, хоть и говорил всегда интересно, был неважным оратором. Часто к концу предложения он переходил на фальцет. Слушать его было столь же мучительно, как и смотреть на него, но его лекции всегда производили сильное впечатление.

Получив место в институте, я впервые стал преподавать. Это занятие доставляло мне огромное удовольствие, потому что я хотел поделиться знаниями, и мне было интересно, насколько успешно я смогу донести их до студентов. Кроме этого, я обнаружил, что преподавание — это двусторонний обмен информацией: хоть студент и настроен исключительно на приём, он работает резонатором и должен отражать мысли преподавателя. При индивидуальном обучении сознания ученика и учителя вступают во взаимодействие, и успех этого мероприятия, должно быть, зависит от существующей между ними химической симпатии. Учитель и ученик должны установить раппорт, постараться сродниться. Сам я заметил, что, хотя всегда приятно заниматься с умными студентами, нет ничего лучше, чем наблюдать, как ученик, вначале производивший

⁸² «Простаки за границей» (англ. «The Innocents Abroad») — знаменитый путеводитель, написанный Марком Твенем.

впечатление дурачка, начинает включаться в работу. Насколько я знаю, некоторые заслуженные профессора ленятся и не хотят тратить силы на подобных дурачков, предпочитая уделять внимание более талантливым студентам.

Моей первой ученицей была Маргарет Мунн-Ранкин. Я уговорил её уйти с государственной службы и заняться археологией. Маргарет была прирождённым учёным. Она заслужила признание в Кембридже, где преподавала историю и археологию Востока, и стала серьёзным авторитетом в своей области. Она написала не так много научных трудов, но все работы, вышедшие из-под её пера, выполнены с невероятной тщательностью. Один сезон Маргарет провела с нами в Нимруде, но она по натуре была очень замкнутым и застенчивым человеком, и ей не очень подходила суматоха дальних путешествий. Из Маргарет получился прекрасный преподаватель, добросовестный и исключительно хорошо разбирающийся в предмете, и занятия с ней принесли несомненную пользу многим студентам Кембриджа.

Семинары, как и занятия со студентом один на один, гораздо эффективнее лекций. Выступая перед небольшой аудиторией, я разрешал студентам в любой момент перебивать меня вопросами, но иногда мне казалось, что этот либеральный подход себя не оправдывает. Случалось, что какой-нибудь въедливый слушатель перехватывал инициативу и терзал аудиторию вместо меня. Однажды мне пришлось уточнить у говорливого комментатора, кто именно сейчас читает лекцию, и предложить ему занять моё место на кафедре. Подобные шутки всегда веселят слушателей, а я твёрдо верю, что скучное преподавание — это непростительный грех. Ещё я понял, как важно иногда проверять, все ли следят за моей мыслью. Случается, что вежливость или робость мешают студентам сказать, что им что-то неясно в словах преподавателя. Я как-то читал в романе «Sagittarius Rising», что раньше многие китайские студенты-лётчики разбивались насмерть, потому что вежливость не позволяла им сказать, что они не поняли объяснений учителя. Так я обнаружил, что один студент из Ирака каждый раз, когда я говорю об уровне грунтовых вод, считает, что речь идёт о какой-то специальной водной мебели. Безусловно, это был мой недосмотр. Наверное, сейчас, когда общество так чувствительно к дискриминации по половому признаку, мои слова могут показаться некорректными, но у меня иногда складывалось впечатление, что я могу добиться толка от студентки, только если сначала доведу её до слёз — метод неприятный как для студента, так и для преподавателя, но крайне действенный. Как бы то ни было, я никогда не жалел о времени, потраченном на работу со студентами. Помогая им справиться с трудностями, я становился мудрее, а в общении с ними всегда находил радость. Лет до семидесяти, пока я был в добром здравии, я считал своим долгом непременно отвечать на все письма с вопросами по археологии и, опять же, никогда не жалел потраченного времени.

Моим ближайшим товарищем в институте была моя помощница Рэчел Максвелл-Хайслоп. Она прекрасно справлялась с ролью посредника между мной и лабораториями. С лабораториями она всегда поддерживала тесную связь и получала там огромные объёмы научной информации. Рэчел стала признанным авторитетом в области археологической металлургии и распространения металла в Древнем мире. Она написала множество ценных научных статей, её труд, посвященный ювелирным изделиям Древнего Востока, был встречен бурей оваций, и она стала настоящим кладом сведений о древних методах металлургического производства.

Ещё двое коллег по институту занимают важное место в моих воспоминаниях. Один из них — сэр Мортимер Уилер⁸³, чья первая жена Тесса, человек исключительной энергии, имеет прямое отношение к основанию Института. Мортимер Уилер, или Рик, так называли его многочисленные друзья, был во всех смыслах человек-памятник. Этот верзилка подобно до предела раскрученному двигателю нёсся сквозь жизнь, дыша огнём — порой губительным, испепеляющим противников, но иногда очистительным, способным заживлять и возвращать к жизни. Он был наделён тем же даром, что и мой первый учитель, Леонард Вулли: всё, чего он ни касался, немедленно оживало, будь то Институт археологии, Британская академия или Мохенджо-Даро.

⁸³ *Сэр Роберт Эрик Мортимер Уилер* (1890–1976) — британский археолог и офицер армии. Руководил раскопками в Великобритании, Франции, Индии, Пакистане. Специалист в области археологии римских провинций.

В Комитете не было более ценного человека, чем Мортимер Уилер, а лучше всего он выступал в роли секретаря Британской академии, организации, которую сам перестроил и видоизменил. В его манере всегда была некоторая театральность. Он был рождён, чтобы царить на сцене и приковывать к себе внимание зрителей. В кресле президента Общества древностей он выглядел как король Лир и подавлял всех своим присутствием. В Британской академии Уилер пользовался неограниченными полномочиями и всегда был в ударе: он точно знал, чего хочет, быстро принимал решения и шёл напролом, не утруждая себя вежливостью. Когда дискуссия заходила в тупик, он всегда был готов разрубить гордиев узел разногласий своим авторитетным суждением. Артист удивительным образом сочетался в нём с практичным дельцом. Как артист, он был в своё время одной из известнейших фигур телевизионного мира. Многие помнят, с каким блеском выступал он в программе «Животные, растения, минералы», созданной импресарио Глином Дэниелом. Из сказанного выше очевидно, что Уилер нравился не всем. Некоторые и вовсе считали его невыносимым. Он был безжалостен к глупости и, всегда готовый сыграть на человеческих слабостях, редко ошибался в своих суждениях, хотя и был падок на лесть.

Как археолог Уилер в первую очередь знаменит тем, что стал основоположником нового метода раскопок. В основе его метода лежала убеждённость, что для успешного проведения раскопок необходимо чётко представлять себе стратиграфию⁸⁴ и уметь открыть и описать последовательность слоёв за слоем. Здесь Уилер во многом основывался на работах Питта Риверса, но именно его инструкции стали соблюдаться по всему миру, а он получил международное признание. Уилер был прекрасным организатором. Проработав какое-то время в Индии на посту генерального директора Археологического управления, он полностью восстановил управление и наладил его эффективную работу. В Дели Мортимер основал Школу археологии, которая работала, основываясь на его методе. Благодаря огромному личному обаянию Уилер скоро завоевал преданность своих индийских подчинённых, несмотря на то что отличался властным характером и не терпел возражений. Также ему удалось довольно быстро заслужить доверие Неру. Уилер копал во многих местах, но, наверное, в первую очередь с его именем ассоциируется крепость «Мейден Касл» и небольшие раскопки в Арикамеде, где ему удалось найти следы торговли с Римом. Прежде всего, Уилер был, несомненно, очень одарённым человеком, но за склонность к саморекламе и показушничеству некоторые называли его «старым шарлатаном». Он всегда с готовностью помогал молодым учёным, пытающимся пробиться в жизни. По натуре Уилер был донжуаном, и женщины совершенно теряли от него голову. Иногда он вёл себя абсолютно невыносимо, но с ним было весело, и многие влюблялись в него, несмотря на его невнимательность и грубость. Это был крайне амбициозный человек, нетерпимый, в нём не было ни капли снисходительности к человеческим недостаткам. Он мог публично разнести лучшего друга в пух и прах за несоответствие какому-нибудь стандарту, который сам же и выдумал. Я помню довольно жестокое письмо, которое он написал в «Таймс» после смерти своего близкого друга Яна Ричмонда. Ян не успел при жизни опубликовать все результаты своих раскопок, и Уилер публично осудил его за это, в частности, потому, что Ян — к своей чести — так много времени потратил на «маленьких людей» и на бесплатные лекции в разных скромных организациях. Сам Уилер в жизни не стал бы делать ничего подобного. Конечно, кто я такой, чтобы критиковать гиганта Рика, но даже мы, скромные карлики, должны иметь возможность высказаться. Я горд, что мне довелось работать в Институте археологии рядом с таким колоссом.

Другой выдающейся фигурой в Институте археологии была Кэтлин Кеньон⁸⁵, теперь дама Кэтлин, чьи заслуги получили не меньшую известность, хоть она и не выступала на телевидении. Горе тому, кто возражал ей или придерживался другой точки зрения. Меня часто спрашивали, как мы с ней ладим в университете, и я неизменно отвечал: «Прекрасно, потому что я всегда уступаю». На самом деле я давно уже простил Кэтлин её бескомпромиссность. В спорах она часто вела себя агрессивно и оскорбительно, но при этом хорошо отзывалась о людях за спиной, и её

⁸⁴ *Стратиграфия* — взаимное расположение культурных слоёв относительно друг друга и перекрывающих их природных пород. Установление этого расположения имеет критическую важность для датирования находок.

⁸⁵ *Кэтлин Кеньон (1906–1978)* — английский специалист по библейской археологии.

грубые манеры искупались искренней добротой — качеством, за которое можно легко простить человеку некоторую деспотичность. Надеюсь, что и мои диктаторские замашки будут прощены таким же образом.

Работая в институте, Кэтрин яростно боролась за его благополучие и приносила ему славу своими раскопками в Иерихоне, а затем в Иерусалиме. Загадки Иерихона, очень запутанного городища, были решены благодаря совершенству методов Кэтрин, и ей удалось совершить потрясающие открытия. Выяснилось, что поселение было основано около 8000 года до н. э. Судьба этого уникального оазиса зависела от природного источника. Его укрепления и огромная каменная башня иллюстрировали архитектурные достижения человека в период позднего мезолита и неолитической революции. Самой ошеломительной находкой стали иерихонские черепа. Они были отделены от остального скелета и покрыты масками из глины, а роль глаз исполняли ракушки. Готовые черепа захоранивались под полом. Как ни странно, этот необычный погребальный обряд имеет сходство с описанными Геродотом традициями Эфиопии.

Казалось, что Кэтрин просто создана для поста директора Института археологии — целеустремлённости ей хватило бы с избытком. Но вместо этого она возглавила Колледж Святого Хью в Оксфорде и блестяще им управляла. Доброта и человечность, властность и проницательность делали её прекрасным руководителем, и мало кто мог бы столь успешно собирать деньги на нужды колледжа. Это место она выбрала по очень необычной причине.

Кэтрин очень любила собак и держала у себя свору бездомных дворняг, спасённых из приюта в Бэттерси. К сожалению, в институт с собаками не пускали: начальство считало, что от них одно беспокойство, шум и антисанитария. Ни тогдашний секретарь, ни директор института Граймс не питали симпатии к этим животным, и это привело к открытому противостоянию между Кэтрин и её собаками, с одной стороны, и директором — с другой. В разгар очередного сезона в Нимруд я получил от Граймса письмо, в котором он рассказывал о создавшемся безвыходном положении. Граймс явно надеялся, что я соглашусь с его точкой зрения. Я же дал совершенно противоположный ответ — написал, что всегда предпочитал людям собак, и упомянул, что незадолго до моей учёбы в Новом колледже в Оксфорде один из студентов держал в своих комнатах медведя, и начальство совершенно не возражало. Также я сказал, что не возражаю против некоторой антисанитарии, связанной с содержанием животных, и убеждён, что чрезмерное стремление к стерильности снижает природную сопротивляемость наших организмов. Не знаю, чем бы закончился этот конфликт, но Кэтрин вовремя предложили место директора Колледжа Святого Хью. Думаю, что, если бы не собаки, она предпочла бы остаться в институте, но, так или иначе, она покинула его одновременно со мной: мне как раз предложили пост в Колледже Всех Душ.

Годы, которые я провел в Институте (с 1947-го по 1960-й), подарили мне чувство глубокого удовлетворения от работы и научили правильно распределять энергию. Когда я получил должность, мне было сорок три года. Я был деятелен и полон сил. Сейчас, оглядываясь назад с высоты своих семидесяти лет, я завидую собственной силе и здоровью. Моя способность к концентрации в сочетании с редкими минутами заслуженного отдыха и развлечений позволяла выжать максимум из двадцати четырёх часов, составляющих сутки. Мне приходилось работать то дома, то за границей — примерно поровну. Каждый год я проводил несколько месяцев в поездках или на полевой работе в Нимруде, в Ираке, а затем возвращался домой, чтобы рассказать о результатах раскопок. Публичные лекции тешили моё самолюбие и, надеюсь, аудиторию. На общих ежегодных собраниях Иракской школы в Королевском географическом обществе порой собиралось более пятисот человек.

Выбирая место для раскопок в Ираке, я мог остановиться на любой из четырёх ассирийских столиц: Ниневии, Нимруде, Ашшуре и Хорсабаде. Первые три были построены в стратегически важных местах, выбранных для сплочения империи. Городища Ниневия и Нимруд (Калах), расположенный примерно в двадцати милях к югу, стояли на восточном берегу Тигра (Нимруд — примерно в дне пути от реки), а Ашшур — на противоположном, западном берегу, в сорока милях ниже по течению.

Четвёртой ассирийской столицей, привлечшей моё внимание, стал Хорсабад, расположенный примерно в дюжине миль к северо-востоку от Ниневии, ближе к горам, но этот город можно назвать неудачным ассирийским проектом. Это был недостроенный дом царя-узурпатора

Саргона, правившего с 722 по 705 год до н. э. Наследники Саргона не проявили к городу особого интереса. Тем не менее в этом любопытном поселении вели обширные раскопки французские экспедиции под руководством Ботта и Плэйса, а затем американская экспедиция из Чикаго. Я не думаю, что нам удастся вписать принципиально новую главу в историю этого города, хотя не сомневаюсь, что там ещё есть что копать.

Естественно, у меня была мысль продолжить работу в Ниневии, где многие британские первооткрыватели — Рич, Лейард, Джордж Смит, уроженец Ирака Рассам⁸⁶, Бадж⁸⁷, Кинг и Кэмпбелл Томпсон — совершали интереснейшие находки. Увы, работая с Кэмпбеллом Томпсоном, я убедился, что любые масштабные раскопки этого городища потребовали бы совершенно неподъёмных для нас затрат. Верхние двадцать футов холма представляют собой массу беспорядочно перемешанных обломков, которую постоянно грабили и разрушали ещё с ассирийских времён. Чтобы разобрать это гигантское нагромождение руин, понадобилось бы несколько поколений рабочих. Правда, под ним скрывается великолепная последовательность доисторических слоёв, покрывающая период длиной как минимум в четыре тысячи лет. Мне нравится думать, что однажды какая-нибудь мужественная команда археологов возьмётся за этот тель и прольёт поток света на весь доисторический период Месопотамии. С тех самых пор, как я работал в Ниневии, я нахожусь под непроходящим впечатлением от огромной площади этого городища, составляющей около 1800 акров, и от интригующей планировки внешнего города за пределами акрополя, от массивных укреплений и великолепных руин ассирийской ирригационной системы. Увы, сейчас это прекрасное место плотно окружено современными постройками. Мне же удалось увидеть Ниневию практически такой, какой видел её Лейард, — нетронутой и сияющей первозданной красотой. Даже огромная каменная дамба Синаххериба была не застроена. Я знал, что у меня нет никакой надежды раскопать огромный ассирийский арсенал, известный как Неби Юнус: работа здесь была невозможна из-за неприкосновенной мечети, где, согласно преданию, хранились мощи пророка Ионы. Несмотря на это препятствие, Фуад Сафар, а затем и Тарик эль Мадхлум решились копать в районе одних ворот. В результате этих раскопок увидела свет поразительная находка — скульптура египетского фараона Тахарки приблизительно 650 года до н. э. Тарик также провёл успешные раскопки ворот Ниневии и обнаружил рельефы, оставленные Лейардом во дворце Синаххериба.

Ашшур, древняя религиозная столица, где хоронили ассирийских царей, был тщательно исследован немецкими археологами в период с 1903 по 1912 год и блестяще описан Вальтером Андра⁸⁸, с которым мне повезло познакомиться, когда он навещал Леонарда Вулли в Уре. В какой-то момент в отношениях между учёными наступил разлад, потому что немецкие археологи усомнились в дате постройки шумерских жилищ, которую совершенно правильно определил Вулли. Примирение наступило, когда Андра торжественно извинился перед Вулли и в знак примирения церемонно преподнёс ему огромную гроздь бананов на вершине урского зиккурата. В то время карьера Андра уже клонилась к закату, но он дополнил свою работу с Колдеевым в Вавилоне не менее выдающимися достижениями в Ашшуре. Теперь нам известно, что этот священный город также являлся важным перевалочным пунктом для торговли металлом, особенно в районе 2000 года до н. э., когда ассирийская колония купцов из Кюль-Тепе в Каппадокии в больших количествах меняла на медь ткани и олово, доставляемое из Ирана. Сегодня мы имеем полное представление о том, какую огромную роль играл Ашшур в истории Западной Азии.

Так я пришёл к выводу, что самым перспективным теллем в Ассирии является Нимруд, хотя в пользу других городищ говорили важные доводы.

⁸⁶ *Ормуз Рассам* (1826–1910) — османский иракский ассириолог и путешественник, работавший на англичан. Считается первым ассириологом Ирака, использовавшим европейские методы в работе.

⁸⁷ *Эрнст Альфред Уоллис Бадж* (1857–1934) — британский археолог, египтолог, филолог и востоковед, работавший в Британском музее и опубликовавший большое количество работ о Древнем Востоке.

⁸⁸ *Вальтер Андра* (1875–1956) — немецкий археолог. Руководил раскопками древней ассирийской столицы Ашшура.

Для многих путешественников нет более романтического места, чем Нимруд. Сорок лет назад бородатые головы охранных каменных статуй ламмасы — полулюдей, полужверей — торчали здесь из земли у ворот древних дворцов: верные слуги охраняли покой могучих воинов и жрецов, царей Ассирии. Таким я впервые увидел Нимруд в 1926 году после своего первого сезона в Уре халдеев среди голых степей Южной Вавилонии и понял тогда, что стою перед археологическим раем, куда, возможно, мне выпадет честь попасть когда-нибудь в будущем, когда закончится срок моего ученичества. С тех пор я не расставался с этим намерением, лелеял его долгие годы, проезжая раз за разом по старой царской дороге, которая в эпоху Ахеменидов вела из Суз в Сарды, дороге, окружённой древними теллями на всём участке от Киркука до Эрбиля и Мосула.

Наконец мне представилась возможность устроить масштабные раскопки. Должность в Институте археологии давала мне право более трёх месяцев в году работать за границей. Когда в 1947 году я решил вернуться в Багдад, у меня было достаточно времени для принятия решения, что можно сделать с деньгами, накопленными Британской школой археологии в Ираке за время войны — речь шла о двух тысячах фунтов.

Два года спустя, в 1949 году, я сидел в кабинете генерального директора Службы древностей доктора Наджи эль Азиля, который в то время спонсировал крупные доисторические раскопки в Эриду, проводимые Фуад Сафаром и Сетоном Ллойдом (они блестяще справились с этой достойной задачей). Наджи эль Азиль сказал мне: «Я только что разрешил Чикагскому университету возобновить раскопки в Ниппуре, вас может заинтересовать эта новость». «Это действительно интересно, — ответил я, хватаясь за эту возможность, — потому что как раз собирался просить у вашей службы разрешения на раскопки Нимруда. Моим соотечественникам там всегда сопутствовала удача». Я выбрал правильное время для своей просьбы: как раз исполнилось сто лет со дня начала в том же месте раскопок Лейардом.

Вскоре, благодаря поддержке директора, Служба древностей Ирака согласилась удовлетворить мою просьбу, и никому из нас не пришлось пожалеть об этом удачном соглашении.

Глава 17

Нимруд: акрополь

Во всей Ассирии нет более красивого холма, чем Нимруд: этот уединённый уголок до сих пор не затронут современным строительством. Его величественный акрополь, охватывающий площадь около 65 акров, покрыт дёрном, любимым лакомством овец. Телль и его зиккурат возвышаются над окружающей равниной и грозными водами стремительного Тигра, струящегося между крутых берегов примерно в двух милях к западу. С вершины зиккурата виден однообразный холмистый северный пейзаж и на расстоянии четырёх миль — старый мусульманский город Саламия, рядом с которым есть очень удобный брод. С южной стороны на семь миль до самых верховьев Заба простирается плодородная равнина, где стоит высокий Телль-Кашаф. Когда-то здесь была могучая крепость, древний бастион самого Нимруда. На востоке видны Джебель-Маклуб и далёкие Загросские горы на территории Ирана. В сиреневатом свете, обычном для этих мест, можно различить их высокие вершины.

В хорошие годы эти места становятся отличным пастбищем. Во времена Лейарда спины пасущихся здесь овец краснели от лютиков — сегодня это редкое зрелище. Жарким летом равнины пустеют, но остаются достаточно привлекательными для газелей. До того как браконьеры, охотящиеся на этих животных на автомобилях, практически довели их до исчезновения, их живописные стада часто попадались на пути от Мосула.

Ранней весной 1949 года сотрудник Службы древностей Ирака доктор Махмуд эль Амин поехал со мной в Мосул, чтобы начать подготовку к раскопкам и найти для нас жильё в самой деревне Нимруд. Только что прошли проливные дожди, и у самого зиккурата наша машина прочно засела в грязи. Неустрашимый и неизменно оптимистичный Махмуд сказал, что готов идти

дальше, и как пара неповоротливых бегемотов, в грязи по грудь, мы отправились прокладывать свой вязкий путь к дому шейха, Абдуллы Наджейфи, не самого выдающегося представителя когда-то богатого и образованного рода землевладельцев, но абсолютно порядочного и уважаемого человека, не вылезавшего, правда, из долгов. Нам очень повезло, что он оказался нашим шейхом. Хоть он и был несколько подозрителен, как свойственно крестьянам, но зато отличался гостеприимством и дружелюбием и был готов помогать нам по мере сил, что и продемонстрировал, выставив на стол дюжину бутылок виски, приобретённых в кредит на базаре в Мосуле, чтобы принять нас как следует.

Когда мы с Махмудом, пробарахтавшись полтора часа в грязи, наконец достигли дома шейха, он приказал слуге омыть нам ноги тёплой водой. За этим последовал прекрасный массаж, достойный турецких бань, которые работали когда-то на Джермин-стрит.

Наш визит удался во всех отношениях. Мы договорились не только о нашем собственном проживании, но и о размещении двух десятков шеркати, квалифицированных рабочих из Ашшура: их было решено поселить в двух больших комнатах за пределами хана, принадлежавшего шейху. А главное, благодаря дяде шейха, Мохаммеду Наджейфи, я узнал, сколько следует платить самым неприятным, но самым многочисленным рабочим на раскопе — корзинщикам. Старик как раз нашёл исполнителей для похожей работы и на моих глазах дал каждому из двух крестьян по сто пятьдесят филсов. Сто пятьдесят филсов примерно соответствовали трём шиллингам, или пятнадцати новым пенсам. Эта сумма ровно в три раза превышала дневную зарплату, которую получали около двадцати лет назад наши рабочие в Ниневии. Можно получить представление о темпах инфляции, если вспомнить, что веком ранее, в 1849 году, Лейард платил рабочим по одному пиастру, то есть по два с половиной старых пенса в день. С тех пор зарплата рабочего выросла больше чем в четырнадцать раз.

В первый сезон в командный состав экспедиции входило всего четыре человека: Агата, Махмуд, Роберт Гамильтон⁸⁹ и я. Агате я уже посвятил четыре главы: она была прекрасным помощником, неизменно приветливой хозяйкой, храбрым и весёлым товарищем на всех моих раскопках. Кроме того, она исполняла роль фотографа и помогала мне очищать и заносить в каталог мелкие находки.

Махмуд, как представитель Службы древностей Ирака, вёл записи на арабском и служил неиссякаемым источником шуток и хорошего настроения. Во время войны он получил в Берлине докторскую степень по восточным языкам и успел это сделать в самый последний момент перед приходом немцев. В итоге он стал преподавателем в Багдадском университете. По натуре он был человеком совершенно беспечным и бесшабашным.

Вряд ли можно представить себе человека менее похожего на Махмуда, чем Роберт Гамильтон, но они были прекрасными товарищами и относились друг к другу с большим терпением. Роберт, выпускник Винчестерского колледжа и классик по образованию, отлично говорил по-арабски. Он был скромным и талантливым человеком, каких мало. Гамильтон замечательно рисовал, занимался топографической съёмкой и вёл учёт архитектурных памятников. Он раньше меня начал работать в Ниневии и очень любил эти места. Я был очень рад, что Роберт поехал с нами. Он отличался острым умом и чувством юмора, а с рабочими был, как выразился однажды Кэмпбелл Томпсон, настоящим порохом.

После работы в Ниневии Гамильтон, не достигший ещё тридцатилетнего возраста, был по рекомендации Томпсона назначен директором Службы древностей Палестины и поселился в Иерусалиме. Период его пребывания на этой должности стал важной страницей в истории Службы: Гамильтон был одновременно и творцом, и специалистом в своей области, и блестящим организатором. Его отстранённый и непредвзятый подход позволил всем сотрудникам — и арабам, и иудеям — работать в полном согласии, и развал департамента стал трагедией и для него, и для них. Неизменно справедливый и беспристрастный в своих поступках, Гамильтон тем не менее всегда решительно отстаивал права арабской стороны.

⁸⁹ Роберт Уильям Гамильтон (1905–1995) — британский археолог, учёный. Начинал карьеру ассистентом Кэмпбелла Томпсона на раскопках в Ниневии. Преподавал в Оксфорде, был хранителем музея Эшмола.

Основным достижением Гамильтона в полевой работе было участие в раскопках дворца эпохи Омейядов Хирбет Аль-Мафджара. Его профессиональная и невероятно искусная реконструкция архитектурного памятника удостоилась похвалы покойного профессора сэра Арчиальда Кресуэлла, а это серьёзный успех.

Уехав из Палестины, Гамильтон устроился в Оксфорд смотрителем отдела восточных древностей Эшмоловского музея. Как ни странно, на этом посту его педантичный подход не нашёл понимания у консервативной администрации Университета, и он тяжело переживал этот конфликт. Гамильтон любил уединение, был по натуре философом. Думаю, ему не меньше подошла бы роль метафизика или садовника. Он охотно общался с людьми, но его дружбу можно было добыть только в результате обстоятельных раскопок. Казалось, что им владеет глубокая внутренняя меланхолия.

Наша команда из четырёх человек, составлявшая нимрудскую экспедицию 1949 года, размещалась в крыле дома из сырцового кирпича, принадлежавшего шейху. Мы с Агатой делили спальню на верхнем этаже, Роберт с Махмудом занимали комнату напротив. Помещение на нижнем этаже служило одновременно гостиной, столовой, хранилищем и тёмной комнатой, а напротив располагались кухня и комнаты для слуг. Мы жили практически в трущобах, но были абсолютно счастливы, даже при том, что в первый месяц постоянно шли дожди, и мы вдобавок редко бывали сухими.

Наш индийский слуга Ибрагим угощал нашу команду вкуснейшими карри из риса с шафраном и пёк превосходные пироги, но по окончании сезона заставил меня пообещать, что я ни за что не возьму его больше в Нимруд. Мало кому, кроме монахов Доминиканского ордена, удавалось добраться до нас через ужасную нимрудскую трясину. Исключение составлял Филип Брэдбёрн, молодой вице-консул Великобритании, чьим заместителем был несторианин по имени Априм — его почтительно называли проконсулом. Третьим по важности сотрудником консульства оказался довольно носатый гражданин по прозвищу Бекас. Супруга Филипа Эсме посвятила свою жизнь поддержанию Английского кладбища и славилась добрыми делами. Также нас навещал восторженный директор Британского института Джон Спрингфорд со своей супругой Филлис. Им особенно не терпелось увидеть, как наша «первая лопата вонзится в дёрн». Самым ярким моментом нашего гостеприимства был случай, когда мы в своей крошечной гостиной поили чаем Доминиканский орден Мосула в полном составе, не менее четырнадцати монахов. Гости сидели в основном на полу, кроме разве что отца Танмера, главы ордена, очень талантливого и приятного в общении человека, и археолога, отца Джона, который впоследствии под именем Отца Фьея писал интересные труды на малоизученные темы, затрагивающие историю Ирака, Мосула и Ассирии. Очень жаль, что сейчас работа этих прекрасных людей приостановлена: они никогда не стремились заниматься политикой, и оба были высокообразованными, думающими людьми, достойными представителями христианства.

Дом наш был очень мал, и нас то и дело изгоняли из гостиной, которую Агате приходилось использовать как тёмную комнату для проявки негативов. Превратить одно в другое не составляло труда, потому что в комнате и так было мало света. В такие моменты нам запрещалось даже бродить по верхнему этажу, иначе комья грязи с гулким плеском падали в лоток.

Первый сезон стал для нас настоящим крещением грязью. Ни до того, ни после нам, к счастью, не доводилось встречаться с такой страшной слякотью. Преодолеть трясину, отделявшую холм от деревни, мы смогли только с помощью полноприводного «Доджа»-универсала, который за 150 фунтов купили в Багдаде. Это был невероятно мощный и практически земноводный автомобиль. Каждый вечер он пробивал себе путь сквозь грязь, нагруженный древними горшками, а бригадиры и рабочие висели по бокам, как пассажиры каирского трамвая. Не менее серьёзным испытанием была и поездка на рынок в Мосул: двадцать две мили по относительно бездорожью. Этот чудесный автомобиль воистину был достоин закончить свои дни в музее.

После тридцати дней непрекращающегося дождя внезапно выглянуло солнце и небеса очистились. Земля под ногами превратилась в твёрдую корку, изборождённую колеями: её покрывала сеть окаменевших отпечатков наших колёс. Возможно, некоторые из них долго потом напоминали о нашем посещении. Помню, в степях Ливии мне доводилось видеть колеи предположительно четырнадцатилетней давности.

Акрополь находился в северо-западной части огромного, обнесённого стеной города, занимающего девятьсот акров земли. Все наши предшественники, однако, интересовались дворцами и храмами внутренней цитадели. Только восемь лет спустя мы почувствовали себя вправе копать за её пределами.

Когда мы решили применить к жизни полученные знания о том, сколько положено платить рабочим, дело потребовало всей нашей твёрдости и упрямства. В первый день, когда мы предложили три шиллинга в день каждому, кто готов таскать корзины с землёй, возмущённая толпа, несомненно, подстрекаемая шейхом Абдуллой, шла за нами от деревни до холма и кричала, что за такую работу нужно платить десять шиллингов. И всё же по пути к нам присоединилась группа штрейкбрехеров из-за реки, готовых работать за любое вознаграждение. С их появлением в толпе завязалось несколько драк с использованием ножей и дубинок, появились первые ушибы и ранения. Я счёл благоразумным отправить двух моих спутников, Роберта Гамильтона и Махмуда, в Мосул за небольшим отрядом полицейских и приготовился в ближайшее время справляться без них. Однако после очередной порции потасовок на холме мне удалось привести в чувство около семидесяти человек, и к приезду стражей порядка они уже работали вовсю. Среди нанятых мной рабочих были несколько человек, уже трудившихся на наших раскопах в Ниневии и Арпачии. Они называли Агату своей тётушкой. С этого момента у нас практически не было проблем с людьми, хотя присутствие шеркати поначалу вызывало возражения. Когда днём ранее эти квалифицированные рабочие приступили к делу, грубый член семьи Наджейфи несколько раз выстрелил им поперёк голов. Он решил немного запугать чужаков, но у него ничего не вышло.

Для нас было очень важно установить в начале раскопок приемлемый и справедливый уровень зарплат, который бы делал всё мероприятие более практичным и оставлял место для неизбежных надбавок и вознаграждений, без которых не обходится длительное сотрудничество. Предложенная нами ставка, хоть и очевидно низкая, была вполне достаточной: в любом случае в сезон, предшествующий урожаю, другой работы в сельской местности не было. Эти деньги позволяли крестьянину купить чай, сахар и ткани, а может, и какие-нибудь украшения для жены и делали его жизнь вполне сносной после того, как торговцы дали ему минимум наличных на покупку зерна и, вероятно, ссудили его в счёт части будущего урожая.

Раскопки продвигались, и каждая новая неделя начиналась с драк за право работать на экспедицию. Наша низкая зарплата позволяла нам принять большее число нуждающихся. Здешние деревенские жители, как и все остальные крестьяне на свете, были хорошими партнёрами, слушались твёрдой руки и ценили справедливое обращение.

На этих страницах я не стану подробно рассказывать о продвижении раскопок, упомяну только, чего мы ждали и на что надеялись, приступая к работе над акрополем площадью в шестьдесят пять акров, на котором пока решили сосредоточить свои усилия.

Основной функцией Нимруда было служить главной базой для армии во время её ежегодных военных операций, в особенности в IX веке до н. э. в период становления империи, которой суждено было стать самой могущественной из всех империй, существовавших до этих пор на западе древней Азии.

В основном империя выросла усилиями двух царей, Ашшурназирпала II (883–859 годы до н. э.) и его сына Салманасара III (859–824 годы до н. э.). Большой удачей для Ассирии явился тот факт, что два великих представителя одного рода правили в общей сложности на протяжении шестидесяти лет, за которые была создана сложная система управления империей, а её армия стала самой сильной из всех армий своего времени — не только за счёт лучшей организации, но и благодаря превосходству оружия, существенная часть которого была изготовлена из стали.

Нимруд, он же древний Калах, продолжал использоваться главным образом как военный центр и в восьмом столетии, особенно в период правления могущественного Саргона II (с 722 по 705 год до н. э.). Преемник Саргона Синаххериб (705–681 годы до н. э.) оставил город и перебрался в Ниневию, но его сын Асархаддон (681–669 годы до н. э.) к концу своего правления вернулся обратно и попытался вновь сделать Нимруд столицей Ассирии.

По существу, Нимруд в первую очередь служил военной базой. Размеры города позволяли разместить здесь огромную армию, солидные запасы продуктов для которой приходилось

ввозить из Сирии. Лучшим свидетельством невероятных богатств, накопленных государством за период экспансии, являются массовые находки изделий из слоновой кости в огромном дворце в юго-восточной части внешнего города, известном как «форт Салманасара».

Первым делом мы хотели поработать на старом раскопе Лейарда в западной части холма, а затем углубиться в восточный сектор, сравнительно неисследованный участок земли, по очень веской причине почти не тронутый Лейардом.

Выбирая для раскопок акрополь, и в принципе Нимруд, мы преследовали две основные цели. Во-первых, мы хотели найти больше изделий из слоновой кости: я не сомневался, что холм ещё скрывает множество подобных образцов. Второй, и главной, нашей задачей было найти клинописные памятники, потому что помимо стандартных царских надписей, сопровождающих ассирийские барельефы, Лейард не задокументировал ни одной глиняной таблички с клинописью. Мне казалось просто невероятным, что в таком огромном городе не нашлось хозяйственных, торговых, исторических и литературных записей. Я готов был спорить на что угодно, что рано или поздно мы найдём примеры всех перечисленных текстов. Так и случилось.

Итак, для начала мы сосредоточились на раскопках покоев северо-западного дворца Ашшурназирпала, где Лейард обнаружил лучшие экземпляры изделий из слоновой кости. Лейард условно обозначил покои как V и W, и, даже не пользуясь его планом, мы с лёгкостью обнаружили покой V в первый же день раскопок (дело было в марте) и отправили наших шеркати продолжать там работу. Наша команда хотела не только узнать, сколько фрагментов пропустил Лейард, но и составить представление о первоначальном расположении фигур. В обоих покоях нас встретили груды жалких осколков, но нашлась и одна целая композиция, изделие исключительно тонкой работы. Это была объёмная фигурка коровы, где-то вполладони длиной. Изначально корова была изображена кормящей телёнка. Композиция лежала на кучке земли в углу комнаты, и позже я понял, почему: по всей видимости, она упала вниз из комнаты, располагавшейся над покоем V. Действительно, многие помещения дворца были двухэтажными.

На дверном проёме одной из комнат по пути к статуэткам Лейарда была надпись времени Саргона II (722–705 годы до н. э.), гласившая, что лежащие там сокровища Саргон отбил у Писириса, царя Каркемиша. Вероятно, часть сокровищ действительно относилась ко времени Саргона, но остальные, скорее всего, следует датировать эпохой Салманасара III (859–824 годы до н. э.), воевавшего в Финикии. Некоторые трофеи были явно финикийскими изделиями, созданными под влиянием египетского искусства, и не исключено, что Салманасар мог привезти в Ассирию самих финикийских мастеров.

Служба древностей Ирака, как и следовало ожидать, немедленно заявила свои права на нашу прекрасную корову из слоновой кости. В то время они назначали существенную долю находок археологу, который мог получить спонсирование от института только при условии, что сможет предложить им за эти деньги что-то реальное. К счастью, этот же сезон ознаменовался другой столь же прекрасной находкой — цилиндрической печатью из аметистового кварца, изображавшей мифических существ, несущих по небу солнце. Печать относилась примерно к 800 году до н. э. и, вероятно, одно время принадлежала правителю Калаха. Когда дело дошло до раздела трофеев, я сказал, что должен увезти в Британский музей либо корову, либо печать, в противном случае я не смогу вернуться в Нимруд на следующий сезон. Дело горячо обсуждалось представителями Службы древностей, и в конечном итоге щедрость одержала верх, но с разницей всего в один голос. На такой вот тонкой ниточке висела судьба наших последующих десяти сезонов в Нимруде.

За первый сезон мы получили представление о том, что ещё предстояло сделать в акрополе и почему предыдущие раскопки так мало затронули его восточный сектор, на который мы и обратили теперь всё своё внимание. Здания здесь были сложены исключительно из сырцового кирпича, и неопытные рабочие Лейарда не могли отделить их от окружающей породы, если у них не было ориентира в виде каменного барельефа. День за днём, вынужденные то и дело перебираться из-за сырости из одной траншеи в другую, мы понемногу знакомимся с менее зрелищными, но имеющими большой исторический потенциал образцами ассирийской архитектуры. Нашим первым серьёзным достижением на этом участке были раскопки крупного административного здания, которое мы окрестили «дворцом правителя». Дворец в основном

создавался Ададом-Нирари III и могущественной царицей-матерью Шаммурамат, известной в греческой мифологии под именем Семирамиды. За годы раскопок мы значительно расширили планы, составленные нашими предшественниками Лейардом, Лофтусом и Джорджем Смитом, и последовательно совершили множество архитектурных и археологических открытий в Сгоревшем дворце, храме Набу и в северо-восточной части холма, где мы раскопали ряд частных домов, до того момента неизвестных. Дома стояли на высоком основании у восточной стены акрополя, и из них открывался фантастический вид на внешний город.

Когда мы только приступили к раскопкам Дворца правителя и Сгоревшего дворца, мы наткнулись на слои золы, ясно свидетельствовавшие о масштабных разрушениях. Клинописные таблички, найденные в этих слоях, мы датировали последними годами правления Саргона (722–705 до н. э.), и я ошибочно сделал заключение, что Нимруд был разрушен в результате революции, последовавшей за смертью царя. В результате дальнейших раскопок, занявших несколько лет, выяснилось, что эта страшная бойня относилась ко времени окончательного уничтожения Ассирии мидийцами и вавилонянами, к 614–612 годам до н. э. Удивительная сохранность документов, относившихся ко времени правления Саргона, объясняется не разрушением города и не революцией, а тем, что Калах был сознательно заброшен его преемником Синаххерибом. Синаххериб так хотел возродить Ниневию и столь мало заботился о Нимруде, что многие здания совершенно обветшали и разрушились. Положение города изменилось при сыне Синаххериба Асархаддоне, который вернул всё на свои места и решил восстановить в правах Нимруд, то есть Калах. Последние годы своего правления он отметил постройкой величественных каменных стен в форте Салманасара во внешнем городе.

История и археология идут рука об руку. Изучая жизни сменяющих друг друга царей, мы видим, что каждый новый монарх или старался значительно улучшить дом своего предшественника, или, наоборот, совершенно его забросить и поселиться на новом месте. История ассирийских построек — это история маниакального тщеславия, в которой каждый последующий монарх непременно должен был выглядеть более могущественным, чем предыдущий. Причиной этого психопатического состояния был страх не удержать власть над чрезмерно разросшейся империей, где даже родные земли кишели потенциально неверными чужеземцами. Эффектная демонстрация власти считалась лучшим инструментом пропаганды и средством устрашения, направленным против тех, кто мечтал о восстании и искал признаки слабости.

Несмотря на эти тенденции, Сгоревший дворец хоть и был зданием немаленьким, но отличался сравнительной скромностью, необычной для королевской резиденции. Здесь жил либо правитель Нимруда, либо сам Саргон в ожидании, пока будет готов его новый дворец в Хорсабаде. Одной из самых интересных находок, связанных с Саргоном, стал клинописный текст, в котором описывались проблемы, уже тогда возникавшие у правителей Саргона в связи с северным народом гимиру. Это было первое упоминание о могучих киммерийцах, которые несколько десятилетий спустя, вероятно, в 694 году до н. э., как утверждает Евсевий Кесарийский, подчинили себе часть Анатолии и разрушили фригийскую столицу Гордион. С этой датой согласился Родни Янг, проводивший раскопки Гордиона, расположенного в самом сердце Каппадокии.

Также в Сгоревшем дворце мы нашли коллекцию прекрасных некрупных голов из слоновой кости, в основном женских. Судя по всему, они изображали женщин из разномастного царского гарема. Важность этой находки в том, что теперь её можно с уверенностью отнести к последним десятилетиям IX века до н. э., потому что она очень похожа на другую, уже датированную подобную коллекцию, обнаруженную Робертом Дайсоном в поселении Хасанлу на северо-западе Ирана. Изделия являются значительной вехой в истории нимрудской резьбы по слоновой кости.

Среди множества важных находок, совершённых в этом секторе холма, следует особенно выделить ещё одну, а именно — совершенно удивительный комплект «рабских договоров», которые Асархаддон в расцвете своего правления, в 672 году до н. э., навязал девяти мидийским правителям. Каждого правителя заставили поклясться в верности царю Ассирии, а в случае если клятва будет нарушена, предателю грозил целый набор проклятий, довольно омерзительных по сути и детально прописанных для специальной церемонии. В ходе её некоторые из них подвергались проклятию — в частности, проездом забрызганной кровью колесницы и

возложением на огонь воскового изображения. На тех же табличках была изложена последняя воля ассирийского царя. В числе прочего он желал, чтобы его сыновья вместе правили империей: один в Ниневии, другой в Вавилоне. Таблички были обнаружены вместе с большим количеством изделий из слоновой кости, относящихся к IX веку до н. э., в тронном зале храма Набу. Все они были раздавлены и изуродованы. Эти заброшенные документы служат вечным напоминанием о том, как ненадёжны договора перед лицом меняющихся обстоятельств и как непрочны соглашения между людьми: от согласия под принуждением нет никакого толка.

Самый главный текст, договор с мидийским правителем Ураказабаной, имел шестьсот семьдесят четыре строки в длину. Д. Дж. Уайзман — теперь профессор — потратил три года на восстановление этого текста из сотен фрагментов. Его выносливость и самодисциплина достойны уважения: он справился с этой задачей в результате кропотливого перебора осколков, любезно предоставленных на время Британскому музею. Каждый день он приходил на работу на час раньше времени, а уходил на час позже, и его упорный труд увенчался успехом. Текст восстановлен весь, за исключением всего нескольких строк.

Я думаю, что после прочтения этого краткого обзора читатель сможет получить первое представление о многочисленных важных находках, сделанных в восточной части акрополя. Желая почтить о найденных нами частных домах рекомендую обратиться к книге «Нимруд и его руины». Один из обитателей этих домов, старик по имени Шамаш-Реш-Усур, вёл торговлю добрые пятьдесят лет. Он был весьма зажиточным купцом и занимался самыми разными делами, в частности, давал деньги в долг в счёт урожая и поставлял птиц для храма в Эрбиле. Думаю, этот старик достоин войти в анналы геронтологии. Его история доказывает: чтобы прожить столь длинную жизнь в Ассирии, человек должен быть практически несокрушимым, и тогда его предполагаемая продолжительность жизни будет увеличиваться с каждым прожитым годом.

Теперь я хотел бы рассказать о наших находках, сделанных в западном секторе холма. Начиная с первого сезона, основной задачей наших раскопок на этом участке было определение, насколько это возможно, размеров и вида северного и южного крыла северо-западного дворца Ашшурнасирпала, так как из отчётов Лейарда было ясно, что он главным образом занимался парадными покоем, где ему удалось найти удивительные каменные барельефы, которые давно занимают почётное место в Британском музее.

Сначала мы приступили к раскопкам жилого крыла с южной стороны дворца и в покоех, служивших принцессам, нашли потрясающие вещи. Помимо богатого собрания изделий из слоновой кости, среди которых нам встретилась необычно крупная фигура быка, вырезанная в период правления Саргона, мы обнаружили множество женских безделушек, в том числе набор ракушек, где хранилась косметика — малахитовая краска для глаз. Одну из ракушек украшала гравировка в виде скорпиона. Скорпион считался символом богини Иштар и нравился жене Синаххериба. В одном из покоев лежало несколько копий, которые, вероятно, убегая, бросили стражники. Рядом находилось захоронение, а на нём — каменная плита Ашшурнасирпала, содержащая сведения о закладке городской стены. Не было никаких сомнений, что плиту убрал Асархаддон, занимавшийся обновлением стены двумя столетиями позже. В могиле лежали останки принцессы, а вместе с ними были захоронены знаменитые нимрудские сокровища, которые теперь хранятся в Багдаде. Самым примечательным элементом коллекции была подвеска в виде печати из аметистового кварца. Композиция на печати изображала двух людей, стоящих по обе стороны от дерева и играющих на духовых инструментах. Подвеска держалась на золотой цепочке из мастерски выкованных звеньев, крепившихся к замку. Туника принцессы была скреплена изогнутой застёжкой — безопасной булавкой седьмого столетия до нашей эры. Длинный коридор, вымощенный камнем, отделял эти покои от остального замка. Вход в него защищали массивные двери. Царь ежедневно преодолевал этот путь под защитой огромного крылатого ангела — внушительного барельефа, установленного в начале коридора.

В северном, административном, крыле нас ждали другие замечательные находки. Здесь находились царские хранилища документов — разделённые на отсеки кирпичные стеллажи, содержавшие, в числе прочего, записи местной администрации времён правления Тиглатпаласара III (745–727 годы до н. э.) и рассказ о мятежном вавилонском главаре Укин-Зере. Эту захватывающую историю восстановил один из наших сотрудников, а теперь профессор

Г. У. Ф. Саггс⁹⁰[90]. Среди записей, относившихся к правлению Тиглатпаласара, был также ряд документов, относившихся к налогообложению и к работе комиссии налогового управления в финикийских городах Тире и Сидоне, в которых скифской полиции пришлось призвать неплательщиков к ответу. Здесь же нашлась большая каменная призма, повествующая о кознях одной хитрой лисы, халдейского шейха, который был бельмом на глазу не менее четырёх ассирийских монархов. Саргон вывез этот компрометирующий цилиндр из вавилонского Эреха, а туда отправил собственную, «улучшенную» версию. Это первый известный случай нападения и контрнападения в пропаганде. Также необходимо упомянуть, что подобная организация канцелярии была новым словом в ассирийской архитектуре и что нам необычайно повезло найти такое количество архивов, лежавших на своём изначальном месте под толстым слоем золы, оставшимся от последнего нападения на город. Пожар, несомненно, спас архивы от уничтожения, хотя здесь, как и на всей территории Нимруда, соль, содержащаяся в почве, привела к распаду многих глиняных табличек.

Все перечисленные предметы были найдены в почти не исследованных Лейардом частях северо-западного дворца, но самая интересная находка ждала нас на пропущенном им участке — прямо у главного входа в тронный зал.

Осматривая главный вход в 1951 году, я заметил, что со стены обрушились несколько рядов сырцовых кирпичей, и предположил, что под ними может скрываться что-то интересное, на что был направлен взгляд огромного каменного «ламассу», крылатого стражника, полульва-получеловека. Я не ошибся. В нише, заполненной обломками кирпича, обнаружилась прекрасная стела из известняка — скульптура, имевшая чуть больше четырёх футов в высоту, воздвигнутая основателем дворца Ашшурнасирпалом. Спереди и сзади стела была покрыта письменами. Всего мы насчитали сто пятьдесят четыре строки, из которых следовало, что строительство города было завершено на пятый год правления Ашшурнасирпала, то есть в 879 году до н. э.

В тексте приводился перечень основных зданий города, описания дворцов, храмов и стен, а также царских парков, зоопарков и ботанических садов. Царь очень любил цветы и увлекался садоводством. Из заграничных походов он привозил образцы разнообразных деревьев, ловил по пути диких зверей и загонял слонов в западни, чтобы добыть ценные бивни. Ассирийцы были умными завоевателями и умели снять сливки с покорённых территорий. Текст завершается описанием роскошного банкета в акрополе. Банкет длился десять дней, и в нём приняли участие 69 574 человека, в том числе многие знатные персоны того времени. Просторный акрополь площадью в 65 акров, несомненно, запросто мог принимать по семь тысяч посетителей в день. Воображение сразу рисует картину пира, состоявшегося здесь весной 879 года до н. э. Обильные трапезы устраивались под открытым небом: основная часть гостей, несомненно, пировала в открытых внутренних дворах, и только немногие избранные посетители были приглашены в царские покои. Очень увлекательно читать описание яств и питья: мясных блюд, фруктов и овощей, пива и вина. Это просто кладёшь захватывающих сведений.

Самое любопытное в этом тексте, что на его основании можно построить хоть какие-то предположения о численности населения, хотя, конечно, эти без малого семьдесят тысяч человек собрались в Калахе по особому поводу. Дэвид Отс, теперь профессор, который присоединился к нам на пятый сезон в 1953 году, а в последние годы раскопок стал начальником полевых работ, в своей на редкость увлекательной книге «Исследования по истории Северного Ирака» попытался логически вычислить, сколько человек теоретически мог вместить район Калаха-Нимруда исключительно за счёт собственных ресурсов. В своих расчётах он учёл и сложную канализационную систему, построенную вторым основателем города Ашшурнасирпалом, который подарил Нимруду новую жизнь через четыре столетия после Салманасара I. Отс исходил из предположения, что фермеры, чьи земли напрямую зависели от Калаха, не могли жить дальше чем в семи-восьми милях от города. К такому заключению мы пришли, наблюдая за нашими рабочими в Нимруде и Ниневии. Они как раз были готовы преодолеть расстояние в семь или восемь миль с тем, чтобы в тот же день вернуться обратно, но не больше. Взяв эту цифру за

⁹⁰ Генри Саггс (1920–2005) — британский востоковед, ассириолог. Автор известных книг по истории Вавилона и Ассирии.

основу расчётов и оценив площадь годной для возделывания земли в заданных пределах, мы получаем неожиданный, но правдоподобный результат: собственных ресурсов Калаха хватало не более чем на двадцать пять тысяч человек.

С другой стороны, глядя на устройство зданий, площадь свободного пространства внутри стен, окружавших акрополь и внешний город (их периметр слегка не дотягивал до пяти миль), а также читая анналы поздних ассирийских монархов и описания их армий, можно сделать вывод, что временами гражданское и военное население города существенно превышало эти оценки. Я думаю, мы не ошибёмся, предположив, что порой городское население доходило до ста тысяч человек. В форте Салманасара мы нашли табличку, содержащую отчёт о проверке как минимум 36 242 луков, а из этого следует, что численность армии в два, а может, и в три раза превышала это количество.

Подобные расчёты очень важны для понимания хода ассирийской истории. Большую часть людей, проживавших в Калахе и, несомненно, в других ассирийских городах, можно смело назвать паразитами, поскольку они сидели на шее у производителей пищи. Чтобы прокормить их всех, приходилось дополнительно ввозить продукты из других стран, в основном из богатых зернохранилищ Сирии, которые активно использовались и позже, уже во времена Римской империи.

Более того, чтобы строить и поддерживать в исправном состоянии обширные муниципальные сооружения ассирийских мегаполисов, требовалась многочисленная рабочая сила. Известно, что на постройку одного из многочисленных акведуков Синаххериба, ведущего в Ниневию, ушло более двух миллионов каменных кирпичей.

Так Ассирия стала заложницей собственной экономики. Из соображений безопасности и хозяйственной необходимости она была вынуждена привлекать к обслуживанию городов непропорционально большое число иммигрантов: сирийцев, неохеттов и даже иранцев. История Нимруда прекрасно иллюстрирует это положение дел: рост и подъём Ассирии и пик завоеваний в IX веке до н. э., сложности с тем, чтобы удерживать разросшуюся империю в восьмом, первые серьёзные неприятности в седьмом и предчувствие неизбежного краха, когда всё пошло кувырком при трёх последних царях, начиная с Ашшурбанипала. Ассирийская империя — лучшая иллюстрация оптимистичного утверждения Полибия, что познания о прошлом помогают нам правильно вести себя в настоящем. Того же мнения придерживался Конт. Вряд ли кому-то хочется повторить судьбу Ассирийской империи, но многие шли по тому же пути.

Раскопки акрополя, в особенности царских покоев, ознаменовались находкой лучших произведений ассирийского декоративно-прикладного искусства за всю историю исследований. В наш четвёртый сезон (это был судьбоносный для нас 1952 год) мы решились на сложное и опасное мероприятие — очистку трёх колодцев в административном крыле.

Первый из них раскапывал сам Лейард. Он добрался до уровня воды и остановился как раз в тот момент, когда следовало бы продолжать работу. Спустившись глубже, мы наткнулись на осколки шестнадцати панелей из слоновой кости и нескольких деревянных. Здесь же нам впервые удалось найти фрагменты клинописных текстов на воске. Когда-то этот способ письма был очень распространён. Тексты были красиво вычерчены мелкой клинописью по пластичной жёлтой основе, смеси пчелиного воска и аурипигмента, делающего воск пригодным для письма. Нашей самой важной находкой стал роскошный переплёт из слоновой кости, надписанный именем царя Саргона (722–705 годы до н. э.). Надпись поясняла, что этот пространственный текст с астрологическими предсказаниями, в котором упоминается бог неба Энлиль, будет использоваться Саргоном в его новом дворце в Дур-Шаррукине (Хорсабаде). Мы знаем, что в последние годы правления Саргон готовился к переезду в новую, недостроенную столицу. Нам повезло, что обследование колодца не закончилось несчастным случаем: едва мы вытащили на поверхность нашего специалиста по колодцам, древнего старика из Ашшура, который работал ещё с Андре, как нижняя часть конструкции обрушилась со страшным грохотом.

Это происшествие заставило нас отказаться от мысли добраться до дна другого колодца, расположенного поблизости. Сорок лет спустя Служба древностей, которую не останавливали подобные препятствия, благополучно извлекла оттуда дюжину великолепных композиций из слоновой кости, причём в приличной сохранности. Среди этих находок есть часть слоновьего бивня, узкий конец которой выточен в виде женской фигуры. Женщина поддерживает руками

грудь, а повязки на её плечах и ленты в волосах покрыты тонким слоем золота. Там же были найдены две чаши с изображением львов, фрагмент ажурной панели и другие, более мелкие предметы. Самой примечательной находкой стал неглубокий прямоугольный поднос не менее тридцати сантиметров в длину с круглым углублением в центре. По краям поднос украшали цветы лотоса, прикреплённые с помощью соединительного шипа, и более мелкие элементы в виде бараньих голов. Другой важной находкой была объёмная голова евнуха, самая крупная из всех наших голов из слоновой кости, чуть меньше Моны Лизы по размеру. Скульптура сохранила следы краски, а также до нас дошли отдельные фрагменты туловища, состоявшего, по всей видимости, из соединённых вместе сплошных кусков слоновой кости. Сохранились обе ступни, два крупных фрагмента плеча и груди, покрытых прямоугольным орнаментом, изображающим ткань, и другие куски, вероятно, относившиеся к левой половине нижней части тела, также покрытые орнаментом. Высота всей фигуры составила бы около пятидесяти сантиметров.

Но главные сокровища ожидали нас на дне красивого колодца, выложенного кирпичом. Колодец имел более трёхсот рядов кирпича в глубину, а в середине изгибался спиралью. Многие кирпичи были отмечены именем Ашшурнасерпала. Американский нефтяник, к которому я обратился за консультацией, сказал, что каждый подобный колодец стоил кому-то жизни. Наш оказался милосердным. Мы спускались всё глубже и на глубине около семидесяти или восьмидесяти футов, в толще ила под водой, нашли несметные сокровища. Ближе ко дну нам приходилось копать уже день и ночь из-за того, что в колодец просачивалась вода. И всё же, вооружившись керосиновыми лампами, мы смогли закончить эту работу, растянувшуюся на два сезона. Как всегда, я расскажу только о нескольких самых важных находках. Все они были описаны и проиллюстрированы в книге «Нимруд и его руины».

Самой удивительной находкой стала пара хризоэлефантинных панелей, изображавших жестокую сцену — негра, бьющегося в смертельной агонии, практически в экстазе смерти, и львицу, перегрызающую ему горло в зарослях папируса и цветов лотоса. Цветы, расположенные рядами, склонялись поочерёдно то вправо, то влево под порывами ветра. Миниатюрные вогнутые элементы цветов заполняли вставки из лазурита и сердолика. Черты лица негра были тщательно исполнены, а крутые завитки его волос изящно вырезаны из слоновой кости и покрыты золотом. Две эти миниатюры, сделанные для того, чтобы украсить спереди и сзади трон Саргона, были настоящим чудом среди резных поделок. Специалисты предполагают, что их создали финикийские мастера, которых в таком случае, скорее всего, специально привезли из Тира или Сидона для выполнения этих работ в Калахе. То, что мы нашли целую пару панелей, можно считать настоящим чудом. Таким образом, мы получили возможность забрать один экземпляр в Англию, где его с течением времени смогут увидеть миллионы. Большой цветной плакат с изображением этой композиции красуется в лондонском метро и привлекает в Британский музей как англичан, так и иностранных посетителей. Экспонат получил мировую известность.

Прекрасно помню, как однажды в воскресенье, в мае 1952 года, я встречал нашего высокого гостя в лондонском аэропорту. Я сразу доставил его в научно-исследовательские лаборатории Британского музея, где доктор Г. Дж. Плэндерлейт сразу взял дело в свои опытные руки и отправил композицию на рентген, который выявил внутреннюю трещину поперёк спины человека. Это позволило нам без промедления принять меры для сохранения экспоната. Другой, почти безупречный экземпляр стал одним из самых ценных объектов в Багдадском музее. Мудрые законы, существовавшие в те времена в Ираке, позволили разделить две драгоценные находки и отправить их за много километров друг от друга, каждую в свою столицу. В наше опасное время это лучшая страховка от потери и уничтожения обоих экземпляров сразу и лучший способ показать эти уникальные экспонаты и востоку, и западу.

В том же колодце обнаружилось и другие неповторимые изделия из слоновой кости: крупная голова прекрасной девы с чёрными локонами и алыми губами, которую мы окрестили «леди из колодца», а Наджи Аль-Азиль — «Мона Лиза». Слава её не померкнет никогда. Своими мягкими чертами эта очаровательная головка составила резкий контраст с другой, не менее крупноголовой, которую мы грубо называли «сестрой-дурнушкой». Сестра-дурнушка была сделана в другой технике и, вероятно, на сто лет раньше, то есть где-то в IX веке, возможно, при Салманасаре III. Эта голова досталась нам, и мы передали её в нью-йоркский Метрополитен-музей, который щедро спонсировал нашу экспедицию начиная с 1951 года. Мне не доводилось

работать с более отзывчивым и знающим зарубежным коллегой, чем Чарльз Уилкинсон, занимавший в то время пост куратора Отдела Ближнего Востока в упомянутом музее. Уилкинсон — творец, серьёзный специалист и высокообразованный человек — поддерживал нас со всей возможной преданностью и щедростью и убедил своего преемника вести себя так же. Среди множества изделий из слоновой кости, найденных в том же колодце, отдельного упоминания заслуживают ещё два: это псалии, украшенные рельефным изображением крылатого сфинкса с женской головой. Из-под одежды сфинкса высовывается крылатая кобра, а свободное место в центре композиции занимает псевдофиникийская надпись. Псалии, несомненно, сделаны финикийцами, скорее всего, в VIII столетии до н. э. В их оформлении мы видим египетский сюжет, по незнанию искажённый чужеземными мастерами, не знакомыми с подлинниками. Как бы то ни было, главным образом эти находки интересуют нас постольку, поскольку они являются образцами замысловатого оформления упряжи, предназначенной для царских колесниц.

Сохранить извлечённые на свет находки и обеспечить их должным уходом на протяжении полевого сезона нам помогла изобретательность Агаты и её гибкое воображение. Она моментально сообразила, что объекты, более двух тысяч шестисот лет пролежавшие под водой, следует приучать к новому и сравнительно сухому климату постепенно. Из этих соображений мы несколько недель держали «леди из колодца» под мокрыми полотенцами и день ото дня уменьшали влажность, пока скульптура не привыкла к более сухой атмосфере. Лечение каждому пациенту подбиралось индивидуально, исходя из его личного анамнеза, и со временем мы убедились в правильности принятых мер: все наши экспонаты до сих пор живы и здоровы.

Настала пора распрощаться с имперскими сокровищами акрополя, иначе мы рискуем задержаться на этой теме на много глав.

На каком бы участке северо-западного дворца мы ни вели раскопки, находки стоили потраченных усилий, будь это вазы и печати из алебастра, какие-то другие объекты или новые сведения, помогающие восстановить план дворца. Заново раскопав храм Нинурты с северной стороны, мы получили много новой информации об истории Нимруда, начиная с постройки храма в IX веке до н. э. и вплоть до окончательного разрушения города в седьмом. Припрятанные ценности и огромные сосуды для хранения масла свидетельствовали о былом богатстве. Проводя раскопки в храме, на входе в один из его длинных залов мы наткнулись на превосходно сделанную бородатую голову каменного великана, одного из пары. Найдя эту исполинскую скульптуру, Лейард снова закопал её, потому что не мог вынести из храма такую массивную находку. У нас было важное преимущество перед Лейардом: в его времена не было фотоаппарата, хотя, пока он занимался раскопками, его друг Фокс Тальбот как раз работал над этим изобретением.

Нас очень заинтересовали мощные стены акрополя, всё ещё поднимавшиеся на высоту в 43 фута и имевшие 120 футов в ширину. С восточной стороны вдоль основания стены шла дорога для экипажей, с западной на поверхность выходила огромная набережная из камня. Она растянулась на расстояние в две мили и была сложена из мощных каменных кирпичей, которые были вытесаны при Ашшурнасерпале и, как утверждает в его записях, заложены глубоко под ревущими водами Тигра. Последним человеком, упомянувшим до нас в своих заметках эту гигантскую набережную, был Ксенофонт, который в 401 году до н. э. после битвы при Кунаксе прошёл, не замочив ног, вдоль старого русла реки, когда вёл свою армию из десяти тысяч греков в героический поход к Чёрному морю. По пути он вёл записи для потомков, верные по существу, которые мы смогли дополнить 2350 лет спустя.

В заключение скажу, что мы прекрасно понимали, сколько ещё предстоит сделать, чтобы исследовать хотя бы зиккурат. Это огромная задача, которая потребует нескольких лет основательных раскопок, в результате которых должна решиться проблема подходов к зиккурату и лестниц, ведущих наверх. Если полностью обнажить его прекрасный северный фасад, сложенный из кирпича и камня, то это удивительное зрелище будет поражать воображение посетителей уже на подъезде к Нимруду. Но каждый дюйм акрополя заслуживает раскопок ничуть не меньше, в особенности огромный Центральный дворец Тиглатпаласара III, каменные барельефы которого представляют собой важнейший этап истории ассирийской скульптуры.

Завершая написание этой главы, я хотел бы поблагодарить Службу древностей Ирака и её деятельных сотрудников, которые долгие годы занимались реставрацией и поддержанием северо-западного дворца, его фасада, тронного зала и парадных покоев и тем самым увековечили выдающееся творение его основателя.

Глава 18

Нимруд: форт Салманасара

Почти десять лет мы набирались опыта на раскопках акрополя, но в течение всего этого времени я старался заслужить доверие землевладельцев в надежде, что мне удастся получить у них разрешение на работу за его пределами.

Как-то раз в воскресенье, в один из наших выходных дней в марте 1957 года, мы с нашим эпиграфистом-датчанином Йоргеном Лессёе прогуливались вокруг внешнего города и подобрали на склоне кирпич с именем Салманасара III. С тех пор я обозначал этот участок не иначе как «Ф. С.», и коллеги постоянно спрашивали меня, что это значит. Очень скоро они узнали, что под этими буквами я подразумеваю «форт Салманасара». Как оказалось, здесь действительно располагался форт Салманасара, хотя сам царь называл его дворцом. Реставратор Асархаддон, живший позднее, подобрал для этого сооружения слово поточнее — «арсенал». Когда мы полностью раскопали обширную постройку, выяснилось, что она имеет площадь около 12 акров и состоит более чем из двухсот комнат. По размерам форт почти в два раза превышал северо-западный дворец: Салманасар ни за что не хотел проиграть собственному отцу. Восточные рубежи здания защищали высокие башни, распределённые вдоль городской стены. Сегодня о них напоминает внушительный ряд покрытых торфом пригорков, вытянувшийся вдоль линии горизонта. Высокие южные укрепления защищает Пати-хегалли, или Канал изобилия, и крутой подъём, ведущий к массивным воротам.

Западная граница форта отстояла от акрополя больше чем на милю, но её легко можно было заметить возле двух ориентиров на юго-восточном углу внешнего города — двух высоких холмов, несомненно, представлявших собой груды сырцового кирпича. Холмы располагались в ста пятидесяти метрах друг от друга и по виду напоминали небольшие зиккураты. Восточный был немного выше западного. Холмы получили название «Туллул Эль-Азар». Вездесущий Рассам провёл здесь разведку в 1873–1874 годах и, кажется, нашёл несколько разбитых изделий из слоновой кости. К счастью, этих находок было недостаточно, чтобы заинтересовать Рассама, и вскоре он переместился на другой участок. Западный холм ещё ждёт своего исследователя, но мы знаем, что он скрыл выросший и восстановленный Асархаддоном Дворец-форт, к его временам уже обветшавший. Однажды какой-нибудь археолог выяснит, какие постройки скрываются под холмом и имеют ли они отношение к основателю форта.

Скоро мы разобрались, что представляет собой восточный, более высокий «туллул». Он скрывает груды обломков, оставшуюся после падения мощных стен тронного зала царя Салманасара, которые по высоте и толщине превосходили все прочие стены дворца и были заметны издали на фоне плоской равнины. В книге «Нимруд и его руины» я высказал предположение, что когда-то высота этих стен достигала 12 метров (чуть менее 40 футов), это сравнимо с высотой каменных стен Гордиона Ахеменидов в Малой Азии, равной 13 метрам (это более 42 футов). Дэвид Отс, которому выпало вести работы на этом участке форта, не стал браться за раскопку всего тронного зала целиком, а благоразумно раскопал его восточный край, где полоса гипса, обнажённая дождями, указывала на наличие ниши, в которой могла размещаться задняя часть огромного каменного основания царского трона. Он оказался прав. В результате многодневных глубоких раскопок на свет показался гигантский ступенчатый подиум массой более 15 тонн, сохранившийся притом в прекрасном состоянии. Судя по углублениям на горизонтальной поверхности подиума, трон, давно уже снятый со своего места, три раза менял своё местоположение.

К счастью, само основание было слишком тяжёлым, чтобы мидийцы смогли его унести с собой. Они старались поскорее отправиться дальше и окончательно уничтожить Ассирию, а перед тем, как нанести решающий удар по Ниневии, требовалось ещё осадить Ашшур и Тарбису.

Из длинной надписи на основании трона следует, что его установили на тринадцатый год правления Салманасара III, то есть около 845 года до н. э., когда строительство дворца уже практически было завершено. Переднюю и боковые грани основания украшают рельефные сцены, изображающие победы над врагами царя, главным образом в Сирии и в Халдее, у самого Персидского залива, откуда царю доставляли дань. На рельефе также изображены слуги, несущие огромные слоновьи бивни. Сирийские бивни поставлял Кальпарунда, царь Унки. Там, на Амуркской равнине, пятью столетиями ранее любили охотиться фараоны.

Длинные бордюры, опоясывающие основание трона Салманасара, уступают по размеру барельефам его отца в северо-западном дворце, но выполнены с большим мастерством и свидетельствуют о его любви к миниатюрным композициям, примеры которых мы можем видеть также на Чёрном обелиске и на бронзовых воротах Балавата. Почётное место на передней стороне основания занимает сцена, изображающая, как царь Ассирии прикасается к руке Мардук-закиршуми, возвращенного им на вавилонский трон. Празднование этого события происходит под сенью царского шатра. На рельефе с большой выразительностью изображены оба царя, их слуги и личные принадлежности. Эта сцена свидетельствует о том, как важен был для Ассирии союз с Вавилоном, важным религиозным центром. Политические связи с этим священным городом могли повлиять на то, будет ли мир или война между Ассирией и примыкавшей к ней с юга Халдеей. Тронный зал Салманасара был раскопан достаточно, чтобы мы смогли разглядеть, что его стены расписаны прекрасными картинами вместо каменных рельефов, которые предпочитал его отец. Мы снова закопали рельефы, чтобы сохранить их до времени, когда их можно будет выставить без риска.

Следы на подиуме ясно указывали на то, что трон перемещали три раза. Возможно, один раз это было сделано при Шамши-Ададе V (824–810 годы до н. э.): в одном из военных складов была найдена табличка из слоновой кости, из этого можно было заключить, что Шамши-Адад проводил здесь реставрацию. Под подиумом обнаружили осколки упавших картин, указывающие на то, что его передвигали в разгар реставрационных работ. В полу перед подиумом были сделаны две глубокие ямы для столбов, которыми пытались подпереть просевшую кровлю: по всей видимости, её частично разрушил враг. Попытка восстановить зал после первого нападения ни к чему не привела: и здесь, и на других раскопанных участках мы нашли многочисленные признаки того, что последний и окончательный разгром Нимруда произошёл почти сразу после первого. В дальнейшем на месте бывшей военной столицы Ассирии кое-как влачили жалкое существование ещё несколько поколений.

В форте мы сделали одно крайне важное открытие. Все признаки указывали на то, что многочисленные изделия из слоновой кости, существенная часть которых была выполнена в финикийской манере, создавались специально для Салманасара III⁹¹. В надписях на основании трона упоминался Азаил, царь Дамаска, а в покое Т-10 мы встретили имя Ирулени, царя Хамата. Оба монарха были современниками Салманасара. Эти наблюдения подкрепляют сведения, полученные в Самарии, где царь Ахав выстроил дворец из слоновой кости, несомненно, по настоянию своей финикийской супруги, уроженки Тира. Ахав также был современником Салманасара. И даже археологические данные раскопок в самой Самарии поддерживают, если не полностью подтверждают гипотезу, что найденные там изделия из слоновой кости в финикийском

⁹¹ Среди исследователей нет единого мнения по поводу того, когда именно изделия из слоновой кости в финикийском стиле появились в Нимруде. Некоторые археологи считают, что это произошло существенно позже VIII века до н. э., на том основании, что в самих финикийских городах, в частности в Тире и Сидоне, подобные изделия никогда не попадались в контексте IX века до н. э. С другой стороны, Тир и Сидон исследованы сравнительно мало, и данных из этих городищ получено недостаточно. Я не сомневаюсь, что рано или поздно там найдут слоновую кость — в интересующих нас слоях, в развалинах какого-нибудь здания, построенного не позднее 850 года до н. э. Гораздо больше меня удивляет, что её так и не нашли в Библие, где проводились масштабные раскопки. Как бы то ни было, в Тире и Сидоне стоит проверить повторно. — *Прим. авт.*

стиле относятся к дворцу IX века до н. э. И наконец, существует мнение, что на финикийский стиль оказали влияние орнаменты, найденные на египетских фаянсовых чашах, которые были сделаны в мастерских Гермополиса не позднее X века до н. э. В пользу нашего предположения говорят и другие данные раскопок в Египте, особенно металлические изделия девятого века, найденные в Танисе.

В тронный зал вели две двери, сделанные в западной стене, совсем как и в Северо-западном дворце. Также сюда можно было попасть через покой, расположенный с восточной стороны. Там, раскинувшись над оформленным башнями входом из восточного двора, посетителей встречало великолепное многоцветное панно из глазурованного кирпича, выполненное в пяти цветах: белые, чёрные, зелёные и жёлтые краски сияли на синем фоне. На картине были изображены две фигуры царя, стоящие под крылатым диском у подножия древа жизни; композицию обрамлял орнамент из газелей и листвы. Это впечатляющее произведение мастерски восстановил Джулиан Рид. Высота картины чуть превышала четыре метра, а ширина была более трёх метров. Удивительная панель сохранилась для потомков благодаря тому, что, когда расположенные под ней ворота горели при разгроме Калаха, она целиком оторвалась от кирпичной стены, упала на землю плашмя и была надёжно погребена под руинами. Неподалёку располагался огромный зал, оформленный, как я уже упоминал, композициями из слоновой кости в финикийском стиле, которые мы теперь можем с уверенностью отнести к периоду правления Салманасара III.

На таком ограниченном пространстве невозможно отдать должное огромному архитектурному сооружению, состоящему более чем из двухсот покоев. Во времена Асархаддона этот дворец уже официально назывался «Экал машарти», то есть арсеналом — зданием, где расквартировывают солдат, размещают колесницы, лошадей, оружие, хранят всевозможные военные трофеи. В целом это описание довольно точно соответствует тому, что мы здесь обнаружили. При Синаххерибе фортом никто не занимался, но позже его сын Асархаддон восстановил и перестроил часть южного крыла. Его работа видна во многих местах, но особенно бросается в глаза претенциозный южный фасад, неловко вклепанный поверх старой кирпичной стены Салманасара. Прежние ворота уступили место новым. Теперь входить в здание полагалось по длинному восходящему коридору, украшенному настенными картинами. По обе стороны от входа по изящной известняковой кладке шла памятная надпись, говорившая о заслугах Асархаддона. В последние годы правления этого монарха явно преследовала мысль вернуть столицу из Ниневии в Калах — об этом свидетельствовал и найденный Лейардом недостроенный дворец в юго-западной части акрополя. пышное оформление южного фасада форта продолжалось и вдоль восточной стены, но здесь работа не была закончена. Смерть помешала Асархаддону исполнить грандиозные замыслы.

В южном крыле здания также располагались жилые покои, включавшие в себя относительно небольшую комнату, украшенную настенными картинами в стиле, характерном для времени царствования Асархаддона. В комнате обнаружилась пара каменных «рельсов», ведущих к месту, где когда-то, должно быть, был подиум. Вероятно, он был сделан из дерева или сырцового кирпича. Обычно за подиумом располагается ниша, но здесь не было и её. Я склоняюсь к смелому предположению, что это помещение служило приёмной для царицы: не сомневаюсь, что могущественным царицам Ассирии полагалось иметь подобные покои. Более того, в непосредственной близости от этой комнаты находились залы и хранилища, в связи с которыми мы прочли несколько женских имён, принадлежавших «шакинту», то есть правительницам, вероятно, самой царице и кому-то из должностных лиц женского пола. По всем признакам это крыло являлось гаремом. Рядом с тронным залом находилась пара гардеробных и умывальных комнат. В этих помещениях мы нашли множество сокровищ, в том числе несколько прекрасных композиций из слоновой кости. Одна из комнат была прямо-таки забита подобными изделиями, посеревшими и почерневшими в карающем огне.

На пороге зала по соседству с покоями царицы мы нашли превосходную люнетту⁹² из слоновой кости с изображением крылатого сфинкса с телом льва и крылатой кобры, или урея,

⁹² *Люнетта* — отверстие в стене под распалубкой свода; поле стены, заключённое между аркой и её опорами, часто украшаемое живописными или скульптурными изображениями.

появляющегося из одежды в финикийском стиле. Это удивительно изящное изделие я склонен связывать с самим Асархаддоном. Насколько нам известно, ни один из царей до него не интересовался сфинксами, а с его именем связано несколько соответствующих каменных скульптур, в первую очередь найденных в северо-западном дворце, правда, все они выполнены в ассирийском стиле. Действительно, это единственный пример изображения в финикийской манере, но тонкая и выразительная передача черт лица характерна для всех сфинксов Асархаддона. В книге «Нимруд и его руины» я предположил, однако, без веских причин, что наша люнетта была изготовлена или для Тиглатпаласара III, или для Саргона, то есть во второй половине VIII века до н. э. Моё предположение не подкреплялось серьёзными доказательствами, поэтому новая версия представляется мне не менее вероятной, особенно если вспомнить, что Асархаддон побывал в Египте, расширил до его границ Ассирийскую империю и поддерживал связь с Финикией. Таким образом, люнетта со сфинксом вполне могла украшать его трон или трон его царицы.

Тому, кто не был в Нимруде, сложно представить себе широкий размах стен Салманасара и то сильное впечатление, которое производит на зрителя длинный ряд выдающихся башен из сырцового кирпича, растянувшихся с восточной стороны на триста ярдов вдоль горизонта. Во втором томе книги «Нимруд и его руины» приведён план этого продуманного архитектурного комплекса, снабжённый подробным описанием. Из просторных внутренних дворов можно было попасть к складам, царским покоям и солдатским баракам, щедро снабжённым ванными комнатами: в представлении ассирийцев чистота шла рука об руку с благочестием. С течением времени различные монархи добавляли новые покои или реставрировали старые. В особняке, воздвигнутом Адад-нирари III (808–782 годы до н. э.), мы нашли уникальный комплект ажурных панелей из слоновой кости, на которых были изображены носильщики-негры с обезьянками в руках.

В состав юго-западного крыла входили жилые покои. Как мы уже видели, здесь, в стороне от дворцовой жизни, был устроен гарем, где в уединении жили принцессы. По мнению Дэвида Отса, некоторые комнаты были расположены в соответствии с общественным положением их хозяек. Здесь, как и везде, мы обнаружили красноречивые свидетельства разгрома города и массовое захоронение тех, кто погиб от руки мидийцев и вавилонян. Массивные западные ворота, защищённые башнями по краям, были проломлены нападавшими. На одном из черепков было обнаружено выразительное изображение башни — со всеми лестничными пролётами, валгангом и бойницами. О военном присутствии говорил и ещё один любопытный экспонат — трибуна принимающего парад, найденная нами в юго-восточном внутреннем дворе.

Разглядывая это величественное здание, следует мысленно достроить верхний этаж. Все деревянные лестницы, ведущие наверх, давно истлели, но в некоторых комнатах ещё сохранились кирпичные ступени. Большая часть изделий из слоновой кости хранилась на верхнем этаже, который без остатка обрушился на землю. Была, правда, одна просторная комната на нижнем этаже, в которой мы обнаружили некоторое количество спинок от тронов и стульев, ожидавших починки после первого нападения, произошедшего в 614 году до н. э. Все они были сделаны около 730 года до н. э. и представляли собой уникальное собрание, дающее представление о мебели этого периода. В 612 году до н. э. после двухлетней отсрочки произошло второе, последнее нападение, комната вместе со всеми сокровищами была погребена под руинами здания и оставалась в таком виде, пока мы не обнаружили её в 1957 году.

Раскопки форта Салманасара стали последним исследованием, которое провела в Нимруде Британская школа археологии в Ираке. Нам удалось вписать новые выдающиеся главы в анналы ассирийской археологии. Предполагаю, что коллекция изделий из слоновой кости, собранная в форте Салманасара, превышала по размеру любую из ранее найденных подобных коллекций. Невозможно передать в двух словах всё разнообразие этих изделий, но, пожалуй, самыми красивыми из них были объёмные ажурные изображения антилоп, газелей и других рогатых животных. Удивительно, но нам не удалось найти ни одного изображения слона — источника тех богатств, которыми был столь щедро обеспечен ассирийский двор. Исследователи полагают, что большинство изделий из слоновой кости было вырезано из бивней сирийских слонов, азиатской

разновидности индийского слона, известной как *Elephas Indicus var. Deranyagala*. Источниками бивней были стада, поселившиеся на Амукской равнине, где на них уже охотились фараоны в XV веке до н. э. Скорее всего, ассирийские охотники полностью уничтожили эти стада к началу VII века до н. э. Единственное изображение индийского слона мы видим на чёрном обелиске Салманасара III, созданном в 841 году до н. э., где также запечатлен царь Иудеи (Иорам или Иегу⁹³), целующий ноги царю Ассирии.

Для экспедиции, состоявшей максимум из двенадцати человек, раскопки форта Салманасара представляли непростую задачу, но крупные штаты сотрудников отвлекают начальника. Как бы прекрасно он ни умел передавать полномочия, всё равно ему приходится заниматься организацией вместо того, чтобы посвящать время своему основному делу — раскопкам. Другой серьёзной преградой для увеличения штата были потенциальные расходы на жильё, питание и проезд, которые могли подкосить экспедицию. На наших огромных раскопках мы обошлись минимальным штатом. В состав экспедиции входили: начальник с супругой, старший помощник, архитектор, геодезист, два эпиграфиста (или более), по меньшей мере один специалист по керамике, начальник лаборатории, два помощника на полевых работах (или более) и — последний в списке, но не в жизни — секретарь. Пост секретаря большую часть времени занимала Барбара Паркер. На её плечи ложились все экспедиционные заботы, и в случае любых накладок она оказывалась крайней. Ключевая фраза была — «опять уволена». Барбара была для нас настоящим сокровищем, и я просто не знаю, что бы мы делали без неё. Эта абсолютно бесстрашная женщина, как правило, одетая в белые, красные или синие курдские шаровары с цветочным орнаментом, брала на себя решение всех проблем и добровольно перед началом каждого сезона выезжала в поле, чтобы починить крышу и привести дом в порядок. Барбара отличалась забывчивостью, и порой ей даже приходилось брать в долг у рабочих, чтобы им же и заплатить. Рабочие ничуть не обижались, напротив, они были благодарны Барбаре за то, что она исполняла при них роль врача и в случае любой болезни, будь то запор или кровавый понос, всегда готова была прийти на помощь. Мы ценили Барбару ничуть не меньше рабочих. За столом она, не переставая, развлекала нас интересными разговорами и с готовностью играла роль придворного шута. Также ей приходилось работать экспедиционным эпиграфистом и фотографом. Помню, как она выполняла эквилибристические номера на упаковочных ящиках, чтобы взять в фокус мелкие объекты. Барбара интересовалась древними религиями, отлично разбиралась в цилиндрических печатях и применила свои огромные познания к толкованию их иконографии.

Не сирены ль это звук
Оглушает всех вокруг?
Это Барбара грядет —
Заправлять тут всем идет.
Нос прочистила — на нас
Будто грянул трубный глас.
Ангел в курдских шароварах,
Наша бойкая Варвара!

Агата посвятила ей и вторую оду. Она звучит так:

Варвара-мученица раз
В Ассирии жила.
Добрее и щедрее всех
Святая та была:
Любой мог смело попросить
Штаны или омлет.
Не ела завтрака она,
Питаясь лишь в обед.
Всегда работала как вол,

⁹³ Здесь автор, кажется, ошибается. Иегу не был царём Иудеи. Он был царём соседнего Израильского царства.

Выкладывалась, но
Начальник злобный на нее
Ругался все равно.
«Так! Ну и кто тут виноват?!» —
Кричит он вне себя.
Варвара спрятала глаза
И еле молвит: «Я...
Я понимаю, мой удел —
Таскаться с рюкзаком,
Брать все проблемы на себя,
Безропотно притом,
Но у меня великий дар —
Чудесно исцелять:
Кто от изжоги соду пил,
Тот может рассказать.
Вчера хотела отдохнуть,
Поспать хотя бы час.
Вдруг голос: 'Это что еще?!
Уволить стоит вас!
А я работник хоть куда!
Я даже джин не пью!
Все, хватит, больше я и вам
Ни капли не налью!
И в министерство я уйду,
На вас не настараться мне!
В какое? Вам не все равно?
Ну да, дезинформации!»

Одним из наших важнейших занятий был поиск еды. Каждый день мы прочёсывали округу в поиске яиц, которые каждую неделю ели сотнями, так что к концу сезона найти их стало настоящей проблемой. Также мы пытались разводить индюшек — это было самое дешёвое мясо, и притом гораздо более вкусное, чем жёсткая баранина и совершенно несъедобная говядина, продававшиеся в Мосуле.

За поездки на почту и покупку спиртного отвечал наш отважный водитель-яковит Петрос. Как многие водители, этот парень мог взбесить кого угодно. Он был очень упрям и постоянно сыпал невыполнимыми предложениями, но память у него была превосходная — несомненно потому, что он не умел ни читать, ни писать. Он мог удержать в голове список из сотни покупок и, вернувшись в Нимруд после захода солнца, отчитывался мне по каждому пункту. Как-то раз Петрос по собственному почину привёз мне топор, и я пригрозил, что он получит у меня этим топором по голове. Парень был по-своему честен, хотя и не гнушался использовать подвернувшуюся возможность. Например, однажды летом он забрал себе наш автомобиль, убедив себя, что мы за ним не вернёмся. Вскоре, правда, нам удалось забрать машину назад. Экспедиция с большой симпатией относилась к Петросу и полностью на него полагалась. Он обладал одним абсолютно незаменимым качеством — хорошим чувством юмора.

Среди многих живописных персонажей, составлявших холст нимрудской экспедиции, никак нельзя забыть моего дорогого друга Дональда Уайзмана. Дональд был мастер на все руки и всегда оставался в хорошем расположении духа. Он совершенно не обижался, когда мы подоброму подшучивали над его фундаменталистскими идеями, и храбро выдержал перекрёстный допрос, который устроил ему Роберт Гамильтон. Дональд никогда не был заумным академиком, «похорон грамматика»⁹⁴ ему не дожидаться, но совершенно бесстрашно делился своими идеями, предпочитая скорее совершить ошибку в интерпретации, чем потерять часть информации. Он был полной противоположностью тем учёным, которые так боятся ошибиться, что ничего не делают. Научный мир должен быть благодарен этому неутомимому, стремительному и от этого порой

⁹⁴ «Похороны грамматика» (англ. «A Grammarian's Funeral») — стихотворение английского поэта Роберта Браунинга. В стихотворении описываются торжественные похороны, которые благодарные ученики устроили своему учителю.

допускающему неточности эпитафисту за невероятно быструю расшифровку текста на стеле Ашшурнасирапала (не прошло и полугодом с момента находки стелы, как уже состоялась публикация) и за реконструкцию «рабских договоров» Асархаддона. Ни один учёный не справился бы с этой объёмной задачей столь быстро и качественно: поступающие поправки и критические отзывы в основном несущественны. Уже одну эту его работу можно считать огромной заслугой. Сколько весёлых путешествий по ухабистой дороге совершил я в компании Дональда, хотя должен сказать, что меня частенько раздражал его неуместный оптимизм в трудной ситуации. В его биографии была очень любопытная строка: во время войны он служил в контрразведке, занимался перехватом сигналов для Королевских ВВС Великобритании и еще молодым дослужился до полковника авиации. Он был как свежий глоток воздуха для Британского музея и для Школы востоковедения и африканистики, куда его взяли на профессорскую должность. Где бы он ни служил, он всегда был готов взять на себя административные заботы, никогда не жалел на это времени и выполнял двойной объём работы для Британской школы археологии в Ираке. Дональд порой очень путано выражал свои мысли. В Нимруде мы как-то спросили его, как организован каталог в Британском музее, но даже толком не поняли, был ли он там вообще. Приведённая ниже ода написана Агатой по мотивам этого разговора:

«Вы мудры, мистер Уайзман», — профессор сказал. —
«Вы учились, смотрю, много лет.
Я уверен, что нам на вопрос номер пять
Вы дадите подробный ответ».
«Что ж, с какой стороны посмотреть. Например,
Утверждать я готов не шутя:
Все последние данные нам говорят,
Что, вне всяких сомнений... Хотя
Тут двоякий подход. Я склоняюсь к тому,
Что, наверное, если учесть
Положение дел, то, скорее всего,
Может быть... В общем, да. Так и есть».
«Мистер Уайзман, позвольте», — профессор сказал, —
«Вас поздравить с блестящим ответом!
Говорили вы очень уверенно и
Не ответили толком при этом.
Недосказанность, складность — за все высший балл.
Восхищённый учёный совет
Без сомнений присвоит вам степень Д. М.»⁹⁵.
Мистер Уайзман воскликнул: «О нет!»

В Нимруде с нами работало много прекрасных людей, и хотя я не могу рассказать обо всех на этих страницах, я благодарен каждому из них без исключения. Много сделал для нас Питер Хулин, эпитафист из Оксфордского университета — в частности, он занимался расшифровкой надписи, имеющей отношение к Салманасару III, одной из ключевых фигур Нимруда. Питер отличался педантичностью и превыше всего ценил точность. Он был человеком практичным и мог показать характер, когда ему казалось, что кто-то ущемляет его права, но в целом мы видели в нём доброго, благожелательного и любезного товарища. Думаю, за время совместной работы мы с Питером обменялись равными объёмами упрямства и ругани. Надеюсь, его не обидит эта характеристика. Я писал её с самыми добрыми чувствами.

Страсть Питера к автобусам и озабоченность их расписанием нашла отражение в оде, в которой Агата описала Нимруд его мечты.

В депо автобусы идут
С точнейшим интервалом,
И снова в путь раз в пять минут
От сельского вокзала.
Движенья требует душа,

⁹⁵ Доктор мистификации. — Прим. авт.

Не стойте у двери!
Мы отправляемся в маршрут
К Салманасару-3.

Профессор Йорген Лессёэ, наш датский коллега, заслуживает особого упоминания. Он работал с нами на протяжении трёх сезонов и обеспечивал нас приятной финансовой поддержкой от Карлсбергского фонда, а заодно и баночным пивом. Этот добрый и храбрый человек в войну служил в датском сопротивлении, и полная опасности жизнь оставила на нём отпечаток. Приобретя опыт полевой работы в Нимруде, Йорген, талантливый учёный, принял участие в важных раскопках Телль-Шемшары в Докане, и на его счету было множество интересных находок, в первую очередь — клинописных источников. Увы, для человека таких способностей он опубликовал удручающе мало работ, и это тем обиднее, что всё, что выходило из-под его пера, написано с большим мастерством. Я помог Йоргену получить годовой пост в Колледже всех душ Оксфордского университета, но ему ещё предстоит довести до конца начатую там работу. Мы никогда не забудем, как Йорген совершил эпическое путешествие через грязь, когда его машина сломалась в деревне Акуб по пути из Мосула. Дело было ночью. Одной рукой Йорген прижимал к себе тяжёлый чемодан, другой — шумерский словарь, который был ещё тяжелее. Он добрался до лагеря под утро совершенно без сил. Этого чувствительного и склонного к нервозности человека любили все коллеги. Мы надеемся, что рано или поздно он сможет преодолеть преграду, отделяющую его от публикации.

Лессёэ-эрудит
Об этом молчит,
Но тексты с холма
Его сводят с ума.
Вчера ввечеру
Лежал он в жару
И выкрикивал в муке
Непонятные звуки.
Если пёс вдруг проснётся... (?)
Если страж промахнётся...
Если птицы поют...
(Полежу-ка я тут... ?)(...)
Если речка во льду...
(Что со мной? Я в бреду?)
Если ужина нет...!..(!)
Необычный сюжет.
Но совсем оскорблением
Он считал уравнение:
(.....)=(.....) (?)
Стра-(НИ) — ца (ЖАР) — гона
На тему (?) (С)ар-(ГОН)а.
Он проснулся с проклятиями,
И назвал всех (ПРЕД)ателями,
И гонялся по улице
За несчастной сотрудницей.
В этот страшный момент
Вдруг ещё документ
Подоспел из архива.
Он воскликнул счастливо,
Убивать передумал,
Сел послушно в свой угол,
Прочитал всё с начала —
И ему полегчало!

Йорген Лессёэ привёз с собой группу датчан, которые, как и он сам, тренировались перед раскопками Шемшары. Среди них было два архитектора, Могенс Фриис и его очаровательная норвежская супруга Анне Тинне, ставшая настоящим украшением экспедиции. Вместе они начали составлять план форта Салманасара. В поле им помогал ещё один датчанин, Флеминг. Нашим

самым выдающимся гостем стал знаменитый датский палеоботаник Ханс Хельбек, внёсший ценный вклад в мою книгу «Нимруд и его руины» в виде подробного описания остатков зерновых и растительных культур, найденных в форте Салмансара. Хельбек женился на другой нашей коллеге по экспедиции, Диане Киркбрайд. Позже Диана провела успешные раскопки Ум-Дабагии, поселения эпохи раннего неолита на севере Ирака, и неолитического поселения Бейда в Иордании. За несколько лет до выхода на пенсию Диана стала директором Британской школы археологии в Ираке, но ей гораздо приятнее было вести собственную работу. Она была настоящим исследователем из XVIII века, любила археологию и не боялась браться за трудную работу в глухих местах.

Троих датчан Йоргена Лессёе Агата также увековечила в одной из од:

Плывут, плывут датчане на Средний на Восток,
Плывут Нимруд увидеть, утопленный в песок.
Зовут их очень странно на наш английский слух:
Выучивал я «Йорген» в течение лет двух.
Норвежка Анне Тинне не вызвала проблем,
Но «Сёрен» не дается, как мы ни бьемся, всем, —
Хоть парень он веселый, совсем не Кьеркегор.
Остался только Флеминг — и вот он, весь набор!

Расскажу ещё о двух столпах нашей экспедиции, Джоан Лайнс — как её звали, когда она только к нам присоединилась, — и Дэвиде Отсе. Джоан, американка, проработала с нами несколько сезонов. Она специализировалась на керамике и проделала в экспедиции огромную работу. Джоан была прекрасным организатором и настоящим профессионалом своего дела. Впоследствии она написала много прекрасных статей в разных областях восточной археологии. В Нимруде она привлекала внимание всех молодых археологов — они тянулись к ней, как мухи к варенью. К счастью, во второй сезон она обручилась с Дэвидом Отсом, вскоре вышла за него замуж, и они жили вместе в Кембридже долго и счастливо.

Передо мною каталог —
В него я заношу
Любую единицу, что
В раскопах нахожу.
«Находка тыща девятьсот».
Округлости манят,
Изгибы, выпуклости, стать
Пленяют и разят.
Ах, смугло-розовая плоть,
Ах, белая кайма...
А эта зелень с синевой
Сведет меня с ума.
С изящной шейкою они,
Как видно, заодно.
О, столь прелестный экземпляр
Ищу я уж давно!
Внушительная вышина,
Вполне себе охват.
Происхождение образца —
Нью-Йорк, заморский штат.
Заканчивая протокол,
Отмечу, не тая,
Что эту роскошь отыскал
Не кто иной, как я!

Дэвид Отс, теперь профессор, был связан с экспедицией с пятого и по предпоследний сезон. Он профессионально разбирался в сырцовом кирпиче и после Нимруда отправился раскапывать руины среднеассирийского периода в Телль-Римах, древнюю Карану, в Джебель-Синджар. Лучшего полевого работника, чем Дэвид, не найти во всей Месопотамии. Основной план форта

Салманасара в огромной степени является продуктом его труда. Такой незаменимый в поле специалист на академической должности только напрасно тратит время — каким бы прекрасным учёным он ни был. Раскопки у него в крови, и нужно надеяться, что в конце концов он сможет освободиться от административных забот: его призвание лежит в другой сфере. Его книгу «Исследования по истории северного Ирана» я считаю лучшим трудом в этой области, так как он профессионально разбирается не только в истории, но и в географии. Дэвид человек весьма здравомыслящий и в основном приятный в общении — кроме тех моментов, когда его упрекают в прокрастинации, тогда его корнуоллский темперамент берёт верх. Он чрезвычайно добр и предупредителен. Я уверен, что он оставит след в истории. В Нимруде у нас порой было столько Дэвидов, что Дэвида Отса мы стали называть «шейх Дауд». Это имя ему очень подходило: из него вышел бы прекрасный арабский кочевник. Высокий человек с мягкими манерами, он походил на Аполлона, глядящего с олимпийских высот на этот мир, который наверняка ему порой казался удручающим и неприятным.

Шейх Дауд был спокоен до ужаса,
Хоть и явно был болен,
Утверждал: всем доволен.
Он сидел и сидел —
И вдруг... пожелтел!
Налетели врачи
И как стали лечить!
Взяли антибиотики
И другие наркотики;
Утверждают, что справятся:
Не умрет, так поправится!
Протирали его салфетками,
Накормили его таблетками,
Предложили ему слабительного —
И теперь ему плохо ДЕЙСТВИТЕЛЬНО!

Другим Дэвидом был Дэвид Стронах. Он был совсем зелёным юнцом, когда появился в Нимруде во время крайне урожайного сезона, в 1957 году. Он помогал извлекать на свет уникальное собрание спинок от стульев, найденное в покое форта Салмансара, а также занимался медными булавками, о которых потом со знанием дела писал. Дэвид, душа компании, скромный, располагающий и энергичный, вскоре после отъезда из Нимруда был назначен — в исключительно молодом возрасте — директором только что основанного Британского института Персидских исследований в Тегеране, и его личное обаяние сослужило ему хорошую службу на этой должности. Талант Дэвида по части связей с общественностью был очень полезен при запуске института. Позже он безупречно провёл целый ряд раскопок, в частности, в Пасаргадах, основанных Киром Великим, и в мидийском городище Нуш-и-Джан. Приятно вспоминать, сколько археологов, получивших свой первый полевой опыт в Нимруде, сделали потом достойную карьеру в других местах. Двое, Дэвид Стронах и Невилл Читтик, возглавили институты востоковедения, пятеро получили профессорские посты.

Примерно в одно время с Дэвидом Стронахом с нами работал ещё один выпускник Кембриджа, Николас Киндерсли. Николас не обладал глубокими научными познаниями, но в экспедиции его очень ценили: он был мастером на все руки и отлично разбирался в автомобилях. Сейчас Николас руководит успешным отелем в Ирландии, и мне жаль, что он покинул науку. Вот ода, в которой Агата увековечила его страсть к меренгам:

— Расскажи-ка, повар наш:
Что на ужин ты нам дашь?
— Отбивных нажарю вам,
На десерт безе подам.
Только Барбаре ни-ни —
Ей нельзя такой стряпни.
Что до Ника — для него
Есть по дюжине всего!

Другим незабываемым персонажем была Марджори Говард, которую к нам направил Институт археологии (тогда он находился в Риджентс-парке). В экспедиции Марджори закачивала поливинилтолуол и другие химические соединения в наши изделия из слоновой кости. У неё был немалый художественный талант. Марджори пришлось нелегко, когда за ней стали ухаживать сразу двое коллег. Она была самой непонятной из всех знакомых мне женщин. Марджори очень любила свою собаку и на время своего отъезда из Англии наняла какого-то свидетеля Иеговы, чтобы тот заботился об её отце и об этой собаке, но переживала она только за собаку. Для нас загадка, как ей удалось добраться до дома, потому что женщина решительно отказалась заниматься такой чепухой, как получение виз. Все чиновники уступали ей от безысходности.

Послушайте! Нет, даже так:
Внемлите сей же час!
И пусть поливинил бежит
Ручьем из ваших глаз!
«Три с половиною вьюка»,
Сказал сэр Мортимер,
Покажут скоро по ТВ,
Не будь он сэр и пэр!

Важное место среди экспедиционных персонажей занимает наш сторож Хамад. Он работал у нас много лет и так разбогател, что пришлось его рассчитать. Как только мы прибыли в Нимруд, этот предприимчивый человек тут же отправился устраиваться к нам на работу, предстал перед нами с полным патронташем поперёк груди и с винтовкой в руке, и мы немедленно его наняли. Хамад был наглым и агрессивным, сущим наказанием и поэтому идеально годился на эту должность. Он держал свирепого пса, который бросался на всех и вся, особенно доставалось нашему эпиграфисту С. Дж. Гэдду, когда он среди ночи направлялся к крепостной стене, где был устроен туалет. Однажды нам собрался нанести визит министр образования Халил Кенна в сопровождении большой группы государственных чиновников, и мы испугались, что пёс Хамада может укунить Его превосходительство за ногу или, как говорят арабы, отвесть его мяса, и тогда, естественно, у нас будут крупные неприятности. Я заявил Хамаду: «Сколько мяса твоя собака откусит с икр Его превосходительства, ровно столько же я отрежу от тебя». И это сработало.

Было непросто убедить профессора С. Дж. Гэдда, автора книги «Камни Ассирии», отправиться с нами в Нимруд, о котором он столько писал, но в конце концов профессор поддался на уговоры и с большим удовольствием провёл время на открытом воздухе и смог отдохнуть от обязанностей смотрителя Отдела восточноазиатских древностей Британского музея. Сирил Гэдд прекрасно себя чувствовал в экспедиции, но жестоко страдал от нашей жирной пищи и мечтал о старом добром хлебном пудинге, который здесь было невозможно достать. Он до сих пор стоит у меня перед глазами, одетый в поношенную форму почтальона, которую носил ещё в войну, когда служил истопником в Британском музее. В этом облачении он, преисполненный тревогой, занимался импровизированной печью для обжига глинописных табличек, ловко сооруженной нашими архитекторами. Печь нам очень пригодилась. Тогда, в 1952 году, мы обнаружили не только обширный архив, хранившийся в северо-западном дворце, но и чудесные сокровища, спрятанные на дне колодцев. Гэдд же был таким скрытным и пессимистичным, что его лондонские коллеги даже не заподозрили, что мы нашли нечто экстраординарное. Об этом Агата сочинила такое стихотворение.

**Сказание о зрителе,
об архитекторе и
о младом эпиграфисте
(в соавторстве с Льюисом Кэрроллом⁹⁶)**

⁹⁶ Стихотворение является пародией на произведение Кэрролла «Морж и Плотник».

Смотритель с архитектором
Склонясь над кирпичом,
Всё рассуждали, что к чему,
И сколько, и почём,
И как сложить, и как нагреть,
И что вообще потом.
Дул ветел с шумом по степи
И пыль с собою нёс,
Их копоть на стенах трубы
Расстроила до слёз.
Не дует север никогда!
Плевал он на прогноз.
Снеся под ноль, сложили печь
Они наоборот,
И с рёвом языки огня
Взлетели в дымоход.
Сказал Хранитель: в этот раз,
Я думаю, сойдёт.
Хранитель молвил:
О, друзья! Спешите. Пробил час.
Все по горшкам и марш в огонь,
Пока он не погас.
Горят дрова, краснеет печь,
И ждём мы только вас.
Таблички вскрикнули: в огонь?
Постой, не горячись!
Внутри мы мягкие, хотя
На вид как кирпичи,
И от жары наверняка
Скукожимся в печи.
Но пятьдесят табличек в ряд
Отправились в песок,
И в адский пламень за горшком
Последовал горшок
(А странно: мистер Гэдд на вид
Не так уж был жесток).
«Покончим с мягкотелостью!» —
Скажу за Ильичом:
Готовы? Что ж, давайте вас
Скорее запечём
(Но ваше мнение сейчас,
Вообще-то, ни при чём).
С утра молодой эпитафист,
Поднялся в ранний час,
Сломал он дверь и разобрал
Табличек весь запас,
Держа намоченный платок
У покрасневших глаз.
А мистер Гэдд, одетый в шлем,
Пустился всех ругать,
Его узнать бы не смогла
Тогда родная мать —
И наконец мы древний текст
Сумели прочитать!

Автором печи для обжига, с которой работал Гэдд, был наш добрый и славный шотландский архитектор Джон Рид, впоследствии занимавшийся реставрацией древних шотландских зданий. Ему Агата посвятила такую оду.

***(Мистер Рид увидел этот примечательный сон
после того, как от души поел ягнёнка с рисом.
Ему снилось, что он даёт интервью***

журналисту одной газеты.)

«Скажите мне, о мистер Рид,
Вы думали о чём,
Когда просил вас Левенштайн
Ему построить дом?
Что ощутили вы, узнав:
Вас нанимает он?»
Рёк из-за трубки мистер Рид:
«Что ж... Я был удивлён».
«Когда же мистер Левенштайн
Сказал, что вы вольны
Творить, как требует душа,
И траты не важны, —
Как вы восприняли тот факт,
Что вам так верит он?»
Рид молвил, пуншу отхлебнув:
«Что ж... Я был удивлён».
«Богат, я знаю, Левенштайн,
А также Финкельбаум.
Так почему они заказ
Отдать решили вам?
Ведь вы построили лишь печь,
Пусть план и был мудрён...»
Сказал он, глядя прядь волос:
«Что ж... Я был удивлён».
«Когда вы справились с толпой
Застройщиков-чертей,
Заполучили все ж добро
На кучу чертежей,
И дом пред вами наконец
Предстал, как светлый сон,
Что вы сказали, мистер Рид?»
«Что страшно удивлён!»

Я также хотел бы выразить благодарность нескольким сменившим друг друга мутесаррифам, правителям Мосула, которые, несмотря на крайнюю занятость, не жалели для нас времени. Особенно нам помогал Саййид Каззаз, один из самых компетентных иракских политиков. Когда я с ним познакомился, он служил старшим клерком в Британском управлении в Мосуле под началом майора Уилсона, который и рекомендовал его к повышению. Саййид Каззаз предвидел наступление трудных времён и, дослужившись до министра внутренних дел, попытался уйти в отставку, но Нури-паша его не отпустил. Когда к власти пришёл Касим, верного сторонника Нури-паши, оставшегося без покровителя, казнили, обвинив в том, что он, будучи правителем Басры, приказал открыть огонь по бунтующим. Саййид Каззаз взял на себя ответственность за все отданные приказы. Смерть этого кристально честного и преданного человека была огромной потерей для Ирака. Он много раз навещал нас в Нимруде и следил за нашей работой с большой доброжелательностью. Мы оплакиваем потерю нашего доброго друга.

Старшие члены Службы древностей Ирака, работавшие под началом доктора Наджи Эль-Азиля, отличались исполнительностью и всегда были готовы пойти нам навстречу. Мы с большой любовью и уважением относились к Тахе Бакиру, эпиграфисту и очень достойному человеку, сменившему позже Наджи на посту. Его коллега Фуад Сафар, ставший впоследствии генеральным инспектором Службы древностей, был разносторонне одарённым человеком, талантливым лингвистом и известным археологом, занимавшимся раскопками Эриду. На долю Тахе Бакиру и Фуаду Сафару выпала нелёгкая задача — распределять археологические находки. Они консультировали директора со всей компетентностью, честностью и проницательностью.

Фарадж Басмачи, честнейший человек, сначала проявлял по отношению к нам некоторую ксенофобию, но вскоре сменил гнев на милость. Он был дружелюбен и не возражал, когда его водили за нос, но не отличался щедростью по отношению к археологам. После прекрасного

сезона 1952 года мы проводили его в Багдад вместе с Моной Лизой из слоновой кости, также известной как «леди из колодца». Оплакивая потерю, мы украсили шляпную картонку, в которую она была упакована, чёрной лентой в знак траура.

С не меньшим удовольствием мы вспоминаем и другого нашего коллегу из Ирака, Саййида Иззет Дина эс Сандука, мистера Ящика, как он себя называл. Он мог в мгновение ока зарисовать любую находку, и набросок годился если не для финального отчёта, то для первого описания точно. Мы все прониклись симпатией к этому чудесному человеку. Ему очень повезло: у него поблизости, в Мосуле, жила кузина, и он то и дело гостил там по несколько дней. Как-то раз Иззет Дин попросил меня провести в дом его кузины электрическое освещение. В тех местах это была большая редкость, практически недостижимая роскошь. «Если вы захотите, у вас обязательно получится», — сказал он. Что же делать, я написал письмо одному британскому инженеру, жившему в Мосуле, известному мизантропу. «Мой друг, — писал я, — думает, что я обладаю властью над электричеством. Я сказал ему, что это не так, но, как настоящий друг, решил всё же написать Вам». Не прошло двух недель, как дом кузины Иззет Дина был полностью освещён. Бог сказал: да будет свет. И стал свет.

Ещё одним нашим добрым другом был представитель Службы древностей Ирака Тарик эль-Мадхлум. Подозреваю, что он ненавидел всех иностранцев, видя в них эксплуататоров своей страны, и негодовал, что они пытаются развивать Ирак силой. Полагаю, у него остались горькие воспоминания от службы в иракской армии. Этот талантливый человек и одарённый богатым воображением художник стал настоящим кладом для нашей экспедиции. Он любил Агату за её доброе сердце, она любила его за надёжность и сильный характер. Отработав положенный срок в Нимруде, Тарик эль-Мадхлум приехал в Лондонский университет и по прошествии четырёх или пяти лет усердной работы получил докторскую степень, а также опубликовал бесценный труд по хронологии развития ассирийских барельефов, проиллюстрированный его собственными чёткими набросками. Впоследствии он возглавил важные раскопки в Ниневии, в шумерском городище Телль эль-Вилая и в других местах. У него большой опыт реставрации и поддержания памятников. Агата написала об этом удивительном человеке так:

Сел наш Тарик в уголок,
Составляет каталог.
Но фантазии полёт
Рисовать опять зовёт.
И каков же результат?
Вон — две дамочки глядят,
В рамке на стене висят,
Как художник собрался
И за опись принялся.

Я уже неоднократно упоминал о наших рабочих, об этой весёлой и бесшабашной толпе, всегда готовой к ссорам и примирению. Они любили устраивать драмы и умели смеяться над собой. Чтобы с ними справиться, требовалось быть справедливым, твёрдым и пылким, понимать человеческую натуру. Руководитель должен уметь быстро принимать решения: промедление ведёт к провалу. Сливками нашей команды были опытные рабочие шеркати из деревни, расположенной через реку от Ашшура. Они работали качественно и с душой. наших бригадиров звали Абд эль-Халаф эль-Анкуд — мудрый, мягкий, вежливый человек — и Мохд Халаф эль-Мусла, его противоположность. Мохд Халаф эль-Мусла был пылким и совестливым, но манеры его оставляли желать лучшего. Он прямо-таки излучал энергию, и порой его действия шли вразрез со здравым смыслом. Бригадиры приглядывали за рабочими, которые вскапывали землю и нежно перебирали непокорную грязь, поддающуюся их умелым рукам. Некоторые из рабочих занимались раскопками уже в третьем поколении: их деды копали с немецкой экспедицией в Ашшуре. Будет грустно, если когда-нибудь их традиционные занятия перестанут передаваться от отца к сыну. С ростом индустриализации подобный ручной труд может вообще исчезнуть.

Никак нельзя забыть об услугах, которые нам оказывала полиция Ирака. Как правило, наш лагерь сторожили два охранника, присланные из Мосула — представители закона и порядка. Они всегда были готовы прийти нам на помощь, но не все отличались благоразумием. Однажды

полицейский-курд заметил, что какой-то преступник, объявленный в розыск по обвинению в ограблении, невозмутимо трудится на раскопе, и попытался его арестовать. Преследуемый, однако, оказался быстрее, чем представитель закона, и пустился наутёк. Полицейский дождался, пока рабочий выбежит на равнину у подножия холма: он пытался добежать от Нимруда до деревни Наэфа. Не желая упускать добычу, курд выстрелил вслед из винтовки и ранил беглеца в ногу. Рабочий, однако, продолжал путь ползком. Его окружила разъярённая толпа защитников из родной деревни. Полицейскому, попытавшемуся догнать жертву, пришлось спасаться бегством, и если бы не мы, его бы непременно линчевали. Он добрался до Мосула невредимым, но боюсь, вряд ли вынес из происшествия какой-либо урок.

У меня сложилось мнение, что к ограблению здесь относились гораздо серьёзнее, чем к убийству: убийства были обычным делом среди местных. Помню, однажды мне пришлось по просьбе шейха Нимруда уволить в конце рабочей недели четверых рабочих, подозреваемых в убийстве. Интересно, гадал я, что же думают наши бухгалтеры, читая напротив имён в платёжной ведомости «уволен за убийство» и двумя неделями позднее — «восстановлен». На самом деле они действительно убили одного из слуг шейха, но дело было замято с помощью денежной компенсации, которую потребовал влиятельный дядя шейха, Хаджи Мохд эль-Наджейфи.

В Нимруде нам довелось принимать многих знаменитых посетителей, некоторые потом оставались погостить. В первую очередь я хотел бы упомянуть Эрнеста и Дору Алтунян из Алеппо, о которых уже рассказывал в связи с нашими раскопками в Сирии. Эрнест был большим почитателем Т. Э. Лоуренса и посвятил ему замечательное стихотворение, «Обрамление чести». Оно начиналось с прекрасных строк:

Ты не увидел той луны
За крепостью в Алеппо,
Не для тебя она взошла
Над Дорсетширом тоже...

Дора, супруга Эрнеста, была интеллектуалкой и, в отличие от мужа, с большим интересом читала археологические труды. Она была сестрой философа и историка Р. Дж. Коллингвуда, написавшего, среди прочего, книгу «*Speculum Mentis*» («Зеркало духа»), название которой ошибочно перевели как «На ум надежды мало» — совершенно блестящий ляп. У меня хранятся несколько набросков, которые Дора написала в Нимруде. На одном из них запечатлён интерьер нашего дома. Просевшую крышу столовой подпирает крепкий деревянный шест. Нельзя сказать, что наша крыша была надёжной защитой от дождя. Я часто вспоминал сцену в деревне Нимруд, описанную Лейардом, как сам автор прятался под единственным в доме столом, а его слуга сидел в углу комнаты, завернувшись в плащ.

Многие из нас с удовольствием вспоминают, как в 1951 году у нас гостил старинный друг — сэр Аллен Лэйн со своей супругой Леттис. Аллен был знаменитым издателем, основателем *Penguin Books* и *Pelican Books*. Он начал строительство своей империи с капитала в сто фунтов, и хотя сам читал не так уж много, но обладал особым чутьём и мог предугадать, какая книга взбудоражит воображение читателей. Сам он никогда не учился в университете и хотел помочь другим людям, не получившим хорошего образования, как-то восполнить этот пробел. Аллен Лэйн отбирал для печати качественные и интересно написанные научные книги и продавал их по доступной цене. Аллен обладал неограниченным запасом энергии, был авантюристом, прирождённым пиратом, готовым ухватиться за любую возможность. С детства он с большой любовью относился к Агате, восхищался ею и как человеком, и как писателем. Этот великодушный разбойник, способный проявить жестокость даже по отношению к самому близкому другу, с готовностью прощал людям отсутствие принципов. Он брал под крыло людей с дурной репутацией и не скупился на помощь. Меня связывали с ним, в числе прочего, и деловые отношения: я как-то посоветовал включить в сферу интересов его издательства археологию, и он попросил меня руководить изданием трудов по восточной археологии. Под моим руководством в серии *Penguin Books* вышло около десятка книг, большая их часть стала бестселлерами. На роль авторов я старался выбирать, когда это было возможно, талантливых молодых учёных, которым, как мне казалось, предстояло когда-нибудь

оставить след в науке. В частности, Оливер Гёрни написал книгу «Хетты», Брайан Эмери — «Архаический Египет», Стюарт Пигготт — «Доисторическую Индию». Я также уговорил принять участие в проекте У. Ф. Олбрайта, Леонарда Вулли, Сетона Ллойда и Романа Гиршмана.

Аллен помогал нам в течение первых лет нимрудских раскопок, мы очень ему благодарны за это. Удивительно, но, когда я предложил ему напечатать книгу о наших находках, он проявил нерешительность: издательство как раз в тот момент испытывало некоторые затруднения. Я заявил, что он водит меня за нос: ведь он сам поддерживал меня, когда я начинал писать. Отказ Аллена обернулся для меня большой удачей: я продолжил работу и в итоге создал иллюстрированную книгу гораздо большего объёма. Моя книга поставила рекорд: было распродано две тысячи копий, из них тысяча семьсот — по цене в шестнадцать гиней, а оставшиеся — по двадцать. Компания Коллинза отважно согласилась спонсировать издание Британскому археологическому институту в Ираке. Я был благодарен своему старому другу сэру Уильяму Коллинзу и рад, что оправдал его доверие.

Аллен Лэйн и его очаровательная супруга Леттис присутствовали при обнаружении стелы Ашшурнасирпала в 1951 году, но, к сожалению, у них к тому моменту закончились цветные фотопластинки. В те годы археологи только начинали открывать для себя прелесть цветной фотографии, и нам повезло быть среди первых. Наверное, главное, чем добросердечный Аллен запомнился нашей экспедиции, — это роскошные подарки в виде целых голов стилтона⁹⁷, которые нам два или три раза присылали из Лондона. Мы очень благодарны нашему меценату за его щедрую помощь.

Говоря о раскопках в Нимруде, нельзя не вспомнить наш дом из сырцового кирпича, расположенный над самой стеной акрополя. С одной стороны из наших окон открывался вид на зиккурат, с другой — на форт Салманасара и внешний город. Помимо обычных рабочих помещений, дом включал в себя кухню, тёмную комнату и два длинных зала. Один зал служил нам столовой и гостиной, другой — хранилищем. Вдоль стен хранилища мы соорудили широкие кирпичные прилавки. В результате у нас было достаточно места, чтобы раскладывать находки, и не пришлось тратиться на постройку деревянных полок. Потратив чуть больше тысячи фунтов, мы стали хозяевами величественного, довольно простого, но вместительного жилища, где провели множество приятных часов в окружении наших захватывающих находок. В конце сезона наша команда могла наслаждаться чаем на кирпичной террасе и любоваться великолепным видом. Спали мы в палатках, которые в целом неплохо защищали от дождя. Правда, как-то раз, вскоре после захода солнца, на нас налетел страшный ураган. Небеса приобрели бледно-жёлтый оттенок, и мы решили, что сам демон Асмодей явился, чтобы сорвать крышу с экспедиционного дома. В ту ночь ветер едва не унёс весь наш лагерь. Уильям Лофтус в 1854 году попал в такую же бурю.

Несмотря на случайные неприятности в виде сильных похолоданий, жары, ветра и дождя, наши условия жизни были вполне приличными. Мы питались свежими продуктами, приготовленными несколькими сменившимися друг друга поварами, персидскими и индийскими. Некоторые из них страдали от пьянства, другие — от трезвости. Работу по дому выполняли многочисленные слуги-арабы. Они нанимались к нам на службу худыми, а уходили заметно округлившимися. Нашим дворецким был несторианин по имени Мишель. Казалось, что он сошёл с картины Эль Греко. Здоровая жизнь на свежем воздухе пробуждала зверский аппетит, но кроме редких проблем с желудком, мы не страдали от серьёзных недугов. Жизнь на раскопе ведёт к *mens sana in corpore sano*⁹⁸.

Будет уместно, если я закончу свои нимрудские воспоминания рассказом об Агате, неизменно доброй, непрерывно излучавшей гармонию. В экспедиции она занималась реставрацией изделий из слоновой кости и вела каталог, а в первые годы заодно выполняла обязанности фотографа, позже на этом посту её сменила Барбара Паркер.

Мы построили для Агаты небольшой кабинет в дальней части дома, где она каждое утро работала над своими романами. Писала она очень быстро, печатая их сразу на машинке. Таким образом, сезон за сезоном было написано более полудюжины книг.

⁹⁷ Английский сыр.

⁹⁸ В здоровом теле — здоровый дух (*лат.*).

Агата помогала мне выдавать зарплату рабочим, стоя у небольшого окошечка в стене моего кабинета. То и дело до нас доносился возглас очередного гостя из Мосула: «Смотри скорее: Агата Кристи платит рабочим». Время от времени Агата развлекала нас забавными одами, некоторые из них я привёл в этой главе. Многие члены экспедиции были увековечены в стихотворных строках. Все оды писались на злобу дня, содержали отсылки к каким-то определённым событиям, и поэтому смысл некоторых из них могут понять только члены экспедиции. В заключение приведу стихотворение, посвящённое мне:

Лают собаки!
В лагерь в Ираке
Следует ждать гостей.
Кто там, аббат из Бенхэма?
Или — отец Джей?
Шейх Дауд — молодец, но с раскопа
Он бежит молодой антилопой.
А директор — другой: он отринул покой
И к раскопу несется галопом.

Надеюсь, что, прочтя эти воспоминания о наших раскопках, читатель заинтересуется книгой «Нимруд и его руины»⁹⁹[99] — трудом, которым я в некоторой степени горжусь. Каждый археолог знает, что самая трудная часть его работы — это публикация результатов, и далеко не все справляются с этой задачей.

В книге «Нимруд и его руины» более шестисот страниц, и дополнительный интерес им придают более двух сотен иллюстраций, на которых в основном изображены выдающиеся произведения искусства. Я понимаю, что этот огромный труд содержит определённое количество неизбежных недочётов, но очень рад, что смог довести работу до конца — этим я обязан собственной выносливости и помощи моих преданных коллег. Я надеюсь, что эта книга, наряду с научными итогами раскопок, является достойным результатом длительной работы, которую сезон за сезоном, с 1949 по 1960 год, вела наша опытная команда.

Глава 19

Научные организации и их обитатели

Название, которое я выбрал для этой главы, напоминает мне о том, как я подавал в Турки прошение на предоставление мне права голоса. В очереди передо мной стоял душевнобольной. «Скажите, — сказал секретарь, — вы постоянный или временный обитатель нашей психбольницы? Если временный, у вас нет права голоса, а если постоянный, то оно будет вам предоставлено».

Долгие годы я не был уверен в своём академическом статусе. Теперь я подхожу к закату своей карьеры. Я успел заработать себе имя раскопками в Нимруде и, к своей великой радости, получил в 1962 году пост в оксфордском Колледже Всех Душ. Благодаря этому назначению, снявшему с меня груз административных обязанностей, я получил возможность дописать и опубликовать книгу «Нимруд и его руины». Конечно, колледж рассматривал мою кандидатуру на закрытом собрании, но я очень благодарен Артуру Солтеру (лорду Солтеру) за поддержку. Я познакомился с лордом Солтером в Багдаде. После смерти главного маршала авиации сэра Роберта Брук-Попэма он был первым кандидатом на пост президента Британской школы археологии в Ираке.

Этот маленький волшебник стал моим добрым другом. Он служил своей стране безупречно, с исключительной энергией. Благодаря его сообразительности и настойчивости перед лицом жёсткого противостояния со стороны старших офицеров адмиралтейства была ликвидирована

⁹⁹ В оригинале: «Nimrud and its Remains» (1966). На русском языке не издавалась.

угроза, исходившая от немецких подводных лодок во время Первой мировой войны. Оказывая поддержку системе сопровождения, лорд Солтер предотвратил наступление голода в стране. Он обладал быстрым и живым умом и был абсолютно лишён самомнения и тщеславия. Этот великий борец, добившийся успеха во многих, казалось бы, безнадежных начинаниях, жил с постоянным блеском в глазах. По совету Нури-паши он составил блестящий отчет об экономике Ирака, который тут же пошел в дело. В частных беседах лорд называл своих иракских коллег «чертовски ленивыми», и хотя и признавал достижения Нури-паши, но огорчался, что тот держит на службе столько бесполезных людей. Лорд Солтер был предан своему колледжу, Колледжу Всех Душ, давшему приют стольким выдающимся учёным, но при этом не видел смысла в научной карьере как таковой, если она не приносила пользы обществу; подобная точка зрения часто приносила ему разочарования.

Назначение в Колледж Всех Душ привело меня в полный восторг. Наконец-то, достигнув солидного возраста пятидесяти восьми лет, я почувствовал, что, занимаясь делом всей моей жизни, я смог компенсировать скромные научные успехи своей юности. Надеюсь, что столь неожиданный успех, пришедший ко мне вопреки ничем не примечательному началу карьеры, сможет вдохновить других отстающих не сдаваться и продолжать упорно идти к цели. Когда я стал сотрудником Колледжа и принял участие в собраниях руководства, мне на ум пришли слова, с которыми обращалась к своим ученикам гениальная актриса Ванесса Рэдгрейв: «Вы — сливки общества».

На первых порах я страдал, как в юности, от сознания собственной неполноценности и боялся вступать в споры, но, как и у Сократа, у меня был собственный демон, который порой брал надо мной верх. В такие моменты я был способен говорить красноречиво и убедительно. Правда, мне почти не приходилось прибегать к этому умению на собраниях в колледже, разве что в одном или двух случаях. Однажды, помню, я выступил с обличительной речью против постройки скучного и бестолкового здания, которое должно было служить новым крылом нашему прекрасному колледжу.

Собрания руководства часто затягивались, и мне порой казалось, что наш ректор, Джон Спэрроу, считал, что для людей, собирающихся вместе только на этих собраниях, подобные мучения полезны. Спэрроу блестяще справлялся с обязанностями председателя: ему приходилось вникать в различные вопросы вплоть до мельчайших нюансов, и он ни разу не затруднился с ответом. Было очень интересно наблюдать, как он стоит и раздумывает, как справиться с очередной проблемой. Джон Спэрроу, гениальный филолог, по образованию был адвокатом и мог бы сделать прекрасную карьеру на этой ниве, но предпочел уединенную жизнь. На колледж он влиял скорее негативно и, на мой взгляд, не умел воспользоваться вверенным ему собранием талантов, а также недостаточно интересовался работой сотрудников. Зато он был человеком прекрасно воспитанным, светским, совершенно очаровательным и отличался гостеприимством.

Я не стану подробно рассказывать о своих коллегах, но хотел бы заметить, какое восхищение вызывал у меня лорд Уилберфорс. Он умел внушить доверие к себе и своему мнению, а также уважение к тому, с какой ясностью суждений подходил он к решению самых сложных вопросов. Это был очень добрый и приятный в общении человек. Я думаю, что он прекрасно чувствовал бы себя в роли преподавателя античной филологии: талант к этому предмету обнаружился у него ещё в ранние годы студенчества. Колледжу не повезло, что лорд Уилберфорс так и не стал ректором, но зато юриспруденция многое приобрела в его лице. Действительно, среди сотрудников колледжа было определённое количество выдающихся юристов. Одним из них был лорд Хэйлшем — человек, в равной степени наделённый храбростью, честностью и талантом, праведный христианин, обладающий качествами, столь редкими в наши дни. Жаль, что он не дослужился до поста премьер-министра. Этот человек, с его бесстрашием и благородством характера, как нельзя лучше подходил для этой должности — впрочем, возможно, для такой незавидной участи он был слишком хорош.

Я с большой личной симпатией относился к Айлмеру Макартни, который после моего назначения стал мне добрым наставником. Айлмер весьма успешно занимался редкой областью науки — историей Венгрии. Порой он бывал сварливым и упрямым, но, как мне всегда казалось, обычно мыслил здраво. Макартни был сильно увлечён своей узкой областью знаний и с пренебрежением относился к тем, кого считал фальшивыми учёными.

Ян Ричмонд, профессор археологии Римской империи, был моим единственным коллегой из родственной области науки. Его смерть в сравнительно раннем возрасте стала настоящей трагедией. Сколько полезных и интересных трудов он мог бы ещё написать! Ян был добрым, сердечным человеком и прекрасным товарищем, как и другой мой коллега, выдающийся историк Эрнест Якоб, верой и правдой служивший колледжу на протяжении сорока лет. Я был горд, что перед смертью он назвал меня своим лучшим другом, возможно, потому что в последние месяцы его жизни я старался уделять ему столько внимания, сколько мог. Было в нём что-то от старинного сельского Оксфорда, некий дух, проникший в него, когда он юношей бродил здесь по церквям и деревням.

Другим моим добрым товарищем был известный историк А. Л. Роуз, для которого все персонажи шекспировской сцены были как живые. В беседе он мог волшебным образом вызвать к жизни бытовые сцены далёкого прошлого, населить комнату давно ушедшими людьми.

В этом году колледж поступил очень мудро, избрав ректором знаменитого юриста Патрика Нейла, королевского адвоката, человека обаятельного и здравомыслящего. Не сомневаюсь, что он станет надёжной поддержкой для колледжа в трудные времена. Теперь в квартире ректора разместились большая семья Нейла, в том числе и его очаровательная и остроумная жена.

Последним среди названных, но никак не в жизни, стал выдающийся востоковед Робин Цехнер, профессор восточных религий и этики. Вряд ли был человек, более достойный занять этот пост, требующий от кандидата таких качеств, как стройность мыслей и интерес ко всем религиям. Цехнер был совершенно не согласен со своим назначением, и это признание чуть не стоило ему должности, когда дело дошло до продления срока.

Робину Цехнеру прекрасно давались редкие языки, как древние, так и современные. Санскрит и фарси он знал прекрасно. Своим лёгким, завораживающим слогом он написал бесчисленное множество книг, в основном о религии; многие из них стали бестселлерами и были переведены на целый ряд языков. Правда, он тяготел к многословию и иногда начинал повторяться. Робина глубоко занимала тема добра и зла, и он с готовностью брался рассматривать самые причудливые темы. Свет горел в его окнах до глубокой ночи: он часто сидел допоздна, погружённый в свою работу, нередко в компании бутылки, которая только усугубляла особенности его забавного характера, что доставляло его друзьям немало весёлых минут. Однажды ночью коллеги услышали шум и решили, что это грабитель. Кто-то уже собирался вызвать полицию, но тут выяснилось, что причиной всеобщей тревоги стал Цехнер: он висел в полутьме на стропилах, словно летучая мышь.

В другой раз, посещая Британский институт персидских исследований в Тегеране, он явился домой под утро в состоянии алкогольного опьянения, не смог попасть ключом в замочную скважину и улёгся спать прямо в канаву, проходившую возле здания. На рассвете подул холодный ветер и вывел его из оцепенения. К тому моменту он уже достаточно пришёл в себя, чтобы позвать швейцара, и смог открыть внешнюю дверь, но с внутренней дверью не справился и не придумал ничего лучшего, как выбить кулаком стеклянную панель. Затем Робин снова лёг спать, на этот раз весь в крови, но больше никому своей эскападой он вреда не причинил и возместил ущерб из своего кармана.

Я рассказываю все эти истории без тени сомнения, так как считаю, что подобные эпизоды делают жизнь интереснее. Мне никогда не нравились воплощения добродетели. Комичные и эксцентричные учёные вроде Робина Цехнера делают мир лучше. В глубине души он был человеком очень серьёзным, но предпочитал общаться в шуточной манере и редко участвовал в обсуждении на собраниях. Он обратился в католичество и был счастлив в своей вере. Возможно, годы злоупотребления алкоголем и сократили его дни, но Робин умер в солидном возрасте и успел завершить основные дела своей жизни. Смерть настигла его, когда он возвращался в колледж после мессы. Блаженный конец: он умер в состоянии благодати.

Колледж Всех Душ был объектом зависти для других колледжей университета, в какой-то степени из-за своего привилегированного положения: в его стенах не было студентов, и при этом он поставлял больше университетского руководства, чем все остальные колледжи. Я считаю, что он был совершенно несправедливо раскритикован в отчёте Фрэнкса, и самым несправедливым считаю обвинение, что мы, мол, уклоняемся от преподавания. Это не так. В наших стенах проходит не меньше занятий, чем во многих других колледжах. Наше средневековое здание отличается

тесной планировкой и не предназначено для размещения большого количества людей. В принципе, мне кажется, что в каждом университете должно быть одно или несколько подразделений, отклоняющихся от нормы, и Колледж Всех Душ был прекрасной аномалией, столь же живописный сегодня, как и в былые годы. Сидя в своих комнатах в Старом прямоугольнике, построенном в начале XV века, когда был основан сам колледж, я думал, занимал ли их кто-нибудь из профессоров, которых, судя по записям, приняли сюда в 1453 году. Еще я гадал, как быстро известие о падении Константинополя достигло неверных в Оксфорде и как это событие повлияло на университет.

За два года до избрания в колледж я начал получать почести, связанные с завершением работы в Нимруде, — почести, которые я бы с радостью разделил со своими многочисленными преданными помощниками, принявшими участие в раскопках и в подготовке публикации. Сначала в 1960 году я стал Командором Британской империи, а в 1968 году был удостоен рыцарского титула. Я был очень рад: таким образом титул получала и моя дорогая Агата. Сама она была удостоена титула Дамы в 1971 году, став Командором в 1956 году. Это были очень приятные новости.

Академические звания тоже не заставили себя ждать. Я был избран в Британскую академию в 1955 году, а со временем стал и *plein membre*¹⁰⁰ Академии надписей и изящной словесности. Это — редкая честь, таким образом я получил титул члена Института Франции и право участвовать во всём, что происходит в этом внушительном здании у моста Искусств. Это звание обрадовало бы мою мать-парижанку больше, чем все прочие почести. Жаль, что она не дожила до этого момента. Мне доставило радость и моё последующее избрание членом Королевской датской академии, старинной и благородной организации. Я воздержусь от перечисления остальных щедрых академических почестей, но должен упомянуть три медали, получение которых доставило мне особенное удовольствие. Одну из них, американскую, золотую медаль Люси Вортон Дрексель, я получил от Университета Пенсильвании; другую — от Королевского общества Центральной Азии; а в 1976 году удостоился первой медали памяти Гертруды Белл от Британской школы археологии в Ираке «за выдающиеся заслуги перед археологией Месопотамии». Часто мне кажется, что все эти награды на самом деле свидетельствуют о великодушии моих друзей-археологов, которые с большим терпением и без обид выслушивали мои замечания, порой строгие и брюзгливые. Думаю, они понимали, что моё отношение к ним основано не только на признательности, но также на любви и уважении. Нам гораздо важнее, что люди сделали, а не то, что они оставили недоланным. И в завершение я хотел бы упомянуть, как приятно мне было стать почётным профессором моего старого Нового колледжа, а также, после выхода на пенсию, почётным профессором Колледжа Всех Душ.

Теперь мне следует вкратце рассказать о своих связях с нашими школами и институтами востоковедения: в разные годы я входил в их советы и принимал активное и глубокое участие в работе этих школ (в некоторых случаях в течение многих лет). В частности, я сотрудничал со школами и институтами в Иерусалиме, Анкаре, Багдаде, Тегеране и Кабуле и приложил руку к созданию последних двух организаций как представитель Британской академии. Эту работу я считаю самой ценной стороной своего участия в деле восточной археологии: во-первых, она принесла мне множество друзей, а во-вторых, подобная форма международного сотрудничества способствовала росту взаимного уважения между нашей и принимающей странами. Таким образом, мы учили друг друга гордиться прошлым, древними памятниками и руинами, а наши совместные раскопки способствовали созданию великих музеев и национальных коллекций. В те далёкие годы, когда законы о древностях были менее суровы, Соединённое Королевство также получало свою долю находок. Самым ценным для меня было чувство причастности, участие в совместных проектах с зарубежными коллегами, возможность помочь им с приобретением практических навыков.

Замечательным успехом увенчались наши старания в Тегеране. С момента основания нашего Британского института персидских исследований через его двери прошло семь тысяч иранцев, а лекционный зал, как правило, до отказа заполнен заинтересованными слушателями. Следовало ожидать, что такое тесное сотрудничество может обернуться сложностями, особенно в случае

¹⁰⁰ Полноправным членом (*фр.*).

изменения политической обстановки, как и случилось в Ираке, когда советское влияние стало подавляющим. Впрочем, нужно надеяться, что рано или поздно напряжение спадёт, потому что у нас сложились превосходные отношения с коллегами из Советского Союза: мы обменивались дружескими визитами, ездили друг к другу на раскопки, они посещали Великобританию. Между настоящими профессионалами нет места вражде, а есть, напротив, радость обмена узкоспециализированными и малодоступными сведениями. Если что и способно предотвратить международный конфликт, то именно братство между коллегами.

Я смогу здесь назвать лишь нескольких из множества сотрудников, управляющих сейчас нашими институтами. Им доверена трудная работа как с дипломатической, так и с технической точки зрения, и они выполняют её умело, весело и с готовностью. Коллеги из Служб древностей принимающих стран относятся к ним с доброжелательностью, что является лучшим доказательством успеха их миссии. Пожалуй, ни один директор не обладает всеми качествами, необходимыми на этой ответственной должности. Здесь от человека требуются дипломатический талант, управленческие навыки и, главное, способность налаживать хорошие отношения с нашими зарубежными коллегами. Главу миссии должны уважать и как учёного, и как опытного археолога. В то же время он должен, как любой дипломат на заграничной службе, представлять интересы своей страны, тратящей на эти миссии большие деньги, и храбро их отстаивать, о чем многие склонны забывать. Совместная работа требует большого терпения от обеих сторон, но обычно все участники готовы к сотрудничеству.

Я хотел бы назвать некоторых наших директоров и в нескольких словах рассказать об их основных достижениях. Дэвид Френч, занимающий должность в Анкаре, наладил прекрасные отношения с институтской администрацией благодаря отличному владению языком, и в этом его большая заслуга. К сожалению, он проявил меньшее упорство, отстаивая наши собственные интересы. Кристал Беннет из Иерусалима, прекрасный археолог, продемонстрировала исключительную гибкость и способность справляться с трудностями, оказавшись перед лицом арабо-израильского конфликта интересов. Британская школа с блеском прошла через эти трудные времена. Нам ещё только предстоит открыть Британский институт в Египте, в стране, с которой нас связывают самые длительные дружеские отношения, но Общество исследования Египта ещё со времён миссии У. Б. Эмери в Саккаре исполняет функции института и обеспечивает нас надёжной экономической базой, используемой в данный момент опытным и талантливым профессором Г. С. Смитом, сыном профессора Сидни Смита. Также под покровительством Общества исследования Египта были осуществлены и многие другие британские проекты в различных уголках страны.

Я уже неоднократно говорил о нашей багдадской школе. Добавлю только, что Николас Постгейт является одним из наших самых компетентных сотрудников. Он уже сделал себе имя в области изучения аккадского языка, и по возвращении на родину его, несомненно, ожидает профессорский пост. В Ираке он имел редкую возможность получать опыт полевой археологической работы и в то же время заниматься лингвистикой и древней историей. Я уже упоминал ранее Дэвида Стронаха, руководителя нашего института в Тегеране. На его плечи возложена ответственная задача — он руководит постройкой новых институтских зданий в Голхаке. Это непростая, но очень достойная работа, итог пятнадцатилетней работы нашего института в Тегеране. Дэвид заслужил любовь иранских коллег благодаря своей скромности и искреннему дружелюбию. Талантливый археолог, он добился выдающихся успехов на раскопках, в частности в Пасаргадах и мидийском городище Нуш-и Джан. Дэвид прекрасный лектор: он умеет интересно рассказать о своих находках, причем не углубляясь в академические дебри. Его финальный труд о Пасаргадах, городе Кира Великого, когда он наконец-то выйдет из печати, подведёт итог раскопкам этого городища, во время которых Дэвид мудро учитывал замечания своих учёных коллег, в частности Карла Нюландера. Большая заслуга Стронаха в том, что он всегда был готов рассказать о своих открытиях сразу, не дожидаясь опубликования финального ответственного труда.

Говоря об Иране, нельзя не упомянуть Дэвида Уайтхауса, ещё одного исключительно одарённого археолога, создавшего себе репутацию на раскопках, проводившихся им по поручению института в Сирафе, крупном средневековом морском порту на берегу Персидского залива. Это было первое крупное научное исследование средневекового иранского городища в

наше время, и все принявшие участие в этом проекте достойны уважения. Дэвид Уайтхаус, как и другой упомянутый Дэвид, обладает талантом рассказчика. Он умеет ясно выражать свои мысли и наделён главным достоинством — способностью оперативно публиковать результаты раскопок. Только недостаток средств может заставить его отложить финальную публикацию. До сих пор административная работа занимала второстепенное место в археологической карьере Дэвида, но я не сомневаюсь, что со временем он сможет найти правильный баланс. Он очень талантливый человек, но находить общий язык с людьми ему сложнее. Тем не менее благодаря своим блестящим способностям в исключительно раннем возрасте Дэвид был назначен директором Британской школы в Риме. Надеюсь, что на этой должности он постепенно наладит дружеские отношения со своими итальянскими коллегами и деятелями искусств. Если он благополучно освоится на новом месте, наша римская школа выиграет от этого необыкновенно.

Перед тем как получить должность в Риме, Дэвид Уайтхаус, с его опытом работы в Иране, был первым кандидатом на пост директора нового Афганского института в Кабуле (кстати, я, как член Британской академии, принимал участие в его создании). Он покинул институт через год. Так же поступил и Тони Макниколл, вернувшийся в Австралию. Оба они приняли участие в весьма результативных раскопках Старого Кандагара. Этот город, связанный с именем Ашоки, обещает на долгие годы занять место в ряду самых богатых находками поселений. Сейчас он в надёжных руках блестящего чертёжника Свенда Хелмса.

И в заключение я должен упомянуть компетентного, творческого и рассудительного директора нашего института в Восточной Африке. Его первая работа по поручению института ознаменовалась двумя серьёзными публикациями, посвящёнными Килве, исламскому торговому центру, расположенному к югу от Дар-эс-Салама. Средневековая керамика Килвы указывает на непосредственную связь этого города с Сирафом. Работа, которую он ведёт сейчас в Аксуме, столице древней Эфиопии, обещает стать выдающимся вкладом в историю и археологию Африки. Мне лестно вспоминать, что Невилл Читтик начал свою востоковедческую карьеру в Нимруде. У меня нет возможности на страницах этой книги подробно рассказать о работе других организаций, с которыми я был связан менее тесно, но надо отметить, что сотрудники, занимающие посты в отдалённых точках планеты, часто меняют поле деятельности. И это, безусловно, идёт на пользу археологическим исследованиям, так как способствует появлению специалистов с богатым и разнообразным опытом.

Пост декана наших институтов занимает мой старый друг и учёный коллега Сетон Ллойд. Нам не раз приходилось сменять друг друга на посту. Я занял его место в Багдаде, когда в 1947 году он ушёл с поста технического консультанта Отдела древностей, чтобы стать директором Британского института в Анкаре, а тринадцать лет спустя, когда я получил место профессора в Колледже Всех Душ в Оксфорде, он вместо меня стал профессором археологии Восточной Азии в Лондонском университете. Много лет я был президентом Британской школы археологии в Ираке, а он занимал тот же пост в институте в Анкаре. Сетон был образцом кротости. Как часто, глядя на него, я думал о собственной раздражительности и грубости и ценил его ещё больше. Архитектор по образованию, он блестяще иллюстрировал собственные труды. Раскопки, которые он вёл в тщательно выбранных поселениях на территории Ирака и Ирана, принесли богатый урожай археологических и архитектурных находок. Как и Дэвид Отс, Сетон профессионально разбирался в сырцовых кирпичках. Его имя стало для археологов нарицательным. Он был порой способен на едкое замечание и оживлял преподавание своим остроумием. Супруга Сетона, Хайд Ллойд, обладающая тонким художественным вкусом, очень помогала мужу в работе, и его научные труды несут в себе тепло её любящего сердца. Хайд выполнила несколько карандашных набросков для его книги «Foundations in the Dust» («Фундаменты в пыли»), труда, который должен знать каждый археолог, работающий в Месопотамии, и создала множество скульптурных произведений религиозного содержания, в том числе удивительной красоты фигуру азиатского буйвола из мосульского мрамора — массивное средоточие напряжённых мышц. Теперь эта скульптура принадлежит мне, и я очень ею дорожу.

Перед тем как завершить этот краткий рассказ о достижениях Великобритании на территории Среднего Востока — как до сих пор иногда называют этот регион, несмотря на то что он включает в себя огромные территории от Египта и восточного побережья Средиземного моря до Палестины, Сирии, Анатолии, Месопотамии, Афганистана и Ирана, я хотел бы сказать, как сожалею, что мы до

сих пор не попытались основать Британский институт археологии и лингвистики в Индии. Место, которое когда-то занимала эта славная организация, Топографическая служба Индии, всё ещё пусто, хотя сначала Леонард Вулли, а затем Мортимер Уилер приложили столько усилий к тому, чтобы возродить и оживить её традиции. Вопрос создания новой подобной организации на территории Индии, безусловно, заслуживает внимания со стороны Британской академии, и я уверен, что это начинание встретило бы тёплый приём на субконтиненте, где у нас до сих пор остаётся много друзей, с уважением и доброжелательно вспоминающих долгую историю нашего научного сотрудничества.

Оглядываясь с высоты восьмого десятка на свою археологическую жизнь, я чувствую необходимость сравнить прошлое положение дел с настоящим, подвести некий баланс. Мне повезло работать в период, который покойный сэръ Фредерик Кеньон¹⁰¹ назвал как-то «елизаветинской эпохой в археологии». Когда мы трудились на Востоке — по крайней мере в первые тридцать лет моей карьеры, — нам хватало и времени, и финансовых ресурсов на солидные, масштабные раскопки. Тридцать лет назад, когда можно было платить рабочим по шиллингу в день, для крупной экспедиции было обычным делом набрать команду из двух сотен человек или больше, причём процессом руководило весьма скромное число бригадиров. Ур — классический пример работ такого масштаба. Раскопки продолжались двенадцать лет, иногда по пять месяцев в году. За это время были перемещены многие сотни тысяч тонн земли, и свет увидело огромное количество находок, иллюстрирующих временной период протяжённостью примерно в шесть тысяч лет. В реестр вошло около двадцати тысяч объектов, которые будут изучаться и пересматриваться, пока археология Месопотамии считается предметом, достойным внимания — возможно, вечно, — и по мере появления новых сведений интерпретация и реинтерпретация будут сменять друг друга поколение за поколением. Но из-за скорости, с которой шла работа, значительный объём данных был неизбежно утерян, несмотря на блестяще организованную полевую работу, соответствовавшую самым высоким стандартам. И всё же, если бы мы вели раскопки, ориентируясь на сегодняшние требования, мы бы нашли не более десятой доли наших объектов, остальные девять десятых, вероятно, не были бы обнаружены никогда. В общем, я являюсь, подводя итог, бессовестным сторонником археологии давно минувших дней, последним романтиком, как великодушно окрестил меня коллега-археолог, занимающийся Индией. Но, принимая во внимание ограничения, накладываемые на нас сегодняшней экономикой, а также развитие научных методов, мы вынуждены довольствоваться относительно скромными раскопками и затем пропускать все находки сквозь мелкое сито. Таким образом, мы ничего не упускаем, но и почти ничего не находим. Иногда найденные свидетельства столь скромны, что заставляют старшее поколение сомневаться, а стоил ли результат потраченных усилий. Безусловно, на этот вопрос нужно ответить «да», но всё-таки радоваться тут нечему, и сейчас ещё более, чем всегда, от исследователя требуется здравый смысл и чёткое понимание цели.

Признавая справедливость подобных рассуждений, мы всё-таки должны отдавать себе отчёт в том, что, хотя формально археология остаётся гуманитарной наукой, по сути она уже ближе к наукам естественным, с которыми её роднит методология раскопок, классификация и компиляция результатов и применение научных методов для анализа каждой находки.

Основные научные методы анализа сейчас хорошо известны, и я не стану описывать их подробно, но стоит помнить, что два самых важных метода появились уже после Второй мировой войны, то есть не более тридцати лет назад. Новые технологии показались бы невероятно интересными и ощутимо помогли бы первопроходцам прошлых эпох, пытающимся датировать последовательности как исторических, так и доисторических культурных слоёв и установить точную хронологию, полагаясь исключительно на зарождающийся стратиграфический метод и глубокое знание истории. Без продолжительного и тщательного изучения предмета новые научные методы, радиоуглеродный анализ и метод термолюминесцентного датирования

¹⁰¹ *Фредерик Джордж Кеньон* (1863–1952) — английский библеист, текстолог и палеограф. Не будучи полевым исследователем, внёс огромный вклад в изучение и идентификацию древних папирусов и пергаментных рукописей.

принесли бы мало пользы. Радиоуглеродный анализ органического вещества был бы несказанно полезен Вулли при датировке культурных слоёв царского кладбища и помог бы ему избежать многих ошибок. Чтобы получить более надёжную датировку последовательностей Раннединастического периода, нам пришлось ждать 1970-х годов, когда в нашем распоряжении вновь оказались данные, относящиеся к соответствующим слоям, в частности, найденные при раскопках раннединастических городищ Абу Салабиха и Ниппура в Южной Вавилонии. Далее полученные результаты будут проверены методом термолюминесцентного анализа, позволяющего установить дату обжига керамики на основе подсчёта потерянных электронов. Тем не менее нельзя забывать, что ошибки, которые неизбежно возникают при применении указанных методов, можно исправить, только имея правильно посчитанную хронологию. В случае Месопотамии хронология опирается на царские списки и списки лимму, а также на установленные соответствия с хронологией Египта, которая с разной степенью точности была посчитана математическими методами не менее ста лет назад. Таким образом, точность результатов достигается объединением современных научных методов с методами археологии, истории и лингвистики, позволяющей нам пускаться в ход письменные источники, когда они доступны.

Разумеется, кроме названных методов анализа есть и другие. Наверное, достаточно будет упомянуть нейтронно-активационный анализ керамики, позволяющий нам определить как состав, так и место происхождения глины, из которой состоят черепки. Этот метод был весьма успешно использован в районе Хабура. Я уже рассказывал, как приятно мне было узнать, что годы научных исследований подтвердили результаты моего визуального исследования этих сортов глины. Но метод пошёл дальше и позволил определить конкретные русла, из которых была добыта глина, и границы её распространения в результате торговли. Археолог ушедшей эпохи, не имеющий в своём распоряжении научных инструментов, доступных его теперешним коллегам, опираясь исключительно на свой здравый смысл, смог с таким же успехом установить истину, но истина теперь никого не интересует, пока её не установят математическими методами.

Рассказывая о последних этапах своей карьеры, я должен сказать пару слов о чести, оказанной мне как старейшине — я имею в виду моё назначение попечителем Британского музея, с ранних лет бывшего для меня местом умственного и духовного развития. В первой главе я уже упоминал, как много значил он для меня в мои юные годы.

В течение многих лет я поддерживал теснейшую связь с Отделом египетских и ассирийских древностей, позже переименованным в Отдел древностей Западной Азии. Первое, что я помню об этом отделе — как меня представляют его руководителю, доктору Г. Р. Холлу. Доктор Холл как раз занимался переоборудованием галереи. На нём был синий костюм, такой старый и лоснящийся, что в нём можно было увидеть собственное отражение, и местами покрытый штукатуркой. Последователи Холла выглядели более традиционно. Первым был доктор, а впоследствии профессор Сидни Смит, о котором я уже рассказывал. Он был настоящим кладзем премудрости и всегда заставлял собеседника если не согласиться, то по крайней мере задуматься. Свои стимулирующие методы он применял ко всем вокруг и любил проверять на прочность людей, приходивших на собеседование. Оказавшись лицом к лицу с новичком, он словно спрашивал себя: «Как бы мне посильнее задеть этого человека?» Если неразумная жертва попадалась в ловушку и приходила в возмущение, ей тут же приходил конец. Если же человек сносил грубое обращение без трепета, Сидни Смит начинал с ним считаться. Как часто я хранил осторожное молчание в ответ на откровенно оскорбительные замечания, чтобы потом обнаружить готовность Сидни изменить мнение перед лицом доказательств: здравым смыслом он был наделён в той же мере, что и оригинальным мышлением. Правда, он считал, что, кто не прав с точки зрения рассудка, тот не прав с точки зрения морали. Эта точка зрения делала его не самым приятным коллегой, но весьма эффективным учителем. Сидни уважали за глубокие знания, хотя порой они и оказывались ошибочными, а его глава об ассирийцах в «Кембриджской истории древнего мира» была, на мой взгляд, написана мастерски, и читал я её с большим удовольствием. Он превосходно разбирался в древних календарях, и его поправки к хронологии Месопотамии, в особенности те, что затрагивали дату свержения вавилонской династии, получили широкое признание. Данная работа свидетельствует об оригинальном мышлении Сидни и о его способности анализировать крупные объёмы данных. Этот в высшей степени трудолюбивый, во многом гениальный человек оставил след в истории своего отдела Британского музея. Со

скромными госслужащими он всегда вёл себя с добротой и предупредительностью. В Багдаде, где он проработал два года на должности директора по древностям, он пользовался всеобщей любовью и восхищением. Мэри Смит, его супруга, талантливая художница, написала темперой исторический вид главной улицы Багдада, Новой улицы (теперь она называется Рашид-стрит). Картина изображает улицу в 1927 году, когда автомобили ещё не пришли на смену кебам.

Другим коллегой по Британскому музею, с которым меня связывали тесные отношения на протяжении сорока пяти лет, был С. Дж. Гэдд. Гэдд умер в 1969 году, предварительно сменив Сидни Смита сначала на посту руководителя отдела, а затем на должности профессора в Школе востоковедения и африканистики. Я написал на его смерть длинный некролог для «Вестника Британской академии». Здесь я хотел бы рассказать, как много значила для меня эта утрата. В его лице я потерял и учёного друга, всегда готового поделиться знанием, и эксцентричного коллегу, и замечательного товарища. Он обладал остроумием и тем, что французы называют *l'esprit fin*¹⁰². Он был непревзойдённым специалистом по древней Западной Азии. Конечно, у этого чрезвычайно учёного человека были свои слабые места. В частности, он никак не мог понять, что результаты раскопок нельзя списать на везение, что работа хорошего археолога всегда принесёт плоды, куда бы он ни направился, а плохой не окупит потраченные деньги. Удача всегда приходит к тому, кто её заслуживает, кто готов обеими руками ухватиться за представившуюся возможность. Гэдд, человек добрый, но склонный к язвительности, был слаб характером, но имел способности к управлению. Необходимость принять решение причиняла ему острые страдания. Ипохондрик по натуре, он инстинктивно тянулся к экстравертам и с удовольствием ходил под парусом в компании энергичного Кэмпбелла Томпсона, которого считал фантастическим героем, подобным Гильгамешу. В Нимруде его любили все товарищи по экспедиции, а в особенности наш саркастический молодой архитектор Джон Рид, который ловил каждое его слово в ожидании остроты. Гэдд сделал себе имя единым росчерком пера, опубликовав в 1923 году в возрасте тридцати лет монографию, в которой рассматривалась клинописная табличка, хранившаяся в Британском музее. Монография называлась «Падение Ниневии», и «Панч»¹⁰³ встретил её появление следующим стихотворением:

Сказали нам — в шестьсот шестом
Пал нечестивый град;
И вот те на: уже о нем
Другое говорят.
В шестьсот двенадцатом теперь!
Поди попробуй им поверь!

Гэдд с лёгкостью схватывал суть любого древнего текста, попавшего к нему в руки, но при этом проявлял удивительное равнодушие к некоторым другим аспектам археологических открытий. В Нимруде он совершенно упустил из вида, что мы проследили каменную причальную стенку на отрезке продолжительностью около двух миль. Он упорно считал, что это стена дворца, и тем самым сбивал с толку оставшихся дома коллег, хотя мы нашли признаки эрозии причала под воздействием воды и того, что каменная кладка углублялась в речное дно, так что линия древнего русла реки не вызвала никаких сомнений. Впоследствии наши наблюдения были подтверждены снимками с воздуха. Я утешал себя тем, что блестящий мозг Гэдда уравнивал тёмные участки с одной стороны вспышками гениальности с другой. Отдел Британского музея будет вспоминать его с гордостью.

Я не стану подробно рассказывать обо всех коллегах по Британскому музею, с которыми меня связывали узы дружбы. Скажу только, что они сделали мою жизнь полнее. Я уже рассказывал о Ричарде Барнетте, сменившем Гэдда на посту хранителя музея: Ричард был моим помощником в Шагар-Базаре и благодаря книге моей жены «Расскажи мне, как живёшь» прославился на весь мир своей пижамой особого покроя, внутрь которой пробралась мышь. Ричард был ещё одним кладзем научной премудрости и писал скорее слишком много, чем слишком мало.

¹⁰² Тонкий юмор (фр.).

¹⁰³ Британский еженедельный журнал юмора и сатиры.

Меня связывали долгосрочные тесные отношения ещё с одним отделом Британского музея, а именно с Научно-исследовательскими лабораториями, основанными покойным доктором Александром Скоттом, членом Королевского общества, около 1922 года. Три года спустя я начал ездить в Ур и стал в лабораториях частым гостем. Наша экспедиция снабжала их огромным количеством материалов, это было одно из первых крупных заданий, за которые взялся новый отдел. Я часто видел, как старик Скотт в полном восторге бродит по лаборатории и раздаёт рекомендации, как обращаться с неподатливыми металлами и хрупкими древними веществами всех видов. В этом деле ему весьма помогал доктор Г. Л. Плендерлейт, снискавший себе на этой ниве имя и славу. И завершал список сотрудников невероятно ленивый старик по имени Падгэм. Он обладал большим практическим опытом, но не спешил делиться знаниями. Я со всей осторожностью наблюдал издали за его работой, и он, сам о том не подозревая, многому меня научил, в отличие от молодого Л. Х. Белла, очень проворного и ловкого юноши. Мы вместе выросли в стенах лабораторий и остались друзьями навсегда. Все нимрудские находки, за исключением великих раритетов вроде панелей из золота и слоновой кости, которые сначала посмотрел Плендерлейт, отправились в Институт археологии, и моё тесное сотрудничество с Научно-исследовательскими лабораториями прекратилось.

Перед тем как распрощаться с лабораториями, расскажу об одном эпизоде, который чуть не стал последним как в их, так и в моей карьере. Стоял жаркий летний день. Вулли уехал читать лекции в США, а я пытался подготовить находки из царского кладбища в Уре к специализированной выставке. На цокольном этаже здания, покрытом стеклянной крышей, я пережил ужасное потрясение. На длинном разборном столе я разложил фрагменты балдахина, частично состоявшие из дисков и полусфер, сложенных из веретенообразных ракушек. Разместил находки поверх слоя смоченной мешковины — так я считал, что они будут в безопасности, — и стал очищать их с помощью бунзеновской горелки: ею я растапливал воск, который мы в те дни ошибочно считали хорошим защитным покрытием для хрупких объектов. Потом я сходил на ланч в столовую музея, и, понимая, что нужно спешить, если я хочу выполнить в срок все возложенные на меня задания, вернулся на рабочее место через каких-то сорок минут. К тому времени солнце, лучи которого свободно проникали в помещение сквозь стеклянную крышу, запустило процесс самовозгорания: вспыхнула легковоспламеняющаяся джутовая мешковина, на которой покоились фрагменты балдахина, найденные на царском кладбище в Уре. Низкие языки пламени лизали деревянную столешницу, напоминавшую теперь горящую пустошь. Не сомневаюсь, что, приди я на пять минут позже, от лабораторий Британского музея не осталось бы и следа, потому что в конце стола, совсем рядом с огнём, стояли две канистры с бензином. Я схватил их и убрал из опасной зоны, а потом помчался за Падгэмом, чтобы позвать его помочь тушить пожар. Думаю, что, задержись я в столовой ещё на несколько минут, точно так же потухла бы и моя археологическая карьера.

Мне никогда не доводилось присутствовать на таких интересных собраниях, как те, что я посещаю в качестве попечителя Британского музея. Около двадцати мужчин и женщин, входящих в совет, представляют собой самые разные области человеческого знания. Есть среди них дипломаты, управленцы, художники, антиквары, юристы, финансисты, архитекторы, представители сферы образования, учёные и литераторы. Вместе они разрабатывают стратегию развития музея, выступая буфером между музеем и правительством. Они наделены властью собирать деньги и тратить их, они утверждают или отклоняют каждое серьёзное приобретение. Этот коллектив выдающихся мужчин и женщин, представителей самых разных профессий, работает безвозмездно и использует свой огромный опыт на службу музею. Также входящие в совет люди могут одобрить или отклонить кандидата на руководящий пост. Эти и другие решения они принимают со всем возможным профессионализмом и рассудительностью. До того как я присоединился к совету, я не отдавал себе отчёт, сколько задач возложено на попечителя и как важна его руководящая роль для администрации музея. Мне повезло работать под руководством этого сгустка энергии, лорда Тревелияна, всегда готового направить свой энергичный ум на решение той или иной задачи, вне зависимости от её сложности. Ничуть не меньше я ценю чуткую творческую натуру теперешнего директора музея сэра Джона Поупа-Хеннесси, в чьём характере управленческие способности редким образом сочетаются с художественным вкусом. От человека,

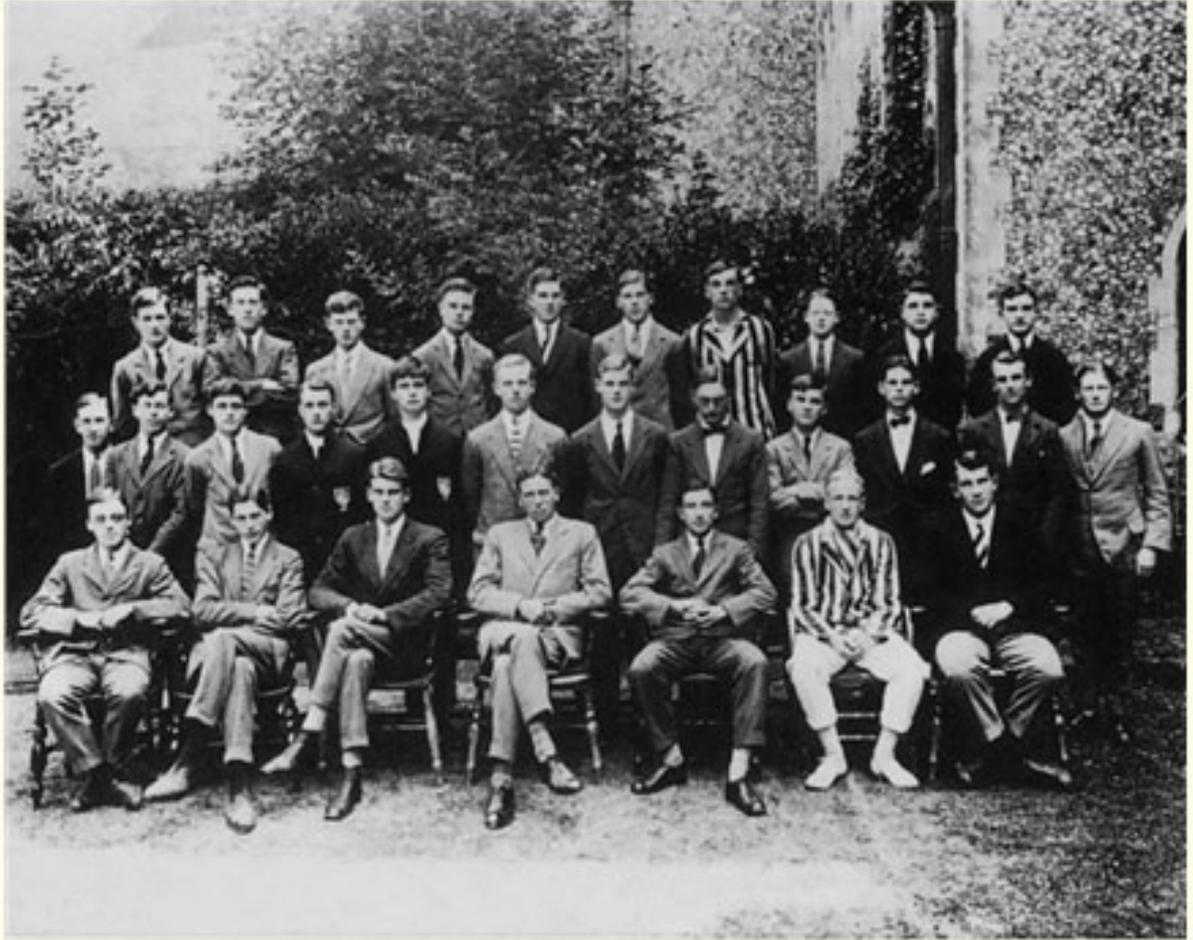
занимающего пост директора, требуется обладать многими талантами и недюжинным умом. Также Поуп-Хеннеси мастерски владеет живым разговорным языком.

В завершение я хотел бы отметить, как мне повезло, что я смог заниматься восточной археологией в течение пятидесяти лет, правда, с пятилетним перерывом на Вторую мировую войну, но эта интерлюдия оказалась не менее интересной. Я рад, что достиг семидесяти двух лет практически невредимым. Работая над этими мемуарами, думаю, я немало выиграл от того, что никогда не вёл дневника, страницы которого хранили бы массу совершенно неинтересных сведений. Возможно, события, которые я описал, тоже попадают в эту категорию, но я вспоминаю о них с удовольствием, и на бумагу они попали только потому, что прочно засели в моей памяти. Память же моя хранит их, потому что каждый день из жизни археолога наполнен захватывающими интеллектуальными переживаниями, по большей части приятными. Правда, должен признать, что, вспоминая события прошлых дней, я опирался на основные археологические вехи моей жизни: многочисленные научные работы, статьи и книги. Таким образом, мне удалось вспомнить почти всё, а стоило немного подтолкнуть память, как всплыли и все имена. Иногда память не позволяла себя торопить, и мне приходилось ждать месяц-другой. Также мне повезло, что мои военные впечатления были необычными и запоминающимися. Надеюсь, они представляют некоторый интерес как краткая хроника того периода. О более же лёгкой стороне археологической жизни, или её части, никто ещё не рассказывал так удачно, как это сделала моя жена в своей книге «Расскажи мне, как живёшь». Книга эта была переиздана в издательстве «Коллинз» в 1975 году, и я надеюсь, что многие захотят прочитать её снова.

Эпилог

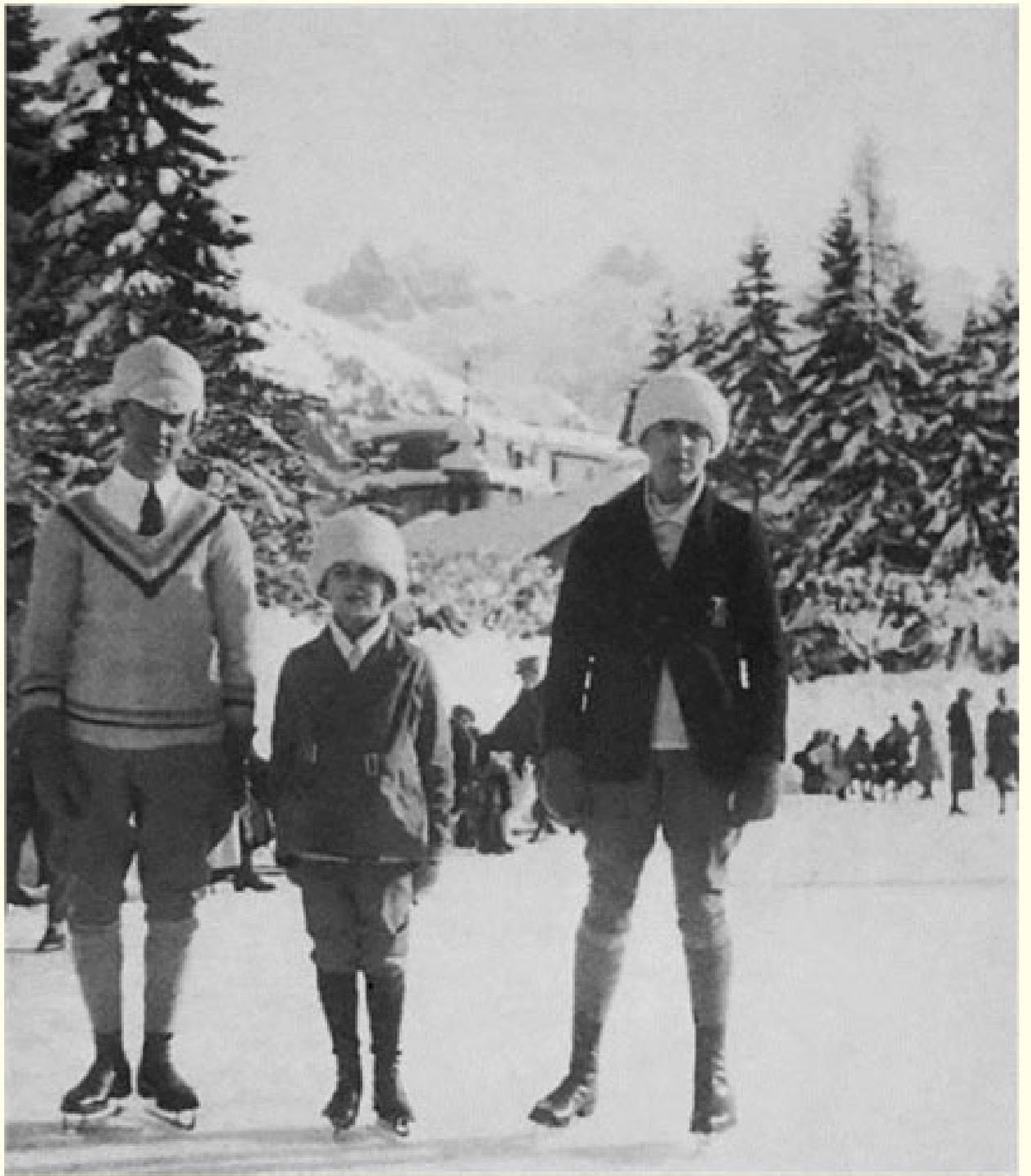
Когда я работал над последними страницами этих мемуаров, моя дорогая Агата скончалась. Она умерла тихо и без страданий, когда я перевозил её в кресле в гостиную после ланча. В последнее время она была очень слаба, и для неё смерть стала милосердным избавлением. Меня же она оставила с чувством пустоты после сорока пяти лет союза с любимым человеком и весёлым товарищем. Не каждому выпадает счастье жить рядом с человеком творческим, изобретательным, чьё богатое воображение придаёт жизни живость и остроту. Для меня огромным утешением стали сотни и сотни писем, в которых я нашёл не только восхищение, но и любовь — любовь и счастье, которые излучала сама Агата и которые излучают её книги. Покойся с миром.

Иллюстрации

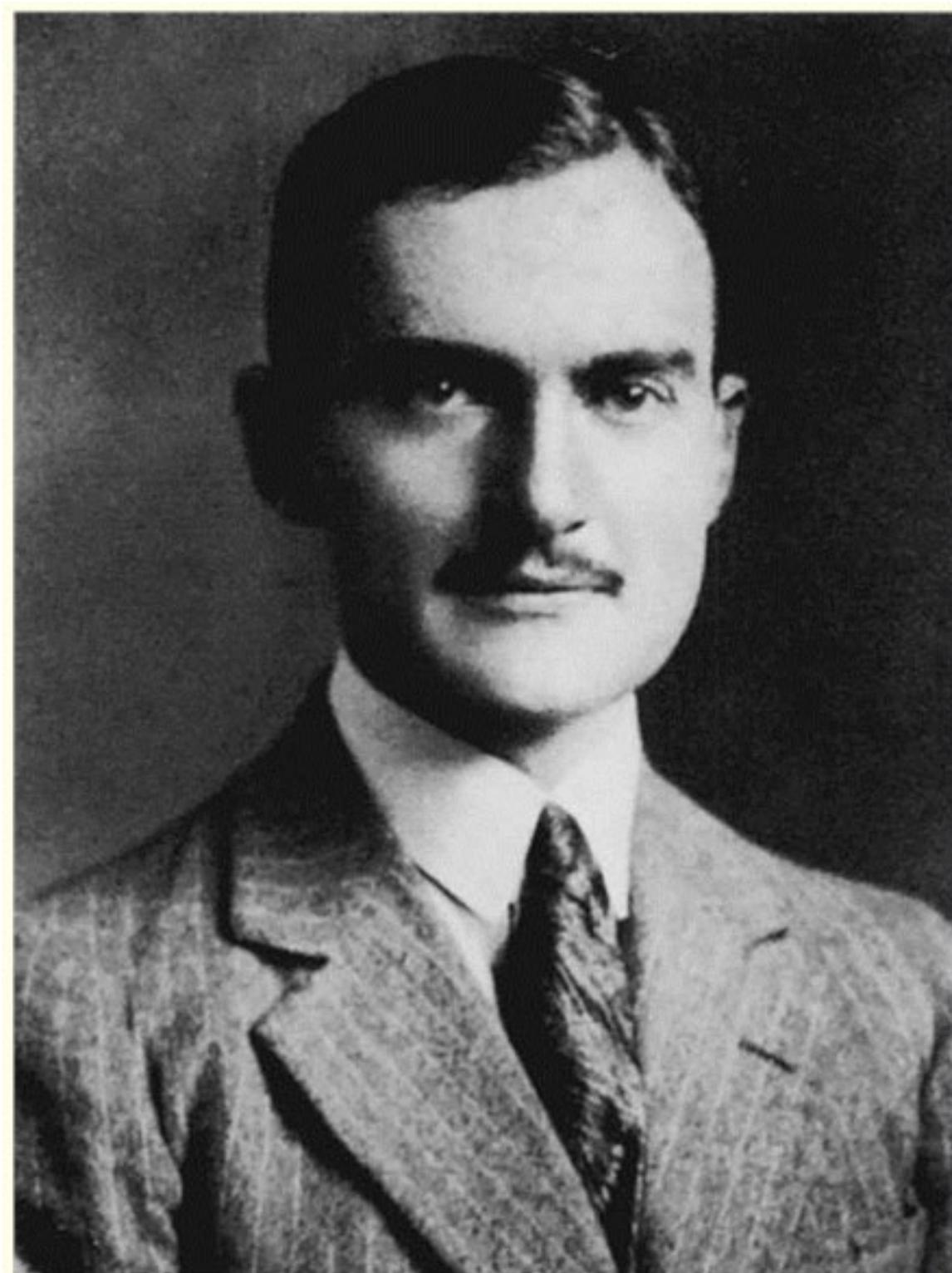

1. Шестой класс в Лансинге, 1921 год.

Задний ряд, слева направо: второй по счёту — Т. Э. Н. Драйберг, далее — Ивлин Во, А. Х. Молсон (лорд Молсон), седьмой — Джон Тревельян, далее — К. Т. П. М. Райли. Первый справа — Макс Маллован. Передний ряд: посередине — преподаватель Дж. Ф. Роксбург, позже ставший директором Стоувской школы.

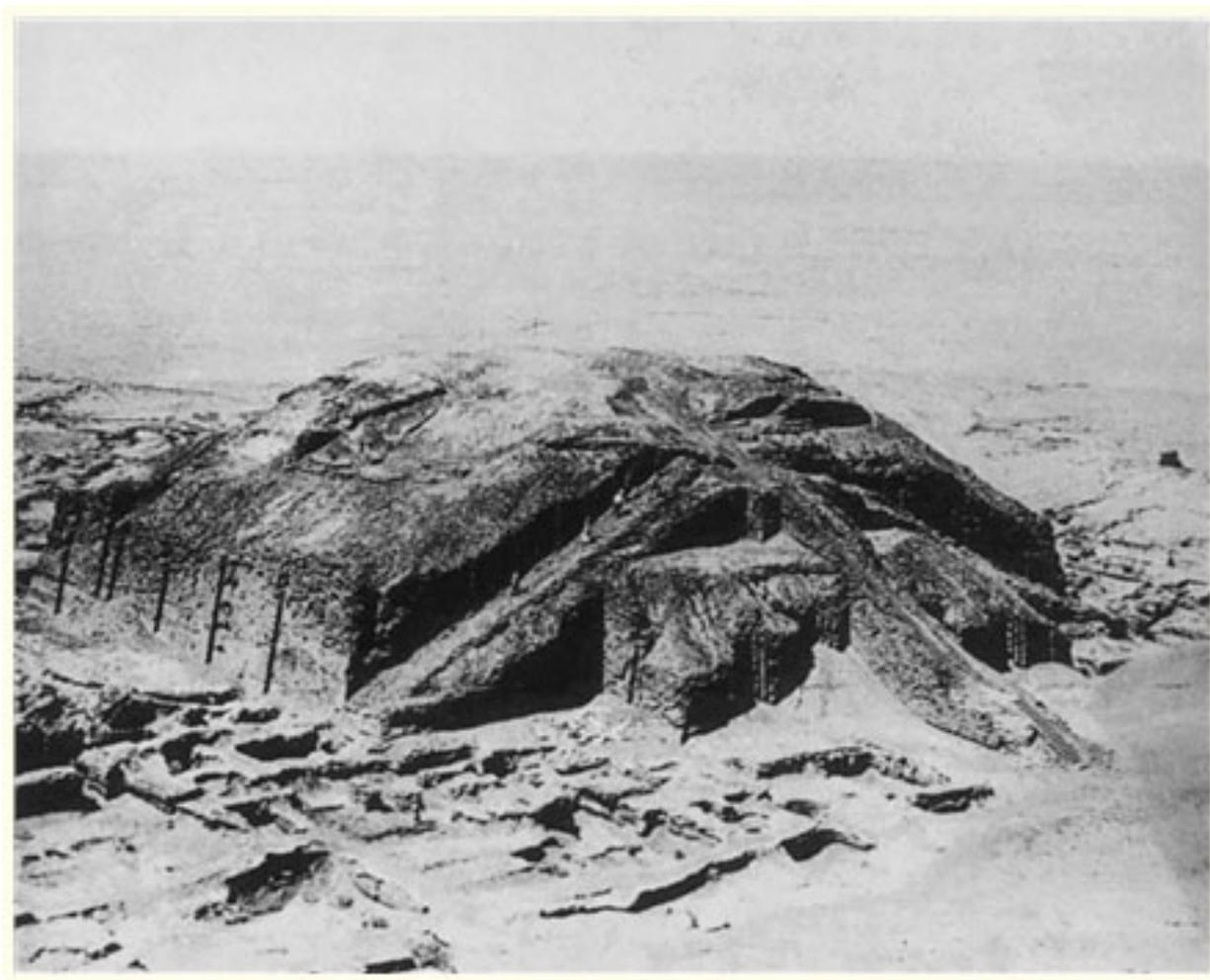
2. Макс, Филип и Сэсил Маллован в Энгельберте, Швейцария. 1921 год.

3. Макс в возрасте 26 лет, в то время начальник раскопок в Арпачии. 1930 год.

4. Макс в галерее экспедиционного дома в Уре, 1926 год.

5. Зиккурат в Уре, сложенный из обожжённого кирпича. Виден северо-восточный фасад постройки с тройной лестницей. Построен Ур-намму около 2100 года до н. э.

6. Члены урской экспедиции в 1926 году.
Задний ряд, слева направо: Макс, Хамуди, Леонард Вулли, Кэтрин Вулли и отец Барроус (эпиграфист).

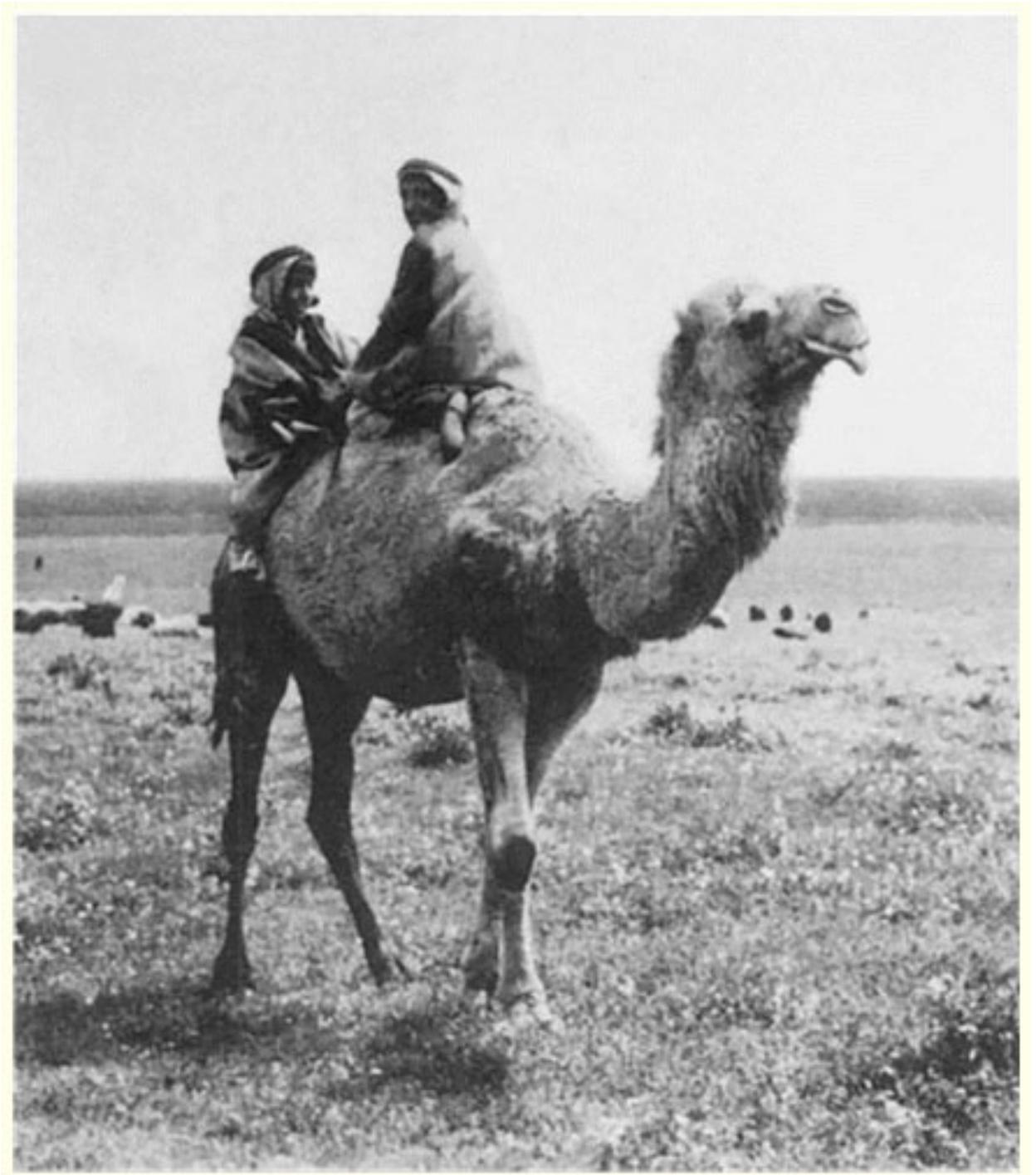
7. Макс, Агата и Леонард Вулли в Аль-Мине.

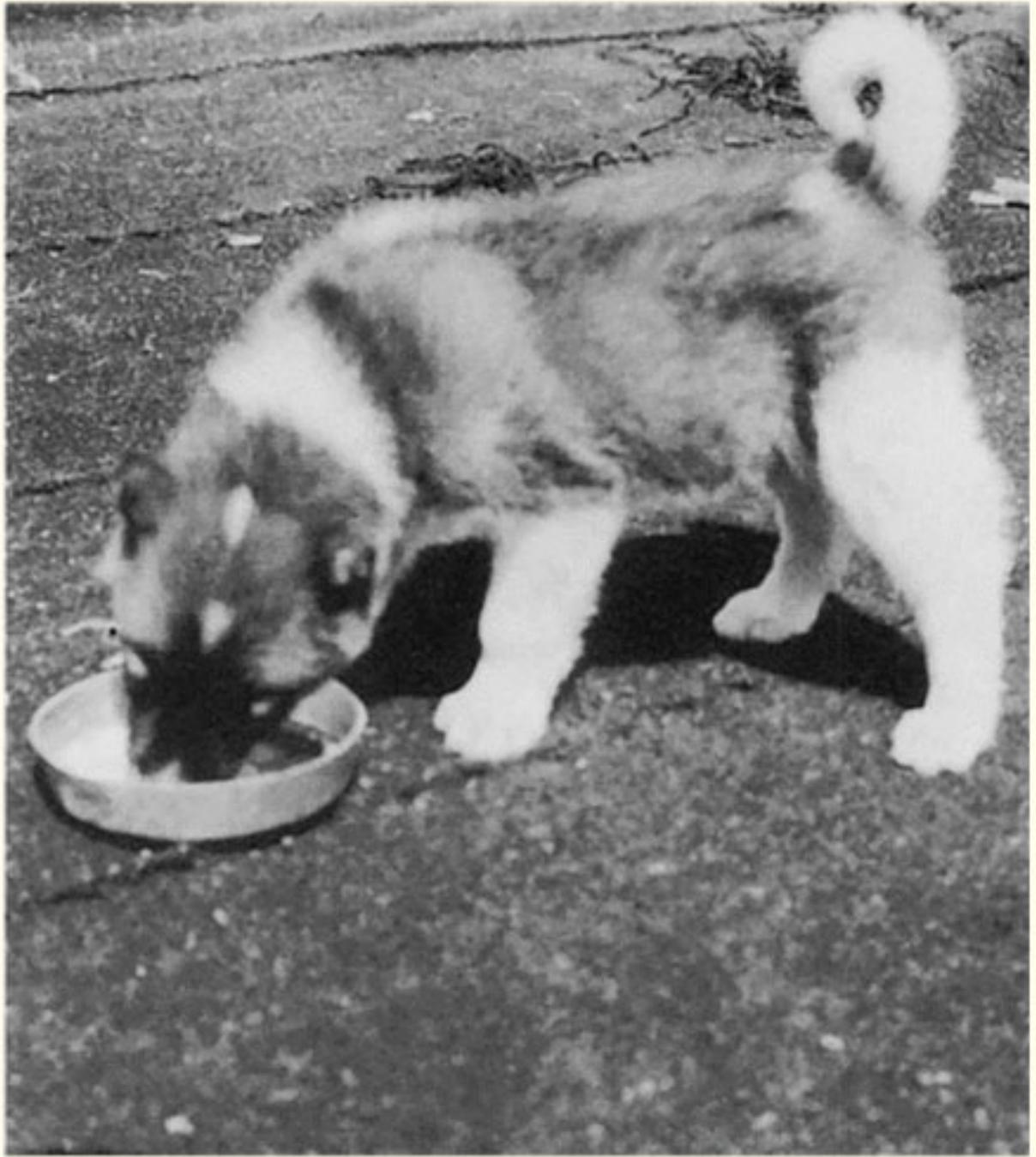
8. Дом номер 4 по Патерностер-роу (для удобства археологи давали откопанным переулкам названия лондонских улиц. — *Прим, пер.*) в Уре, северо-западный конец молельни.

9. Кэтрин Вулли, Хамуди и Макс в галерее экспедиционного дома в Уре, 1926 год.

10. Пейзаж в Браке.

11. Хийю, питомец экспедиции в Шагар-Базаре и Браке.

12. Агата на берегу Джагджага, 1935 год.

13. Гертруда Белл и Лайонел Смит в Эриду, 1926 год.

14. Макс и рабочие в Браке, около 1935 года.

15. «Королева Мэри», экспедиционный грузовик, на пароме в Ракке.

16. Водитель Мишель, полковник Берн и Макс в Шагар-Базаре.

17. Агата и Макс на парапете в Гринвее. Вид на реку Дарт.

18. Усадьба Гринвей.

19. Свадебная фотография Агаты Кристи, 1930 год.

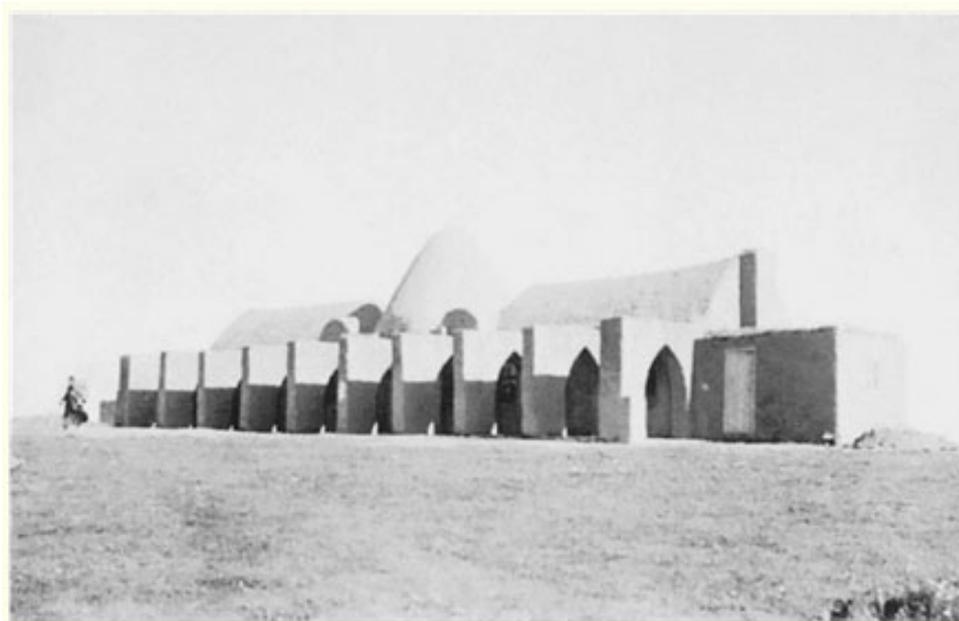
20. Сэр Уильям Коллинз наблюдает за тем, как Агата разрезает именинный пирог на праздновании своего семидесятипятилетия.

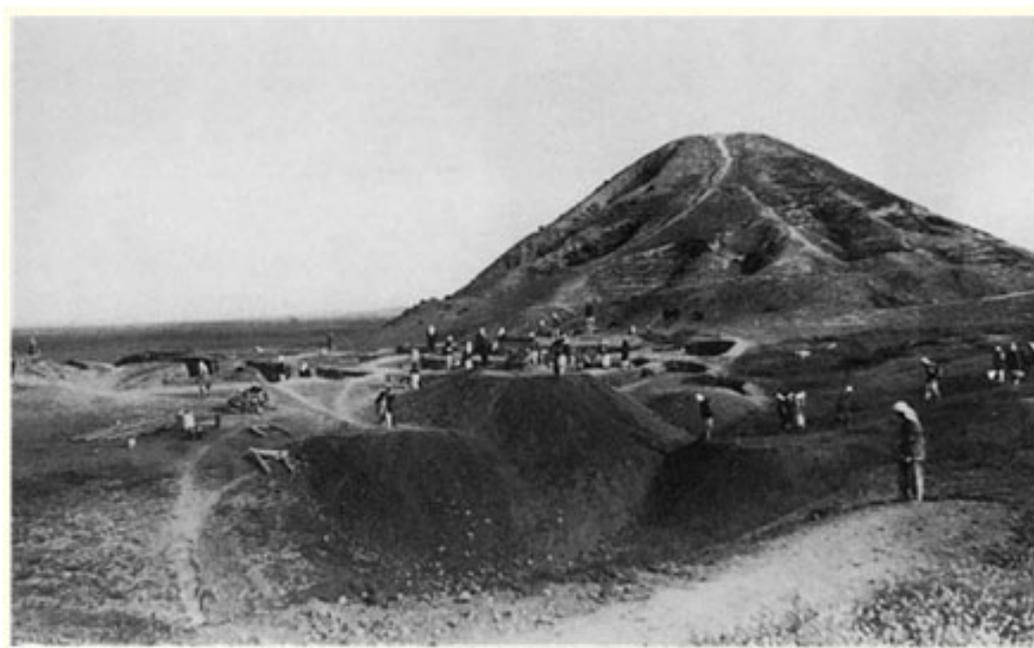
21. Агата и Макс, 1970 год.

22. Агату представляют Её Величеству королеве на премьере фильма «Убийство в Восточном экспрессе», 1974 год.

23. Экспедиционный дом в Шагар-Базаре.

24. Разрушенный зиккурат в Нимруде, имеющий 43 метра в высоту, виден с расстояния в несколько миль. Основанный царём Ашшурнаирпалом II и достроенный его сыном, Салманасаром III (859–824 годы до н. э.), он был посвящён Нин-урте, богу войны и охоты, покровителю города. Изначально на многоярусную башню можно было подняться по лестнице, но теперь сохранилась только основа из сырцового кирпича, а с северной стороны — фасад, украшенный пилястрами, сложенный из обожжённого кирпича и обтёсанного известняка. Здание служило наблюдательным пунктом, в том числе, несомненно, использовалось для астрономических наблюдений и было тесно связано с храмом Нин-урты, расположенным у его основания.

25. Ажурная панель из слоновой кости, изображающая «даму у окна». 8,1 × 6,9 см.

26. Хризозефантинная панель, изображающая, как львица убивает негра в зарослях лотоса и папируса, украшенная сердоликом и лазуритом и покрытая золотом. Высота 10,5 см, ширина 6–9,8 см. Толщина 1–2,8 см. Одна из пары.

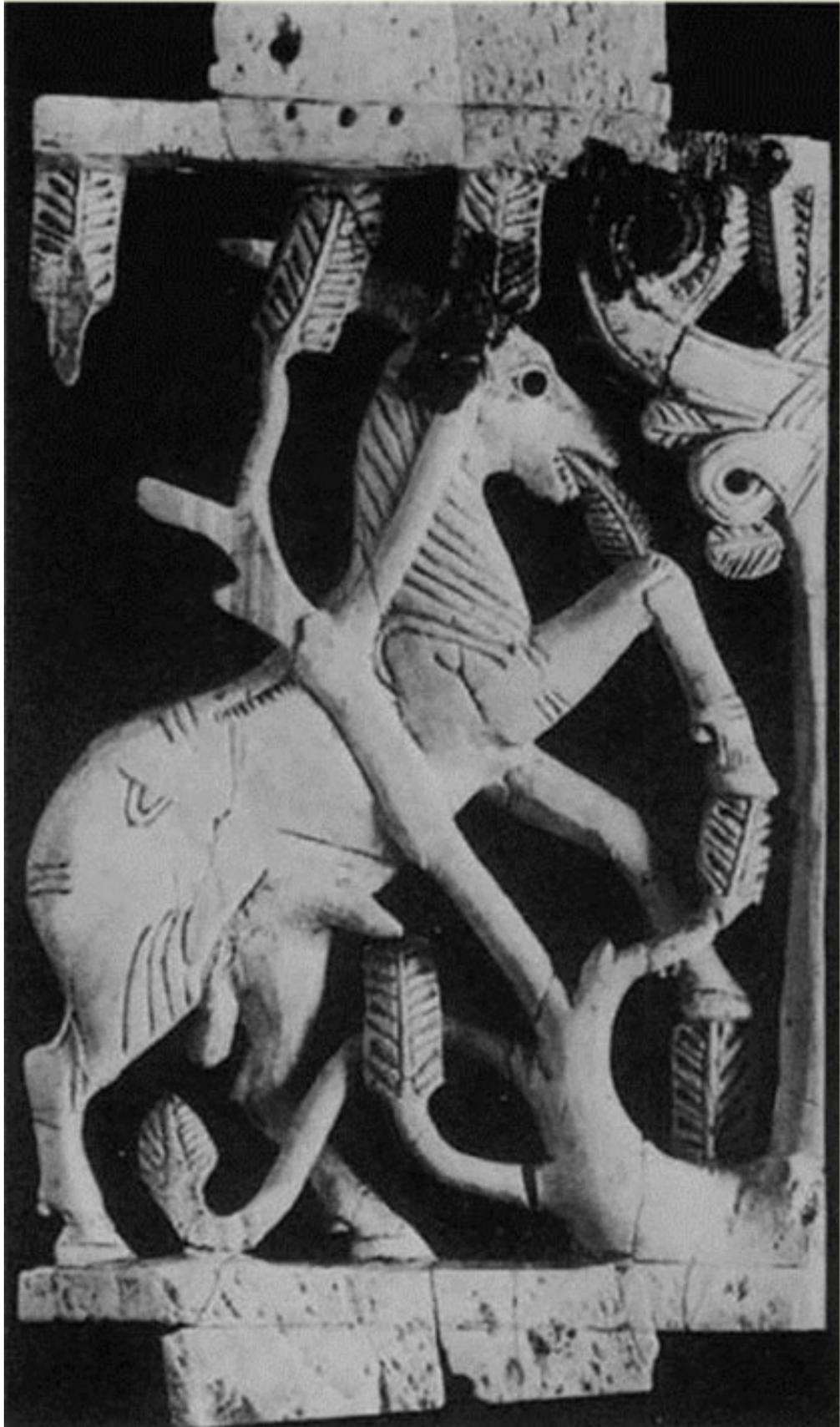
27. Ажурная панель из слоновой кости, 9,4 × 5 см. Корова и телёнок. Элемент отделки мебели. 9,4 × 5 см.

28. Голова из слоновой кости, известная как «нимрудская Мона Лиза». Найдена в толще ила под водой на дне колодца в покое NN Северо-западного дворца в Нимруде. Голова вырезана из продолговатого куска крупного слоновьего бивня. Тёмные локоны волос выгодно оттеняют лицо. Корона и основание изначально были украшены гвоздями из слоновой кости. Нос был восстановлен Сайидом Акрамом Шукри. Это вторая по величине (высота — 16 см) из сохранившихся древних голов из слоновой кости. Вероятно, была сделана по приказу Саргона II.

29. Объёмная фигурка из слоновой кости. Нубиец (?), ведущий сернобыка, с обезьянкой (*cercopithecus*) на левом плече и шкурой леопарда на правом. Он одет в разделённую пополам юбку с орнаментом, стянутую поясом и украшенную двумя кобрами. Кулон на шее и браслет изначально были инкрустированы. Недостающие фрагменты ног выполнены из воска. Высота 13,4 см.

30. Ажурная панель из слоновой кости, изображающая пасущегося сернобыка. 14,6 × 8 см.

31. Ажурная панель из слоновой кости, 19 × 15 см, в полукруглой рамке толщиной в 14 мм. Сфинкс в псевдоегипетском стиле, одетый в головной убор фараона, корону с орнаментом в виде папируса, финикийский фартук со свисающей коброй и солнечный диск. Глаза и брови были изначально украшены инкрустацией.

В какой атмосфере создавались романы Агаты Кристи? Что стояло за появлением таких всемирно известных романов, как **«Убийство в Месопотамии»**, **«Смерть на Ниле»** и многих других?

МАКС МАЛЛОВАН

Археолог с мировым именем и второй муж Агаты Кристи в своих мемуарах показывает неизвестную сторону жизни «королевы детективного жанра». Брак длиной в полвека навсегда изменил жизнь и творчество Кристи, привнес в них «археологические» сюжеты и мотивы.

ISBN 978-5-04-100204-6

9 785041 002046 >

Мемуары археолога Макса Маллована приглашают вас в захватывающее путешествие по древним цивилизациям Месопотамии, Египта, Ассирии и Вавилона. В довоенные годы Агата Кристи сопровождала Маллована во все экспедиции в Египет и на Ближний Восток, где фотографировала, документировала и обрабатывала находки — и, конечно же, писала новые книги.

Подробные описания археологических экспедиций и найденных сокровищ, быт и нравы народов Востока, истории великих династий прошлого станут интересным чтением не только для поклонников Агаты Кристи, но и для всех любителей интеллектуального чтения.